

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- Горлова И.И., Зорин А.Л. Формирование и укрепление общероссийской идентичности и гражданского единства как приоритетные направления современной государственной политики Российской Федерации 5
- Горшунов Ю.В. Эвфемизмы социально осуждаемых и наказуемых пороков в рифмованном сленге 10
- Люблинский В.В., Михайленок О.М. Развитие сетевого общества и цифровых технологий в зеркале социальной политики (международный опыт и Россия) 15

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Комбаев А.В., Жамбалова Ю.В. Правосознание жителей Республики Бурятия в зеркале социологических исследований 23
- Крутько Е.А., Доманская Е.В., Увайдова М.М. Воздействие видеоигр на распространение идей экстремизма среди молодежи 27
- Логачева Л.Р., Закирова А.Б., Миняздинова Р.М. Ранняя профилактика семейного неблагополучия: теоретические и практические аспекты 31
- Логонова И.А. Отношение студентов юридических факультетов к службе в органах МВД России 35
- Плетнев А.В., Конанчук С.В. Символическое потребление как фактор изменения социально-стратификационной структуры общества в условиях виртуализации 39
- Ревенко Н.В., Сережко Т.А., Кашук М.А. Исследование убеждений и установок городского населения относительно здорового образа жизни 43
- Асташев Р.В., Швандерова А.Р. О необходимости применения ситуационного подхода в управлении структурами государственной власти (на примере суда общей юрисдикции) 46

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Антрушина К.Т. Франсиско де Гойя и его влияние на творчество Пабло Пикассо 50
- Рахимова М.В. Феномен театральности в обрядах перехода на примере инициации и «тайных братств» 54
- Яковко Т.В. Применение инструментов креативной педагогики при формировании гражданской идентичности молодежи 60

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

- Гусейнов Ф.И. Габриэль Марсель: обладание и бытие 64

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Мионов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Мионова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИПИ РАН (Москва); **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Криволюков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 28.02.2023 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Дьяконова Т.И.</i> Эволюция понятия «цивилизация»: философский анализ	70
<i>Раджабов О.Р., Гусейханов М.К., Магомедова У.Г.-Г.</i> К вопросу о роли философии в естествознании.....	74
<i>Чернышева Е.Н., Борисенко В.И.</i> «Власть» в английской и русской языковых картинах мира.....	77
<i>Шагин А.А.</i> Идеальная форма познания	81

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Болмусов П.А.</i> Взаимодействие духовных традиций протестантизма и православия в России: переосмысление морального аспекта философии Д. Бонхеффера.....	87
---	----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Потапов Д.В.</i> Признаки устойчивости современного политического режима в России	92
<i>Уткина М.Ф.</i> Политические партии Великобритании как институт электорального рекрутирования и продвижения правящих элит.....	97

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Данилов А.В., Данилова Е.В., Данилов В.В.</i> Институционализация экономического развития Кипра 1974–1987 гг.: политические аспекты	102
<i>Манукян А.Р.</i> Экспорт образования как фактор экономического роста страны	106
<i>Морозова Д.С.</i> Идеологический фактор в международных отношениях и мировой политике	111
<i>Хадыров Р.Ю.</i> Эволюция и деинституционализация политического ислама в Таджикистане.....	115

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Иванова Г.П., Ширкова Н.Н., Марченко А.А.</i> Творческая одаренность младших школьников и особенности ее развития	121
<i>Иванова Т.В., Афанасьев М.Ю.</i> Роль конфессиональных факторов в социальной истории становления немецкого языка.....	126

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

- Gorlova I.I., Zorin A.L.* Formation and strengthening of the all-Russian identity and civic unity as priority directions of the actual state policy of the Russian Federation..... 5
- Gorshunov Y.V.* Euphemisms of socially censured and punishable vices in rhyming slang..... 10
- Lyublinsky V.V., Mikhaylenok O.M.* The development of network society and digital technologies in the mirror of social policy (international experience and Russia) 15

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

- Kombaev A.V., Zhambalova Ju.V.* The legal consciousness of the inhabitants of the Republic of Buryatia in the mirror of sociological research 23
- Krutko E.A., Domanskaya E.V., Uvaidova M.M.* The impact of video games on the spread of extremism among youth 27
- Logacheva L.R., Zakirova A.B., Minyaztdinova R.M.* Early prevention of family problems: theoretical and practical aspects 31
- Loginova I.A.* The attitude of students of law faculties to service in the bodies of the Ministry of Internal Affairs..... 35
- Pletnev A.V., Konanchuk S.V.* Symbolic consumption as a factor in changing the socio-stratification structure of society in the context of virtualization 39
- Revenko N.V., Serezhko T.A., Kashchuk M.A.* Research of beliefs and attitudes of the urban population regarding a healthy lifestyle 43
- Astashev R.V., Shvanderova A.R.* On the need to apply a situational approach in the management of public authorities (on the example of a court of general jurisdiction) 46

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY

- Antrushina K.T.* Francisco de Goya and his influence on the work of Pablo Picasso 50
- Rakhimova M.V.* The Phenomenon of Theatricality in the rites of passage on the example of Initiation and «Secret fraternities» 54
- Yakovko T.V.* Application of the tools of creative pedagogy in the formation of civil identity of youth 60

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

- Guseynov F.I.* Gabriel Marcel: Having and Being..... 64
- Dyakonova T.I.* The evolution of the concept of «civilization»: philosophical analysis..... 70
- Radjabov O.R., Huseykanov M.K., Magomedova U.H.-H.* On the question of the role of philosophy in natural science..... 74
- Chernysheva E.N., Borisenko V.I.* «Power» in English and Russian language pictures of the world 77
- Shagin A.A.* The form of cognition of the idea 81

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

- Bolmusov P.A.* The interaction of the spiritual traditions of protestantism and orthodoxy in Russia: rethinking the moral aspect of the philosophy of D. Bonhoeffer..... 87

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mikhailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), proroctor of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yury Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 28.02.2023. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ: "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Potapov D.V. Signs of stability of the modern political regime in Russia 92

Utkina M.F. Political parties in Great Britain as an institution of electoral recruitment and promotion of the ruling elites 97

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Danilov A.V., Danilova E.V., Danilov V.V. Institutionalization of the economic development of Cyprus 1974–1987: political aspects 102

Manukyan A.R. Export of education as a factor of the country's economic growth 106

Morozova D.S. Role of ideology in international relations and world politics 111

Khadyrov R.Y. Evolution and deinstitutionalization of political Islam in Tajikistan 115

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

Ivanova G.P., Shirkova N.N., Marchenko A.A. The development of primary school pupils' creative abilities 121

Ivanova T.V., Afanasev M.Y. Confessional Factors in Social History of the German language 126

Формирование и укрепление общероссийской идентичности и гражданского единства как приоритетные направления современной государственной политики Российской Федерации

Горлова Ирина Ивановна,

доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева
E-mail: ii.gorlova@gmail.com

Зорин Александр Львович,

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева
E-mail: azor115@rambler.ru

В статье проанализированы опубликованные за последние десять лет Указы Президента РФ и Государственные программы, касающиеся формирования общероссийской идентичности и укрепления гражданского единства народов, населяющих Россию. В ходе исследования установлено тесное переплетение между ростом гражданского самосознания и усилением монолитности российского общества. Представлена авторская интерпретация понятия «гражданское общество», исходящая не из свойственного либеральным доктринам жесткого противопоставления общества государству, а из возможности их совместного плодотворного сотрудничества ради обретения политического и культурного суверенитета России. В заключении сделан вывод о том, что понятия «традиционные духовно-нравственные ценности», «общероссийская гражданская идентичность» и «гражданское единство» образуют своеобразную триаду, центральным звеном (или фокусом) которой является гражданская идентичность, поскольку именно она формирует социально ответственную личность как субъекта исторического действия, способного посредством интериоризации духовно-нравственных ценностей реализовать действительное гражданское единство российской политической нации.

Ключевые слова Общероссийская гражданская идентичность, гражданское единство, национальные духовно-нравственные ценности, культурный суверенитет, гражданское общество.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственно-го задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва» по теме: «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности», № ГР 121021500263–9.

Введение

Распад СССР в начале 90-х гг. прошлого столетия повлек за собой серьезные геополитические последствия, проявившиеся в коренном сломе всего мироустройства, созданного после окончания Второй мировой войны. Западными элитами он был воспринят как победа в холодной войне и возможность осуществления экспансии сначала на территории стран-участниц Варшавского договора, а затем и бывших республик, входивших в состав Советского Союза. Прикрываясь внешне привлекательным лозунгом «Европа от Лиссабона до Владивостока», западные спецслужбы вели непрерывную подрывную деятельность на территориях, прежде входивших в сферу влияния России, стремясь оторвать их экономически и ментально от последней. Возрождение национализма, замешанного на нацистской идеологии, притеснение русскоговорящего населения, запрет пользоваться родным языком в сфере делового общения и прямое физическое уничтожение жителей Донбасса на Украине, в конечном счете, стали причиной начала Специальной военной операции, проводимой российскими войсками в целях их спасения от геноцида со стороны Киевского режима. Но ведение военных действий потребовало консолидации российского общества и единения всего многонационального народа России перед лицом внешних угроз, исходящих от США и их европейских сателлитов. Вот почему идея общероссийской гражданской идентичности и, как следствие, единства российской нации вновь в последнее время обрела небывалую актуальность и потребовала новых форм и методов, используемых в повседневной практической работе в этом направлении. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить, какие основополагающие государственные документы, касающиеся формирования общероссийской идентичности и укрепления гражданского единства, были приняты российской центральной властью за последние десять лет; определить, в каких направлениях шла корректировка политического курса страны по этому вопросу и какие новые понятия были введены в научный лексикон для усиления противодействия экспансии Запада в социокультурной и духовно-нравственной сфере жизни россиян; и, наконец, установить, в каком соотношении друг с другом находятся понятия «традиционные духовно-нравственные ценности», «общероссийская гражданская идентичность» и «гражданское единство»..

Основная часть

Проблема внутреннего единства Советского Союза стала остро ощущаться уже со второй половины 80-х гг. прошлого века, когда национальные элиты входивших в его состав республик, стали требовать сначала культурного,

а потом и политического суверенитета. После распада СССР уже сами тогдашние российские руководители высшего ранга в значительной степени способствовали ее гальванизации в рамках Российской Федерации. Так первый президент России Б.Н. Ельцин неоднократно высказывал в своих статьях мысль о разделении России на семь относительно независимых региональных образований. Однако эта затея вызвала негативную реакцию со стороны большинства населения страны. Тем не менее, данную идею продолжал муссировать губернатор Свердловской области Э.Э. Россель, выступая за создание так называемой «Уральской республики». Подобные мысли витали в головах некоторых руководителей Татарстана, Башкортостана и Республики Саха (Якутия), а также ряда республик Северного Кавказа. И только после прихода к руководству страной В.В. Путина региональный сепаратизм был обуздан, хотя многие проблемы, породившие его, оставались нерешенными.

Дать их систематическое и комплексное решение была призвана Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. N 718 [8]. В ней прежде всего было зафиксировано текущее состояние дел, характеризующееся заменой «единой советской идентичности различными, часто конкурирующими формами региональной, этнической и религиозной идентичности» [8], что повлекло за собой опасность дезинтеграции общества, межэтническую нетерпимость, сопровождающуюся порой открытыми проявлениями сепаратизма и терроризма. В качестве цели Программы было обозначено «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)» [8], понимаемой не в этническом, а политическом смысле. Пути укрепления единства должны были стать рост этнокультурного потенциала народов, населяющих Россию, их интеграция в гражданское общество посредством межэтнического и межрелигиозного сотрудничества. Согласно Программе, а точнее ее целевым индикаторам, к концу 2020 г. доля граждан, которые бы положительно оценивали состояние межнациональных отношений, должна была составить 65%, а уровень толерантного отношения к представителям других национальностей соответственно – 85%.

Однако мониторинг состояния дел по этому вопросу в Северо-Кавказском федеральном округе, проведенный сотрудниками Южного филиала НИИ культурного и природного наследия, показал, что указанные показатели в ряде республик не были достигнуты. Отчасти, конечно, здесь сыграли свою роль объективные обстоятельства, и в частности пандемия Covid-19. Но наблюдались и откровенные недоработки со стороны местных администраций, которые не придавали должного внимания работе в этом направлении. Это – и отсутствие соответствующих программ, и недостаток финансирования. Свою лепту в необходимость корректировки программы по укреплению гражданского единства внесли СВО и активное участие в конфликте стран Запада на стороне Украины. Более того, важно отметить, что именно Запад долгое время подстрекал националистическое правительство Украины созданию и обострению конфликтной ситуации. Курс на разрыв экономических, политических и культурных связей Евросоюза и США с Россией сопровождался со стороны последней корректировкой своих ценностных установок посредством отказа принять так называемые «западные ценности», ставящие во главу угла однополые браки, смену пола, всяческое выпячивание и поощрение деятельности сексуальных меньшинств, открытое издевательство над религиоз-

ными взглядами и чувствами верующих, являющихся приверженцами традиционных конфессий, а также забвение исторической памяти и непрекращающиеся попытки переписать историю Второй мировой войны, в которой Советский Союз сыграл решающую роль в победе над германским фашизмом.

Поэтому далеко не случайным является издание Президентом РФ Указа № 809 от 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [6]. Две его основные задачи – «укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности, межнационального и межрелигиозного согласия на основе объединяющей роли традиционных ценностей», а также «сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории» [6]. В пункте № 4 Основ дано развернутое определение понятия «традиционные ценности», которые предстают как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [6]. Далее указывается, что к традиционным ценностям следует относить жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России. Подчеркивается, что особую роль в становлении и укреплении традиционных ценностей в нашей стране сыграло и продолжает играть православие; хотя и другие религии, среди которых ислам, буддизм, иудаизм, будучи неотъемлемой составляющей российского духовного наследия, также оказывают на этот процесс существенное влияние.

Вопрос о единстве российской нации, вступившей не только в идеологическое, экономическое, культурное, но и военное противоборство с Западом, является сейчас настолько актуальным, что Президент РФ вновь обратил на него внимание, издав Указ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. N 808» [7], в котором проблемам «государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны, укрепления общероссийской гражданской идентичности, единства и сплоченности российского общества» [7] отводится первостепенное место. Как и в прежних документах федерального уровня здесь отмечается, что «основой общероссийской гражданской идентичности является исторически сложившаяся система российских духовно-нравственных ценностей, объединяющая самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации» [7]. Однако в то же время делается акцент на объединяющую роль этих ценностей в процессе их влияния на самобытные культуры народов, населяющих Россию. Утверждение приоритета культуры обосновывается также тем, что конечной целью культурной политики Российского государства является формирование социально ответственной, самостоятельно мыслящей нравственной личности, черпающей живительные

силы своего развития из тысячелетнего культурного наследия, оставленного нам предыдущими поколениями.

В связи с негативным влиянием на российское общество, и особенно, молодое поколение, западной массовой культуры, пропитанной культом денег и бездуховностью, и ее стереотипов, а также необходимостью противостоять им, вводится в научный оборот понятие культурного суверенитета, под которым подразумевается «совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [7].

Можно найти в тексте и определение гражданского общества, которое есть не что иное, как «совокупность граждан, принимающих активное участие в общественной жизни, и неформальных гражданских объединений, а также самостоятельных и организационно независимых от государства добровольных объединений...» [7]. Формально здесь как бы все правильно, но, с другой стороны, очень абстрактно и неопределенно. Дело в том, что активное участие в общественной жизни само по себе не является однозначно положительным моментом, ибо и небезызвестный А. Навальный вместе со своими приспешниками активно участвовал в деструктивной деятельности по развалу российского социума и подчинению его жизни западным идеологемам. Быть организационно и финансово независимыми от государства, возможно, и хорошо, но должен быть задан вопрос: кто и с какой целью создает и финансирует данные организации? Опыт показывает, что деятельность многих НКО в России финансировалась и финансируется западными правительствами и спецслужбами и отнюдь не с целью благотворительности и желания улучшить жизнь российских граждан, а для ведения подрывной деятельности под благовидным предлогом. Особый вред эта деятельность нанесла в сфере воспитания и образования. Удивительно, что документ, в котором до этого почти в каждом абзаце фигурировали слова «российские духовно-нравственные ценности», «общероссийская гражданская идентичность», «формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей», в вопросах деятельности гражданского общества полностью от этих понятий абстрагируется. Во всяком случае это четко не озвучено. Указанное определение вполне укладывается в рамки западной либеральной традиции, согласно которой гражданское общество определяют «не как совокупность конкретных характеристик общества в целом, а как сферу общественной жизни, свободную от государственного административно-властного вмешательства» [4, с. 28]. Согласно либеральным доктринам, единение людей в гражданском обществе совершается главным образом в целях защиты своих собственных интересов от государства как политического института. Это – излюбленный конек англо-саксонской мысли, начиная с Дж. Локка. Хотя на Западе гражданское единение в обществе основывается на ценностно-нормативном плюрализме, все же есть основополагающие ценности, которые лежат в его основе, невзирая на культурные различия стран и народов. Это – персональная свобода, приоритет прав личности, толерантность и, конечно же, базовое материальное благосостояние. России же свойственна другая иерархия ценностей, которую великолепно подметил Ф.М. Достоевский в полемике с либеральным мыслителем А.Д. Градов-

ским. «Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, – вопрошал великий русский писатель, – если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной? <...> Попробуйте-ка соединить людей в гражданское общество с одной только целью “спасти животишки”? Ничего не получите, кроме нравственной формулы: “Chacun pour soi et Dieu pour tous”» [2, с. 470].

Учитывая национальные традиции народов, населяющих нашу страну, сотрудники Южного филиала Российского НИИ культурного и природного наследия предложили свою трактовку понятия «гражданское общество», в которой акцент с изначального противопоставления государства и общественных объединений граждан смещается в сторону их взаимодействия и сотрудничества в результате всестороннего «вовлечения институтов гражданского общества (НКО, волонтеры, активисты) в совместную работу с федеральными, региональными, республиканскими, муниципальными органами власти и учреждениями» [5, с. 8]. Другой важной особенностью позиции краснодарских ученых является отказ от жесткого противопоставления гражданско-государственной идентичности этнической идентичности. С их точки зрения, «активизация этнокультурных составляющих вовсе не означает активизацию каждой по себе этнической культуры. Она предполагает создание из разного сочетания их активностей единого общеэтнокультурного пространства благодаря их творческому общению между собой и влиянию друг на друга» [5, с. 8].

Итак, на российской почве идея противопоставления государства и гражданского общества не является основополагающей, хотя она активно используется несистемной оппозицией, которая, прикрываясь красивыми лозунгами борьбы за права человека, пытается взять политическую власть в стране в собственные руки. История показывает, что в те периоды, когда российское государство становится слабым и перестает выполнять свою объединительную функцию, страна оказывается на грани выживания, как это было в начале XVII века, во времена «русской смуты», или просто распадается, что произошло в эпоху М.С. Горбачева. Поэтому в России, «действительно, гражданская устойчивость, единение предполагают и державно-государственную однородность и этническое многообразие» [1, с. 22], о котором тоже не следует забывать во избежание возникновения региональных конфликтов. Одним словом, гражданское единение в России имеет собственные неповторимые черты, поскольку оно является собой не «плавильный тигель» (США), не «абсорбирование иных» (Европейский Союз), а политическое гражданское сплочение, на основе российских духовно-нравственных ценностей и культурной самобытности. Говоря о стратегических ориентирах национальной политики Российского государства, В.В. Путин на заседании Совета при Президенте РФ по международным отношениям 30 марта 2021 г. одной из приоритетных задач назвал укрепление гражданского единства россиян и особо отметил, что «для огромной многонациональной России принципиальное, решающее, можно сказать, значение имеют солидарность людей, чувство сопричастности к судьбе Отечества, ответственности за его настоящее и за будущее – то, что принято называть общероссийской идентичностью, гражданским самосознанием» [3]. В этом высказывании Президента РФ укрепление гражданского единства в стране напрямую увязывается с формированием общероссийской идентичности. Эта же мысль повторяется в Указе от 25 января 2023 г. № 35, где подчеркивается, что «укрепление единства и сплоченности российского общества» должно осуществляться «на основе общероссийской граждан-

ской идентичности» [7], ориентированной на традиционные российские духовно-нравственные ценности.

Заключение

Подводя итог нашего исследования, следует сделать одно очень важное замечание: если в государственных документах предыдущих лет понятия «традиционные духовно-нравственные ценности», «общероссийская гражданская идентичность», «укрепление гражданского единства» просто перечислялись через запятую, то в последних Указах Президента РФ начала вырисовываться определенная иерархия, или своеобразная триада «духовно-нравственные ценности» – «общероссийская гражданская идентичность» – «гражданское единство». Центральным звеном (фокусом) данной триады становится, на наш взгляд, «общероссийская гражданская идентичность». И в этом есть свой резон, поскольку гражданская идентичность является свойством личности, конкретного человека, субъекта исторического действия. Сами духовно-нравственные ценности, если они не интериоризируются индивидом, не становятся руководящими установками его деятельности, оказываются, говоря современным языком, мертвым капиталом, остающимся невостребованным. Обретение гражданской идентичности означает, что человек из несоциализированного (атомизированного) индивида превращается в сознательную личность, понимающую свою ответственность перед своими согражданами, с которыми он должен объединиться и совместно действовать ради купирования внутренних и внешних угроз и во имя блага и процветания родной страны.

Литература

1. Дементьев Б.П. Теоретические и конкретно-практические аспекты гражданской идентичности россиян // Материалы к Межрегиональной научно-практической конференции-диалогу «Актуальные проблемы укрепления единства российской нации (философско-культурологические, этно-конфессиональные и психолого-педагогические аспекты)». Пермь. 10–11 ноября 2016 г. / отв. ред. М.Г. Писманик; Пермский государственный институт культуры. Пермь, 2016. С. 21–26.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. В 2 т. Т. 2 / коммент. А. Батюто, А. Березкина, В. Ветловской, Е. Кийко, Г. Степановой, В. Туниманова. М.: Книжный Клуб 36.6, 2011. 752 с.
3. Заседание Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям 30 марта 2021 г. // Президент России. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65252> (дата обращения: 29.12.2022).
4. Коваль Е.А. Особенности гражданского единения в «хорошем обществе» // Материалы к Межрегиональной научно-практической конференции-диалогу «Актуальные проблемы укрепления единства российской нации (философско-культурологические, этно-конфессиональные и психолого-педагогические аспекты)». Пермь. 10–11 ноября 2016 г. / отв. ред. М.Г. Писманик; Пермский государственный институт культуры. Пермь, 2016. С. 27–31.
5. Общероссийская гражданская идентичность на Юге России. Анализ мер и предложения по Южному федеральному округу и Северному Кавказу: аналитический доклад. М.: Институт наследия, 2020. 93 с.
6. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных

российских духовно-нравственных ценностей». [Электронный ресурс]: URL: <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-809-ot-9-nojabrja-2022-goda-09-11-2022.html> (дата обращения: 12.01.2023).

7. Указ Президента РФ от 25 января 2023 года № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. N 808». [Электронный ресурс]: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/> (дата обращения: 29.01.2023).
8. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718. [Электронный ресурс]: URL: http://xn——8sbnatxcctbeddbtj9c2e.xn-p1ai/files/doc-files/2015/10/ukreplenie_edinstva_rossiyskoy_nacii_i_etnokulturnoe_razvitie_narodov_rossii_2014_-_2020_gody.pdf (дата обращения: 25.01.2023).

FORMATION AND STRENGTHENING OF THE ALL-RUSSIAN IDENTITY AND CIVIC UNITY AS PRIORITY DIRECTIONS OF THE ACTUAL STATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Gorlova I.I., Zorin A.L.

Southern branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev

The article analyzes the Decrees of the President of the Russian Federation published over the past ten years and State programs concerning the formation of the all-Russian identity and strengthening the civic unity of the peoples inhabiting Russia. The study found a close intertwining between the growth of civic consciousness and the strengthening of the monolithic nature of Russian society. The author's interpretation of the concept of "civil society" is presented, proceeding not from the rigid opposition of society to the state inherent in liberal doctrines, but from the possibility of their joint fruitful cooperation for the sake of gaining political and cultural sovereignty of Russia. In the end of the article it is concluded that the concepts of "traditional spiritual and moral values", "all-Russian civic identity" and "civic unity" form a kind of triad, the central link (or focus) of which is the civic identity, since it forms a socially responsible person as a subject of historical action, capable of realizing the real civic unity of the Russian political nation through the interiorization of spiritual and moral values.

Keywords All-Russian civic identity, civic unity, national spiritual and moral values, cultural sovereignty, civil society.

References

1. Dementiev B.P. Theoretical and concrete-practical aspects of the civic identity of Russians // Materials to the scientific-practical conference-dialog "Actual problems of the strengthening of unity of the Russian nation". Perm, 10–11 November 2016 / resp. red. M.G. Pismanik. Perm: State Institute of Culture, 2016. pp. 21–26.
2. Dostoyevskiy F.M. The writer's diary. In 2 volumes. Vol. 2. / comment. A. Batiuto. Moscow: Knizhnyi Klub 36.6 Publ, 2011. 752 p.
3. Federal Target Program "Strengthening the unity of the Russian nation and the ethno-cultural development of the peoples of Russia (2014–2020)", approved by decree of the government of the Russian Federation from August 202013, N 718. Available at: http://xn——8sbnatxcctbeddbtj9c2e.xn-p1ai/files/doc-files/2015/10/ukreplenie_edinstva_rossiyskoy_nacii_i_etnokulturnoe_razvitie_narodov_rossii_2014_-_2020_gody.pdf [Accessed 25/01/2023].
4. Koval E.A. Features of civic unity in a "good society" // Materials to the scientific-practical conference-dialog "Actual problems of the strengthening of unity of the Russian nation". Perm, 10–11

- November 2016 / resp. red. M.G. Pismanik. Perm: State Institute of Culture, 2016. pp. 27–31.
5. All-Russian civil identity in the South of Russia: Analysis of measures and propositions for South federal region and for North Caucasus. Analytical report. Moscow: Institute of Heritage Publ., 2020. 93 c.
 6. Decree of the President of Russian Federation 9 November 2022 N 809 “On the approval of the Foundations of the state Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian spiritual and moral Values”. Available at: <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-809-ot-9-nojabrja-2022-goda-09-11-2022.html> [Accessed 12/01/2023].
 7. Decree of the President of Russian Federation 25 January 2023 N 35 “On amendments to the Fundamentals of the State Cultural Policy” approved by presidential decree of Russian Federation from December 24 2014 N 808. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/> [Accessed 29/01/2023].
 8. Meeting of the Council under the President of the Russian Federation on Interethnic Relations on March 30, 2021 // President of Russia. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65252> [Accessed 29/12/2022].

Эвфемизмы социально осуждаемых и наказуемых пороков в рифмованном сленге

Горшунув Юрий Владимирович,

д.ф.н., профессор, Башкирский государственный университет
(Бирский филиал)
E-mail: gorshunov_@rambler.ru

Статья нацелена на систематизацию эвфемизмов на тему социально осуждаемых и наказуемых пороков на материале выражений рифмованного сленга в социокультурном аспекте. Заявленная тема освещается на примерах эвфемизмов, отобранных из словарей эвфемизмов, словарей рифмованного сленга, общего сленга. Акцент сделан на рифмы, кодирующие преступность и воровство. Исследование выявило, что наиболее репрезентативна группа рифм, кодирующих концепты «вор» и «воровство». Отмечена тенденция широкого использования ономастических рифм, основанных на использовании имен известных личностей – политиков, актеров, музыкантов, спортсменов, имен персонажей популярных сериалов и др.

Ключевые слова: рифмованный сленг, рифма, эвфемизм, социокультурный аспект.

Введение

Социальные эвфемизмы, касающиеся различных сторон жизни человека внутри общества, его отношений с другими людьми, с обществом и властью, становятся наиболее продуктивными во многих современных языках в силу динамических социально-экономических изменений в современном обществе. Эвфемизмы социальной сферы, отражающие такие социальные проблемы как, например, алкоголизм, наркомания, коррупция, преступность, безработица, бедность, иммиграция, этнические отношения и т.д., неоднократно привлекали наше внимание и нашли отражение в работах [2], [4], [9], [3], [6], [5], [7], [8]. Обсуждению именно таких проблем посвящена работа [4], материал которой основан на эвфемистических обозначениях, представленных выражениями рифмованного сленга (РС). Материал монографии организован по тематическому принципу, что дает возможность читателю получить более полное и связное представление о роли единиц РС в качестве эвфемизмов. Различные аспекты социальных эвфемизмов, касающиеся их типологии, семантических свойств, использования в СМИ и различных дискурсах, тенденций развития затронуты в работах исследователей [10], [11], [14], [18], [1], [17], [12], [13], [15], [16] и др.

Основная часть

в данной статье, написанной на материале рифмованного сленга, рассмотрим в социокультурном аспекте некоторые эвфемизмы социально осуждаемых и наказуемых пороков с акцентом на преступности и воровстве. По понятным причинам обсуждение темы социально осуждаемых и наказуемых пороков (преступность, воровство, порнография, проституция и др.) сопряжено с неловкими моментами и неудобными ситуациями, обходить которые помогают эвфемизм. Отбирая эвфемизмы для включения в данную работу, мы руководствовались определением эвфемизма, предложенным в «Словаре трудностей английского языка» Сидни Гринбаума и Джанет Уиткат [25].

Заявленная тема освещается на примерах эвфемизмов, отобранных из словарей эвфемизмов [26], [28], общего сленга [19], [24], рифмованного сленга [20], [22], [23], [29], словарей культуры [27] и др. источников [21].

Прежде всего коснемся рифм, имеющих отношение к преступности и характеризующих преступников, воров, мошенников и под. Преступность, определяемая в юридической литературе как исторически изменчивое социальное и уголовно-правовое негативное явление, представляющее собой систему преступлений, совершённых на определённой территории в тот или иной период времени, причиняет вред обществу, нарушает его нормальное функционирование, несет высокую опасность для окружающих нарушителя людей и потому преследуется по закону.

Обычно в фокус внимания СМИ попадают насильственные преступления (убийства, изнасилования, бандитизм, терроризм), преступления без жертв (торговля наркотиками, проституция) и так называемая «беловоротничковая преступность», под которой понимают ко-

рыстные преступления богатых, состоятельных людей (неуплата налогов, нелегальные торговые сделки, махинации с ценными бумагами и земельной собственностью, растраты, изготовление и продажа опасных для жизни продуктов, загрязнение окружающей среды).

до XVIII века основными формами наказаний за преступления в европейских странах были телесные наказания (колодки, порка, клеймение раскаленным железом) или часто крайне изуверская публичная казнь. Со временем им на смену пришел такой способ наказания как лишение свободы, считающийся одним из наиболее эффективных средств борьбы с криминальными действиями.

Тема преступности, муссируемая в печатных СМИ и привлекающая жадное внимание обывателя, становится болезненной, как только она затрагивает кого-либо лично, и тогда она вербализуется почти исключительно с помощью эвфемизмов. Мы не хотим огласки того, что кто-то из близких попал в тюрьму, потому что занимался неблагоприятной или антигуманной деятельностью, совершил преступление. информация о судимости или о пребывании в тюрьме, как правило, скрывается от соседей и знакомых, а если приходится ею делиться, то обычно прибегают к многочисленным «камуфлирующим» наименованиям, скрывающим смысл негативных явлений, иногда с элементами словесной шутки, игры.

Для разного рода мошенников, злодеев и преступников (crooks, villains, criminals) есть обобщающее сленговое обозначение – (the) **boys** (букв. «мальчики», «ребята»), для которого еще в 30-е годы XX века появилась рифма **San Toys = boys**, в основе которой, скорее всего, лежит фирменное название небольшой сигары. [24, с. 1029] Еще одна рифма для слова **boy** в сленговом значении «человек, способный выжить в жестких условиях большого города», «член шайки», «бандит» (a thug, a street-wise young man) – **Tonka toy = boy**, эксплуатирует фирменное название игрушек американской компании **Tonka**, которая производит игрушечные автомобили и строительное оборудование.

Слово **villain** рифмуется с именем Боба Дилана, лауреата Нобелевской премии по литературе 2016 года, культовой фигуры в рок-музыке на протяжении пяти десятилетий, многие песни которого стали гимнами движения за гражданские права и антивоенного движения в США: **Bobby Dylan = villain** (Right little **Bobby Dylan**).

для обозначения вора (a **thief**) в РС есть флористические и гастрономические рифмы: **autumn leaf** and **tea leaf**, как например, в иллюстративном контексте: “He’s always been a bit of a **tea leaf**”, а также **corned beef = thief**, **hot beef = thief**, **leg of beef = thief**, **salt beef = thief**. В основу некоторых рифм положены имена известных личностей, например, имя видного британского политика-консерватора, предшественника Маргарет Тэтчер на посту лидера партии, премьер-министра Великобритании с 1970 по 1974 г. **Эдварда Ричарда Джорджа Хита** (1916–2005): **Ted Heath = thief** (произн. ‘heef’).

По отношению к ворах применима ономастическая рифма **Jimmy Greaves = thieves**, эксплуатирующая имя известного английского футболиста Джеймса Питера Гривза, который наиболее известен выступлением за английские спортивные клубы «Челси» и «Тоттенхэм Хотспур» а также за национальную сборную Англии. шесть раз в течение его спортивной карьеры Гривза признавали лучшим бомбардиром Первого дивизиона Футбольной лиги, что является рекордным достижением в истории английского футбола.

Занятие воровством можно передать, в зависимости от ситуации, сленговыми словами и выражениями **pinch**, **snitch** (о мелком воровстве) и **crack a crib** (ког-

да речь идет об ограблении дома, to commit burglary, to rob a house), для которых в РС имеются такие рифмы, как **half inching** (**half inch = pinch**) (имеет хождение с 1920-х+), например: “Someone’s **half-inched** me pint!”, **half-hitching** (**half-hitch** новозеландский РС (в ходу с 1970-х+) для **snitch**, т.е. steal) или **eating a fig = crack a crib** (выражение **eat a fig** имело хождение в середине 19 века).

укрыватель похищенного имущества и дилер по сбыту украденного (a dealer in stolen property) известен на воровском жаргоне как **fence**. В австралийском РС **fence** прячется за рифмой **eighteen pence** (в ходу с 1950-х+). Украденные вещи называются **little red ridings** (1950–1960) от **Little Red Riding Hoods = stolen goods**. **Little Red Riding Hood** переводится на русский язык как «Красная шапочка» и отсылает к сказочному персонажу европейской сказки с сюжетом о маленькой девочке, повстречавшей волка. «Красная Шапочка» (фр. *Le Petit Chaperon rouge*; нем. *Rotkäppchen*) была литературно обработана Шарлем Перро, позже была записана братьями Гримм.

За словосочетанием **bottle of fizz** (букв. «бутылка шипучки») скрывается порочное занятие **whiz** – карманная кража.

Одно из обозначений вора-карманника – **fork** (образовано метонимией от **forks** в значении «пальцы» или «руки», the fingers or hands). Для него подобрана ономастическая рифма **Joe Rourke / Joe Rourke = fork**, основанная, по-видимому, на имени американского актера Джо Рорка (1950–2004), сводного брата известного американского киноактера Микки Рорка. Другой кандидатурой можно считать бывшего католического священника Джозефа Рорка (Joseph F. “Joe” O’Rourke; 1938–2008), имя которого попало в американскую прессу в августе 1974 года, когда он осмелился крестить ребенка, несмотря на запрет высших инстанций, за что его и отлучили от сана.

Сленговое слово **crook** (применяется по отношению к бесчестному человеку, особенно жулику или вору) в австралийском РС имеет рифму **babbling brook**, употребляемую чаще в форме **babble**, и две антропонимические рифмы **Joe Hook** и **Joe Rook = crook**, популярность которых приходится на 1930-е.

Из мира музыки пришла рифма **Nelson Riddle = fiddle** в смысле “swindle”, “cheating”, “an illegal or fraudulent transaction or arrangement” (обман, махинация, подделка и под.). Американец Нельсон Риддл (Nelson Smock Riddle, Jr., 1921–1985), имя которого положено в основу рифмы, был тромбонистом, композитором, дирижёром собственного эстрадного оркестра и аранжировщиком музыки для биг-бэндов. Он был наиболее известен по своему многолетнему сотрудничеству с Фрэнком Синатрой.

Музыкальный след отчетлив и в рифме **Elton/Elton John = con** (deception, an act intended to trick or deceive) – афера, мошенничество, надувательство. Рифма построена на имени сэра Элтона Джона (род. 1947), британского рок-певца, композитора и пианиста, удостоенного титула рыцаря-бакалавра, кавалера ордена Британской империи. Он оказал заметное влияние на развитие лёгкого рока. Элтон Джон известен также как общественный деятель, в частности, как организатор кампании по борьбе с эпидемией СПИДа, начатой им в конце 1980-х годов. введённый в Зал славы рок-н-рола в 1994 году, Элтон Джон, до сих пор остаётся одним из самых успешных рок-исполнителей Великобритании.

Для слова **gamble** (азартная игра, спекуляция, авантюра, а также «рискованное дело») имеется ряд рифм, эксплуатирующих имена знаменитостей из мира

музыки, модельного бизнеса и спорта, например, имя американского актёра, певца и гитариста Глена Кэмпбелла, который в течение своей 50-летней музыкальной карьеры становился пятикратным победителем “Grammy”: **Glen Campbell = gamble** (Go on son, take a Glen).

Чередует рифм продолжает рифма, основанная на имени британской супермодели и актрисы афроамериканского происхождения Наоми Кэмпбелл (род. 1970): **Naomi Campbell = gamble** (I wouldn't buy that car – it looks like a bit of a **Naomi Campbell**). работая на подиумах с 15 лет, она стала первой чернокожей девушкой, появившейся на обложках французского и английского изданий журналов Vogue и Time.

Еще одна рифма эксплуатирует имя выдающегося английского футболиста Сальзира Джеремайя Кэмпбелла, более известного как Сол Кэмпбелл: **Sol Campbell = 1) ramble**, walk for pleasure in the countryside; 2) **gamble**, a risky action or decision taken in the hope of gaining money, success, or an advantage over other people. по версии УЕФА, Сол Кэмпбелл входил в состав символической сборной Европы по итогам чемпионата 2000 г. и в состав символической сборной мира по итогам чемпионатов мира 1998, 2002 гг.

Слово **thugs** в значении «головорез» имеет рифму **spiders and bugs**, называющую представителей животного мира, которые нередко вызывают чувство отвращения и страха у детей и женщин, потому что они находят волосатых пауков ужасными и страшными.

Для описания ситуации, когда одни люди грабят других, т.е. отнимают силой или похищают чужое имущество, присваивают чьи-либо средства, злоупотребляя своим положением, властью или чьим-либо доверием, в ход пускается глагол **rob**, для которого в РС коки есть директивная рифма **watch kettle (on the hob)**. Грабёж – **robbing** – рифмуется с **apple bobbing**, как в высказывании: “He’s been out **apple bobbing** again.”

Уголовно наказуемы преступления на сексуальной почве. Для педофила есть рифма **Cousin Kyle = paedophile**, которая отсылает к персонажу из американского сериала **South Park** («Южный Парк»). после сериала «Симпсоны» это второй по длительности анимационный сериал в истории американского телевидения. В основе сюжета приключения четырёх мальчиков и их друзей из маленького городка Саут-Парк в штате Колорадо. Сериал, позиционируемый как мультфильм для взрослых, высмеивает недостатки американской культуры и текущие мировые события; с помощью пародии и черного юмора критикуется множество глубоких убеждений и табу. Что касается Кузена Кайла, имя которого положено в основу рифмы, то этот персонаж страшно скуп, когда дело касается денег. Он представляет собой стереотип еврейского кузена, у которого множеством проблем (слабое здоровье, астма, полная неспособность вести себя нормально и др.).

Значение «совратитель малолетних, извращенец» передается также словами **child molester** и **nonce**, для которых в рифмованном сленге созданы рифмы **charlie/Charlie Chester = child molester** (как в примере: “Have you seen how young ‘is bird is? He’s a right **Charlie Chester**”), **Uncle Fester** и **Uncle Lester** (как в примере: “Keep away he’s a **Fester!**” “He’s a bit of an **Uncle Fester**”) и рифма **Bacon Bonce = nonce**.

Рифма **Charlie Chester** основана на использовании имени британского комедийного актера, артистическая карьера которого продолжалась 65 лет. Чарли Честер (1914–1997) запомнился, в частности, тем что, начав работать на телевидении в 1952 году, он придумал «программу призов и сюрпризов» Pot Luck («Горшок удачи»). Это было первое интерактивное шоу, когда под музыку

зрители передавали друг другу горшок. когда музыка прерывалась, зритель, у которого в руках был горшок, должен был подняться на сцену и принять участие в викторине. самой успешной работой Чарли Честера на телевидении считается заглавная роль типстера Эванса из коки в комедийном сериале **Educated Evans**. Возможно, именно эта роль и спровоцировала создание рифмы.

Рифма **Uncle Fester** отсылает нас к американскому комедийному телесериалу, снятому по комиксам Чарльза Аддамса **The Addams Family** («Семейка Аддамс») в жанре чёрного юмора и отображающего через призму сатиры «идеальную» американскую семью, которая на самом деле странная, inferнально-колдовская семейка. формально семейка не желает другим людям никакого зла, но своим поведением и образом жизни члены сплочённой и любящей семейки вызывают у окружающих ужас и раздражение. В целом ряде историй члены семьи демонстрируют сверхъестественные способности, относящиеся в первую очередь, к их невосприимчивости к боли или различным опасным или смертельным воздействиям. Большинство шуток построены на «ненормальных» и часто шокирующих увлечениях семьи. Что касается Дяди Фестера (Uncle Fester, он же Fester Addams), имя которого легло в основу рифмы **Uncle Fester = child molester**, этот полный лысый мужчина с бледной кожей и запавшими глазами, одетый в подобие монашеской рясы, обожает всевозможные садистские развлечения, игры с динамитом и любит ловить рыбу с помощью взрывчатки, однако все свои идеи Дядя Фестер всегда проверяет на себе самом.

Термин **rape** (изнасилование) рифмуется с **sour grape** тюремным сленгом новозеландского происхождения, а **murder** (убийство) с выражением из РС лондонских коки **iron girder** (букв. стальная или чугунная балка).

Выводы

Таким образом, мы рассмотрели в лингвистическом и социокультурном аспектах ряд выражений рифмованного слега, которые, по сути, являются эвфемизмами социально осуждаемых и наказуемых пороков, т.к. используются в эвфемистической функции.

Из обширного списка социально важных тем (пагубные привычки, пристрастие к алкоголю и/или наркотикам, проституция, порнография, преступления, этнические отношения и др.) мы уделили основное внимание только таким социально осуждаемым (и наказуемым) порокам, как бандитизм, воровство, мошенничество, педофилия.

Исследование выявило, что наиболее репрезентативна группа рифм, кодирующих концепты «вор» и «воровство». Так, со словом “thief” рифмуются выражения **autumn leaf, tea leaf, corned beef, hot beef, leg of beef, salt beef, Ted Heath, Jimmy Grieves**. Занятие воровством отражают рифмы **half inch = pinch, half-hitch, eating a fig = crack a crib, bottle of fizz = whizz**, а хранение и сбыт ворованного – **eighteen pence = fence, little Red Riding Hoods = stolen goods**.

Отмечена тенденция широкого использования ономастических рифм, основанных на использовании имен известных личностей – политиков (**Ted Heath = thief**), актеров (**Joe Rourke = fork; Charlie Chester = child molester**), музыкантов (**Bobby Dylan = villain; Nelson Riddle = fiddle; Glen Campbell = gamble; Elton John = con**), спортсменов (**Jimmy Grieves = thieves, Sol Campbell = gamble**), имен персонажей популярных сериалов и др.

Являясь в большинстве случаев шутливыми и ироничными эвфемизмами, выражения рифмованного сленга возникают в результате совмещения эвфемистической и игровой функций, что позволяет устранить или значительно смягчить чувство неловкости и эмоционального, психологического дискомфорта при обсуждении табуируемых и социально значимых тем. С данными функциями сопряжена функция криптолалическая или конспиративная, так как одна из целей, преследуемых говорящими при употреблении эвфемизмов, заключается в стремлении сообщить нечто адресату таким образом, чтобы это было понятно только ему (действует принцип засекречивания своей деятельности от аутсайдеров). Рифмованный сленг идеально подходит для этого.

Литература

- Баскова, Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков: АКД; Филол. науки: 10.02.19 – теория языка. – Краснодар, 2006. – 16 с.
- Горшунов Ю.В. Прагматика аббревиатуры. – М.: Прометей, 1999. – 219 с.
- Горшунов Ю.В. Венерические болезни в свете эвфемии и дисфемии // Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 30 апреля 2021 г.) / отв. ред. А.С. Самигуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 305–311.
- Горшунов Ю. В., Горшунова Е.Ю. Социальные эвфемизмы в рифмованном сленге: монография. 2-е издание, доработанное. – Бирск: БФ БашГУ, 2017. – 227 с.
- Горшунова Е. Ю., Горшунов Ю.В. Неявные формы этнического и расистского оскорбления в доминантной англоговорящей культуре // Вестник МГИМО-Университета. № 3 (24), 2012. С. 170–176.
- Горшунова Е. Ю., Горшунов Ю.В. Рифмованный сленг как средство маскировки алкогольной и наркотической зависимости // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 1. С. 212–217.
- Горшунова Е. Ю., Горшунов Ю.В. Рифмованный сленг по отношению к южно-азиатскому населению Великобритании // Коммуникация в современном поликультурном мире: этнопсихолингвистический анализ. – Сб. науч.-практ. тр. Вып. 1. /Отв. ред. Т.А. Барановская. М: 2013. С. 279–285.
- Горшунова Е. Ю., Горшунов Ю.В. «Скрытые» формы этнических ярлыков по отношению к европейцам // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 6 (39). С.236–244.
- Горшунова Е. Ю., Горшунов Ю.В. Межкультурная коммуникация, этнические стереотипы и ярлыки англоговорящего сообщества: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2015. – 112 с.
- Гринбаум С., Уиткат Дж. Словарь трудностей английского языка. – М.: Рус. яз., 1990. – 786 с.
- Жеребило Т. В., Жеребило Т.В., Мейриева А.С. классификация эвфемизмов, используемых в современном русском языке // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–5. С. 1107–1110.
- Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пос. к спецкурсу. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. – 80 с.
- Кипрская Е.В. Некоторые проблемы исследования эвфемизмов // Психолингвистические исследования: слово и текст. – Тверь, 2002. – С. 53–58.
- Киселева С.А. Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе: структурно-семантический и прагматический аспекты): АКД; Филол. науки: 10.02.04 /Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2015. – 18 с.
- Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, 1994, № 1–2. С. 28–49.
- Потапова Н. М. эвфемизмы в языке и речи: (На материале англоязычного делового дискурса): АКД; Филол. науки: 10.02.04 / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2008. – 18 с.
- Порохницкая Л. В., Теплякова С.М. Актуальные направления развития теории эвфемии на современном этапе. – URL: <https://ipi1.ru/images/PDF/2017/118/aktualnye-napravleniya.pdf>
- Прядильникова Н.В. Эвфемизмы в российских СМИ начала XXI века: комплексная характеристика: АКД; Филол. науки. Самара, 2007. – URL: <http://www.dissertcat.com/content/evfemizmy-v-rossiiskikh-smi-nachala-xxi-veka-kompleksnaya-kharakteristika>.
- Уварова Е.А. Системная семантика английского эвфемизма. АКД; Филол. науки: 10.02.04. – М., 2012. – 30 с.
- Торн Т. Словарь современного сленга / Thorne T. Dictionary of Modern Slang. – М.: Вече, Персей, 1996. – 592 с.
- Ayto, John. Oxford dictionary of Rhyming Slang. – Oxford University Press, 2003. – 309 p.
- Claiborne, Robert. English. Its Life and Times. – London: Bloomsbury, 1994. – 395 p.
- Franklyn J. A Dictionary of Rhyming Slang. – London: Routledge, 1994. – 202 p.
- Green, Jonathon. The Big Book of Rhyming Slang. – London: Cassel, 2002. – 334 p.
- Green, Jonathon. Cassell's Dictionary of Slang. – London: Cassell, 2003. – 1316 p.
- Holder, R.W. Oxford Dictionary of euphemisms (How not to Say What You Mean: A Dictionary of euphemisms). – Oxford University Press, 2008. – 412 p.
- Longman Dictionary of English Language and Culture. – New Edition. 2nd impression, 1999. – 1568 p.
- Neaman, Judith S. and Silver, Carole G. The Wordsworth Book of Euphemism, 1995. – 409 p.
- Perkins, D.C. Cockney rhyming Slang. – A domino Book, 2004. – 48 p.

EUPHEMISMS OF SOCIALLY CENSURED AND PUNISHABLE VICES IN RHYMING SLANG

Gorshunov Y.V.

Bashkir State University at Birk

The article aims to systematize rhyming slang euphemisms on the topic of socially censured and punishable vices considered in the sociocultural aspect.

The emphasis is on the rhymes encoding crime and theft. The study revealed that the most representative group of rhymes is the one encoding the concepts of “thief” and “theft”. There is a trend of widespread use of onomastic rhymes based on the use of names of famous personalities – politicians, actors, musicians, athletes, names of popular TV series characters, etc.

Keywords: rhyming slang, rhyme, euphemism, sociocultural aspect.

References

- Baskova, Yu.S. Evfemizmy kak sredstvo manipulirovaniya v yazyke SMI: na materiale russkogo i angliyskogo yazykov: AKD; 10.02.19 – teoriya yazyka. – Krasnodar, 2006. – 16 s.
- Gorshunov Yu.V. Pragmatika abbreviatury. – М.: Prometey, 1999. – 219 s.

3. Gorshunov Yu.V. Venericheskiye bolezni v svete evfemii i disfemii // Yazyki v dialoge kul'tur: problemy mnogoyazychiya v polietnicheskom prostranstve: materialy IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (g. Ufa, 30 aprelya 2021 g.) / otv. red. A.S. Samigullina. – Ufa: RITS BashGU, 2021. – C. 305–311.
4. Gorshunov Yu. V., Gorshunova Ye. Yu. Sotsial'nyye evfemizmy v rifmovannom slenge: monografiya. 2-ye izdaniye, dorabotannoye. – Birk: BF BashGU, 2017. – 227 s.
5. Gorshunova Ye. Yu., Gorshunov Yu.V. Neyavnnyye formy etnicheskogo i rasistskogo oskorbleniya v dominantnoy anglogovoryashchey kul'ture // Vestnik MGIMO-Universiteta. № 3 (24), 2012. C. 170–176.
6. Gorshunova Ye. Yu., Gorshunov Yu.V. Rifmovanny sleng kak sredstvo maskirovki alkogol'noy i narkoticheskoy zavisimosti // Vestnik MGIMO Universiteta. 2013. № 1. C. 212–217.
7. Gorshunova Ye. Yu., Gorshunov Yu.V. Rifmovanny sleng po otnosheniyu k yuzhno-aziatskomu naseleniyu Velikobritanii // Kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: etnopsikholingvisticheskiy analiz. – Sb. nauch.-prakt. tr. Vyp. 1. /Otv. red. T.A. Baranovskaya. – M., 2013. – S. 279–285.
8. Gorshunova Ye. Yu., Gorshunov Yu. V. «Skrityye» formy etnicheskikh yarlykov po otnosheniyu k yevropeytsam // Vestnik MGIMO Universiteta. 2014. № 6 (39). C. 236–244.
9. Gorshunova Ye. Yu., Gorshunov Yu.V. Mezukul'turnaya kommunikatsiya, etnicheskiye stereotipy i yarlyki anglogovoryashchego soobshchestva: Uchebnoye posobiye. – M.: Prospekt, 2015. – 112 s.
10. Grinbaum S., Uitkat Dzh. Slovar' trudnostey angliyskogo yazyka. – M.: Rus. yaz., 1990. – 786 c.
11. Zherebilo T. V., Zherebilo T.V., Meyriyeva A.S. Klassifikatsiya evfemizmov, ispol'zuyemykh v sovremennom russkom yazyke // Fundamental'nyye issledovaniya. 2015. № 2–5. S. 1107–1110.
12. Katsev A.M. Yazykovoye tabu i evfemiya: Ucheb. pos. k spetskursu. – L.: LGPI im. A.I. Gertsena, 1988. – 80s.
13. Kiprskaya Ye.V. Nekotoryye problemy issledovaniya evfemizmov // Psikholingvisticheskiye issledovaniya: slovo i tekst. – Tver', 2002. – S. 53–58.
14. Kiseleva S.A. Funktsionirovaniye evfemizmov v sovremennom angliyskom voyenno-politicheskom diskurse: strukturno-semantickey i pragmatickey aspekty): AKD; Filol. nauki: 10.02.04 /Mosk. ped. gos. un-t. – M.: 2015. – 18 s.
15. Krysin L.P. Evfemizmy v sovremennoy russkoy rechi // Rusistika. Berlin, 1994, № 1–2. – S. 28–49.
16. Potapova N.M. Evfemizmy v yazyke i rechi: (Na materiale angloyazychnogo delovogo diskursa): AKD; Filol. nauki: 10.02.04 / MGU im. M.V. Lomonosova. – M., 2008. – 18 s.
17. Porokhnitskaya L. V., Teplyakova S.M. Aktual'nyye napravleniya razvitiya teorii evfemii na sovremennom etape. – URL: <https://ipi1.ru/images/PDF/2017/118/aktualnye-napravleniya.pdf>
18. Pryadil'nikova N.V. Evfemizmy v rossiyskikh SMI nachala XXI veka: kompleksnaya kharakteristika: AKD; Filol. nauki. Samara, 2007. – URL: <http://www.dissercat.com/content/evfemizmy-v-rossiiskikh-smi-nachala-xxi-veka-kompleksnaya-kharakteristika>.
19. Uvarova Ye.A. Sistemnaya semantika angliyskogo evfemizma. AKD; Filol. nauki. – M., 2012. – 30 s.
20. Torn T. Slovar' sovremennogo slenga / Thorne T. Dictionary of Modern Slang. – M.: Veche, Persey, 1996. – 592 c.
21. Ayto, John. Oxford dictionary of Rhyming Slang. – Oxford University Press, 2003. – 309 p.
22. Claiborne, Robert. English. Its Life and Times. – London: Bloomsbury, 1994. – 395 p.
23. Franklyn J. A Dictionary of Rhyming Slang. – London: Routledge, 1994. – 202 p.
24. Green, Jonathon. The Big Book of Rhyming Slang. – London: Cassel, 2002. – 334 p.
25. Green, Jonathon. Cassell's Dictionary of Slang. – London: Cassell, 2003. – 1316 p.
26. Holder, R.W. Oxford Dictionary of euphemisms (How not to Say What You Mean: A Dictionary of euphemisms). – Oxford University Press, 2008. – 412 p.
27. Longman Dictionary of English Language and Culture. – New Edition. 2nd impression, 1999. – 1568 p.
28. Neaman, Judith S. and Silver, Carole G. The Wordsworth Book of Euphemism, 1995. – 409 p.
29. Perkins, D.C. Cockney rhyming Slang. – A domino Book, 2004. – 48 p.

Развитие сетевого общества и цифровых технологий в зеркале социальной политики (международный опыт и Россия)

Люблинский Виктор Викторович,

д.п.н., главный научный сотрудник Института социологии
ФНИСЦ РАН
E-mail: lyubl.victor@yandex.ru

Михайленок Олег Михайлович,

д.п.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель
отдела исследования социально-политических отношений
Института социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Развитие сетевого общества и его цифровая трансформация на данном этапе и в обозримой перспективе ведут к обострению социальных проблем. Повсеместно в мире усиливаются ощущения социальной несправедливости со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Перед обществом (в России и в мире) стоит политическая проблема стратегического характера, как использовать технологическую трансформацию таким образом, чтобы переустроить экономическую систему и подчинить ее социальным целям. В условиях современной реальности объективно встает вопрос о новой модели социально-политического развития, которая предполагает и реорганизацию социального государства через расширение возможностей его влияния на развитие общества. Открывшийся человеку виртуальный мир не может заменить мир реальный, а может быть только его дополнением, предоставляя новые возможности технологического, экономического и социально-политического развития. Однако никогда и никому не удавалось сделать так, чтобы от прогресса выигрывали все. Сможет ли мировое сообщество сделать в новых условиях «рывок в благополучное будущее», покажет время. Развитие сетевого общества и цифровых технологий неизбежно влекут за собой политический запрос на «новые эгалитарные стратегии».

Ключевые слова: сетевое общество, цифровые технологии, социальная политика, занятость, благосостояние, неравенство, бедность, социальная справедливость.

Логика развития цивилизации такова, что революциям в технологиях должны соответствовать изменения аналогичного масштаба в социально-экономической и политической сферах. Классический пример – вторая промышленная революция, после которой были согласованы неформальный общественный договор и новый формат государства, которому была вменена ответственность за социальное развитие и благополучие граждан. Такое соответствие важно с точки зрения успешного развития, минимизации социальной конфликтности и максимизации результата в сфере производства и распределения, консолидации общества и согласия. Однако если баланс между факторами развития не соблюдается, то технологические сдвиги могут оборачиваться серьезными социальными проблемами, дестабилизацией, угрожающими конфликтами, материальными, моральными и политическими издержками.

В наше время одним из существенных факторов является расширяющийся процесс сетевизации и цифровизации общества, который все сильнее влияет на социальное развитие. Так, установлено, что сети могут предоставлять неформальное страхование и распределение рисков для защиты от неблагоприятных ситуаций на рынке труда в результате увольнения или других непредвиденных проблем, связанных с падением доходов. Наряду с этим специалисты отмечают, что имеет место влияние «одноранговых эффектов» в сетевых отношениях, когда выбор и результаты одного из акторов влияют на решения и поведение другого участника сети. Кроме того, сети могут способствовать передаче информации на рынках труда, где граждане сталкиваются с препятствиями для получения информации о возможностях трудоустройства, а работодатели – о потенциальных работниках (Hellerstein, Neumark 2020: 2–3).

В условиях развития сетевого общества формируется «рефлексивная самоорганизация независимых субъектов: комплекс взаимосвязей и взаимообусловленности, опирающийся на постоянный диалог и совместное использование ресурсов для реализации взаимовыгодных проектов и преодоления возникающих противоречий и проблем» (The Governance of Active Welfare States in Europe 2011: 2).

В то же время цифровая трансформация переводит общество на более высокий уровень технологического развития, преобразуя экономику, сферу политики и управления. Однако необходимо учитывать, что она имеет серьезные последствия, так как запускает процесс изменения социально-профессиональной структуры. Происходит массовое обезценение одних профессий, которые становятся ненужными, и возрастает потребность в новых профессиях, что отражается на социальном положении, благосостоянии и укладе жизни значительной части населения. Возникает объективная необходимость в изменении стратегии политического управления и характера социальной политики.

Новая реальность и изменение характера социальных проблем

Формирование сетевого общества и его цифровая трансформация могут иметь серьезные социально-

политические последствия. Вызовы, которые встают в связи с этим, беспрецедентны. Давление технологий усиливается, процесс несопоставим с тем, что происходило на предшествующих этапах социально-экономического развития. Во многих сферах человек теряет свое, казалось бы, вечное и неоспоримое преимущество перед созданными им механическими устройствами, ибо он управляет и творит.

Однако искусственный интеллект (ИИ) и робототехника, которые в свое время рассматривались как нечто фантастическое и неосуществимое, постепенно преодолевают отставание все в большем количестве областей. И это может привести к наиболее значительным изменениям со времен промышленной революции: социально-политические последствия трансформации характера занятости и традиционного уклада жизни весьма серьезны. Расчет на то, что «спасительный» механизм саморегулирования, как в прошлом, позволит обществу «переварить» новые проблемы и приспособиться, весьма сомнителен.

Особенность ситуации в том, что рынок труда меняет свой облик под натиском нового этапа НТП, связанного с развитием цифровых технологий, так, как никогда прежде. В условиях подобных крутых перемен общество несет серьезные издержки, но особенно страдает средний класс, ибо он всегда находится в центре трансформаций. Средний класс меняет свой облик и сокращается и, кроме того, становится источником изменения социально-профессиональной структуры в направлении ее поляризации и роста на «верхних и нижних этажах». Профессиональные несоответствия усиливаются, предпочтения основных участников рынка труда все больше расходятся. И это не временный, преходящий собой фрикционный тип, он приобретает устойчивый структурный характер.

Усиливается воздействие технологий, которые в большой степени замещают человеческий труд. Тенденция определенно сформирована и не далек день, когда технологиями «покорен» будет и сложный труд, освоена способность к выполнению творческих задач. Спрос на работников, занятых рутинным трудом, падает, а на креативный труд быстро растет. В результате в сфере занятости усиливается потенциал напряженности, который будет только возрастать, что создает новые потенциальные риски социально-политических конфликтов.

Таким образом, повсеместно в мире актуализируется проблема занятости, которая обостряется, непрерывно возрастает конкуренция в связи с технологической трансформацией и изменением требований к профессиональным компетенциям. Причем конкуренция имеет не только социальное, но и международное измерение. Страны с высоким уровнем жизни в основном завершили переход к новой секторальной структуре, с акцентом на эффективное использование человеческого капитала и интеллектуальный труд. Тем самым они приобретают серьезное преимущество, преодолевать которое в связи с постоянным усложнением технологий становится труднее, поскольку для повышения квалификации рабочей силы в условиях новой технологической и социальной реальности требуется время и большие инвестиции.

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), ИИ и робототехника коренным образом меняют характер труда и жизни людей, их взаимодействия. Цифровые технологии привели к развитию «платформенной экономики», для которой характерны нетипичные формы предоставления услуг и занятости. Теперь люди могут применять свои компетенции и профессиональный опыт более гибким способом, через сетевые платформы, а не с помощью найма у формального работодателя, как прежде, стирая границы между стандартными

и нестандартными формами занятости. Получает все большее развитие дистанционный труд с использованием ИКТ, когда эффективным становится создание рабочих мест независимо от местоположения фирмы. Кроме того, значительно расширяются возможности для граждан через интернет получать доступ к образовательным услугам в университетах различных стран, что в некоторой степени может способствовать выравниванию их социальных шансов.

Платформенная занятость получила развитие благодаря повсеместному подключению, передаче данных и мобильным устройствам, которые позволяют людям общаться через цифровые платформы (Facebook, LinkedIn и т.д.), иметь доступ к новым услугам (напр. Uber, Airbnb), включая коммерческие услуги (Amazon, leboncoin.fr и т.д.), и в частности для разработки новых бизнес-моделей, основанных на онлайн-аутсорсинге (Upwork, Amazon Mechanical Turk, Freelancer и др.). В результате на рынке труда появился принципиально новый феномен: «рабочие места с большим числом исполнителей», функционирующие круглосуточно и по зачастию низким ставкам (Degryse 2017: 2). Количество таких рабочих мест для цифровых платформ в последние годы значительно выросло, хотя они все еще составляют небольшую долю работников в странах ОЭСР. Но этот процесс, судя по всему, в дальнейшем будет набирать обороты. В связи с этим повсеместно в мире, в том числе и в России, актуализируются вопросы, касающиеся финансирования программ социальной защиты, ибо фактически платформы формируют параллельный рынок труда, который не регулируется законодательством.

Во же время работа с использованием компьютера и интернета имеет важное преимущество, связанное с мобильностью. Во многих случаях больше нет необходимости постоянно находиться на рабочем месте. Главное это выполнение обязанностей, ставка делается на результат. «Телеработа» может позволить более рационально управлять рабочим и свободным временем, повысить степень удовлетворенности своим трудом, формировать эффективный баланс между работой и личной жизнью. Однако такая занятость связана и с определенными издержками: необходимость постоянной связи с работодателем и возможное увеличение фактического времени работы за счет нерабочего времени.

Другой вопрос – заменят ли роботы человеческий труд или будут дополнять его? Роботизация связана с компьютеризацией и автоматизацией производственных процессов, которые позволяют роботам выполнять, в том числе, нестандартные операции физического и умственного труда. Роботы могут быть как реальными (умные заводы, беспилотные автомобили, 3D-принтеры и т.д.), так и виртуальными (программное обеспечение, алгоритмы, системы управления производством, ИИ и др.) (Degryse 2017: 2).

С точки зрения специалистов в странах Запада, общество должно научиться работать вместе с роботами и «соревноваться с машиной, а не против нее». Они полагают, что будущее труда будет зависеть от достижения оптимального баланса между новым поколением высокопроизводительных машин и человеком, что является перспективой, отличной от традиционного взгляда на машины как замену человеческого труда (Valenduc, Vendramin 2016: 24).

Во многих сферах деятельности вполне вероятным может стать вытеснение живого труда технологиями ИИ, что ведет к реструктуризации цепочек создания стоимости, изменению относительного значения промышленных секторов в национальном, региональном и глобальном масштабе.

Эти события бросают вызов основам социально-трудовых отношений. Под вопросом оказываются традиционные понятия рабочего места и рабочего времени, а также процесс формирования заработной платы. Отношения подчинения становятся более размытыми. Поэтому прежняя система трудовых отношений и связанные с ними меры социальной защиты требуют адекватных изменений. В частности, сфера коллективного представительства и социальных переговоров должна быть расширена и включать новые формы солидарности трудящихся, которая очевидно ослабевает в связи с массовым обновлением традиционных профессий. Социальная политика, по нашему мнению, должна строиться по-новому, в полной мере учитывая то, что в этой важнейшей для человека и общества сфере происходит революция, касающаяся роли, места и содержания труда.

Как показывают исследования, развитие сетевой активности имеет тенденцию усиливать социальное неравенство. Поскольку все больше видов деятельности может осуществляться виртуально, различия между отдельными людьми больше касаются типа использования ими интернета и результатов, которые они получают (OECD Skills Outlook 2019: 27–28).

Однако в целом новые технологии создают большой потенциал для роста благосостояния – как с точки зрения уровня и качества жизни, так и условий занятости, а также развития социальной сферы – образования, здравоохранения, социального обеспечения и системы поддержки доходов, улучшения экологии и развития инфраструктуры досуга. Но чем более высокий технологический уровень проходит общество, тем в большей степени результат зависит от эффективности политических отношений и качества государственных услуг.

Одна из проблем – то, что цифровая трансформация может привести к столкновению интересов между различными контингентами наемного труда. Работники, обладающие высокой квалификацией, способны успешно адаптироваться к новой социально-технологической реальности. В то же время значительная часть активного населения в силу недостаточно высокой квалификации или специальности, не востребованной в должной мере, не может успешно «войти в новую реальность».

Цифровизация в этой ситуации вызывает «поляризующий эффект». Новые технологии, в частности технологии обработки информации, делают многие традиционные операции ненужными, но одновременно требуют соответствующих знаний и навыков для их применения. Серьезные противоречия возможны на межрегиональном уровне в связи различным характером технологического развития, что может сказываться на привлекательности для инвестиций, уровне благосостояния и развития социальной сферы, численности населения.

Существуют две основные проблемы, связанные с этим. Первая заключается в том, чтобы избежать или, по крайней мере, ограничить поляризацию социального положения в связи с изменением спроса на рабочую силу. И повышение квалификации рабочей силы не только в рамках традиционной структуры образования, но, главное, на протяжении всей профессиональной карьеры в перспективе будет иметь решающее значение для обеспечения высокой гарантии занятости (Eichhorst, Rinne 2017: 10). Вторая проблема – сделать социальное страхование более инклюзивным и устойчивым в ситуации принципиально меняющегося прежний облик рынка труда, который активно институционализируется в виртуальном пространстве мировой сети (интернета).

В социальном плане сформировалась необходимость в политике, которая бы способствовала профессиональной мобильности, «сглаживая переходы» между рабочи-

ми местами. В этой связи можно было бы рассматривать уровень соответствия квалификаций реальным потребностям производства, социальной сферы и управления, вызовам, связанным с непрерывными и масштабными технологическими изменениями.

Отвечая на вопрос о будущем ИИ, 550 ведущих экспертов в ЕС разделили следующее мнение: вероятность того, что интеллекта высокого уровня (интеллекта, при котором машина может выполнять большинство профессий по крайней мере так же, как человек) машина может достичь к 2040–2050 годам, оценивается в 50%, а к 2075 году – почти в 90%, причем системы, как ожидается, перейдут на уровень «сверхразума» менее чем через 30 лет после этого. Отвечая на вопрос о потенциальном влиянии такой эволюции, каждый третий полагал, что она окажется «плохой» или «чрезвычайно плохой» для человечества. Во всяком случае, это показывает, что даже у экспертов есть серьезные опасения по поводу влияния ИИ на развитие общества. В этом плане большую озабоченность у них вызывают, в частности, ошибки в вычислениях, киберпреступность, сверхразумные системы, баланс между автономией и контролем, а также потенциальное использование ИИ для подрыва прав трудящихся (Ponce Del Castillo 2018: 5).

Можно говорить о «конце труда» в том виде, в котором он всегда существовал, учитывая развитие и применение ИИ. Установлено, что работа в среде, где используются системы ИИ, повышает риск нарушений социально-трудовых прав, особенно это касается конфиденциальной информации, сбора, хранения и обработки персональных данных. Поэтому одной из важных проблем становится «осведомленность о конфиденциальности» (Ibid: 7), что может быть обеспечено с помощью коллективных договоров, адаптированных к новой – цифровой реальности.

Меняется ли в этих условиях характер социального государства? В принципе его задачи остаются прежними, учитывая характер социальных проблем, на решение которых оно «призвано» – противодействовать неравенству путем перераспределения и социальной защиты, минимизировать социальные риски, связанные с новой социально-технологической реальностью. В то же время само государство, даже если оно считается социальным, базируется на социальной дифференциации и поддерживает ее, в большей или меньшей степени (в зависимости от страновой специфики) дифференцирует, а не выравнивает социально-профессиональное положение по уровню доходов.

Оценки эффективности социальной политики со стороны общества в странах ОЭСР: кризис доверия

Социальная политика может быть продуктивной, если она строится с учетом следующих моментов. Первое – комплексный анализ факторов, определяющих социально-экономическую и политическую ситуацию в обществе, включая факторы международные. Второе – структурирование социальной политики в широком контексте факторов, сравнительная оценка эффективности возможных сценариев с целью оптимизации. Третье – периодический мониторинг общественного мнения по вопросам политики в области благосостояния.

Факты говорят о том, что одна из проблем социальной политики в развитых странах связана с тем, что не учитывается в должной мере фактор дифференцированной оценки со стороны различных социальных групп. Анализ показывает, что власти традиционно отстают от требований времени, так как во многих стра-

нах сформировалось очевидное недовольство социальной политикой: многие респонденты считают, что государственные услуги и льготы являются неадекватными и труднодоступными.

Как показали социологические исследования, проведенные в ОЭСР (организация, объединяющая наиболее развитые страны), лишь меньшинство населения удовлетворено доступом к таким социальным услугам, как здравоохранение, жилье и долгосрочная помощь. В то же время большинство граждан считают, что правительства не могут обеспечить надлежащую социальную защиту, если они лишаются доходов из-за потери работы, болезни или старости.

Общественное восприятие справедливости также должно вызывать озабоченность, но по факту власти стремятся обходить такие вопросы, не замечать их, что характерно для властей преобладающих во всем мире, в том числе и в России. Более половины респондентов в странах ОЭСР считают, что они не получают справедливой доли льгот, учитывая налоги, которые они платят, а две трети – что многие получают больше, чем заслуживают. И весьма существенно то, что, по мнению граждан, они мало влияют на политику, причем около 60% отмечают, что правительство не учитывает их мнения при разработке социальной политики. При таком состоянии общества, когда граждане отделены от политики, о какой-либо реальной демократии в так называемых демократических странах говорить не приходится.

Возможность получать реальную поддержку в трудной ситуации, не обремененную бюрократическими препонами, является важнейшим условием эффективной социальной защиты. Подобные риски неизбежны и сопровождают жизнь людей, тем более в периоды больших трансформаций. Поэтому налаженная система социальной помощи со стороны государства имеет решающее значение для борьбы с бедностью и предотвращения нищеты.

Однако, судя по настроениям граждан, до такой системы еще далеко. Только меньшинство считает, что они не сталкивались с ситуациями ограничения доступа к общественной поддержке, если это необходимо. В ОЭСР 20% респондентов считают, что при необходимости они могут без проблем получать общественные блага, а более 50% не согласны с тем, что доступ к ним будет легким. Наиболее благоприятная ситуация в Канаде (34% согласны или решительно согласны с утверждением «Я думаю, что я мог бы легко получить общественные блага, если бы они мне были нужны»), Нидерландах (38%), Норвегии (35%) и США (33%). Наименее благоприятная ситуация в Эстонии (7%), Греции (6%), Израиле (9%) и Словении (5%).

Надо отметить, что во многих странах ОЭСР качественное образование, финансируемое государством, является доступной услугой: такое мнение разделяют 51% респондентов. Однако далеко не все благополучно в этой важной отрасли социальной сферы. В среднем по ОЭСР бюджетные расходы на образование составляют 4,2% ВВП, минимальный возрастной порог обязательного образования установлен в 14 лет (в некоторых странах) – не столь высокие показатели. Неудивительно, поэтому, что примерно половина респондентов не согласны (причем 28% активно не согласны) с тем, что они и их семья имеют возможность без проблем получить качественные образовательные услуги. Иными словами, общество во многих странах фактически разделено в отношении этого весьма важного вопроса в условиях технологической трансформации, глубоко меняющей все стороны жизни людей.

Причем динамика развития других отраслей социальной сферы менее благоприятна. В среднем менее

половины респондентов согласны с тем, что они имеют доступ к качественным и доступным государственным медицинским услугам (худшая ситуация в Чили, Греции и Польше – 25% и менее). А в жилищной политике проблемы еще острее: лишь 1/3 опрошенных оценивают ее позитивно, а в таких странах, как Австрия, Греция, Италия и Германия, этот показатель составляет не более 20%. Менее 30% согласны с тем, что они имеют доступ к качественным услугам в сфере занятости (в Греции 8%).

И менее всего граждане удовлетворены социальной помощью в области ухода за больными. В среднем 50% респондентов не согласны (или категорически не согласны) с тем, что граждане могут получать от государства качественные и доступные услуги в области ухода за пожилыми людьми, а 45% – за инвалидами. Неудовлетворенность социальной политикой в этой сфере достигает более 60% в Чили, Греции, Польше и Португалии и поэтому становится одной из серьезных политических проблем для стран ОЭСР в свете изменения демографической структуры и старения населения.

Кроме того, развивается кризис доверия в отношении способности властей обеспечить надлежащую поддержку доходов в связи с безработицей, болезнью или инвалидностью, рождением ребенка или наступлением старости. В среднем по 21 стране ОЭСР только около 25% респондентов определенно согласны с тем, что можно рассчитывать на должную поддержку со стороны властей в случае безработицы или рождения ребенка и не более 20% – в случае болезни, инвалидности или старости. Хотя страны ОЭСР тратят около 9% ВВП на государственные пособия по старости, граждане не чувствуют поддержки и стабильности положения: 61% респондентов категорически не согласны с утверждением, что правительство обеспечит адекватную поддержку доходов в старости. В ряде стран такой точки зрения придерживаются до 80% опрошенных.

Серьезная проблема – получившее распространение чувство несправедливости в отношении социального распределения доходов: значительное число граждан считают, что они не получают справедливую долю материальных благ, на что имеют право, в то время как другие получают больше, чем должны. В его основе убеждение, что правительство не действует в интересах народа, не прислушивается к нему. В странах ОЭСР (исключение – Канада, Дания, Норвегия, Нидерланды) большинство респондентов категорически не согласны с утверждением «Я чувствую, что правительство учитывает мнения таких людей, как я, при разработке или реформировании общественных благ». Причем в некоторых странах (Франция, Греция, Израиле, Литва, Португалия, Словения) эта доля достигает 70% и более. Такая тенденция характерна для большинства социальных групп и не ограничивается только теми, кто проигрывает в социальной конкуренции.

Реальная ситуация в ЕС с точки зрения распределения богатства различных домашних хозяйств (реальные + финансовые активы – обязательства = чистое богатство) крайне несправедлива, она подтверждает субъективные оценки граждан. Если все домохозяйства разделить на 100 равных групп, то 50-й срединный уровень (медиана) домохозяйств имеет чистое богатство в размере 104 100 евро, 90-й перцентиль – 496 000 евро, а 95-й – 743 900 евро. Это означает, что верхние 10% домашних хозяйств аккумулируют более половины от общего объема богатства (чистых активов) (Inequality in Europe 2017: 73–74).

«Неравенство – это определяющая проблема нашего времени», – сказал, как утверждают, президент США

Б. Обама в 2013 г. (Ibid: 1) Точная оценка и руководство к действию. Но фактически ничего в этом плане им не было сделано ни для США, ни для мира в целом.

Важно подчеркнуть, что снижение неравенства первичных доходов положительно сказывается как на экономической эффективности, так и на социальной справедливости. И это неоспоримый факт, доказанный практикой развития в XX столетии. Большее равенство помогает создать более стабильную социально-экономическую и политическую систему, основанную на принципах конкуренции, справедливости, благосостояния и демократии. Да и само стремление к снижению социального неравенства объективно встроено в эволюцию человеческой цивилизации. И особенно начинает проявляться в периоды глубоких трансформаций. Поэтому развитие сетевого общества и цифровых технологий, по нашему мнению, неизбежно влекут за собой политический запрос на «новые эгалитарные стратегии», которые характерны для политических сил левой ориентации.

Социальное благополучие общества и контуры перспективы

Анализ показывает, что повсеместно в мире усиливаются настроения в поддержку социальной политики, нацеленной на проблему бедности и обеспечение социальной справедливости. Более двух третей респондентов во Франции, ФРГ, Словении указали на несправедливость как ее главную причину, а в некоторых других странах этот показатель оказался еще выше (Португалия – 71%, Мексика – 68%).

В то же время большинство респондентов (более половины) с целью снижения уровня бедности поддерживают повышение налогов на высокооплачиваемых работников. Причем в некоторых странах (Греция, ФРГ, Португалия, Словения) эта доля возрастает до 75% и более.

Среди стран ОЭСР наиболее высокий уровень бедности имеет место в Израиле (17,9%), США (17,8%) и Республике Корея (17,4%), а минимальный риск характерен для Исландии и Чехии (4% и 4,4% соответственно) (Hellmann, Schmidt, Heller 2019: 14).

Казалось бы, риск бедности во многих странах должен снижаться в условиях повышения уровня занятости. Однако сейчас этому препятствует растущая поляризация рынков труда, и традиционная, полноценная работа уходит в прошлое, она все меньше соответствует новой технологической модели. Происходит рост дифференциации качества рабочих мест и доходов, меняются условия жизни общества, что неизбежно создает политические напряжения. Кроме того, в некоторых странах значительное число граждан занято в низкооплачиваемом секторе, который производит бедность. В США почти 1/4 работников заняты в этом секторе (Hellmann, Schmidt, Heller 2019: 15).

Первоочередной социально-политической проблемой становится борьба с бедностью на рабочем месте. Прежняя стратегия социального государства с акцентом на “workfare” не решает, а напротив, усугубляет ситуацию, ибо основана на простом принципе стимулирования, без учета качества занятости и оплаты труда. Поэтому меняется критерий социальной политики в этой сфере: главным становится создание качественных рабочих мест, высокопроизводительных и высокооплачиваемых. В то же время умеренная политика социального перераспределения и социальных трансфертов остается важным инструментом сокращения масштабов бедности, в том числе – на рабочем месте (Inequality in Europe 2017: 86).

Бедность – феномен, который постоянно воспроизводится и сопровождается развитие в обществе любого типа. Согласно либеральному подходу, политика перераспределения в целях снижения уровня бедности лишена смысла, так как «уменьшает заинтересованность преодолеть бедность с помощью собственной продуктивности». А вытекающие из него политические программы рассматриваются как «поощрение образа жизни, который ведет к бедности. Чудесный призыв «развитие компетенций» маскирует этот парадокс. Старое изречение «Помоги себе сам, и да поможет тебе Бог» кажется намного реалистичнее» (Большц 2014: 148). Но такой подход лишен гуманизма и справедливости, а с точки зрения социально-экономической эффективности и политической практики несостоятелен.

Ответственная социальная политика, проводимая в общенациональных интересах, способна добиться существенных результатов на этом пути. Логика такой политики вполне очевидна и отталкивается от реальности. А сейчас она такова: лица с низким уровнем благосостояния могут вкладывать гораздо меньше средств в образование, что ухудшает перспективы их занятости, определяет низкую социально-профессиональную мобильность, усиливает неравенство, а на уровне общества негативно, в конечном счете, сказывается на экономическом росте. Неудивительно, что граждане в странах с более высоким уровнем социального неравенства активно поддерживают социальную политику, отдающую приоритет развитию образования. Поэтому актуальной задачей в условиях новой реальности становится не только изменение характера политики, но переустройство системы общественно-политических и экономических отношений. Простой адаптации институтов рыночной экономики для обеспечения успешного развития и социального благополучия уже недостаточно (Andrés, Doménech 2019).

Таким образом, развитие сетевого общества и его цифровая трансформация на данном этапе и в обозримой перспективе ведут к обострению социальных проблем. Чувства социальной несправедливости усиливаются повсеместно в мире, что определенно ведет к дестабилизации и расколу в обществе со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Конечно, чем дальше общество будет продвигаться в рамках нового технологического уклада, тем больше вероятность того, что оно в целом выиграет, а вероятность противостояния и конфликтов будет снижаться. Но это не скорое будущее. Перед лицом этой проблемы государство несет ответственность за обеспечение условий социально-экономического развития, что напрямую связано с повышением результативности управления, сокращением избыточных административных расходов. Более того, по нашему мнению, в рамках новой модели государству следовало бы возглавить технологическую и цифровую трансформацию, предоставляя необходимые для развития услуги гражданам и бизнесу и постоянно осуществляя мониторинг эффективности.

Фактически это ставит под вопрос общественный договор и модель социального государства, сложившихся в результате технологической революции в XX столетии, которые исчерпывают себя и не вполне соответствуют новым реалиям.

Позитивная перспектива возможна в том случае, если современное общество сможет управлять изменениями, способствуя экономическому росту и поддерживая социальное государство, которое переустраивается в соответствии с новыми социальными вызовами. Весьма вероятно, что некоторые страны будут делать это более успешно, чем другие. Социальное воздействие новых

технологий будет зависеть от того, какой подход к социальной политике возобладает. В современном процессе перемен необходим баланс между эффективностью и справедливостью. Общества, способные создать государство, которое будет действовать более эффективно, смогут использовать новые технологии для повышения социального благосостояния, достигая, в то же время, более низких уровней неравенства и большей социальной справедливости (Andrés, Doménech 2019: 127). Иными словами, в политической повестке дня встает вопрос о новой модели эффективности для социального государства.

Необходимо учитывать также то, что в мире меняется демографическая ситуация, что создает риски возникновения новых конфликтов. Ожидается, что к 2030 году мировой средний класс вырастет до 5 миллиардов человек. Но неравенство также будет расти, вызывая социальное недовольство и потрясения как в развивающемся, так и в развитом мире. Неравенство в благосостоянии, образовании, возможностях использования цифровых технологий и возможностях трудоустройства (особенно для молодежи) создает риски усиления социальной напряженности и конфликтов (Shaping the Future 2016: 58).

Рассмотренные вопросы во многом носят универсальный характер и в определенной степени могли бы быть учтены при формировании социальной политики в России

По данным МВФ, в 2020 г. по показателю ВВП на душу населения Россия занимала 66-е место среди 195 стран мира, что на 8 позиций ниже, чем было в 2010 г. (О динамике доходов населения в России 2021...). При этом необходимо учитывать влияние изменившейся в 2022 году мировой политической ситуации в связи с проведением Россией СВО и стремлением к трансформации модели мироустройства. Как бы то ни было, экзистенциальный вызов, брошенный России со стороны Запада, беспрецедентные финансово-экономические санкции и военно-политическое давление не могут не сказываться негативно на социально-экономической ситуации в России и динамике социального благополучия граждан. Хотя в то же время, российское общество продемонстрировало высокий уровень сплоченности.

Первоочередные задачи, стоящие перед социальной политикой в России, по нашему мнению, очевидны. Первая касается повышения доходов низкооплачиваемых работников, поддержки семей с низкими доходами. Вторая – акцент на развитие профессионального образования и компетенций в целях повышения качества человеческого капитала, создания качественных рабочих мест и роста производительности труда. Третья – формирование разветвленной и эффективной социальной инфраструктуры, расширяющей возможности для воспроизводства и укрепления семьи, – ухода за детьми и их воспитания. Это могло бы способствовать выравниванию возможностей и устранению факторов неравенства на рынке труда, которые приводят к сохраняющемуся разрыву в оплате труда, а также к дискриминации в отношении инвалидов и граждан старших возрастов.

Государство могло бы активнее применять и политику стимулирования конкуренции для снижения цен, особенно на рынках энергии и коммунальных услуг, которые оказывают непропорционально сильное воздействие на потребителей, особенно с низкими доходами. В определенных случаях целесообразно использовать и опыт национализации, ограничения власти естественных монополий, стремящихся к получению чрезмерных рентных доходов через завышение цен, что в итоге наносит ущерб благосостоянию граждан.

Одним из важнейших критериев социального государства является невысокий или умеренный уровень социального неравенства. В России он значительно, недопустимо выше, что никак не согласуется с этим понятием. Можно заложить в Основной закон положение о социальном государстве, даже расширить его, как это было сделано на общероссийском голосовании о поправках в Конституцию и преподнесено как большая забота о гражданах. И, хотя определенный позитивный момент в таких решениях властей, обращающихся к воле граждан, несомненно, присутствует, главное в другом. Реальная политика мало меняется. Социальные проблемы усугубляются, материальная необеспеченность возрастает.

В России сложилось общество, в котором значительны противоречия, связанные с продолжающимся процессом сокращения пространства справедливости в различных сферах жизни. Это особенно касается социальных проблем, защиты прав граждан. Бюрократия укрепляется и правит бал в политике, обращая мало внимания на реальные нужды людей. То, что более двух миллионов вопросов были адресованы Президенту РФ на «горячую линию» 30 июня 2021 г., говорит о многом: граждане не могут достучаться до властей. И поэтому они рассчитывают, что Президент заметит, поможет, восстановит справедливость, наведет порядок, накажет негодных должностных лиц, положит конец «политическому лицемерию», которого становится все больше. Но, как правило, событие завершается, и все «возвращается на круги своя». Такова особенность российской модели социального государства.

В этом же ряду стоит решение о повышении пенсий в 2022 г. на 8,6%. Принципиально оно ничего не меняет, так как подавляющее большинство пенсионеров, несмотря на такой жест со стороны власти, становятся беднее, учитывая реальный рост потребительских цен в России. Ибо этот показатель, согласно оценкам, как минимум оказался вдвое выше. Причем цены на многие продукты питания, основную часть расходов малообеспеченных граждан, возросли куда значительнее. Такими решениями можно разве что компенсировать какую-то часть снижения жизненного уровня. Но, как показывает долговременная практика, принципиально улучшить благополучие населения в рамках действующего подхода к социально-экономическому развитию невозможно.

В России от государства, которое находится во главе технологической и цифровой трансформации, прежде всего зависит обеспечение условий роста благосостояния и выравнивание социальных возможностей. В контексте политики социального выравнивания стоило бы также рассмотреть вопрос об институте представительства работников в руководстве государственных и частных учреждений и компаний, как это предлагается сделать в странах ЕС в рамках реформы корпоративного управления (Inequality in Europe, 2017: 68). Это действительно могло бы ограничить непомерные уровни вознаграждения их руководителей, поддерживать более справедливое соотношение между самой низкой и высокой зарплатой. Неоправданно высокие размеры доходов – негативное явление для всех сфер деятельности, которое, по нашему мнению, можно рассматривать как форму «легальной коррупции», что препятствует эффективности и формированию позитивной социальной атмосферы в обществе.

Однако, несмотря на экзистенциальный характер вызовов, стоящих перед Россией, нет признаков политического разворота в сторону социальной справедливости. Даже по официальным данным, социальное неравенство (по уровню текущих доходов) в России

по-прежнему чрезмерное. Коэффициент дифференциации доходов составил в 2020 г. почти 15 раз. И в долговременном плане, если и снизился за 10 лет, то крайне незначительно. Тем более что в 2000 г. он составлял 13,9 раз. Индекс концентрации доходов (коэффициент Джини) также остается на высоком уровне – 0,406. (Российский статистический ежегодник 2021: 160). Но особенно велик разрыв по уровню концентрации богатства, где Россия является одним из лидеров. Менее 0,0001% взрослого населения в России – около 500 наиболее богатых граждан – владеют 40% совокупных финансовых активов (или суммой 640 млрд долл., согласно оценкам экспертов Boston Consulting Group. Сегмент самых состоятельных в России (с активами более 100 млн. долл.) аккумулировал примерно в четыре раза большую долю средств, чем в среднем по миру (13%) (Росстат по-новому измерил неравенство доходов в стране 2022). Неудивительно, поэтому, что почти 70 процентов россиян считают, что различия в доходах в России очень велики, чуть больше половины (54 процентов) граждан не согласны с утверждением, что большая разница в доходах нужна для процветания России (*ВЦИОМ: большинство россиян... 2022*).

Однако правительство РФ пока действует в рамках прежней логики. Видимо, рассчитывая, что в 2024–2025 годах завершение структурных изменений в экономике будет способствовать выходу показателей уровня жизни населения на траекторию устойчивого роста (2,9% и 2,8% соответственно – реальные заработные платы; 2,8% и 2,5% – реальные располагаемые доходы населения), что станет основой для устойчиво положительной динамики потребления (Бюджет для граждан 2023–2025 2022: 2). А как же проблема социального неравенства? Ответ на данный вопрос остается открытым.

Поэтому в условиях современной реальности активно встает вопрос о новой модели социально-политического развития, которая предполагает и реорганизацию социального государства через расширение его возможностей и влияния на развитие общества. Как бы то ни было, новый открывшийся человеку виртуальный мир, при всем большом значении этого факта, не может заменить мир реальный, а может быть только его дополнением, предоставляя новые возможности, касающиеся технологического, экономического и социально-политического развития. Однако никогда никому не удавалось сделать так, чтобы от прогресса выигрывали все. Сможет ли мировое сообщество сделать в новых условиях «рывок в направлении всеобщего благополучия», покажет время.

Литература

1. Больц Н. (2014) Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
2. Бюджет для граждан 2023–2025. Проект федерального закона о федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов (2022). – М.: Минфин России.
3. Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н. (2021) Социология цифрового общества. Томск: Изд-во Томского политехнического университета.
4. ВЦИОМ: большинство россиян считают различия в доходах очень большими (РИА Новости 21.06.).
5. Григорьева И.А. (2017) Сто лет трансформаций социальной политики в России Журнал исследований социальной политики. 15 (4): 497–514.
6. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. (2018) / (М.К. Горшков и др.); отв. Ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. – М.: Весь мир.
7. Козырева П.М., Смирнов А.И. (2019) Доверие в нестабильном российском обществе. Полис, 5: 134–147.
8. Люблинский В.В. (2017) Социальное государство: трудная адаптация в условиях меняющегося мирового порядка. Власть, 25 (8): 24–33.
9. Люблинский В.В. (2015) Политическое измерение социального неравенства и бедности (сравнительный опыт). Полис, 5: 94–106.
10. Мареева, С.В., Слободенюк, Е. Д. (2021) Неравенство в России на фоне других стран: доходы, богатство, возможности. – М.: НИУ ВШЭ.
11. Михайленок О.М. (2018) Социально-политическая динамика в условиях развития сетевого общества. Социально-гуманитарные знания, № 3: 202–208.
12. О динамике доходов населения в России (2021). ИК-СИ: к 2024 году доходы населения лишь вернуться на уровень 2013 года. URL: icss.ru
13. Политические отношения в сетях: система или сообщество. (2021) Социально-гуманитарные знания, 1:122–163.
14. Российский статистический ежегодник (2021). – М.: Росстат.
15. Росстат по-новому измерил неравенство доходов в стране (2022) РБК 13.10.
16. Тихонова Н.Е. (2020) Российские профессионалы: специфика рабочих мест и человеческого потенциала. Социологические исследования, 10: 71–83.
17. Тихонова Н.Е. (2019) Социальная политика в современной России: новые системные вызовы. Общественные науки и современность, 2: 5–18.
18. Тихонова Н.Е. (2019) Социальная политика в современной России: новые вызовы «точного» характера. Общественные науки и современность, 3: 20–35.
19. Черныш М.Ф. (2020) Концептуальные основы социальной политики: достоинство, справедливость, равенство. Социологический журнал, 26 (1): 8–30.
20. Andrés J., Doménech R. (2019) Public Policies in the Age of Digital Disruption. In: Work in The Age of Data. Madrid, BBVA: 120–128. URL: bbvaopenmind.com
21. Buhr D., Christ C., Frankenberger R., Fregin M.-Chr., Schmid J., Trämer M. (2016) On the Way to Welfare 4.0? Digitalisation of the Welfare State in Labour Market, Health Care and Innovation Policy: A European Comparison. Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung.
22. Degryse Chr. (2016) Digitalisation of the economy and its impact on labour. Brussels: ETUI.
23. Degryse Chr. (2017) Shaping the world of work in the digital economy. Brussels: ETUI.
24. Eichhorst W., Rinne U. (2017) Digital Challenges for the Welfare State. Bonn: IZA Policy Paper. N 134.
25. Hellerstein J. K., Neumark D. (2020) Social Capital, Networks, and Economic Wellbeing. Bonn: IZA Institute of Labor Economics.
26. Hellmann T., Schmidt P., Heller S.M. (2019) Social Justice in the EU and OECD. Index Report 2019. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung.
27. Inequality in Europe. Social Europe Dossier (2017) Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung; Hans Böckler Stiftung; Social Europe.
28. Labour Market and Wage Developments in Europe. Annual Review. (2019) Luxembourg: Publications Office of the European Union.
29. Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future. (2019) P.: OECD. <https://doi.org/10.1787/9789264311992-en>

30. OECD Skills Outlook 2019: Thriving in a Digital World. (2019) P: OECD. <https://doi.org/10.1787/df80bc12-en>.
31. Policy Shaping and Policy Making: The Governance of Inclusive Growth. Preliminary version. (2015) P.: OECD.
32. Ponce Del Castillo A. Artificial intelligence: a game changer for the world of work. (2018) Brussels: ETUI.
33. Risks that Matter: Main Findings from the 2018 OECD Risks that Matter Survey. (2019) P.: OECD.
34. Shaping the Future. Thoughts on the Future of Society and Governance. (2016) Brussels: ESPAS.
35. The Governance of Active Welfare States in Europe. (2011) / Berkel R. Van, de Graaf W., Sirovatka T. (eds). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
36. The mirage of the end of work. (2019) Brussels: ETUI.
37. Valenduc G., Vendramin P. Work in the digital economy: sorting the old from the new. (2016). Brussels: ETUI.

THE DEVELOPMENT OF NETWORK SOCIETY AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE MIRROR OF SOCIAL POLICY (INTERNATIONAL EXPERIENCE AND RUSSIA)

Lyublinsky V.V., Mikhaylenok O.M.
 FCTAS RAS

The development of the network society and its digital transformation at this stage and in the foreseeable future leads to an aggravation of social problems. Feelings of social injustice are increasing throughout the world with all the ensuing political consequences. Society (in Russia and in the world) is faced with political problem of a strategic nature, how to use technological transformation in such a way as to restructure the economic system and subordinate it to social goals. In modern reality the question of a new socio-political model objectively arises, which also involves the reorganization of the welfare state through expanding the possibilities of its influence on the development of society. The new virtual world cannot replace the real world, but can only be its supplement, providing new opportunities related to technological, economic and socio-political development. However, no one has ever succeeded in making everyone gain from progress. Time will show whether the world community will be able to make a “leap forward” towards general well-being under the new reality. However, the development of the network society and digital technologies inevitably entails a political request for “new egalitarian strategies”.

Keywords: network society, digital technologies, social policy, employment, welfare, inequality, poverty, social justice.

References

1. Bolz N. (2014) Thinking about inequality. *Anti-Russo*. – M.: Ed. home of the Higher School of Economics.
2. Budget for citizens 2023–2025. Draft federal law on the federal budget for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025 (2022). – M.: Ministry of Finance of Russia.
3. Vasilenko L.A., Meshcheryakova N.N. (2021) *Sociology of the digital society*. Tomsk: Publishing House of the Tomsk Polytechnic University.
4. VTsIOM: Most Russians consider income differences to be very large (RIA Novosti, June 21).
5. Grigorieva I.A. (2017) One Hundred Years of Social Policy Transformations in Russia *Journal of Social Policy Research*. 15(4): 497–514.
6. Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: the experience of sociological analysis. (2018) / (M.K. Gorshkov et al.); resp. Ed. M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. – M.: The whole world.
7. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2019) Trust in an unstable Russian society. *Polis*, 5: 134–147.
8. Lublinsky V.V. (2017) Welfare state: difficult adaptation in a changing world order. *Power*, 25(8): 24–33.
9. Lublinsky V.V. (2015) The Political Dimension of Social Inequality and Poverty (Comparative Experience). *Polis*, 5: 94–106.
10. Mareeva, S.V., Slobodenyuk, E.D. (2021) Inequality in Russia against the background of other countries: income, wealth, opportunities. – M.: NRU HSE.
11. Mikhailyonok O.M. (2018) Socio-political dynamics in the context of the development of a network society. *Social and Humanitarian Knowledge*, No. 3: 202–208.
12. On the dynamics of the income of the population in Russia (2021). ICSI: By 2024, household incomes will only return to the level of 2013. URL: icss.ru
13. Political relations in networks: system or community. (2021) *Social and Humanitarian Knowledge*, 1: 122–163.
14. *Russian Statistical Yearbook* (2021). – M.: Rosstat.
15. Rosstat measures income inequality in the country in a new way (2022) RBC 13.10.
16. Tikhonova N.E. (2020) Russian professionals: the specifics of jobs and human potential. *Sociological Research*, 10: 71–83.
17. Tikhonova N.E. (2019) Social policy in modern Russia: new systemic challenges. *Social Sciences and Modernity*, 2:5–18.
18. Tikhonova N.E. (2019) Social policy in modern Russia: new challenges of a “pointed” nature. *Social Sciences and Modernity*, 3:20–35.
19. Chernysh M.F. (2020) Conceptual Framework for Social Policy: Dignity, Justice, Equality. *Sociological Journal*, 26(1): 8–30.
20. Andrés J., Domenech R. (2019) Public Policies in the Age of Digital Disruption. In: *Work in The Age of Data*. Madrid, BBVA: 120–128. URL: bbvaopenmind.com
21. Buhr D., Christ C., Frankenberger R., Fregin M.-Chr., Schmid J., Trämer M. (2016) *On the Way to Welfare 4.0? Digitalization of the Welfare State in Labor Market, Health Care and Innovation Policy: A European Comparison*. Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung.
22. Degryse Chr. (2016) Digitalization of the economy and its impact on labor. Brussels: ETUI.
23. Degryse Chr. (2017) Shaping the world of work in the digital economy. Brussels: ETUI.
24. Eichhorst W., Rinne U. (2017) Digital Challenges for the Welfare State. Bonn: IZA Policy Paper. N 134.
25. Hellerstein J. K., Neumark D. (2020) Social Capital, Networks, and Economic Wellbeing. Bonn: IZA Institute of Labor Economics.
26. Hellmann T., Schmidt P., Heller S.M. (2019) Social Justice in the EU and OECD. Index Report 2019. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung.
27. *Inequality in Europe*. Social Europe Dossier (2017) Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung; Hans Böckler Stiftung; Social Europe.
28. *Labor Market and Wage Developments in Europe*. Annual Review. (2019) Luxembourg: Publications Office of the European Union.
29. *Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future*. (2019) P.: OECD. <https://doi.org/10.1787/9789264311992-en>
30. OECD Skills Outlook 2019: Thriving in a Digital World. (2019) P: OECD. <https://doi.org/10.1787/df80bc12-en>.
31. Policy Shaping and Policy Making: The Governance of Inclusive Growth. Preliminary version. (2015) P.: OECD.
32. Ponce Del Castillo A. Artificial intelligence: a game changer for the world of work. (2018) Brussels: ETUI.
33. Risks that Matter: Main Findings from the 2018 OECD Risks that Matter Survey. (2019) P.: OECD.
34. Shaping the Future. Thoughts on the Future of Society and Governance. (2016) Brussels: ESPAS.
35. The Governance of Active Welfare States in Europe. (2011) / Berkel R. Van, de Graaf W., Sirovatka T. (eds). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
36. The mirage of the end of work. (2019) Brussels: ETUI.
37. Valenduc G., Vendramin P. Work in the digital economy: sorting the old from the new. (2016). Brussels: ETUI.

Правосознание жителей Республики Бурятия в зеркале социологических исследований

Комбаев Алексей Викторович,

кандидат политических наук, доцент кафедры подготовки руководящего состава органов внутренних дел Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации «Болшево».
E-mail: kombaeв@mail.ru

Жамбалова Юлия Валерьевна,

Уполномоченный по правам человека в Республике Бурятия
E-mail: priem_upch@govrb.ru

Развитое правосознание граждан любой страны – это основа стабильности развития государства, с одной стороны, человек понимая свои права и обязанности может требовать от государства полагающейся защиты своих интересов, с другой стороны, понимать и то, что государство вправе требовать от человека совершать те или иные действия для всеобщего общественного блага.

Используя анкетный опрос и экспертное интервью, авторы исследуют, правовую архитектуру региона с позиции рядового гражданина.

Статья посвящена изучению того, как простые люди, жители региона оценивают свои знания в области реализации гражданских прав и свобод, что является для них определяющим в отстаивании и защите своих интересов и какие для этого правовые или иные инструменты они используют. Авторы выявляют с позиции жителей Республики Бурятия наиболее авторитетные региональные институты по защите прав и свобод граждан.

Авторы заключают, что сегодня своевременно и правильно появление такого института, как Уполномоченный по правам человека, который является действенным механизмом не только в защите прав и свобод человека, но и реализует функцию правового просвещения жителей региона и является значимым элементом согласования исторически-традиционных практик осуществления справедливости и развитых форм государственного права современной России.

Ключевые слова: система права, правосознание, правовая культура, Уполномоченный по правам человека, правовые традиции, правовая грамотность.

Одним из главных условий отсутствия нарушения прав и свобод человека является понимание рядовым гражданином того, что он делать вправе, а что нет.

К сожалению, сегодня рисуется картина правовой безграмотности как населения страны в целом, так и населения отдельно взятых регионов, не исключение и Республика Бурятия. Достижение цели построения правового государства во всех проявлениях во многом будет недостижима, если не анализировать причины правового абсентеизма и не диагностировать основные проблемы развития и функционирования права на уровне самоощущений жителей разных регионов.

В попытке всесторонне изучить правосознание граждан и внутреннее самоощущение, правовой защищённости или отсутствие таковой, было проведено социологическое исследование, основным инструментом выступил анкетный опрос населения региона.

О методике исследования

На 01 января 2022 года численность населения Республики Бурятия по данным, Бурятстата составила 982,6 тыс. чел.

При данном объёме генеральной совокупности, ошибке выборки 0,05 и доверительном интервале 0,95 объём выборочной совокупности должен быть более 400 единиц. Для повышения представительности мы определили объём выборочной совокупности в 764 единицы.

Ввиду необходимости контроля выборки и для её ремонта мы отбираем основу выборки в 964 единицы.

Отбор респондентов из основы выборки осуществляется случайным образом.

При формировании выборки мы сохранили пропорции по муниципальным округам.

Дополнительный контроль выборки осуществлялся по следующим параметрам генеральной совокупности:

Городское и сельское население.

Исходя из того, что в Бурятии проживает 59,1% городского и 40,9% сельского населения доля первого в выборочной совокупности должна составить 451, а доля второго – 313 единиц.

Распределение по полу.

Так как доля мужчин в республике 48%, а женщин 52%, то выборку должны попасть 367 мужчин и 397 женщин.

Распределение по возрасту:

18–24 года (10,5%) – 80 единиц;

25–39 лет (31,6%) – 241 единица;

40–54 лет (25,3%) – 194 единицы;

55 лет и старше (32,6%) – 249 единиц.

По уровню образования.

Учитывая, что в 2019 году численность взрослых жителей составила 218 на 1000, то можно считать, что доля населения с высшим образованием приблизительно составляет 21%, то есть 160 респондентов.

Помимо, анкетного опроса для понимания генезиса правовых проблем мы использовали метод экспертного опроса юристов и социологов, изучающих проблемы государственности Республики Бурятия и особенности правового и социального поведения людей. Для получения такого рода информации мы провели 15 неформализованных интервью.

Правовая грамотность населения региона

Применительно к личности каждого гражданина в рассматриваемом аспекте правовая культура – это знание и понимание права, т.е. правовая грамотность, осознанное исполнение его предписаний. Иначе можно рассматривать индивидуальную правовую культуру как субъективно выработанный индивидуум уровень овладения правом в своей деятельности [1]

По нашему мнению, ценностное отношение к закону возможно только в том случае, если человек понимает свои права. Мы задали нашим респондентам вопрос, *хватает ли вам в повседневной жизни знаний о своих правах и обязанностях?* Респонденты ответили следующим образом:

Да 66.5%; нет 30.9%; затруднились ответить 2.4%, притом утвердительные ответы дали жители крупных городов республики Бурятия – это жители г. Улан-Удэ, г. Северобайкальск, на наш взгляд, такое распределение ответов связано с тем, что города в республике Бурятия, являются местом притяжения в том числе и для активной молодёжи со всей Республики и обладают необходимой образовательной, научной инфраструктурой, которая не может положительно не сказываться на уровне правовой грамотности. Вместе с тем нужно отметить, что заданный вопрос является деталью самодиагностического инструментария и выявляет самоощущение человека, нежели абсолютно объективную картину. Так отвечая на вопрос, заданный в иной форме, *допускаете ли вы возможность, что вами могут быть нарушены законы в силу незнания или неправильной трактовки закона?* 52% опрошенных респондентов ответило утвердительно, а 66% допускает возможные факты нарушения их прав в силу того, что они просто не знают законов. Полученные данные говорят о серьёзной проблеме, которую можно описать как тотальное непонимание своих прав и обязанностей. В ходе экспертного интервью эксперты отмечали, что с конца 80-х годов наметился резкий крен, в сторону правовой неграмотности в силу того, что многое то, что раньше было запрещено, стало разрешено. Ситуация ещё более усугубилось с развитием телекоммуникационных источников информации, которые в упрощённой зачастую неверной форме трактуют права и обязанности человека, начиная от прав потребителя, заканчивая конституционными правами. Особо печально то, что среди молодёжи появляется пласт правовых нигилистов, которые ставят под сомнение базовые конституционные права, начиная, даже с того, что Российская Федерация не является государством, заканчивая тем, что ставится под сомнение легитимность такого документа, как паспорт. В большей степени это, скорее крайняя точка в вопросах правосознания, нежели усреднённый вариант поведения людей.

Жители республики Бурятия, оценивая собственный уровень правовой грамотности, описали действительность через распределение ответов на поставленный вопрос, *как вы оцениваете собственный уровень правовой грамотности?* так 48.8% считают, что в достаточной мере понимаю и разбираюсь в своих правах и обязанностях, 46,2 считают, что не в достаточной мере разбираются в своих правах и обязанностях. Интересен тот факт, что

разные возрастные группы по-разному оценивают свой уровень правовой грамотности молодёжь в возрасте 14–18 лет считает, что фактически обладает необходимым представлением об обыденных правовых взаимодействиях в повседневной жизни и этих знаний достаточно, более зрелая аудитория респондентов от 31–55 лет более сдержаны в оценках собственных знаний и преимущественно считают, что не в полной мере обладают правовыми знаниями и компетенциями. Совершенно очевидно, что объективно молодые люди от 14 до 18 лет не имеют серьёзного опыта социальных взаимодействий, сопряжённых с правоотношениями и правовой ответственностью, наступающей в процессе социальных взаимодействий. Внутренняя уверенность в своих знаниях и абсолютная и зачастую непоколебимая уверенность в своей правоте – это скорее следствие юношеского максимализма, нежели реальное положение вещей. Поэтому работа с этой возрастной категорией в наибольшей степени должна быть в приоритете у различных организаций преимущественно образовательных. Но проблема заключается в том, что молодые люди, будучи уверенными в своих знаниях и силах, не склонны получать правовую информацию в традиционной форме, поэтому необходимы новые инструменты и подходы в ходе реализации проектов по правовому просвещению. Методологической основой которых должны стать научные и практические изыскания специалистов из разных областей, а площадкой для такой работы должен стать аппарат Уполномоченного по правам человека.

Определяя оптимальную форму правового просвещения жителей региона, мы задали вопрос, *как вы считаете, в какой форме наиболее правильно доносить до людей информацию о правах, обязанностях и свободах гражданина?* И получили следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1. Формы правового просвещения

Как Вы считаете, в какой форме наиболее правильно доносить до людей информацию о правах, обязанностях и свободах гражданина? (не более трёх ответов)	Количество	
	абс.	%
В форме популярных телепередач	477	49.5%
Проводить разъяснительные беседы в рабочих коллективах	529	54.9%
Проводит бесплатные юридические консультации для широкого круга заинтересованных лиц	606	62.9%
Выпускать специализированную газету	227	23.5%
другое	38	3.9%
Нет данных	10	1.0%
Всего	964	100.0%

Как видно из таблицы 1 наиболее популярной формой работы по представлениям опрошенных респондентов является прямое взаимодействие с населением, через встречи в рабочих коллективах и проведения мероприятий с оказанием бесплатной юридической помощи. Интересно то, что правовое просвещение с использованием социальных интернет-сетей и других интернет-ресурсов практически не встречалось в распределении ответов у опрошенных, из чего можно сделать вывод, что интернет-ресурсы в большей степени являются вспомогательными средствами по формированию правового поведения у жителей региона.

Но с другой стороны, интернет остаётся наиболее популярным источником получения информации правового характера (табл. 2).

Таблица 2. Источники получения правовой информации

Из каких источников Вы получаете информацию о правовом просвещении граждан (укажите не более трёх вариантов ответов).	Количество	
	абс.	%
Газеты, журналы	267	27.7%
Телевидение, радио	476	49.4%
Книги, статьи из журналов	228	23.7%
Общение через интернет (чаты и т.д.)	625	64.8%
Плакаты, буклеты	77	8.0%
В ходе общения с людьми	339	35.2%
Другое	19	2.0%
Нет данных	15	1.6%
Всего	964	100.0%

На наш взгляд, необходим аудит предоставленной в сети интернет правовой информации и на основе глубокого анализа этой информации создание проверенного правового контента, его размещение и системное сопровождение.

Кому доверяют жители республики

Наиболее действенными органами власти с позиции наших респондентов, к которым бы они обратились, в случае нарушения их прав являются, прокуратура, полиция, суды, уполномоченный по правам человека (табл. 3).

Таблица 3. Органы власти, к которым готовы обратиться жители региона

Какие органы государственной власти, по Вашему мнению, могут оказать реальную помощь в случае нарушения Ваших прав?	Количество	
	абс.	%
Правительство Республики Бурятия	124	12.9%
Народный Хурал Республики Бурятия	63	6.5%
Органы местного самоуправления	191	19.8%
Суды	316	32.8%
Прокуратура	490	50.8%
Следственный комитет	145	15.0%
Полиция	354	36.7%
Управление Федеральной миграционной службы	13	1.3%
Управление Федеральной службы судебных приставов	20	2.1%
Уполномоченный по правам человека в РБ	219	22.7%
Уполномоченный по правам ребёнка в РБ	103	10.7%
Уполномоченный по защите прав предпринимателей в РБ	46	4.8%
Руководители организаций и предприятий	29	3.0%

Какие органы государственной власти, по Вашему мнению, могут оказать реальную помощь в случае нарушения Ваших прав?	Количество	
	абс.	%
Затрудняюсь ответить	115	11.9%
Другое	3	0.3%
Нет данных	31	3.2%
Всего	964	100.0%

Как видно, из представленной таблицы наиболее эффективными органами власти в решении правовых вопросов считается преимущественно силовой блок, что в принципе объяснимо и закономерно, традиционно эти институты находятся в авангарде решения правовых проблем.

Наряду с прокуратурой, полицией и судами респонденты также отмечают эффективность работы аппарата Уполномоченного по правам человека. Для Российской действительности и для региона, в частности, институт Уполномоченного по правам человека явление относительно новое. Но, несмотря на, это данная структура показала свою эффективность.

Только в 2021 году поступило 1374 обращения граждан, из них 870 письменных и 504 устных. В 2022 году количество обращений значительно возросло. Сегодня своевременно и правильно появление такого института, как Уполномоченный по правам человека, который является действенным механизмом не только в защите прав и свобод человека, но и реализует функцию правового просвещения жителей региона и является инновационной площадкой по внедрению опыта взаимодействия государства и общества.

В целом население Республики Бурятия довольно высоко оценивает деятельность аппарат уполномоченного по правам человека.

Таблица 4. Оценка деятельности аппарата Уполномоченного по правам человека в Республике Бурятия

Оцените по пятибалльной шкале деятельность аппарат Уполномоченного по правам человека в Республике Бурятия	Количество	
	абс.	%
Отлично	110	11.4%
Хорошо	402	41.7%
Удовлетворительно	366	38.0%
Неудовлетворительно	60	6.2%
Не знаю	4	0.4%
Не обращалась	1	0.1%
Нет данных	21	2.2%
Всего	964	100.0%

За рамками нашего исследования осталось изучение исторических феноменов формирования правовой культуры на которые обращали внимание наши эксперты, прежде всего неодинаковость восприятия закона, в силу инерции исторических традиций. Некоторые жители районов республики Бурятия по мнению. Экспертов в большей степени ориентированы на решение вопросов не посредством правовых инструментов, а традиционными способами зачастую с ориентацией не на официальные источники власти, а на общинные или на неформальные.

На наш взгляд, такая позиция имеет право на существование и даже более того эти гипотезы должны проверяться посредством комплексных исследовательских процедур.

Республика Бурятия – уникальный регион, в плане культурных традиций, сформированных под влиянием синтеза культур, правового самосознания. Которое сформировалось в силу географической отдалённости от центра России, что позволило создать собственную правовую систему и более чем 300-лет сосуществовать с развитыми формами государственного права Российской империи [2]

Литература

1. Закон Республики Бурятия от 22 декабря 2012 года № 3083-IV Об Уполномоченном по правам человека в Республике Бурятия и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия
2. Мантурова, Н.С. Правовая культура и правовая грамотность: подходы к определению / Н.С. Мантурова // Система ценностей современного общества. – 2009. – № 9. – С. 78–83.
3. Тумурова, А.Т. Обычное право бурят: историко-теоретическое исследование: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук / Тумурова Анна Тимофеевна. – Москва, 2007. – 49 с.
4. Комбаев, А.В. Эволюция системы профилактики преступлений и правонарушений в России: конец IX – начало XX века / А.В. Комбаев, А.А. Буркина // Юридическая наука. – 2022. – № 10. – С. 13–16.

THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF THE INHABITANTS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA IN THE MIRROR OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Kombaev A.V., Zhambalova Ju.V.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation “Bolshevo”; Commissioner for Human Rights in the Republic of Buryatia

The developed legal consciousness of citizens of any country is the basis for the stability of the development of the state, on the one hand, a person, understanding his rights and obligations, can demand from the state the proper protection of his interests, on the other hand, understand that the state has the right to demand from a person to perform certain actions for the general public good.

Using a questionnaire and expert interviews, the authors explore the legal architecture of the region from the perspective of an ordinary citizen.

The article is devoted to the study of how ordinary people, residents of the region assess their knowledge in the field of the implementation of civil rights and freedoms, what is decisive for them in defending and protecting their interests, and what legal or other tools they use for this. The authors identify the most authoritative regional institutions for the protection of the rights and freedoms of citizens from the position of the inhabitants of the Republic of Buryatia.

The authors conclude that today the emergence of such an institution as the Commissioner for Human Rights is timely and correct, which is an effective mechanism not only in protecting human rights and freedoms, but also implements the function of legal education of the inhabitants of the region and is a significant element in harmonizing historical and traditional practices of justice. and developed forms of state law in modern Russia.

Keywords: system of law, legal awareness, legal culture, Commissioner for Human Rights, legal traditions, legal literacy.

References

1. Law of the Republic of Buryatia No. 3083-IV of December 22, 2012 On the Commissioner for Human Rights in the Republic of Buryatia and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Republic of Buryatia
2. Manturova, N.S. Legal culture and legal literacy: approaches to definition / N.S. Manturova // The value system of modern society. – 2009. – No. 9. – pp. 78–83.
3. Tumurova, A.T. Customary Law of Buryat: Historical and theoretical research: specialty 12.00.01 “Theory and history of law and the state; history of the teachings of law and the state”: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law / Tumurova Anna Timofeevna. – Moscow, 2007. – 49 p.
4. Kombaev, A.V. Evolution of the crime prevention system in Russia: the end of the IX – beginning of the XX century / A.V. Kombaev, A.A. Burkina // Legal science. – 2022. – No. 10. – pp. 13–16.

Воздействие видеоигр на распространение идей экстремизма среди молодежи

Крутько Елена Александровна,

к.филос.н., доцент, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: e.a.krutko@mail.ru

Доманская Елизавета Витальевна,

студент Факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: domanskaya.liza@list.ru

Увайдова Мария Максимовна,

студент Факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Uvaidova2002@mail.ru

Проблема экстремизма среди молодежи является одной из быстроразвивающихся и важных в современном мире в условиях растущей цифровизации. Преступность растет, уровень насилия повышается, и насилие становится все более организованным. В статье рассматриваются видеоигры как один из факторов напрямую связанный увеличением случаев экстремизма. На основе проведенного социологического опроса среди девушек и юношей возраста 12–23 лет сделаны выводы о взаимосвязи и взаимовлиянии этих процессов. В статье также рассматриваются реальные случаи негативного влияния видеоигр на развитие отрицательного девиантного поведения среди подростков. Активное участие большого количества рядовых пользователей и крупных организаций в виртуальном пространстве требует разработки соответствующих современным тенденциям технологий общественной информационной безопасности для противодействия пропаганде экстремистских и террористических идей. Рассмотрены меры приостановления и искоренения влияния видеоигр на молодежь.

Ключевые слова: экстремизм, видеоигры, киберспорт, массовое убийство, молодежь, психологическое расстройство.

Процессы трансформации ценностей являются неотъемлемой частью функционирования общества. Однако под влиянием геополитических событий последних лет, данные процессы стали развиваться еще интенсивнее, изменяя амальгаму нашей жизни во всех аспектах. Такие изменения требуют не только тотального контроля, но и превентивных мер, направленных на своевременное выявление и предупреждение опасных тенденций. Особенно уязвимой считается молодежная среда в силу неустойчивости ценностных установок, раздробленности общества, влияния на сознание молодых людей культур и информации, искажающих реальность. В настоящее время наиболее актуальным считается вопрос выявления и предупреждения факторов, ведущих к возникновению экстремизма в молодежной среде. По оценке специалистов из разных областей к таким факторам относятся: национализм, социальная дифференциация граждан; криминализация общественной жизни.

Одной из наиболее значимых тенденций последних лет стала цифровизация, которая наиболее глубоко затрагивает такую практически сформировавшуюся самостоятельную категорию досуга как «гейминг». Появившиеся в середине прошлого века игры «Bertie the Brain» и «Tennis for Two» дали толчок для развития индустрии компьютерных видеоигр. Возможность отдыхать и проводить время вместе, умение испытывать свои силы, терпение, усердие и упорство, играя в видеоигры, достаточно быстро стало значимой составляющей жизни многих подростков.

Сегодня в видеоигры играют сотни миллионов людей во всех странах мира. Досуг молодых людей стремительными темпами перемещается в виртуальное пространство. По данным аналитики Steam в 2020 году количество людей, проводящих время за видеоиграми, выросло почти в пять раз. Согласно исследованиям, цифровые развлечения – один из способов справиться с депрессивными состояниями во время локдауна, почувствовать состояние контроля над ситуацией и позитивный настрой. Однако наряду с положительными составляющими цифровизации досуга молодежи, исследователи отмечают и отрицательное воздействие видеоигр на эмоциональное и психологическое состояние человека, поскольку в виртуальном пространстве игроки более уязвимы, чем в реальной среде. По данным исследователей Доколина А.С. и Черновой Е.С. «...наибольшую угрозу для детей и подростков несет в себе распространяемая в сети недостоверная информация, активная подмена жизненных ценностей, легкодоступные сообщества экстремистской направленности и многое другое» [1]. Исследователями также отмечается, что культурная глобализация такого рода создает благоприятные условия для формирования массового потребительского общества, в котором многие элементы не соответствуют принципам морали и способствуют различного рода девиациям, в том числе и распространению экстремизма среди молодежи.

Учитывая тот факт, что как за рубежом, так и в нашей стране участились случаи внезапного нападения молодых людей на незащищенных учащихся школ и колледжей, которые по своей природе напоминают сюжеты видеоигр, в нашей статье мы делаем попытку проанализировать

зировать влияние видеоигр на эскалацию насилия в молодежной среде.

Таким образом, целью данной работы является выявление и оценка взаимовлияния видеоигр и экстремизма в молодежной среде.

Экстремизм не ограничен одной сферой жизни общества, поэтому его проявления мы можем наблюдать в совершенно разных аспектах. Рассматривая нынешнюю Россию и ее проблемы, можно заметить, что распространение молодежного экстремизма входит в ТОП актуальных проблем на повестке дня многих правовых инстанций. Это связано с тем, что феномен широко распространен с ростом преступности, ростом насилия и все проявления данной проблемы становятся с более организованным характером. К сферам экстремизма также относят политику, социальную структуру, религиозную и социальную. Важно отметить, что условия проявления приверженности крайним взглядам и действиям всегда разные, ведь бывают специфические условия существования и особенности отдельных социальных групп, а также свою роль также играют общие, социальные, экономические и политические факторы.

Основным чертами экстремизма считается агрессивное поведение личности и ее настрой по отношению к определенному оппоненту, в действиях такого человека просматриваются силовые и грубые методы решения проблем. Стоит отметить, что данным лицам присуще непринятие прав личности и ее самооценности» [4]. Экстремизм предполагает достижение различных целей (политических, религиозных, социальных, национальных) посредством использования запрещенных способов. Эти способы представляют собой применение силы, насилия, различные действия, связанные с посягательствами на свободу и права людей.

Подводя итоги вышерассмотренных определений, мы можем вывести собственные характеристики экстремизма. Основными составляющими термина являются: агрессия, крайнее следование определенной цели, нетерпимость, проявление поведения в политических и социальных сферах жизни, а также отречение от моральных, правовых и общественных норм.

К конкретным условиям существования можно отнести различные факторы и процессы, которые системно и продолжительно тем или иным способом влияют на жизнедеятельность подростков. К таким факторам можно отнести видеоигры.

Бесспорно, видеоигры – это неоднозначное проявление современного общества. С одной стороны мы можем рассмотреть положительные аспекты влияния данного объекта. Но в то же время проявляются и негативные стороны видеоигр.

Рассмотрим плюсы процесса игры в видеоигры. Одним из них является развитие интереса к архитектуре, дизайну и графике. В некоторых играх участники создают собственные миры: целые города с улицами, автомобилями и домами. Так школьники начинают интересоваться 3D-моделированием и градостроительством. А некоторых ребят не устраивают ограничения разработчиков. Тогда они ищут способ сделать лучше – изучают графический дизайн и программирование.

Также важно отметить, что киберспорт – компьютерные игровые соревнования – официально признаны в России и за рубежом, а лучшие игроки зарабатывают сотни тысяч долларов в год. [5]. Если ребенок войдет в профессиональную команду, то разбогатеет благодаря увлечению играми.

Более того видеоигры – постоянная полезная активность мозга. Можно сказать, что это способствует развитию организма, так как тренируется мышечная память,

мелкая моторика посредством нажатия на клавиши во время игры.

Но в то же время видеоигры опасны тем, что вызывают зависимость. Ранний возраст – наиболее подверженный развитию игровой зависимости. Дофамин – причина зависимости, так как именно он вырабатывается во время игры и усиливает возбуждение и интерес к игре. Из-за того что зависимость с каждым днем растет, человек должен снова играть, чтобы испытать такое же возбуждение. Спустя некоторое время человек уже не в силах остановить процесс игры.

Более того, у детей возникают побочные эффекты по мере развития зависимости от игр. Например, во время процесса игры наблюдается повышенная агрессивность, оскорбления, дети становятся склонными к желанию самоубийства, домашнему насилию. Жестокие игры отрицательно влияют на социальные навыки детей, а также непосредственно повышают знания детей об агрессии и негативных эмоциях.

Разобрав минусы и плюсы видеоигр, был проведен социологический опрос среди девушек и юношей возраста 12–23 лет. (таб. 1)

Таблица 1

Возраст	1. 12–14 2. 15–17 3. 18–20 4. 21–23
Пол	1. Женский 2. Мужской
Вы играли когда-либо в видеоигры?	1. Да 2. Нет
Если играли, то в какие (перечислить)	
Случалось ли такое, что во время игры из-за чего-либо вы или член вашей команды/соперник, проявлял агрессию?	1. Да, я часто испытываю агрессию 2. Да, другие игроки часто проявляют агрессию 3. Нет, не испытываю такого чувства
На ваш взгляд, часто ли можно столкнуться с агрессией в видеоиграх?	1. Да 2. Нет
Как вы считаете, теряет ли человек связь с реальным миром, играя длительное время в видеоигры?	1. Да, такое вполне возможно 2. Нет
Считаете ли вы, что некоторые игры изначально жестоки из-за своей специфики(сражения/ перестрелки и т.д.)	1. Да 2. Нет

В ходе опроса приняли участие 110 респондентов. Возрастной диапазон опрошенных составил 12–23 лет. По результатам исследования можно сделать следующие выводы: среди опрошенных основной возрастной диапазон – 18–20 лет (60%). Соотношение мужского и женского пола опрошенных почти одинаковое 54,5% и 45,5%. Из опрошенных 94,5% когда-либо играли в видеоигры, что позволяет сделать вывод о популярности данного процесса среди молодежи в современном мире. Самой популярной игрой среди опрошенных оказалась GTA – серия мультиплатформенных компьютерных игр в жанре action-adventure. Данная игра содержит множественные сцены насилия, что и стало поводом особого

внимания к этой игре. Некоторые учёные выражают мнение, что именно эта игра способствует агрессии, повышает импульсивность и влияет на настроение человека.

Важно отметить, что почти 30% процентов опрошенных часто испытывают агрессию во время игры, а 36,4% замечали тот факт, что другие игроки часто проявляют агрессию, играя в видеоигры. То есть большинство опрошенных в той или иной степени сталкивались с агрессией, проводя время в видеоиграх. Это является важным показателем, и, с уверенностью, можно сделать вывод о том, что видеоигры напрямую влияют на психологические аспекты молодежи. И в то же время 87,3% опрошенных считают, что достаточно часто можно столкнуться с агрессией в видеоиграх. Что опять-таки подтверждает предыдущий вывод.

Не менее важным является то, что большая часть опрошенных (60%) убеждена, что человек теряет связь с реальным миром при длительном времяпрепровождении в видеоиграх. Действительно, иногда размывается граница между реальным миром и игрой, что может пагубно влиять на психическое состояние ребенка и отразиться на его поступках в реальном мире.

Более того почти половина опрошенных считает, что некоторые игры изначально жестоки из-за своей специфики. Действительно, несмотря на существование безобидных или даже образовательных игр, большую популярность имеют игры, изначально ориентированные на жестокие сцены.

Подводя итог, можно сказать что: подавляющее большинство подростков когда-либо играли в видеоигры и убеждены, что довольно часто можно встретить агрессию во время этого процесса. При этом примерно также большинство видели подтверждение данного факта в действительности. Наиболее популярными играми среди молодежи являются игры, отличающиеся жестокостью.

Одним из реальных примеров влияния видеоигр на развитие экстремизма среди молодежи является массовое убийство в школе «Колумбайн», которое произошло в 1999 г. Это было спланированным нападением Эрика Харриса и Дилана Клиболда с применением стрелкового оружия и взрывных устройств. Они являлись старшеклассниками школы «Колумбайн». Именно данная ситуация способствовала ужесточению систем безопасности в учебных заведениях и усилению контроля за доступом детей к видеоиграм с насилием. По одной из версий одна из основных причин стрельбы в учебных заведениях – видеоигры, позже у Дилана Клиболда и Эрика Харриса, найдут фрагменты шутера Doom. Трагедия в школе «Колумбайн» стала поводом для выявления и исследования взаимосвязи между жестокими играми и агрессией, которая проявляется в реальном мире.

«Синдром Вертера» – это синдром подражательных убийств и самоубийств. В обычной жизни молодым людям и девушкам присуще повторять что-либо за друг другом, но данная ситуация может произойти и после убийства. Это значит, что подростки, посмотрев громкие новости в интернете, подвергнутся массовой волне подражания самоубийству или убийству и повторяют такой феномен. Возвращаясь к нашей теме, можно сказать, что видеоигры однозначно могут повлиять так, что дети захотят повторить сцены насилия, убийства и т.п. В том числе и массовое убийство в школе «Колумбайн» быстро набрало популярность и получило значительное количество последователей.

Влияние видеоигр на развитие экстремизма среди молодежи является действительно очень важной проблемой современного мира. По словам сенатора Совета

Федерации Александра Башкина, в Интернете должна происходить блокировка всех игр, содержащих экстремизм, разжигание ненависти, насилие, порнографию и пропаганду ценностей, разрушающих личность. Закрыть доступ к ним возможно, – отметил сенатор Совета Федерации Александр Башкин. [6]. В связи с этим в России могут ввести возрастную маркировку видеоигр, что является оптимальным способом для ограничения влияния видеоигр среди молодежи.

Таким образом, видеоигры – результат технологического прогресса современного общества. Как и ряд изобретений обладает некой отнесенностью. Можно проследить ряд положительных аспектов видеоигр, но в то же время исследования ученых, социологический опрос, а также реальные примеры из жизни позволяют судить о в какой-то степени негативном влиянии на психологическое здоровье молодежи. Набирающие огромную популярность игры, содержащие сцены насилия, вызывают приступы агрессии у подрастающего поколения, размывается грань между реальным и виртуальным миром, сыгранные жестокие сцены хочется повторить в реальном мире. Это напрямую и влияет на рост экстремизма среди молодежи. Одним из самых популярных способов решения данной проблемы на территории России является возрастная маркировка видеоигр. Такой подход необходим в случае с детьми и ограничением их доступа к видеоиграм с насилием, поскольку в слишком раннем возрасте психика ребенка еще не полностью сформирована, и эта возрастная группа также весьма уязвима к внешним воздействиям. Важно отслеживать и регулировать эту ситуацию не только внутри страны, но и на глобальном уровне, чтобы снизить уровень экстремизма среди молодежи в современном мире.

Литература

1. Доколин А.С., Чернова Е.С. Превенция вовлечения молодежи в киберэкстремистскую деятельность посредством компьютерных игр // *Фундаментальные исследования*/ 2014. – № 12 (часть 5) – С. 1074–1077
2. РБК, Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/618e2f419a7947657411c325> (дата обращения 20.01.2023)
3. Сайт Министерства внутренних дел России – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения 20.01.2023)
4. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., М., 1997. – 944 с.
5. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Большая Российская энциклопедия; Санкт-Петербург: Норинт, 1997, 1999, 2001, 2004. – 1456 с.
6. Устинов В.В. Обвиняется терроризмом. М., 2002. С 16.
7. Официальный сайт общероссийской общественной организации «Федерация компьютерного спорта России». Режим доступа: <https://resf.ru/> (дата обращения 20.01.2023)
8. «Парламентская газета» – официальное еженедельное издание Федерального Собрания РФ. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/khorror-detyam-neigrushka.html> (дата обращения 20.01.2023)

THE IMPACT OF VIDEO GAMES ON THE SPREAD OF EXTREMISM AMONG YOUTH

Krutko E.A., Domanskaya E.V., Uvaidova M.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Youth extremism is one of the fast developing and important issues in today's increasingly digitalised world. Crime is on the rise, violence is on the rise and violence is becoming more and more organised. In this article video games are objected as one of the factors that has a direct bond with the growing number of extremism cases. Based on a sociological survey of girls and boys aged 12–23, conclusions are drawn about the relationship and mutual influence of these processes. The article also discusses real cases of negative influence of video games on the development of negative deviant behaviour among adolescents. Active participation of a large number of individual users and large organizations in virtual space requires the development of information security technologies appropriate to the current trends of public information security to counteract the propaganda of extremist and terrorist ideas. Measures to suspend and eradicate the influence of video games on young people are considered.

Keywords: extremism, video games, cybersport, mass murder, youth, psychological disorder.

References

1. Dokolin A.S., Chernova E.S. Prevention of youth involvement in cyber-extremist activities through computer games // *Fundamental Research*/ 2014. – No. 12 (part 5) – pp. 1074–1077
2. RBC, Access mode: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/618e2f419a7947657411c325> (accessed 20.01.2023)
3. Website of the Ministry of Internal Affairs of Russia – Access mode: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/> (accessed 20.01.2023)
4. Ozhegov S. I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. – 4th ed., Moscow, 1997. – 944 p.
5. The Great Encyclopedic Dictionary / ch. ed. A.M. Prokhorov. – 2nd ed., reprint. and additional – Moscow: The Great Russian Encyclopedia; St. Petersburg: Norint, 1997, 1999, 2001, 2004. – 1456 S.
6. Ustinov V.V. Is accused of terrorism. M., 2002. From 16.
7. Official website of the All-Russian public organization «Russian Computer Sports Federation». Access mode: <https://resf.ru/> (accessed 20.01.2023)
8. «Parliamentary Newspaper» is the official weekly publication of the Federal Assembly of the Russian Federation. Access mode: <https://www.pnp.ru/social/khorrer-detyam-ne-igrushka.html> (accessed 20.01.2023).

Ранняя профилактика семейного неблагополучия: теоретические и практические аспекты

Логачева Лейсян Рамилевна,

к.п.н., доцент, кафедра педагогики, психологии и социальной работы, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: laisanya@mail.ru

Закирова Альфия Борисовна,

к.п.н., доцент, кафедра педагогики, психологии и социальной работы, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: zakirova.alfiya@yandex.ru

Минязтдинова Розалия Марселевна,

магистр, кафедра педагогики, психологии и социальной работы, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: zizi150799@rambler.ru

В статье рассмотрены основные понятия семьи, её функции, семья как важнейший социальный институт, оказывающий влияние на индивид и на процессы, связанные с общественной жизнью. В работе отмечается, что на неблагополучие в семье воздействуют различного рода причины, например связанные с невыполнением родительских обязательств, воспитательной функции. Неблагополучие в семье может оказать прямое влияние на ребенка, вызывать деформацию личности, в дальнейшем может привести к девиантному поведению, в связи с чем имеет важное значение раннее выявление семейного неблагополучия. В работе выявлена суть, этапы и значение ранней профилактики семейного неблагополучия. Также в данном исследовании была проведена диагностика семей с целью раннего выявления социального неблагополучия на базе отделения социального приюта для детей и подростков в г. Дюртюли Республики Башкортостан и проанализированы ее результаты.

Ключевые слова: неблагополучие, семья, функции семьи, неблагополучная семья, проблемы, отношения, равнодушие к детям, невыполнение родительских функций, девиантное поведение, профилактика, ранняя профилактика, патронаж, индивидуальная программа, социальная реабилитация.

В последнее время неблагополучная семья стала предметом изучения отечественных и зарубежных исследователей. Нынешнее состояние экономики, социальные процессы в обществе нашли отражение в ухудшении финансового положения семьи, что привело к сокращению числа рабочих мест, увеличению числа разводов, снижению уровня образования родителей, снижению рождаемости, что, в свою очередь, способствовало резкому увеличению числа неблагополучных семей.

Несмотря на наличие множества социальных институтов, трудно выбрать среди них один, которые можно было бы сравнить с семьей и по воздействию на ребенка, и по воздействию на многие процессы общественной жизни. Рассматривая «семью» в историческом аспекте как социальный институт, мы можем отметить, что:

- именно семья обеспечивает защиту, поддержку, опору;
- в семье формируется ценности, убеждения;
- семья выступает как посредник между личностью и обществом.

Отметим, что в настоящее время нет единого мнения к трактовке понятия «семья», в связи с чем данное понятие имеет разное значение в разных источниках, но, несмотря на такие различия, значение понятия не меняется, каждое определение либо дополняет имеющееся определение, либо подтверждает характеристики семьи другого автора. В рамках данного исследования введем следующее понятие: семья – это микрогруппа, в котором члены группы связаны с брачными узами или кровным родством, или усыновлением детей; где ведут общее хозяйство, чтобы обеспечить продовольствием и удовлетворять свои потребности [1, с. 15].

Также семья выполняет основные функции: репродуктивную, воспитательную, хозяйственно-бытовую, рекреационную. Семья, которая не выполняет свои функции или только частично ее выполняет, относят к неблагополучным семьям. В данной семье нарушена общая структура, имеются нарушения в воспитании, содержаниях детей, наблюдается неудовлетворение потребностей членов семьи, педагогическая культура находится на низком уровне [2, с. 199]. Некоторые авторы считают, что на неблагополучие не влияет вид семьи и состав семьи.

Неблагополучие в семье часто выражается в виде отрицания имеющихся проблем в семье; недостатка интимности; ригидности семейных ролей; низкого уровня общения членов семьи; размытости границ «Я» членов семьи; несоответствия семейных мифов реальности; протекания конфликтов в закрытой форме (боязнь открытого общения); отсутствия юмора, оптимизма и заботы друг о друге. Семейные конфликты часто могут привести к скандалам, разводам [3, с. 425].

Если рассмотреть систему «родители-дети» и их отношения, то в неблагополучной семье можно выделить следующие тенденции.

1. Отчужденное, равнодушное и холодное отношение, где родители не стремятся понимать и принимать детей, не уделяют должного внимания им, не пытаются построить правильное общение и поведение, не знают и не стараются изучать что-то из области

педагогики и психологии. Таких детей часто относят к социальным сиротам [4, с. 16]. Конечно, пробелы в воспитании негативно влияют на развитие ребенка и на формирование его личности. Такие дети предрасположены к асоциальному поведению.

2. Чрезмерная гиперопека, которая сопровождается чрезмерной требовательностью к своим детям. Это, в свою очередь, формирует у ребенка негативные черты: неуверенность в себе, излишняя впечатлительность, замкнутость, эмоциональная закрытость, высокомерие, покорность и инфантилизм [5, с. 22].

Ребенок из неблагополучной семьи поневоле получает опыт асоциального, агрессивного и демонстративного поведения, что, в свою очередь, негативно влияет на его поведение и мироощущение в обществе. Семейные отношения могут быть сложными. На детско-родительские отношения влияют воспитание, позиция взрослых, личность родителей, роли в семье.

Таким образом, каждая неблагополучная семья нуждается в помощи, так как является уязвимой ячейкой в обществе из-за жизненных невзгод. Важнейшим фактором в работе с неблагополучной семьей является первичное распознавание таких семей, организация работы с ними для преодоления семейной нестабильности, недопущение негативного воздействия на детские отношения. Успешность ребенка в социализации и адаптации в постоянно меняющихся условиях жизни, прежде всего зависит от ранней диагностики семейного неблагополучия, профилактической работы и социальной поддержки. От этого зависит и шансы детей воспитываться в семье с родителями. Поэтому в настоящее время раннее выявление таких семей и оказание своевременной помощи является актуальной и значимой в работе профилактической деятельности.

Необходимо отметить, что под ранним выявлением семейного неблагополучия понимается соответствующий комплекс совместных профессиональных действий:

- образовательных учреждений: сбор информации, постановка на внутришкольный учет, информирование субъектов профилактики;
- учреждений здравоохранения: сбор информации, информирование субъектов профилактики, мониторинг состояния здоровья;
- центров психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи;
- социально-реабилитационных центров;
- учреждений социального обслуживания семей и детей: выявление и учет неблагополучных семей, которые находятся в трудной жизненной ситуации или в опасном положении;
- других учреждений, работа которых направлена на устранение факторов, причин и условий семейного неблагополучия, угрожающие благополучию, здоровью и жизни детей, проживающих в неблагополучных семьях.

Главной задачей предотвращения возникновения семейного неблагополучия является распознавание негативных изменений в поведении родителей и детей с целью недопущения их прогрессирования. В ее основе лежат результаты разнообразных оценок различных сторон жизни ребенка, углубленный анализ причин и обстоятельств, устраняющих нестабильное поведение ребенка. Алкоголизм, скандалы в семье, пренебрежение воспитанием детей, безнравственность, жестокость являются образом жизни родителей из таких семей.

Нетрудно заметить, основу технологии раннего выявления проблем неблагополучных семей составляет межведомственное взаимодействие субъектов профилактики социального сиротства. Технология раннего вы-

явления проблем неблагополучных семей включает в себя три последовательных этапа. Этапы представлены в таблице 1.

Таблица 1. Этапы работы

Этапы	Цель
1 этап	выявить семьи, которые находятся в социально опасном положении
2 этап	диагностика социального неблагополучия
3 этап	социальный патронаж

На первом этапе определяются основные критерии, по которым семей относят к неблагополучным. Выделим некоторые из них:

- низкий уровень материальной сферы;
- низкий уровень духовно-нравственной сферы;
- асоциальное поведение родителей;
- конфликты в семье;
- невыполнение семейных функций;
- злоупотребление спиртосодержащими напитками и т.п.

Большую помощь при выявлении данных семей могут оказать различные специалисты (учителя, врачи, воспитатели и т.д.), поэтому важно поддерживать межведомственное взаимодействие.

Отметим, что кроме того, наряду с такими типами семей существуют и семьи со скрытой формой неблагополучия. Критериями могут послужить скрытые расхождения с общепринятыми ценностями, которые оказывают негативное влияние на развитие личности ребенка и на ее формирование.

Второй этап – это встреча с семьей, важное значение приобретает подготовка к данной встрече, главное, чтоб сложились доверительные отношения к специалисту и социальным службам.

В качестве диагностического инструментария при раннем выявлении нарушений в развитии ребенка из неблагополучных семей стоит рассматривать следующее.

1. Анкеты, опросники, направленные на выявление причин неблагополучия.
2. Опросники для родителей детей и учителей, в целях анализа и изучения социальной, психолого-педагогической ситуации развития ребенка.
3. Методики, направленные на анализ семейного воспитания.
4. Опросники, направленные на выявление уровня правовых знаний родителей.
5. Опросники, направленные на выявление уровня коммуникативной компетентности родителей.

На следующем этапе:

- организуется социальный патронаж, то есть непосредственная работа с семьей;
- создается и реализуется для каждой семьи индивидуальный план социальной реабилитации.

При работе с родителями из неблагополучной семьи необходимо побуждать их к совместной деятельности; активизировать их к самостоятельному решению проблем семьи и к гармонизации семейных отношений; направлять семью к осознанию собственной ответственности за улучшение ситуации в семье, сохранность семьи.

На наш взгляд, реализация мероприятий по раннему выявлению семейного неблагополучия будет способствовать:

- своевременному выявлению проблем семьи;
- рассмотрению способов их устранения;
- доступности социальной помощи и социальных услуг, которые необходимы отдельным категориям

граждан, оказавшимся в трудной жизненной ситуации;

- своевременной профилактической работы по неблагополучию семей и отдельных граждан;
- взаимодействию межведомственных структур по устранению социальных проблем неблагополучных семей.

В ходе нашего исследования была проведена диагностика семей с целью раннего выявления социального неблагополучия на базе отделения социального приюта для детей и подростков в г. Дюртюли Республики Башкортостан.

Отметим, что за период с 2019 по 2020 г. по статистическим данным в г. Дюртюли и в Дюртюлинском районе с учета была снята лишь одна неблагополучная семья в связи с наступлением совершеннолетия ребенка, за период с 2021 по 2022 г. с учета были сняты две неблагополучные семьи. А также, согласно статистическим данным, в 2021 году на учет было поставлено 67 неблагополучных семей, в 2022 году на учет было поставлено 63 неблагополучных семей. Причины:

- невыполнение своих обязанностей родителями по содержанию и воспитанию несовершеннолетних детей (17 семей с 2019 по 2020 г., 18 семей с 2021 по 2022 г.);
- злоупотребление спиртосодержащими напитками (49 семей с 2019 по 2020 г., 43 семей с 2021 по 2022 г.);
- жестокое обращение с несовершеннолетними детьми (1 семья с 2019 по 2020 г., 2 семьи с 2021 по 2022 г.) [6].

В целях выявления степени благополучия взаимоотношений детей и родителей в семье было проведено анонимное анкетирование, в котором приняли участие 10 родителей (по одному представителю из каждой семьи) и 20 подростков. Для родителей была предложена анкета «Благополучны или неблагополучны ваши отношения с детьми», а подросткам была предложена анкета для выявления социальных характеристик семьи.

Результаты анкетирования родителей показали, что из 10 респондентов, принимавших участие в анкетировании, только у 4 (40%) в семье благополучные взаимоотношения с детьми, у оставшихся 6 (60%) взаимоотношения с детьми неблагополучные. Такие результаты анкетирования можно объяснить тем, что в большинстве случаев родители не интересуются жизнью своих детей, учебой, не знают их круг общения, чем ребенок занимается в свободное время, дети, в свою очередь, не принимают участия в домашних делах. В общих чертах, со стороны родителей нет должного внимания к детям, родители не имеют желания проводить вместе с детьми свободное время, а также не интересуются делами и увлечениями своих детей. Следовательно, такие родители должны всерьез задуматься над соответствующим характером взаимоотношений со своими детьми. Однако отметим, что сами семьи осознают свои проблемы, которые ведут их к неблагополучию.

Результаты анкетирования подростков, в свою очередь, показали, что на первом месте встает проблема конфликтов на почве нехватки денег (30%), так как некоторые дети живут в неполных семьях, где работает только один родитель, некоторые живут в семьях, где оба родителя не работают, а некоторые живут в семьях, где основной источник дохода – пенсия бабушки или дедушки. 25% респондентов ответили, что конфликты в семье происходят из неприемлемых взаимоотношений между родителями и детьми. Родители не уделяют внимания детям, а дети не хотят принимать участия в домашних делах (бытовые обязанности (10%)), имеют вредные

привычки (15%), 25% считают, что причиной конфликтов в их семье является нежелание родителей совместно проводить с детьми досуг, что можно объяснить либо нехваткой времени, либо просто нежеланием родителей. 5% респондентов ответили, что их учебу контролирует брат или сестра, 10% респондентов ответили, что их учебу контролирует бабушка, 15% ответили, что школьный учитель, 25% ответили, что родители, а оставшиеся 45% ответили, что контроля за их учебой нет, что также можно объяснить либо нехваткой времени, либо просто нежеланием родителей.

По выявлению воспитательных целей семьи результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Воспитательные цели семьи

№	Высказывания	Процентное соотношение
1	В их семье воспитательные цели не проставлены	55%
2	Воспитательной целью их семьи является прилежание и дисциплина	5%
3	Хорошая учеба и контакт с ровесниками	10%
4	Приспособленность к жизни	15%
5	Будущий успех	15%

Во многих семьях применяется наказание в виде окрика, ругани (35%), в 25% семьях в виде оплеух, подзатыльники, в 20% обычно ведутся профилактические беседы, в 20% семьях наказания не применяются.

Таким образом, при воспитании своих детей, родители ставят различные цели воспитания и применяют разнообразные меры наказания. Можно отметить, что у родителей низкий уровень педагогической культуры и самостоятельно без включения различных специалистов они помочь себе не смогут.

Отметим, что в целях ранней профилактики семейного неблагополучия в 2021 г. в отделении социального приюта для детей и подростков в г. Дюртюли была организована работа детско-родительского клуба. В рамках реализации данного клуба родители:

- познакомились с психофизиологическими особенностями развития детей и подростков;
- получали знания в области педагогики (стили воспитания, меры поощрения и наказания) и психологии семейных отношений;
- научились применять методы сотрудничества и партнерства в отношении между супругами, а также со своими детьми и подростками;
- получили навыки общения при решении проблем подростков;
- изменили внутрисемейные стереотипы в процессе взаимодействия с детьми и подростками;
- познакомились с конструктивными способами решения конфликтных ситуаций при общении со своими детьми и подростками.

Промежуточные результаты на начало 2022 г. уже показали, что организация детско-родительского клуба положительно способствовала повышению компетенции подростков и их родителей в таких сферах, как культура межличностных отношений, технология общения, способы преодоления стрессовых ситуаций, основы конфликтологии.

В рамках данного клуба систематически проводится просветительская деятельность, посредством участия родителей на лекциях, дискуссиях, семинарах. Также

организуется психологическое сопровождение семей, с детьми проводятся коррекционно-развивающие занятия, а с подростками и с их родителями – консультирования, беседы. Уделяется пристальное внимание беседе с родителями об ответственности за неисполнение родительских обязанностей. В рамках данного клуба ведется целенаправленная работа по преодолению финансовых проблем неблагополучных семей на межведомственном уровне.

Таким образом, в связи с тем, что в современном мире с каждым годом растет число неблагополучных семей, в профилактической работе важно отдавать предпочтение раннему выявлению неблагополучия в семье. Тогда можно еще спасти семью и тогда работа учреждений и специалистов с ними даст положительные результаты. Ранняя профилактика семейного неблагополучия представляет собой работу всех специалистов социальных центров и служб, которые выявляют семьи группы риска и разрабатывают определенные меры по профилактике неблагополучия. В неблагополучных семьях детей можно еще оградить от дурного влияния родителей и добиться результата от профилактической работы. Поэтому на сегодняшний день, в условиях нестабильности во всех сферах жизнедеятельности человека, нужно делать акцент на раннее выявление неблагополучия в семье.

Литература

1. Иванова, С.Р. Неблагополучная семья: причины и факторы / С.Р. Иванова // Материалы VI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – 2020. – С. 15–29.
2. Маркосян, М.А. Семейное неблагополучие как фактор виктимизации несовершеннолетних / М.А. Маркосян // В сборнике: Правовое образование. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 2017. – С. 199–202.
3. Слюсарева, И.П. Семьи группы риска в структуре типологии неблагополучных семей / И.П. Слюсарева, А.Г. Грицай // Молодой ученый. – 2021. – № 47 (389). – С. 425–428.
4. Тимофеева, Н.В. Неблагополучная семья как объект социальной работы / Н.В. Тимофеева // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – 2020. – С. 15–26.
5. Томский, С.Н. Влияние неблагополучной семьи на ребенка / С.Н. Томский // Образовательная среда сегодня: стратегии развития. – 2017. – С. 20–29.

6. Министерство семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mintrud.bashkortostan.ru/about/suborg/2264/>, свободный (дата обращения: 10.01.2022).

EARLY PREVENTION OF FAMILY PROBLEMS: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Logacheva L.R., Zakirova A.B., Minyaztdinova R.M.

Ufa University of Science and Technology

The article discusses the basic concepts of the family, its functions, the family as the most important social institution that influences the individual and the processes associated with social life. The paper notes that various kinds of reasons affect the troubles in the family, for example, those related to the failure to fulfill parental obligations and educational functions. Trouble in the family can have a direct impact on the child, cause deformation of the personality, and in the future can lead to deviant behavior, in connection with which early detection of family trouble is important. The work reveals the essence, stages and significance of early prevention of family troubles. Also in this study, diagnostics of families was carried out with the aim of early detection of social ill-being on the basis of a department of a social shelter for children and adolescents in the city of Dyurtyuli, the Republic of Bashkortostan, and its results were analyzed.

Keywords: trouble, family, family functions, dysfunctional family, problems, relationships, indifference to children, failure to fulfill parental functions, deviant behavior, prevention, early prevention, patronage, individual program, social rehabilitation.

References

1. Ivanova, S.R. Unfavorable family: causes and factors / S.R. Ivanova // Proceedings of the VI International Student Scientific Conference «Student Scientific Forum». – 2020. – S. 15–29.
2. Markosyan, M.A. Family trouble as a factor in the victimization of minors / M.A. Markosyan // In the collection: Legal education. Collection of scientific articles. Rostov-on-Don, 2017. – S. 199–202.
3. Slyusareva, I.P. Families at risk in the structure of the typology of dysfunctional families / I.P. Slyusareva, A.G. Gritsai // Young scientist. – 2021. – No. 47 (389). – S. 425–428.
4. Timofeeva, N.V. A dysfunctional family as an object of social work / N.V. Timofeeva // Proceedings of the X International Student Scientific Conference «Student Scientific Forum». – 2020. – S. 15–26.
5. Tomsy, S.N. The influence of a dysfunctional family on a child / S.N. Tomsy // Educational environment today: development strategies. – 2017. – S. 20–29.
6. Ministry of Family, Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Bashkortostan [Electronic resource] – Access mode: <https://mintrud.bashkortostan.ru/about/suborg/2264/>, free. (date of treatment: 01.10.2022).

Отношение студентов юридических факультетов к службе в органах МВД России

Логина Ирина Анатольевна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)
E-mail: okean559@yandex.ru

В статье представлены результаты социологического исследования с целью описания отношения обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» к службе в органах МВД. Рассматриваются подходы к определению категории «удовлетворенность трудом», для выявления факторов, влияющих на удовлетворенность службой в органах МВД. Для описания отношения студентов-юристов к службе в органах МВД использовались следующие индикаторы: опыт прохождения практики в органах МВД; отношение к преемственности в профессии и помощи родственников в карьере и учебе; представления о преимуществах службы в системе МВД и необходимых изменениях в ней. В результате было выявлено, что прохождение практики или стажировки в органах МВД положительно влияет на желание продолжить там свою трудовую деятельность. Результаты исследования показали, что студенты лояльно относятся к профессиональной преемственности. Студенты юридических факультетов скорее положительно относятся к работе в органах МВД, главными «плюсами» которой для них являются ранний выход на пенсию и карьерный рост. Зарплату, по мнению опрошенных, необходимо пересматривать.

Ключевые слова: органы МВД, удовлетворенность трудом, мотивы трудовой деятельности, профессиональная преемственность.

Профессия юриста является одной из наиболее популярных в списке всех специальностей на протяжении последнего десятилетия в России. Ежегодно стабильно много желающих поступить на юридические факультеты российских вузов. Специалисты объясняют это представлениями о растущей востребованности юристов, их высоких заработках. Немалую роль в этом играет и романтизация юридических специальностей в кинематографе и литературе. Так, по данным мониторинга качества приема в российские вузы, который проводит Высшая школа экономики совместно с Минобрнауки России, направление подготовки «юриспруденция» вошло в Топ-5 самых крупных по приему направлений в 2022 году и заняло четвертое место [1]. При этом относительно небольшая часть выпускников по направлению «юриспруденция» поступает на службу в органы МВД. Тому служит множество причин, в том числе и то, что среди представителей гражданского общества служба в органах порой МВД имеет негативные ассоциации.

Служба в органах МВД России (правоохранительных органах) является одной из разновидностей государственной службы [2]. К.И. Бурдин определяет органы внутренних дел как «государственные правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, преследующие целью охрану общественного порядка, установление законности и обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них законодательными актами» [3].

В связи со сложной обстановкой в обществе в настоящее время роль органов МВД существенно возрастает. Большое внимание со стороны руководства страны уделяется учебным заведениям, готовящим специалистов для органов МВД, в том числе по направлению подготовки «Юриспруденция». В целях изучения возможного притока выпускников направления подготовки «юриспруденция» на службу в органы МВД, способных повысить качество осуществляемой ими деятельности, необходимо изучить отношение студентов юридических факультетов к службе в органах МВД.

Так, низкий уровень удовлетворенности возможной службы в органах МВД как избранной профессией в процессе профессионального обучения будет препятствовать становлению из выпускников юридических факультетов профессионалов.

«Удовлетворенность профессией» или «удовлетворенность трудом» как социальную категорию определяют ряд факторов [4]. На удовлетворенность избранной профессией по мнению В.А. Ядова, И.М. Попова, А.А. Кисселя, Т.А. Китвеля оказывают влияние такие понятия как: «мотив», «потребность», «установка» [5]. А.Г. Здравомыслов в одной из работ соглашается В.А. Ядовым и А.А. Киссель, рассматривающими удовлетворенность трудом через адаптацию работника в данной организации, свидетельствующей о том, что «предъявляемые к нему требования и предоставляемые ему возможности отвечают его потребностям и соответствуют его ориентациям, социальным установкам, направленности интересов» [6]. Р. Штольберг группирует трудовые мотивы посредством систематизации человеческих потребностей. Он выделяет пять видов потреб-

ностей: в труде; в развитии умственных и физических способностей; в творческой деятельности в коллективе, в социальных контактах при кооперации, в социальной защищенности; в материальном обеспечении; в социальной интеграции через процесс труда [7]. Н.Ф. Наумова рассматривает удовлетворённость избранной профессией через удовлетворенность социальным статусом [8]. Л.В. Карташова, Т.О. Соломандина, Т.В. Никонова предлагают изучать удовлетворённость избранной профессией через изучения отношения индивида к внешним факторам и атрибутам профессиональной деятельности, таким как материальное вознаграждение, отношения внутри коллектива и с руководством, стабильность, возможность роста, безопасность труда, престиж профессии [9].

Отношение обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» к службе в органах МВД нельзя рассматривать только через изучение отношения удовлетворённость избранной профессией. Помимо этого, важно учесть, что субъективный образ профессии формируется под влиянием СМИ (имидж профессии), массового общественного сознания (стереотипы, престиж профессии), социальной среды окружения и, наконец, примера и традиций семьи [10].

Настоящее исследование проводилось с целью охарактеризовать отношение обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» к службе в органах МВД.

Для описания отношения студентов-юристов к службе в органах МВД использовались следующие индикаторы:

- опыт прохождения практики в органах МВД;
- отношение к преемственности в профессии и помощи родственников в карьере и учебе;
- представления о преимуществах службы в системе МВД и необходимых изменениях в ней.

В качестве респондентов выступали студенты юридических факультетов вузов Самарской области. В качестве метода сбора информации использовался онлайн опрос. В соответствии с целями и задачами исследования была разработана анкета, включающая 38 вопросов. Результаты исследования.

В обучении на юридическом факультете, помимо лекционных занятий, предполагающих изучение дисциплин, важная роль отводится практическому знакомству с будущей профессией. Именно практические занятия позволяют закрепить полученные теоретические знания и дают возможность изучить различные стороны выбранной профессии. Практика в органах МВД дает студентам уникальную возможность прикоснуться к «тайнам следствия», увидеть сложности и ответственность профессии. Возможность наблюдать за экспертами криминалистических экспертных учреждений, сотрудничать с талантливыми сотрудниками полиции, которые с энтузиазмом занимаются своим делом, позволяет привить любовь к честной и добросовестной работе у подрастающего поколения юристов.

Однако, как показало исследование, опыт прохождения практики в органах МВД имеет незначительное число опрошенных – только 8,1%.

Основными местами практики стали Полиция (4,3%) и Главное Управление МВД (2,8%).

При этом сами студенты остались удовлетворены этим опытом. Об этом косвенно говорит тот факт, что большинство тех, кто проходил практику в органах МВД (76,5%), хотели бы остаться там работать, см. рисунок 1.

Студенты положительно относятся к профессиональной преемственности, допуская ее необходимость практически во всех сферах. И это не случайно – опрос показал, что в области высшего юридического образования

профессиональная преемственность остается достаточно высокой, см. рисунок 2.

ХОТЕЛОСЬ БЫ ВАМ ОСТАТЬСЯ В ОРГАНАХ МВД ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАБОТЫ?

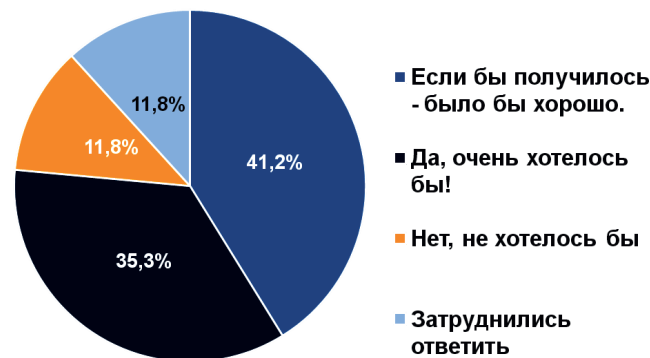

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о желании остаться после прохождения практики в органах МВД для дальнейшей работы

Так, у каждого третьего опрошенного студента (33,7%) есть родственники, работающие в органах МВД. Близких знакомых в системе МВД имеют более половины (57,8%) студентов-юристов.

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, хороша ли преемственность в профессии

Анализируя мотивы выбора юридического факультета в зависимости от наличия родственников в МВД, можно отметить, что наличие родственников является мотивирующим фактором, пусть и не самым главным см. рисунок 3. Так, среди тех, у кого есть родственники в МВД, более трети указали, что это стало для них мотивом выбора специальности.

МОТИВЫ ВЫБОРА ЮРИДИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ НАЛИЧИЯ РОДСТВЕННИКОВ, РАБОТАЮЩИХ В СИСТЕМЕ МВД

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос о мотивах выбора юридической специальности в зависимости от наличия родственников, работающих в Системе МВД

В тоже время заметно, что студенты, не имеющие родственников в МВД, чаще мотивируют свой выбор желанием получить статусную профессию и интересную работу. Студенты же, у которых есть родственники

работающие в структурах МВД, при высоком интересе к профессии и ее статусу больше мотивированы заработной платой.

Не смотря на толерантное отношение к преемственности и убежденности в том, что она допустима в любых сферах, студенты демонстрируют негативное отношение к возможной помощи родственников и близких в учебе и дальнейшем карьерном продвижении. В целом по выборке менее третьей части опрошенных допускают сценарии личного продвижения с использованием «родственного ресурса», см. рисунок 4.

Большинство студентов негативно относятся к «помощи» родственников в учебе и продвижении по карьерной лестнице, независимо от того, есть у них родственники в МВД или нет.

ХОТЕЛИ БЫ ВЫ, ЧТОБЫ РОДСТВЕННИКИ ПОМОГАЛИ ВАМ В УЧЁБЕ И ПРОДВИЖЕНИИ ПО КАРЬЕРНОЙ ЛЕСТНИЦЕ?

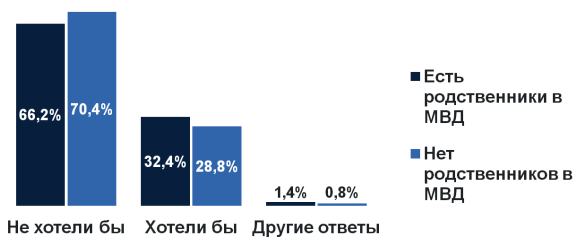

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос об их желании, чтобы родственники помогли им в учебе и продвижении по карьерной лестнице

Опрос показал, что в целом студенты юридических факультетов положительно относятся к работе в органах МВД. Об этом можно судить по такому косвенному показателю, как отношение к службе в органах ближайших родственников. Негативное восприняли такую возможность только единицы опрошенных (3,8%).

При этом большинство студентов (72%) отрицательно относятся к ситуации, когда родители, работающие в органах МВД, принуждают своих детей к учебе в ведомственных образовательных учреждениях. Каждый пятый (23,2%) относится к таким историям равнодушно-нейтрально. И только 4,3% одобряют поведение родителей в подобных ситуациях.

Эти ответы вполне согласуются с представленными выше данными о неприятии большинством студентов помощи со стороны работающих в структурах МВД родственников.

Участникам исследования предлагалось порассуждать на предмет необходимых изменений в существующей системе МВД России, см. рисунок 5. Безусловно, такая постановка студентов в позицию экспертов не имеет под собой серьезных оснований. Их ответы в данном случае отражают скорее некое общее восприятие, без претензии на профессиональный уровень аналитики.

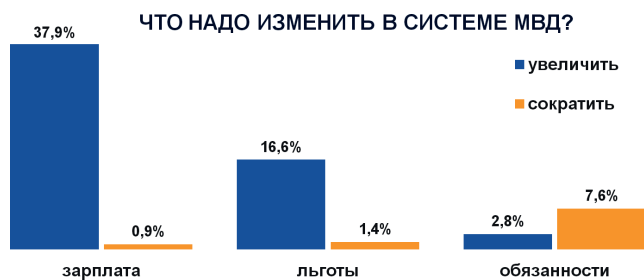

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, что надо изменить в системе МВД

В целом большинство ответов касались трех составляющих: заработная плата, льготы и обязанности

сотрудников МВД. Относительно первых двух пунктов чаще всего высказывались мнения о необходимости их увеличить. По вопросу обязанностей было выражено гораздо меньшее количество ответов, и они носили не столь полярный характер. Тем не менее, чаще высказывалось мнение, что число обязанностей сотрудников МВД надо увеличить.

Отметим также, что 29,4% опрошенных считают, что в существующей системе МВД ничего менять не надо.

Специфический взгляд демонстрируют студенты юридических факультетов на преимущества службы в органах МВД, см. рисунок 6. Не смотря на юный возраст опрошенных (18–24 лет) главным преимуществом для них является ранний выход на пенсию. На втором месте – карьерный рост.

Нельзя не отметить, единичное число мнений о гуманистической и социальной миссии сотрудников МВД (о возможности обеспечивать безопасность в обществе, очистить общество от криминала и т.п.).

ПРЕИМУЩЕСТВА СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ МВД

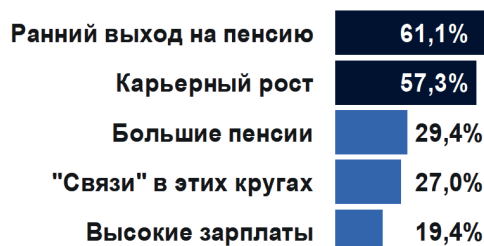

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос о преимуществе службы в органах МВД

Согласно данным опроса, только 8,1% студентов юридических факультетов проходили практику или стажировались в органах МВД, преимущественно в полиции или Главном Управлении МВД. Этот показатель представляется особенно недостаточным на фоне высокой удовлетворенности студентов этим опытом: большинство тех, кто проходил практику в органах МВД, хотели бы остаться там работать. Очевидно, необходимо расширение сотрудничества органов МВД с юридическими институтами и факультетами вузов для более массового привлечения студентов к стажировкам и практикам в подразделениях МВД.

Опрос показал, что студенты лояльно относятся к профессиональной преемственности, считая, что она допустима во всех сферах. Это и неудивительно, учитывая, что каждый третий имеет родственников, работающих в МВД, а более половины – близких знакомых, работающих в органах МВД. Положительным в данном случае является тот факт, что преемственность в сознании студентов не совместима с принуждением младшего поколения идти по стопам старшего, а может осуществляться только на добровольной основе.

Не приемлют студенты и помощи в учебе и карьере со стороны влиятельных и статусных родственников и знакомых, независимо от того, имеют ли они сами таких родственников.

Студенты юридических факультетов скорее положительно относятся к работе в органах МВД. Этот вывод подтверждается замерами по такому косвенному показателю, как отношение к возможной службе в органах ближайших родственников. Половина участников опроса одобрительно отнеслись к такой перспективе, еще треть относятся к этому нейтрально.

В чем же студентам видятся преимущества работы в органах МВД? Не смотря на молодой возраст опрошенных (18–24 лет) главными «плюсами» службы в МВД для

них являются ранний выход на пенсию и карьерный рост. Таким образом, опрошенные вряд ли будут склонны руководствоваться романтическими и гуманистическими соображениями при выборе работы в органах, предпочитая им меркантильные интересы.

Не случайно, отвечая на вопрос о необходимых изменениях в системе МВД, студенты чаще всего говорили о материальной составляющей, ратуя за повышение заработной платы сотрудникам МВД.

Литература

1. Мониторинг качества приема в вузы [Электронный ресурс] / Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. – 2022. – Режим доступа: <https://ege.hse.ru/rating/2022/91645072/all/> (дата обращения: 10.02.2023)
2. Федеральный закон от 27.05. 2003 № 58-ФЗ (ред. от 02. 07. 2013) « О системе государственной службы в Российской Федерации».
3. Бурдин К.И. Орган внутренних дел и общественные объединения сотрудников: монография. Владимир: ВлЮИ, 2000. – 95 с.
4. Хагур, Ф.Р. Категория «удовлетворенность трудом» в социологическом измерении / Ф.Р. Хагур // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 8. – С. 82–84.
5. Реунова, А.Ю. Удовлетворённость избранной профессией и субъективное благополучие личности / А.Ю. Реунова, Л.Н. Зыбина, Н.М. Мантурова // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 3(70). – С. 393–398.
6. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А., Рожин В.П. Человек и его работа (социологическое исследование)/ Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М., «Мысль», 1967. – 392 с.
7. Штольберг Р. Социология труда. М., 1982. – 248 с.
8. Ядов, В.А. Удовлетворенность работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического истолкования / В.А. Ядов, А.А. Киссель // Социологические исследования. – 1974. – № 1. – С. 78–88.
9. Карташова, Л.В. Организационное поведение / Л.В. Карташова, Т.В. Никонова, Т.О. Соломанидина; Российская экономическая акад. им. Г.В. Плеханова. – 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2007. – 382 с.
10. Мартышенко, Н.С. Исследование процессов, влияющих на удовлетворенность студентов выбором специальности / Н.С. Мартышенко // Современное образование. – 2017. – № 4. – С. 131–142.

THE ATTITUDE OF STUDENTS OF LAW FACULTIES TO SERVICE IN THE BODIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

Loginova I.A.

Samara National Research University

The article presents the results of a sociological study in order to describe the attitude of students in the direction of training “Jurisprudence” to service in the bodies of the Ministry of Internal Affairs. Approaches to the definition of the category of “job satisfaction” are considered in order to identify factors that affect satisfaction with service in the bodies of the Ministry of Internal Affairs. The following indicators were used to describe the attitude of law students to service in the bodies of the Ministry of Internal Affairs: experience in internships in the bodies of the Ministry of Internal Affairs; attitude to continuity in the profession and the help of relatives in a career and study; ideas about the benefits of service in the system of the Ministry of Internal Affairs and the necessary changes in it. As a result, it was found that the internship or internship in the bodies of the Ministry of Internal Affairs has a positive effect on the desire to continue their labor activity there. The results of the study showed that students are loyal to professional succession. Students of law faculties are rather positive about working in the bodies of the Ministry of Internal Affairs, the main “advantages” of which for them are early retirement and career growth. The salary, according to the respondents, needs to be reviewed.

Keywords: bodies of the Ministry of Internal Affairs, job satisfaction, motives for work, professional succession.

References

1. Monitoring the quality of admission to universities [Electronic resource] / National Research University Higher School of Economics. – 2022. – from: <https://ege.hse.ru/rating/2022/91645072/all/>
2. Federal law of 27.05. 2003 No. 58-FZ (as amended on 02.07.2013) “On the system of public service in the Russian Federation”.
3. Burdin K.I. Internal affairs body and public associations of employees: monograph. Vladimir: VLUI, 2000. – 95 p.
4. Khagur F.R. Category “job satisfaction” in the sociological dimension / F.R. Khagur // Theory and practice of social development. – 2011. – No. 8. – P. 82–84.
5. Reunova A. Yu. Satisfaction with the chosen profession and subjective well-being of the individual / A. Yu. Reunova, L.N. Zyбина, N.M. Manturova // World of Science, Culture, Education. – 2018. – No. 3(70). – P. 393–398.
6. Zdravomyslov A.G., Yadov V.A., Rozhin V.P. Man and his work (sociological study) / Ed. A.G. Zdravomyslova, V.P. Rozhina, V.A. Yadov. M., “Thought”, 1967. – 392 p.
7. Stolberg R. Sociology of labor. M., 1982. – 248 p.
8. Yadov V.A. Satisfaction with work: an analysis of empirical generalizations and an attempt at their theoretical interpretation / V.A. Yadov, A.A. Kissel // Sociological research. – 1974. – No. 1. – P. 78–88.
9. Kartashova L.V. Organizational behavior / L.V. Kartashova, T.V. Nikonova, T.O. Solomanidina; Russian economic acad. them. G.V. Plekhanov. – 2nd ed., revised. and additional Moscow: INFRA-M, 2007. – 382 p.
10. Martyschenko N.S. Study of the processes influencing student satisfaction with the choice of specialty / N.S. Martyschenko // Modern education. – 2017. – No. 4. – P. 131–142.

Символическое потребление как фактор изменения социально-стратификационной структуры общества в условиях виртуализации

Плетнев Александр Владиславович,

кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы
E-mail: venger.vin@rambler.ru

Конанчук Светлана Витальевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры управления социальной сферой Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы
E-mail: moskov_sveta@mail.ru

Анализ множества публикаций, посвящённых специфике современной экономики, позволяет с уверенностью утверждать, что главной движущей силой экономики является символическое потребление. В условиях рынков, перенасыщенных любыми видами товаров и услуг, увеличение продаж возможно только путём дополнительного стимулирования потребительского спроса. Инструментом такого стимулирования является символический статус ассоциируемый с вещью. По сути продаются не столько товары и услуги, сколько те качества, которыми они должны наделять владельца. Это обстоятельство делает предметом внимания потребителей наиболее дорогие брендовые и трендовые вещи. В результате в стоимости товара появляется символическая составляющая, которая может привести к существенному удорожанию товара. Символическое потребление приводит к существенному усилению стратификации. Особенно это касается субъективного аспекта стратификации, порождающего феномен сверхновой бедности. Сверхновые бедные не относятся к низшим стратам по объективным основаниям, однако постоянно ощущают себя нуждающимися. Описанные процессы являются не просто некими новыми тенденциями, а свидетельствуют о формировании принципиально нового типа культуры – неоконсервативной формации. Процессы виртуализации не оказывают определяющего влияния на экономику и общество. Однако цифровая коммуникация становится крайне эффективным инструментом манипулирования символическим потреблением.

Ключевые слова: неоконсерватизм, маркетинг, общество потребления, социальные изменения, виртуализация, аномия.

Введение

Первые два десятилетия XXI века характеризуются стремительными тенденциями социальных изменений. В научной литературе, посвященной социологическим и экономическим проблемам, центральными темами остаются потребление [9] и неравенство [4] в распределении богатства между индивидами и социальными группами. Общество потребления сохраняется, однако исследователи отмечают изменения в его структуре [7, с.190], а также большую динамику изменений в этом обществе. Социологи и экономисты связывают эти тенденции с цифровизацией коммуникации, виртуализацией социальных отношений, зарождением Индустрии 4.0.

Однако несмотря на большое количество научных публикаций и предложенных парадигм осмысления социальной экономической ситуации выводы исследователей касаются скорее симптомов и последствий глубинных социальных процессов не затрагивая их реальные причины. Научные публикации носят фрагментарный характер, раскрывая только определенный аспект явления. Это противоречие лежит в основе исследовательского вопроса нашего исследования, который заключается в необходимости выявить реальные причины существенных изменений социально-экономической ситуации в начале XXI века, а также выяснить их влияние на развитие маркетинговых коммуникаций – отношений между потребителем и продавцом товара или услуги.

Для ответа на исследовательский вопрос нами были сформулированы цели и задачи исследования. Основная цель исследования заключалась в том, чтобы выявить причины увеличения роли практик символического потребления в обществе и возрастания влияния потребительства как стиля жизни в обществе в целом. Второй целью исследования было выявление причин очевидного возрастания интенсивности социально-экономических процессов на рубеже XX–XXI веков. Третья цель исследования заключалась в том, чтобы выявить влияние цифровизации на социально-экономические процессы.

Для достижения поставленных целей нами были сформулированы задачи исследования. Важной задачей было проанализировать научные публикации, посвященные проблемам новейших социально-экономических изменений и роли виртуализации в общественной жизни. Другой задачей было концептуализировать состояние сверхновой экономики, дать её исчерпывающее теоретическое объяснение. Практической задачей исследования было определить характер маркетинговых коммуникаций в условиях сверхновой экономики.

Методологические ориентации исследования были выбраны нами исходя из классического понимания методологии социологии. В ходе исследования нами была отвергнута постмодернистская методология как не имеющая познавательного потенциала.

В качестве эпистемологической ориентации исследования нами был выбран интерпретативизм. В сфере онтологии мы опирались на социологический номинализм и конструктивизм. Теоретической основой исследования стала концепция сверхновой экономики Дмитрия Иванова, а также оригинальная авторская концепция неока-

питализма. Исследование проводилось нами с использованием методов реконструкции концепции и теоретического синтеза.

Для анализа научной литературы в процессе исследования мы составили выборку научных книг и статей в рецензируемых научных изданиях за период с начала восьмидесятых годов XX века и по настоящее время. Это была фокусированная выборка научных публикаций, посвящённых новейшим изменениям в сфере потребительского поведения.

Степень разработанности проблемы

Феномен общества потребления осмысливается социологами экономистами уже более столетия и эта тема является не новой. Среди множества теоретиков, освещавших эту тему, можно выделить Ж. Бодрийяра, А. Беннетт, С. Кампбелл, А.Ф. Фират, М.А. Шейбл [5, 1]. В наиболее сжатом виде идея общества потребления была сформулирована Филиппом Котлером как стремление к удовлетворению потребностей клиентов [10, с.6]. В целом большая часть литературы, посвящённой проблематике общества потребления, отталкивается от классического марксистского понимания капитализма [6].

Нововведениями в теорию общества потребления можно считать выявление новейших трендов в функционировании этого общества представленных Дмитрием Ивановым в концепции глэм-капитализма «глэм-капитализм растёт, когда производители на гиперконкурентном рынке вынуждены привлекать потребителей агрессивно красивыми товарами / услугами» [8, с.154]. Большое внимание литературе проблеме общества потребления уделяется также роли интернета и социальных сетей в процессе потребления [16, 19]. Некоторые исследователи пытаются применить достижения смежных наук для того чтобы стимулировать потребительскую активность [12]. Однако указанные авторы остаются в рамках классической парадигмы не изменяя её, а только отмечая некоторые тенденции в развитии экономических и социальных процессов. В последние два десятилетия появилось множество оригинальных публикаций по экономической и социальной теории, но они не складываются в единую систему, которая была бы способна объяснить сверхновые экономические тенденции и прийти на смену господствующей парадигме. Появление множества новых феноменов в экономике, смещение экономических акцентов с производства на потребление свидетельствуют о том, что господствующую парадигму необходимо подвергнуть ревизии.

Цифровая среда как пространство манипулирования потребителем

Во множестве научных публикаций, посвящённых социальной экономической проблематике, новейшие тенденции в экономике и социальной жизни связываются с феноменом цифровизации. В различных концепциях для описания этого феномена используется метафоры, описывающие общество как «виртуальное общество», «информационное общество», «цифровое общество». Цифровые технологии несомненно оказывают на общество огромное влияние. Однако характер и степень этого влияния нам необходимо определить, чтобы понять то, в какой степени цифровые технологии определяют специфику сверхнового общества и сверхновой экономики.

При появлении теории виртуализации этот процесс интерпретировали просто как компьютеризация, распространение и компьютерной техники в жизни людей [3]. Артуром Кокером была создана теория виртуаль-

ного класса где процесс виртуализации интерпретировал с неомарксистских позиций [11]. С позиции Крокера виртуализация не просто переход процессов в цифровое пространство и не просто существование виртуального аналога реального объекта но и новая экономическая реальность. В этой реальности появляется новый эксплуататорский класс – виртуальный класс, который является собственником виртуальных средств производства. Здесь следует отметить, что любое виртуальное предприятие имеет вполне реальный штат и физическое воплощение. Виртуальные капиталисты в интерпретации Крокера всю же не создают экономической системы, полностью оторванной от физической реальности. Виртуализация трактовалась Дмитрием Ивановым как виртуализация реальных социальных процессов [9]. Финский социолог Олис Олинахо предложил феноменологическую концепцию виртуализации как виртуализации жизненного мира [13].

Аналогичной теории виртуализации является теория Четвертой промышленной революции Клауса Шваба (индустрия 4.0). Шваб предложил идею наступления принципиально нового этапа в развитии экономики, включающего в том числе и виртуальные технологии [18, с.7]. Шваб также предлагает ускорить процесс этой технологической революции, используя возможности, открывшиеся в период коронавирусной инфекции [17]. Следует отметить, что Шваб так и не смог представить четкого определения индустрии 4.0. По сути он перечисляет все новейшие технологии и не выделяет какого-либо конкретного признака, который позволил бы судить о наступлении эпохи четвёртой промышленной революции.

Концепция виртуализации Глобальное инфополе Web 5.0 описывает перспективную виртуализацию, которая связана с соединением компьютерной сети и нервной сети человека. Это позволит человеку при помощи электромагнитных импульсов непосредственно влиять на виртуальное пространство [14].

Для целей нашего исследования интерес представляет не сколько виртуализация сама по себе, сколько её влияние на социально-экономические процессы. Виртуализация или цифровизация в любой её интерпретации создаёт новое коммуникативное пространство и пространство репрезентации. Это пространство будет использовано индивидами для демонстрации своего статуса и возможностей потребления. По сути виртуализация создаёт ещё одно измерение неравенства. Поскольку демонстративное потребление в виртуальной среде способно охватить гораздо большее количество наблюдателей чем демонстративное потребление в физической реальности, то виртуальная реальность будет вызывать все больший интерес у потребителя и привлекать все большее количество денежных средств. В терминах драматургической социологии виртуальное пространство можно назвать новой ареной и представления себя другим.

Неокапитализм как ключ к пониманию сверхсовременности

Возрастание роли символического потребления, повышение интенсивности социальных процессов в обществе – это не случайные явления и не временные тренды, а следствие фундаментальных социально-экономических изменений. С другой стороны, нет оснований говорить о наступлении принципиально новой эпохи постсовременности. Все концепции постсовременности основываются на идее Бодрийяра о наступлении принципиально новой эры, замене привычной социальности симулякрами, виртуализации социального взаимодействия. Бодрийяр

анализировал социальную реальность, однако понятие «реальность» он трактовал в чисто физическом смысле. Очевидно, что социальные феномены не реальны в том смысле, в котором реальны материальные вещи. Это противоречие в концепции Бодрийяра обуславливает и то, что ложными являются постмодернистские теории. В частности противопоставление «реального» и «виртуально-орго» в постмодернистских концепциях виртуализации лишено смысла.

Симулякры в логике Бодрийяра это копии без оригиналов. Означающее не отсылает к означаемому, не указывает на какое-либо реальное явление. Это понятие имеет определенный смысл, если применять его к рыночным отношениям. Если же мы обратим внимание на любую рекламу товаров и услуг на современном рынке, то мы можем отметить что реклама не указывает на товар. К примеру, в рекламе автомобиля фактически демонстрируется молодость, спортивность, респектабельность. По сути продаётся не вещь, определенные качества, ассоциируемые с вещью. Это основная черта сверхновой экономики, когда потребитель платит за символическое потребление. Его интересует прежде всего, статус связанный с товаром, а сама материальная вещь является носителем данного статуса. Даже такая физиологическая потребность как потребление пищи в логике сверхновой экономики превращается в акт статусного потребления. Например обедая в модном ресторане приготовленное блюдо можно сфотографировать и выложить в Инстаграм. В этой логике нет смысла потреблять что-либо престижное если об этом никто не узнает. Приведенные примеры демонстрируют основу сверхновой (экономики неокapитализма) – статусное потребление. В этой экономике прибыль предприятия делается не в рабочем цеху, не добывается потом и кровью рабочих, а создаётся в кабинете маркетолога. Мы можем говорить о появлении новой формации, поскольку главную роль в экономике теперь играет надстройка а не базис. Неокapитализм это сверхновая формация или тип экономической культуры в котором основой экономики является статусное потребление [15]. Что касается процессов цифровизации то они являются только средством функционирования неокapиталистической экономики, а сами по себе не создают принципиально новый тип экономической культуры. Указанные признаки неокapитализма давно рассмотрены в экономической литературе, однако рассмотрены они частично, не сведены в единую систему и не выделена причина на произошедших в обществе изменений. Образно говоря социологи экономисты похожа на врачей которые скрупулезно перечисли все симптомы мы но так и не поставили диагноз.

Результаты исследования

Проведенное нами исследование показало, что причиной возрастания количества практик символического потребления в обществе является изменение характера потребностей. Акт потребления в сверхсовременном обществе является не удовлетворением потребности в традиционном смысле, а потреблением статуса. Потребление статуса в свою очередь приводит ко всё большей интенсивности социально-экономических процессов. Если внедрение реальных технологических инноваций в производстве и сфере услуг требует определенного времени на разработку, то создать у потребителя субъективное ощущение того, что ему предлагают некий новый товар, можно относительно быстро. К примеру разработка новой технологии производства обуви может занять годы. Однако каждый год или каждый сезон внутри года можно

объявлять определённый тип обуви модным и стимулировать потребителей совершать новые покупки.

Проведенное нами в ходе исследования изучение роли виртуализации в становлении сверхсовременного общества показало, что виртуализация не играет в этом процессе определяющей роли. Виртуальное пространство в условиях сверхновой экономики становится дополнительным местом символического потребления.

Главным результатом проведенного исследования стало обоснование концепции неокapитализма как сверхновой формации, в основе которой лежит символическое потребление, а не реальное производство. Введение концепции неокapитализма может помочь различным специалистам получить системное видение социально-экономических процессов, отделить реальную причину происходящих изменений от второстепенных факторов.

Заключение и дискуссия

Представленное теоретическое исследование позволило выявить причины социальных изменений в начале XXI века. Данный вопрос является сугубо теоретическим, однако может быть результативно использован для выстраивания маркетинговых коммуникаций с потребителями и извлечения прибыли. Причина на происходящих социальных изменений заключается в развитии новой формации или нового типа экономической культуры – неокapитализма. Акцент всей экономики смещается с удовлетворения реальных потребностей на создание и удовлетворение символических потребностей. Символическое потребление является главной целью субъектов экономики и главной движущей силой экономических процессов. Маркетинговые коммуникации в будущем будут основываться не на изучении поведения потребителей, а на конструировании его с социальной точки зрения. Неокapитализм обладает существенными недостатками поскольку потребление товаров и услуг в этом случае приводит не к удовлетворению потребителя, а к возрастанию ощущения неудовлетворённости и социально-психологического стресса. Неокapитализм разрушает традиционные ценности, заменяя их ценностями статусного потребления. Разрушение ценностей в свою очередь приводят к возрастанию аномии, которая является источником различных видов девиантного поведения. Концепция неокapитализма объясняет большой уровень преступности, наркомании, алкоголизма и самоубийств в обществах западного типа.

Данная концепция может быть подвергнута критике поскольку выявить в цене товара её символическую долю не всегда просто. Данный вопрос нуждается в дополнительных эмпирических исследованиях. Для многих товаров, таких как мобильные телефоны, можно сопоставить цену товаров из категории элитных брендов и цену их не дорогих аналогов, поскольку себестоимость производства этих товаров сопоставима. Однако концепция неокapитализма опирается на факты, основано на логике, объясняет регулярно повторяющиеся явления, способна совершать предсказания экономических процессов и отвечает другим характеристикам научной теории. Концепция неокapитализма является хорошей основой как для маркетинговых исследований, так и для дальнейшего развития социальной и экономической теории.

Литература

1. Baudrillard J. The Consumer Society: Myths and Structures. 2016. SAGE. – 240 p.
2. Boatca M., Komlosy A., Nolte H. Global Inequalities in World-Systems Perspective: Theoretical Debates and

- Methodological Innovations (Political Economy of the World-System Annuals). Routledge. 2017. – 222 p.
3. Buhl A. Die Virtuelle Gesellschaft. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. – 342 c.
 4. Burawoy M. Facing an Unequal World // Current Sociology 2015. Vol. 63. № 1. p. 5–34.
 5. Davis M. Consumer Culture and Society: A Critical Introduction. Routledge. 2021. – 272 p.
 6. Hartmann B., Ostberg J., Parment A., Soler C. Unboxing Marketing. Creating Value for Consumers, Firms, and Society. Utbildningshuset. 2020. – 299 p.
 7. Holm N. Advertising and Consumer Society. A Critical Introduction. Palgrave Macmillan. 2016. – 240 p.
 8. Ivanov D. New configurations of inequality and glam-capitalism structures // Global Inequalities in World-Systems Perspective: Theoretical Debates and Methodological Innovations. 2017. C. 154–171.
 9. Ivanov D. Super-urban enclaves of globality and social development in the post-globalization age // 5th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018. Conference proceedings. 2018. p. 847–854.
 10. Kotler P., Kartajaya H., Setiawan I. Marketing 5.0: Technology for Humanity. 2021. Wiley. – 224 p.
 11. Kroker A., Weinstein M. Data trash. The theory of the virtual class. Montreal, 1994. – 180 p.
 12. Lawes L. Using Semiotics in Marketing. How to Achieve Consumer Insight for Brand Growth and Profits. Kogan Page. 2020. – 280 p.
 13. Ollinaho O. Virtualization of the life-world // Human Studies. 2018. Vol. 41. Iss. 2. p 193–209.
 14. Pletnev, A.V. From Web 4.0 to Web 5.0: The Future of Virtualization in the Age of Ultramodernity // Credo New. 2020. Vol. 3. Iss. 103. 156–167. DOI: 10.1615/CritRevBiomedEng.v39.i1.30
 15. Pletnev A.V., Ignatjeva O.A. Neocapitalism as the key to understanding economics and culture in an era of intense ultramodernity // 6th SWS International Scientific Conferences on social sciences 2019. Conference proceedings. 2019. p. 577–582.
 16. Ritch E.L., McColl J. New Perspectives on Critical Marketing and Consumer Society. 2021. Emerald Publishing Limited. – 252 p.
 17. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. 2020. Agentur Schweiz. – 110 p.
 18. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Portfolio Penguin. 2017. – 172 p.
 19. Seymour R. The Twittering Machine. Verso Books. 2020. – 256 p.
 20. Tolstikova I., Ignatjeva O., Kondratenko, K., Pletnev A. Network behavior as a specific feature of generation Z communicative competence and their readiness for online learning // Journal on Interactive Systems. 2023. Vol. 14, Iss. 1, p. 9–19. DOI: 10.5753/jis.2023.3034.

SYMBOLIC CONSUMPTION AS A FACTOR IN CHANGING THE SOCIO-STRATIFICATION STRUCTURE OF SOCIETY IN THE CONTEXT OF VIRTUALIZATION

Pletnev A.V., Konanchuk S.V.

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

An analysis of many publications devoted to the specifics of the modern economy allows us to state with confidence that the main driving force of the economy is symbolic consumption. In conditions of markets oversaturated with any kind of goods and services, an increase in sales is possible only through additional stimulation of consumer demand. The instrument of such stimulation is the symbolic status associated with the thing. In fact, it is not so much goods and services that are sold, but the qualities that they should endow the owner with. This circumstance makes the most expensive brand-

ed and trendy items the focus of attention of consumers. As a result, a symbolic component appears in the cost of the goods, which can lead to a significant increase in the cost of the goods. Symbolic consumption leads to a significant increase in stratification. This is especially true of the subjective aspect of stratification, which gives rise to the phenomenon of supernova poverty. The supernova poor do not belong to the lower strata for objective reasons, but they constantly feel themselves in need. The described processes are not just some new trends, but indicate the formation of a fundamentally new type of culture – a neo-capitalist formation. Virtualization processes do not have a decisive impact on the economy and society. However, digital communication is becoming an extremely effective tool for manipulating symbolic consumption.

Keywords: neo-capitalism, marketing, consumer society, social change, virtualization, anomie.

References

1. Baudrillard J. The Consumer Society: Myths and Structures. 2016. SAGE. – 240 p.
2. Boatca M., Komlosy A., Nolte H. Global Inequalities in World-Systems Perspective: Theoretical Debates and Methodological Innovations (Political Economy of the World-System Annuals). Routledge. 2017. – 222 p.
3. Buhl A. Die Virtuelle Gesellschaft. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. – 342 c.
4. Burawoy M. Facing an Unequal World // Current Sociology 2015. Vol. 63. № 1. p. 5–34.
5. Davis M. Consumer Culture and Society: A Critical Introduction. Routledge. 2021. – 272 p.
6. Hartmann B., Ostberg J., Parment A., Soler C. Unboxing Marketing. Creating Value for Consumers, Firms, and Society. Utbildningshuset. 2020. – 299 p.
7. Holm N. Advertising and Consumer Society. A Critical Introduction. Palgrave Macmillan. 2016. – 240 p.
8. Ivanov D. New configurations of inequality and glam-capitalism structures // Global Inequalities in World-Systems Perspective: Theoretical Debates and Methodological Innovations. 2017. C. 154–171.
9. Ivanov D. Super-urban enclaves of globality and social development in the post-globalization age // 5th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018. Conference proceedings. 2018. p. 847–854.
10. Kotler P., Kartajaya H., Setiawan I. Marketing 5.0: Technology for Humanity. 2021. Wiley. – 224 p.
11. Kroker A., Weinstein M. Data trash. The theory of the virtual class. Montreal, 1994. – 180 p.
12. Lawes L. Using Semiotics in Marketing. How to Achieve Consumer Insight for Brand Growth and Profits. Kogan Page. 2020. – 280 p.
13. Ollinaho O. Virtualization of the life-world // Human Studies. 2018. Vol. 41. Iss. 2. p 193–209.
14. Pletnev, A.V. From Web 4.0 to Web 5.0: The Future of Virtualization in the Age of Ultramodernity // Credo New. 2020. Vol. 3. Iss. 103. 156–167. DOI: 10.1615/CritRevBiomedEng.v39.i1.30
15. Pletnev A.V., Ignatjeva O.A. Neocapitalism as the key to understanding economics and culture in an era of intense ultramodernity // 6th SWS International Scientific Conferences on social sciences 2019. Conference proceedings. 2019. p. 577–582.
16. Ritch E.L., McColl J. New Perspectives on Critical Marketing and Consumer Society. 2021. Emerald Publishing Limited. – 252 p.
17. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. 2020. Agentur Schweiz. – 110 p.
18. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Portfolio Penguin. 2017. – 172 p.
19. Seymour R. The Twittering Machine. Verso Books. 2020. – 256 p.
20. Tolstikova I., Ignatjeva O., Kondratenko, K., Pletnev A. Network behavior as a specific feature of generation Z communicative competence and their readiness for online learning // Journal on Interactive Systems. 2023. Vol. 14, Iss. 1, p. 9–19. DOI: 10.5753/jis.2023.3034.

Исследование убеждений и установок городского населения относительно здорового образа жизни

Ревенко Наталья Владимировна,

к.и.н., доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права
E-mail: kaf-gsp-zav@buker.ru

Сережко Татьяна Алексеевна,

к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права
E-mail: serezhko@mail.ru

Кашук Маргарита Александровна,

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права
E-mail: kashchuk@bsu.edu.ru

В статье представлены результаты исследования отношения к здоровому образу жизни в местном сообществе в ходе комплексного проекта по профилактике в одном из районов г. Белгорода. Были проведены три фокус-группы с горожанами в возрасте 45–70 лет ($n = 28$). Тематический качественный анализ применялся к дословным стенограммам для выявления новых тем. Результаты исследования показали, что респонденты испытывают сильное влияние социальной и физической среды на образ жизни. Этот вывод поддерживает интегрированный подход к профилактическим медицинским услугам для этой группы населения.

Ключевые слова: здоровье, отношение к здоровью, здоровый образ жизни.

Раннее выявление и изменение конкретных поведенческих факторов риска может привести к снижению заболеваемости и смертности [2]. Программы вмешательства в образ жизни могут привести к изменению поведения отдельных лиц и потенциально оказать положительное влияние на здоровье и качество жизни. Однако эффекты программ профилактики, как правило, невелики, особенно когда они не ориентированы на пациентов группы высокого риска [4].

Комплексный подход – при его внедрении – может повысить эффективность профилактических программ. Этот подход признает влияние социальной и физической среды и характеризуется межсекторальным сотрудничеством, разработанным на уровне местного сообщества. Комплексные программы профилактики характеризуются адаптацией к местному контексту, поскольку эффективность может быть повышена, если они ориентированы на поведение пользователей, связанное со здоровьем [5]. Как отмечают Т.А. Сережко и Я.В. Иваненко, изучая восприятие и убеждения целевой группы населения, можно понять поведение в отношении здоровья и лучше адаптировать программы профилактики к потребностям пользователей [5].

Цель данного исследования – получить представление о текущих установках в отношении здорового образа жизни в рамках комплексного проекта профилактики на уровне местного сообщества среди городского населения.

Качественным методом с использованием фокус-групп мы исследуем убеждения, установки и потребности в отношении здорового образа жизни, уделяя особое внимание следующим ключевым вопросам: представления о здоровом образе жизни, влияние на изменение образа жизни и потребности местного сообщества в создании и поддержании изменений в образе жизни. Для сбора данных использовались дискуссионные сессии фокус-групп. Такие сеансы способствуют получению более обширных данных, чем индивидуальные интервью или анкетирование, за счет группового взаимодействия. Было проведено три отдельных заседания фокус-групп, в среднем по девять участников в каждой группе. Не было совпадения участников разных сессий. Для руководства дискуссией использовался полуструктурированный формат с набором в основном открытых вопросов. Качественный контент-анализ был проведен на основе стенограмм дискуссий в фокус-группах с анонимным цитированием. В результате определены несколько ключевых тем: представления о «здоровом» поведении, ответственность за здоровье, роль врача-терапевта, восприимчивый поведенческий контроль, внешние влияния на изменение поведения, потребности местного сообщества в формировании ЗОЖ.

Когда участников попросили дать определение здоровому образу жизни, они начали давать формулировки в соответствии с ведущими культурными представлениями о здоровом образе жизни. Некоторые участники выразили мнение, что здравый смысл подсказывает большинству людей то, как они должны поступать, чтобы вести здоровый образ жизни. Когда обсуждались причины изменения образа жизни, многие участники заявили,

что они «чувствуют себя хорошо», когда ведут здоровый образ жизни.

В целом, участники сообщили о сильном нормативном убеждении в личной ответственности в вопросах здравоохранения. Большинство участников заявили, что начинать менять поведение – это прежде всего забота самого человека. Было высказано общее мнение, что люди должны сначала приложить серьезные усилия, прежде чем обращаться за (профессиональной) поддержкой; однако поддержка была воспринята как приемлемая. Некоторые участники отметили, что до тех пор, пока они чувствуют себя хорошо, они не испытывают желания менять поведение.

При обсуждении ответственности некоторые участники заявили, что они будут посещать врача общей практики только тогда, когда у них возникнут подозрения на личные проблемы со здоровьем. Пока они чувствуют себя здоровыми, считают, что терапевт играет минимальную роль в профилактических мероприятиях. Некоторые участники заявили, что вопрос о том, консультироваться ли со своим врачом по вопросам здорового образа жизни или нет, зависит от личной связи, которую они чувствуют со своим терапевтом. Другие участники заявили, что они консультируются со своим врачом, чтобы получить направление к подходящему специалисту, например, к диетологу.

Во всех трех фокус-группах была выражена твердая вера во внутреннюю мотивацию для достижения изменений в поведении. Большинство участников сказали, что «внутренний драйв» и позитивный настрой позволяют инициировать изменение поведения.

Что касается внешнего влияния на изменение поведения, то первое место в обсуждении получило непосредственное социальное окружение. В целом сообщалось, что супруги играют важную роль в изменении поведения. Изменение образа жизни вместе с партнером или другом обычно рассматривалось как важный мотиватор для поддержания изменения поведения. Участники объяснили стимулирующую функцию совместного изменения поведения двумя факторами. Во-первых, большинство участников восприняли аспект общения как приятный. Во-вторых, наличие кого-то, кто напоминает о достигнутых соглашениях, было воспринято многими участниками как полезное. Некоторым участникам было труднее изменить свое поведение, когда их партнер не присоединялся к их усилиям.

Местная окружающая среда стала важной темой при обсуждении вопросов здравоохранения в различных фокус-группах. Некоторые участники сообщили, что чувствовали себя одинокими. Тишина и покой преимущественно указывались как важные факторы благополучия, и большинство участников воспринимали их как неудовлетворительные. При обсуждении местного ландшафта оказалось, что он сильно влияет на уровень физической активности. Многие участники предпочитают заниматься спортом на свежем воздухе и считают окружающую среду подходящей для тренировок.

Потребности, упомянутые в фокус-группах для достижения здорового образа жизни в местном сообществе, включали индивидуальный подход, легкодоступную оценку риска для здоровья и структурированный обзор объектов и услуг в сфере ЗОЖ. Многие участники подчеркивали необходимость индивидуального подхода, который должен соответствовать личным предпочтениям и обстоятельствам. Некоторые участники отдали предпочтение личной беседе при посещении медицинского работника.

Все участники заявили, что имеют достаточно возможностей для изменения поведения в местном сооб-

ществе. Тем не менее, некоторые участники получали противоречивые советы по поводу здоровья от разных специалистов. Некоторые участники выступали за сотрудничество различных медицинских работников в одном центре, а также выразили потребность в измеримых результатах своего поведения в отношении здоровья. Большинство этих участников считали, что профилактика заболеваний может быть эффективной благодаря ранней диагностике. Они выразили пожелание, чтобы такая проверка здоровья была легкодоступной и бесплатной. По мнению участников, эта «проверка» не должна иметь обязательных последствий. Один участник указал на ложную уверенность, которую может повлечь подобное тестирование.

В этом исследовании мы изучили перспективы здорового образа жизни и предполагаемые влияния на изменение образа жизни в поведении городского населения. Используя качественный анализ интервью с фокус-группами, было выявлено растущее влияние социальной и физической среды на состояние здоровья и образ жизни. Участники отметили важность личной ответственности за «здоровое» поведение. На основе анализа результатов в представленной выборке можно выделить несколько практических последствий для системы профилактики на уровне местного сообщества: персонализация медицинской помощи, структурированный и централизованный обзор медицинских услуг и легкодоступная оценка риска для здоровья.

Во-первых, участники всех фокус-групп преимущественно обсуждали свое жизненное и социальное окружение как факторы, определяющие их здоровье, благополучие и последующее поведение в отношении здоровья. В научной литературе отмечается, что фактор социальной и физической среды, как правило, отсутствует в представлении непрофессионалов о детерминантах здоровья [1], в то время как влияние социальной сплоченности и общинных процессов, непосредственного социального окружения и физической среды на поведение в отношении здоровья неоднократно демонстрируется в исследованиях [1]. В нашей выборке городские жители признали важность этих факторов. Комплексный подход может быть ключом к эффективной профилактике, поскольку он отражает убеждения пользователей в этом сообществе.

Комплексная профилактика на уровне микросоциума может быть перспективной [3]. Однако результаты и воздействие этих программ все еще сложно оценить. Многочисленные мероприятия, как правило, взаимодействуют, а программы варьируются в разных сообществах и их трудно измерить и сравнить.

Во-вторых, в нашей выборке появилась сильная норма личной ответственности. Участники воспринимали себя как имеющих выбор и несущих ответственность за его принятие. Современные стратегии укрепления здоровья, которые фокусируются на личной ответственности каждого человека, по-видимому, приняты участниками нашего исследования [3]. Возникающая тема ответственности за здоровье имеет последствия для ожиданий относительно роли медицинских работников в формировании образа жизни. Участники сообщили о минимальной роли своего терапевта в изменении поведения. Что касается комплексного подхода, то роль терапевта могла бы быть более стимулирующей, включая направление к подходящим специалистам.

В-третьих, в нашей выборке были сделаны некоторые практические выводы для профилактики на уровне местного сообщества. Возникла необходимость в персонализированном подходе. Участники подчеркнули, что при предоставлении рекомендаций по образу жизни

следует учитывать индивидуальные предпочтения и обстоятельства. Кроме того, участники заявили о своей потребности в легкодоступной оценке риска для здоровья, состоящей из биометрических измерений, таких как кровяное давление, анализы крови и мочи. Участники нашей выборки заявили, что эти измерения могли бы сделать рекомендации по образу жизни более реалистичными. Наконец, наше исследование показало необходимость структурированного, организованного и централизованного сотрудничества между различными специалистами. Участники сообщили, что наличие множества вариантов услуг и мероприятий, связанных с образом жизни, сбивает с толку; выступили за четкий обзор и предоставление информации. По всей видимости, респонденты испытывают перегрузку информацией о здоровье и с трудом структурируют ее и управляют ею. Эти выводы подтверждают необходимость структурированного сотрудничества между всеми сторонами, участвующими в комплексной профилактике и актуализируют необходимость работы специалистов по здоровому образу жизни, которые в доступной форме смогу проконсультировать о влиянии физической культуры и спорта на организм человека, принципах подготовки к выполнению норм ГТО, основах здорового питания, профилактике вредных привычек и зависимостей, организации здорового образа жизни на производстве [4].

Насколько нам известно, представленное исследование уникально поскольку, подобных исследований фокус-групп не проводилось в сопоставимых условиях и среди сопоставимой выборки для изучения представлений о здоровом образе жизни.

Наше исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, процесс группового взаимодействия на сессиях фокус-групп может способствовать раскрытию информации, но также может стимулировать самопрезентацию и социально желательное поведение. Во-вторых, на результаты может повлиять состав участников. Очевидно, что исследуемые респонденты были относительно хорошо образованны, работающие или вышедшие на пенсию. Участники обладают относительно высокой медицинской грамотностью, что может повлиять на их убеждения относительно ЗОЖ. Медицинская грамотность может быть связана с более высоким уровнем самоуправления, что делает темы ответственности за здоровье и предполагаемого контроля за поведением более ярко выраженными. Однако, поскольку городской округ характеризуется относительно хорошо образованным и занятым населением, предполагается, что выборка является репрезентативной для местного сообщества. Более того, методология фокус-групп направлена на выявление новых тем в ходе управляемых дискуссий, а не на получение репрезентативной картины этих тем среди населения. Однако необходимо провести дальнейшие качественные исследования.

Таким образом, данное исследование дало представление о перспективах изменения образа жизни и поведения населения городского округа. Сильное влияние социальной и физической среды, о котором сообщается респондентами, свидетельствует в пользу комплексного

подхода к профилактическим услугам в сфере формирования здорового образа жизни.

Литература

1. Киселева Л.С. Социальные детерминанты здоровья россиян // Регионоведение. 2016. № 1 (94).
2. Максимова Ж. В., Максимов Д.М. Скрининг: современный взгляд на раннюю диагностику и профилактику хронических неинфекционных заболеваний // Архивъ внутренней медицины. 2014. № 6.
3. Москаленко В.Ф. Новая профилактическая стратегия – эффективный инструмент решения современных проблем общественного здоровья // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2009. № 1.
4. Разработка просветительских программ формирования у детей и молодежи устойчивых стереотипов здорового образа жизни. Методические рекомендации / Автор-составитель: И.В. Вачков. – М.: ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2020.
5. Сerezhko T.A., Ivanenko Ya.V. Физическая культура и спорт в системе ценностных ориентаций молодежи // Управление городом: теория и практика. № 1 (28), март 2018. – С. 95–100.

RESEARCH OF BELIEFS AND ATTITUDES OF THE URBAN POPULATION REGARDING A HEALTHY LIFESTYLE

Revenko N.V., Serezhko T.A., Kashchuk M.A.

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The article presents the results of a study of attitudes to a healthy lifestyle in the local community during a comprehensive prevention project in one of the districts of Belgorod. Three focus groups were conducted with citizens aged 45–70 years (n = 28). Thematic qualitative analysis was applied to verbatim transcripts to identify new topics. The results of the study showed that respondents experience a strong influence of the social and physical environment on their lifestyle. This finding supports an integrated approach to preventive health services for this population group.

Keywords: health, attitude to health, healthy lifestyle.

References

1. Kiseleva L.S. Social determinants of health of Russians // Regionology. 2016. № 1 (94).
2. Maksimova Zh. V., Maksimov D.M. Screening: a modern view on early diagnosis and prevention of chronic non-communicable diseases // Archive of Internal Medicine. 2014. No.6.
3. Moskalenko V.F. A new preventive strategy is an effective tool for solving modern problems of public health // Health is the basis of human potential: problems and ways to solve them. 2009. № 1.
4. Development of educational programs for the formation of stable stereotypes of a healthy lifestyle among children and youth. Methodological recommendations / Author-compiler: I.V. Vachkov. – M.: FSBI “Center for the Protection of the Rights and Interests of Children”, 2020.
5. Serezhko T.A., Ivanenko Ya.V. Physical culture and sport in the system of value orientations of youth // City management: theory and practice. No. 1 (28), March 2018. – pp. 95–100.

О необходимости применения ситуационного подхода в управлении структурами государственной власти (на примере суда общей юрисдикции)

Асташев Роберт Владимирович,

аспирант ГБОУВО Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова»
E-mail: astarobert20092009@yandex.ru

Швандерова Алла Робертовна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Российский университет правосудия»
E-mail: ashvanderova@yandex.ru

В статье рассмотрены аспекты применения ситуационного подхода в управлении судом общей юрисдикции обусловленные различными новыми вызовами к системе государственного управления Российской Федерации. В современных условиях становится очевидным, что эффективная, успешная деятельность суда напрямую зависит от организации управленческой деятельности, практика которой доказала, что ни один из известных методов управления не универсален, поскольку современное динамично меняющееся общество, реально складывающиеся социально-экономические отношения постоянно порождают непредвиденные, подчас экстремальные ситуации, решение которых требует нестандартных для четко регламентированной управленческой деятельности подходов. Ситуационный же подход нацелен на выявление нестандартных обстоятельств, которые могут повлиять на работу органа судебной власти. В этой связи возникает необходимость применять гибкие методы управления, применимые к сложившимся ситуациям. С этой точки зрения ситуационный подход к управлению является лучшим, при этом названный подход не отвергает значимости иных известных подходов к управлению – он интегрирует их, отбирая самые эффективные их методы для регулирования конкретной ситуации. В результате исследования теоретических и практических аспектов ситуационного подхода к управлению сложилась определенная концепция ситуационного управления, основные положения которой изложены в представленной статье. В заключение отмечены очевидные преимущества и ограничения применения ситуационного подхода к управлению.

Ключевые слова: управление, «закон ситуации», ситуационный подход, субъект и объект управления, управленческая ситуация.

Современное Российское государство – правовое, демократическое, светское и социальное, основанное на приоритете личности, прав и свобод человека, политическом плюрализме и принципе разделения властей невозможно без сильного, независимого и справедливого суда, организация деятельности которого четко регламентирована Конституцией Российской Федерации, Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», Федеральным конституционным законом от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», Законом Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральным законом от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», Федеральным законом от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», Федеральным законом от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» и другими.

Очевидно, что эффективная, отвечающая вызовам времени деятельность суда напрямую сказывается на состоянии законности и правопорядка, на соблюдении прав человека, выполнении задач, поставленных государством, повышении качества оказания юридических услуг гражданам и организациям, что является одной из целей правовой реформы в Российской Федерации, безусловно, зависит от организации управленческой деятельности, упорядочивающей жизнь социума посредством интеллектуального взаимодействия в процессе реализации предварительно выработанных управленческих решений с учетом объективных условий.

Сущность управленческой деятельности очень точно, на наш взгляд, определил один из основателей административной школы управления Анри Файоль: «Управлять – значит предвидеть, организовывать, распоряжаться, координировать и контролировать; предвидеть, то есть учитывать грядущее и выработать программу действий; организовывать, то есть строить двойной – материальный и социальный – организм предприятия; распоряжаться, то есть заставлять персонал надлежаще работать; координировать, то есть связывать, объединять, гармонизировать все действия и усилия; контролировать, то есть заботиться о том, чтобы все совершалось согласно установленным правилам и отданным распоряжениям» [15].

Социологическая наука знает пять основных подходов к организации управленческой деятельности: системный, ситуационный, творческий, дескриптивный и нормативный, однако практика управленческой деятельности показывает, что ни один из этих методов не универсален, поскольку современное динамично меняющееся общество, реально складывающиеся социально-экономические отношения постоянно порождают непредвиденные, подчас экстремальные пробле-

мы, решение которых требует нестандартных для четко регламентированной управленческой деятельности подходов. Кроме того, как справедливо утверждают Афонин И.Д., Бузмакова Т.И., Кирилина Т.Ю., Мумладзе Р.Г., Смирнов В.А., «нет двух совершенно одинаковых организаций. Попытки руководить на основании каких-то общих принципов, игнорируя все, что делает учреждения... непохожими друг на друга, неизбежно оборачиваются серьезными проблемами...» [3; 69–70]. Иными словами, нет универсального подхода к управлению, самым эффективным будет тот, который в непредвиденной ситуации поможет сохранить работоспособность организации и минимизировать негативные последствия.

Так, обращение к ситуационному подходу за «скорой помощью» в конце 2019 года в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации стало очевидным признанием эффективности ситуационного подхода. В связи со сложившейся обстановкой в стране Президиум Верховного Суда РФ совместно с Президиумом Совета судей РФ вынес от 18.03.2020 № 808 « О приостановлении личного приема граждан в судах». В соответствии с этим было приостановлено производство по всем категориям дел, кроме безотлагательных. В результате на какое-то время институты судебной власти оказались «блокированными». Для оперативного решения данной проблемы судам было рекомендовано рассмотрение любых категорий дел с использованием систем видео-конференц-связи.

Справедливости ради необходимо отметить, что практике слушания дел в удаленном режиме посредством видео- конференц-связи на тот момент было уже более 20 лет – впервые такие слушания состоялись в Верховном Суде Российской Федерации в апреле 2000 года по трем уголовным делам, и с тех пор суды федерального уровня оснащались системами видео-конференц-связи для проведения судебных заседаний в дистанционном режиме, однако, в период всеобщего карантина дистанционное взаимодействие граждан с органами судебной власти стало практически повсеместной практикой и позволило реализовать одну из важнейших задач правовой реформы – обеспечение доступности правосудия по таким направлениям как:

- 1) участие в судебном заседании в условиях территориальной удаленности;
- 2) сокращение процессуальных издержек – ограничение возможности злоупотреблять своими процессуальными правами;
- 3) возможность лиц с ограниченными возможностями участвовать в судебных заседаниях – обеспечение реализации права на судебную защиту этой категории граждан.

Необходимо также отметить, что выбранная в силу неожиданно возникших обстоятельств управленческая стратегия и сегодня, в постковидный период, показывает свою эффективность в практическом применении различных форм дистанционного взаимодействия: подаче документов в судебный орган; возможность ознакомиться с материалами судебного дела; вызов граждан в судебное заседание с направлением повестки по электронной почте; участие в рассмотрении дел без фактического присутствия в зале судебного заседания.

На протяжении двух последних десятилетий наметилась устойчивая тенденция перехода к созданию высокотехнологичных судов, обусловленная увеличением числа обращений в суд со стороны граждан и организаций, что, на наш взгляд, является, с одной стороны, признаком укрепления законности и правопорядка, роста правосознания граждан, а, с другой стороны – ответом ор-

ганов судебной власти на социальные и политические запросы общества. Вместе с тем переход к созданию современных высокотехнологичных судов чрезвычайно усложняет задачи судебного управления, поскольку довольно большому количеству граждан технологичная модель судопроизводства оказалась недоступной в силу преклонного возраста или проживания в таких регионах страны, где технические условия не дают возможности обращаться к электронному правосудию. В такой ситуации обеспечение принципа доступности правосудия в соответствии со ст. 46. Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, потребовало сохранения письменных и устных форм судопроизводства, что в разы увеличило нагрузку на работников судебных органов.

В сложившейся ситуации без применения методов научной организации труда, основы которой впервые были сформулированы в 1911 году Ф. Тейлором, невозможно эффективное и своевременное отправление правосудия. Суть предложенных в свое время Тейлором методов научной организации труда сводилась к следующему: необходим объективный анализ сложившейся ситуации и данных, собранных на рабочем месте, который должен определить рациональные, а потому наиболее эффективные, методы организации и управления [13].

В нынешней ситуации рекомендации классика управления представляются особенно актуальными. Так, профессор Бозров В.М., поднимая вопрос о необходимости научной организации труда в судебных органах, также говорит о «рационально организованном труде, направленном на максимальное повышение эффективности правосудия при оптимальных затратах труда и при неуклонном соблюдении материального и процессуального законодательства с учетом рекомендаций науки и обобщения передового опыта». Именно такая управленческая стратегия, по мнению Бозрова В.М. позволит решить три взаимосвязанные задачи: экономическую (повышение своевременности и качества рассмотрения дел), психофизиологическую (предотвращение профессионального выгорания и сохранение работоспособности работников) и социальную (укрепление авторитета судебной власти). Кроме того, эффективность деятельности органов власти на основе «рационализации производственных процессов» будет адекватным и своевременным ответом на социальные и политические запросы гражданского общества [1; 140–141].

Управление, является целенаправленным процессом воздействия субъекта управления на объект управления, осуществлением властных полномочий. Управление судом – сфера государственного управления, характеризующаяся строгим распределением полномочий. В суде управленческими полномочиями наделен Председатель суда, на него возложена ответственность за создание условий для эффективной работы суда – создания оптимальных условий работы для судей и аппарата суда с целью осуществления полного и независимого правосудия в разумные сроки, исполнения судебных решений, противодействия коррупции в коллективе суда и обеспечения безопасности суда и выполнению функций, установленных статьей 6.2. Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 N 3132–1 (последняя редакция). Субъектами управления в судах – там, где это предусмотрено законом, могут быть и президиумы судов, и пленумы Верховного Суда Российской Федерации. Однако кто бы ни выступал в роли субъекта управления, управленческие отношения в судах носят административно-правовой характер, регулируются в нормами административного права, определяющих

управленческие функции и полномочия в законах, подзаконных актах, регламентах.

При этом, как ранее нами было отмечено, немаловажную роль в управленческой деятельности, определяющую и подходы к управлению, и стиль управления. складывающийся в организации, играют субъективные факторы: личность руководителя, его характерологические особенности, обеспечивающие максимальную эффективность и успешность в сфере управленческой деятельности, наличие у руководителя системного мышления для корректного определения как тактических, так и стратегических управленческих [2; 28–29].

Очевидно, что, фактически осуществляемое Председателем суда или иным уполномоченным субъектом оперативное управление не всегда нормативно определено, более того, складывающиеся ситуации зачастую требуют принятия управленческих решений, вообще не предусмотренных регламентом.

Например, управленческое решение о выборе наиболее компетентного сотрудника для работы с рутинной документацией без контроля руководителя основано исключительно на знании о том, как справлялся сотрудник с порученным заданием в сходных ситуациях ранее; решение о необходимости внесения коррективов в график отпусков в связи с непредвиденными обстоятельствами – болезнь, увольнение сотрудников; необходимость нового управленческого подхода к организации и проведению внеплановых селекторных совещаний, например, через IP-технологии, Skype, ZOOM и другие непредвиденные обстоятельства, требующие оперативных решений. Способность руководителя принимать такого рода решения, основываясь на понимании ситуации и всестороннем анализе ее причин и составляет суть ситуационного подхода.

Таким образом, обращение к ситуационному подходу обусловлено как объективными, так и субъективными причинами.

В начале 20-х гг. XX века американский социолог Мэри Паркер Фоллет сформулировала ставший известным «закон ситуации», признанный теоретиками и практиками управления основой ситуационного подхода. Действительно, смысл закона: ситуация всегда изменчива. поэтому решение руководителя должно быть *законом* в любой ситуации, следовательно, работа должна быть организована таким образом, чтобы вместо отдачи приказов и начальник, и подчиненный следовали тому, «чего требует от них ситуация» [7; 383–385], на наш взгляд, является основополагающим принципом ситуационного подхода в управлении. получившим развитие в трудах его сторонников.

Так, само понятие «ситуационная теория управления» в науку об управлении ввел Р. Моклер в 60-е годы XX века после того как на конференции Американской академии менеджмента в 1964 году была принята резолюция, призывающая создать универсальную теорию управления, в основу которой должна быть положена ситуационная концепция. При этом Моклер признавал, что сущность ситуационного подхода не нова, утверждая, что руководитель всегда действует в разнообразных конкретных ситуациях и потому существующие теории управления не просто не могут претендовать на универсальность, они совершенно не подходят для руководителей-практиков [10; 521].

Действительно, об элементах ситуационного подхода к управлению, управлению государством, в частности, упоминают в своих работах Лао Цзы, Н. Макиавелли, Б Трентовский. – считает Костенко Е.П. В обоснование своей точки зрения она приводит высказывание Лао Цзы: «Великое управление предполагает овладение

«силой обстоятельств», или «потенциалом ситуации»; Н Макиавелли: «...сохраняют благополучие те. чей образ действий отвечает особенностям. и утрачивают благополучие те. чей образ действий не отвечает своему времени...»; Трентовского Б., считавшего, что «решение, принятое в одних условиях. может оказаться совершенно непродным завтра. когда условия изменятся...» [6; 100–102].

В 1948 г. американский специалист в области исследования лидерства Ральф Стогдилл тщательно исследовав характерные качества лидеров, пришел к выводу что черты и навыки необходимые лидеру в значительной степени определяются сложившейся ситуацией [14].

Питер Друкер, развивая теоретическое обоснование ситуационного подхода, в 1954 г. опубликовал труд «Практика управления» [8], в котором в основных чертах изложил основы названного подхода:

- 1) нет универсального подхода к управлению;
- 2) факторы, порождаемые той или иной ситуацией, необходимо учитывать в принимаемых решениях;
- 3) не существует единственного пути достижения цели;
- 4) последствия одних и тех же решений, но принятых в разных ситуациях, будут совершенно различными;
- 5) все управленческие проблемы имеют системный характер и поэтому должны рассматриваться во взаимосвязи с другими проблемами;
- 6) руководитель может адаптировать организацию к возникшей ситуации или повлиять/изменить ситуацию, если цели организации этого требуют;
- 7) управление – это искусство, искусство принимать эффективные управленческие решения в любой неожиданно возникшей ситуации.

Позже, в работе «Энциклопедия менеджмента» заявил о необходимости различать четыре типа ситуации и принимать решение, учитывая особенности конкретно сложившейся [12; 295].

Кроме того, Питер Друкер назвал четыре обязательных шага для того, чтобы добиться эффективного управления в каждой конкретной ситуации:

- 1) руководитель должен быть профессионалом: в совершенстве владеть разнообразными методами и средствами управления;
- 2) руководитель должен знать/ понимать слабые и сильные стороны любого управленческого подхода, должен оперативно просчитывать возможные риски и последствия;
- 3) руководитель должен уметь адекватно принимать и грамотно оценивать возникшую ситуацию;
- 4) руководитель должен обеспечить достижение целей организации «малой кровью»: применить те управленческие методы и приемы. который в сложившейся ситуации являются самыми эффективными и минимизировать их возможные недостатки. [5].

Специалисты по исследованиям организаций Пол Лоуренс и Джей Лорш в конце 60-х годов прошлого века в работе «Организация и среда» полно и последовательно обосновали необходимость применения ситуационного подхода в том числе к способам организации деятельности различных структур, назвав его «случайностная теория организации [9].

Фред Фидлер, изучая эффективность лидерства, в работе «Теория эффективности руководства» выделил различные ситуации, типы группового поведения людей в организации и соответственно стиль руководства наиболее эффективный в данной ситуации. Фидлер пришел к выводу, что главная черта эффективного руководства – гибкость, ориентированность на реальность [8].

Таким образом, во всех управленческих теориях в центре внимания – объект управления – управленче-

ская ситуация, требующая конкретной субъективной оценки для принятия рационального управленческого решения. Ситуационная теория управления, предлагая использовать «гибкие» методы и средства управления в конкретных ситуациях, не отрицает иных, разработанных управленческой теорией подходов, рекомендует не «заикливаться» на испытанных и показавших эффективность формах, а совершенствовать их, учитывая динамизм социальной жизни.

Безусловно, сильной стороной ситуационного подхода является его прикладной характер, позволяющий реально и конкретно интерпретировать и использовать полученные результаты, определять возможные последствия – как положительные, так и отрицательные – от использования тех или иных методов и форм управления в конкретной ситуации.

Однако, как у всякого подхода к управлению, есть и ограничения. Так, Глущенко В.В. к таковым относит: технологическое, ограничение в постановке задачи и человеческое ограничение. Технологические ограничения, по его мнению, определяются типом и гибкостью организационных средств производства; ограничение в постановке задачи возникает из фактического содержания самой задачи, решаемой работниками, наконец, человеческие – отражают уровни компетенции людей, работающих в организации.

Литература

1. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / коллектив авторов; под ред. В.М. Бозрова. – Москва: ЮСТИЦИЯ, 2017. – 568 с.
2. Асташев Р.В. К вопросу о специфике личности руководителя в органах государственной власти. // Социально-гуманитарные технологии, № 3(23), 2022 С. 28–29.
3. Афонин И.Д., Бузмакова Т.И., Кирилина Т.Ю., Мумладзе Р.Г., Смирнов В.А. Социология управления.: Учебник для аспирантов // Под общ. ред. д.соц.н., проф. Т.Ю. Кириловой. М. 2016. – 337 с.
4. Глущенко В.В. Менеджмент. – М.: Крылья, 2005. – 224 с.
5. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке: Пер. с англ. / П. Друкер. – М.: Вильямс, 2004. – 270 с.
6. Костенко Е.П. Эволюция ситуационного подхода в менеджменте. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2012. № 2. стр.100–102
7. Костенко Е.П., Михалкина Е.В. История менеджмента. Учебное пособие. Ростов-на-Дону. 2014. – 606 с.
8. Кулагин О.А. Принятие решений в организациях. – М.: Издательский дом «Сентябрь», 2001. – 110 с.
9. Литвак Б.В. Управленческие решения. – М.: ЭКМОС, 2006.-248 с.
10. Маршев В.И. История управленческой мысли: Учебник. – М.: Инфйра-М, 2005. – 731с.
11. Питер Ф. Друкер. Энциклопедия менеджмента. Москва-Санкт-Петербург-Киев. 2004. – 432 с.
12. Тейлор Ф. Научная организация труда. М., 1924.- 276 с.
13. Трухаев Р.И. Модели принятия решений в условиях неопределенности. – М.: Наука, 2005. – 258 с.

14. Файоль А., Эмерсон Г., Тейлор Ф, Форд Г. Управление – это наука и искусство. М., 1992. – 352 с.

ON THE NEED TO APPLY A SITUATIONAL APPROACH IN THE MANAGEMENT OF PUBLIC AUTHORITIES (ON THE EXAMPLE OF A COURT OF GENERAL JURISDICTION)

Astashev R.V., Shvanderova A.R.

Technical University named after twice Hero of the Soviet Union, cosmonaut pilot A.A. Leonov, Russian University of Justice

The article considers aspects of the application of the situational approach in the management of the court of general jurisdiction due to various new challenges to the system of public administration of the Russian Federation. In modern conditions, it becomes obvious that the effective, successful operation of the court directly depends on the organization of management activities. The practice of which has proved that none of the known management methods is universal, since modern dynamically changing society, really developing socio-economic relations constantly generate unforeseen, sometimes extreme situations, the solution of which requires non-standard approaches for clearly regulated management activities. The situational approach is aimed at identifying non-standard circumstances that may affect the work of the judicial authority. In this regard, there is a need to apply flexible management methods applicable to the current situations. From this point of view, the situational approach to management is the best, while this approach does not reject the significance of other well-known approaches to management – it integrates them, selecting their most effective methods for resolving a specific situation. As a result of the study of the theoretical and practical aspects of the situational approach to management, a certain concept of situational management has developed, the main provisions of which are set out in the presented article. In conclusion, the obvious advantages and limitations of the situational approach to management are noted.

Keywords: management, «the law of the situation», situational approach. subject and object of management. management situation.

References

1. Actual problems of the activities of the courts of general jurisdiction of the Russian Federation: textbook / team of authors; ed. V.M. Bozrov. – Moscow: YUSTITSIYA, 2017. – 568 p.
2. Astashev R.V. To the question of the specifics of the personality of the leader in public authorities. // Social and humanitarian technologies, No. 3(23), 2022 P. 28–29.
3. Afonin I.D., Buzmakova T.I., Kirilina T. Yu., Mumladze R.G., Smirnov V.A. Sociology of management.: A textbook for graduate students // Under the general. ed. Doctor of Social Sciences, Prof. T. Yu. Kirilina. M. 2016. – 337 p.
4. Glushchenko V.V. Management. – М.: Wings, 2005. – 224 p.
5. Drucker P. Tasks of management in the XXI century: Per. from English. / P. Drucker. – М.: William, 2004. – 270 p.
6. Kostenko E.P. The evolution of the situational approach in management. //State and municipal management. Scientific notes. 2012. No. 2. pp. 100–102
7. Kostenko E.P., Mikhalkina E.V. History of management. Tutorial. Rostov-on-Don. 2014. – 606 p.
8. Kulagin O.A. Decision making in organizations. – М.: Publishing house «September», 2001. – 110 p.
9. Litvak B.V. Management decisions. – М.: EKMOS, 2006.-248 p.
10. Marshch V.I. History of managerial thought: Textbook. – М.: Infyra-M, 2005. – 731s.
11. Peter F. Drucker. Encyclopedia of Management. Moscow-St. Petersburg-Kiev. 2004. – 432 p.
12. Taylor F. Scientific organization of labor. M., 1924.-276 p.
13. Trukhaev R.I. Decision-making models under uncertainty. – М.: Nauka, 2005. – 258 p.
14. Fayol A., Emerson G., Taylor F, Ford G. Management is a science and an art. M., 1992. – 352 p.

Франсиско де Гойя и его влияние на творчество Пабло Пикассо

Антрушина Ксения Тимофеевна,

магистрант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации
E-mail: antrushina777@mail.ru

В статье проводится анализ творчества Франсиско Гойи и его отражение в работах Пабло Пикассо, через травматически пережитый опыт и личное переживание событий истории, разрешение мировосприятия и центрирование метафизических категорий. Оба этих художника считались признанными мастерами той эпохи и оба они превзошли всех своих современников в изображении вещей такими как они есть на самом деле. Автор пришел к выводу о том, что творчество Франсиско Гойи и Пабло Пикассо определило не только все испанское искусство на двести лет, но и неизгладимый след в истории всего мирового искусства.

Ключевые слова: творчество, искусство, мировое искусство, культура, Франсиско Гойя, Пабло Пикассо.

Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентес занимает уникальное место в истории западного искусства, и его часто называют как старым мастером, так и первым по-настоящему современным художником. Его искусство оказало колоссальное воздействие на испанскую художественную культуру XIX–XX вв., не только на живопись и графику, но также и литературу, драматургию, театр, кино.

Искусство Гойи варьируется от барокко до романтического движения, а акцент ставится на субъективности, воображении и эмоциях. В то же время Ф. Гойя был проницательным наблюдателем окружающего мира, и несомненно в его работах находили отклик бурные события современности, от освобождений Просвещения до репрессий инквизиции и ужасов войны, последовавших за Наполеоновским вторжением в Испанию.

Благодаря новому взгляду и видению искусства, так и положению в обществе творчество Гойи оказало огромное влияние на более поздних художников. Его неустрашимые сцены из серии работ, посвященных войне предвосхитили работы Пабло Пикассо в 20-х г. прошлого столетия, и в то же время причудливые, смешные и временами сказочные рисунки «Капричос» заложило основу для таких сюрреалистов, как Сальвадор Дали.

Франсиско де Гойя-и-Лусьентес родился 30 марта 1746 г. в небольшой деревне Фуэндетодос, недалеко от Сарагосы, Испания, и стал самым известным художником своего поколения. О молодости Ф. Гойи известно очень мало. Его отец был художником и позолотчиком, а мать происходила из зажиточной семьи фермеров. В возрасте тринадцати лет он начал изучать рисунок в Академии в Сарагосе под руководством малоизвестного местного художника – Хосе Лусана, с которым он проучился четыре года.

В 1763 г. Франсиско Гойя отправился в Мадрид с намерением выиграть грант в Академии Сан-Фернандо. Но потерпел неудачу, однако, там он познакомился с другим художником – Франсиско Байеу, который оказал большое влияние на ранние работы Ф. Гойи. В 1771 г. Ф. Гойя уезжает на год в Рим, где знакомится с новейшими международными течениями в живописи. В 1773 г. он возвращается в Испанию и женится на сестре Ф. Байеу – Хосефе Байеу. А в 1775 г. в Мадриде начинает рисовать серию из 60 рисунков для Королевской фабрики гобеленов.

Ф. Гойя был назначен почетным членом Королевской академии изящных искусств Сан-Фернандо в Мадриде в 1780 г., и спустя 5 лет был заместителем директора Академии живописи, а в 1786 г. стал придворным живописцем Карла III [5].

Несмотря на свой высокий социальный статус, Ф. Гойя все-таки оставался человеком из народа, и он знал, чем живет испанский народ. Для него, человека, который во многом разделял философию французских просветителей, было тяжело видеть, что простые люди в его стране мыслями находятся едва ли не в средне-

вековье. Как и просветители той эпохи, Ф. Гойя верил в силу разума способного рассеять мрак заблуждений и привести к переустройству жизни на более осмысленный лад, он стремился изменить существующий порядок вещей.

В 1799 г. он выставляет на продажу серию из 84 гравюр под названием «Los Caprichos», в данных работах отразились многолетние наблюдения за испанской действительностью. Ф. Гойя беспощадно, с горькой иронией вскрывает людские грехи и пороки своего времени, высмеивает суеверия, показывает, как предрассудки отравляют жизнь людей, как отвратительные демоны уничтожают все чистое и прекрасное, как люди становятся жертвами собственной глупости. В своих объявлениях о продаже работ он отмечал, что в этих работах он не имеет в виду никого конкретного, а это будто общий диагноз, поставленный всему обществу. Данное высказывание, буквально описывает цель, к которой он стремится в живописи: «Живопись, как и поэзия, выбирает во Вселенной то, что она считает наиболее подходящим для своих целей. Она собирает в одном фантастическом персонаже обстоятельства и черты, которые природа распределяет между многими индивидуумами. Из этой искусно составленной комбинации получается то счастливое подражание, благодаря которому художник получает титул изобретателя, а не раблепного переписчика» [4, р. 203–204].

Одна из самых знаменитых картин серии «Капричос» – «Сон разума рождает чудовищ», Ф. Гойя сопровождает подписью: «Когда разум спит, фантазия в сонных грезах порождает чудовищ, но в сочетании с разумом фантазия становится матерью искусства и всех его чудесных творении» [3].

На данное высказывание можно посмотреть с двух сторон: с одной стороны, Ф. Гойя прославляет силу разума, поддерживает философию просвещения, но с другой стороны художник указывает на «темную сторону» воображения, которое завладевает человеком, если разум спит.

Когда человек засыпает и его разум отключается на арену выходит то, чему известный австрийский психолог – З. Фрейд позже даст имя «бессознательного» – это некое «оно» тайно живущие в человеке которое побуждает мотивы к действию или бездействию, тайные желания и фантазии, которые противоречат общественной морали и общепринятым нормам поведения и Ф. Гойя исследует «его».

Впрочем, «Капричос» исследует ... не только социальные явления, не только видимое, но и говоря словами уже другого психоаналитика – К.Г. Юнга, Ф. Гойя исследует в своих работах и «коллективное бессознательное» – психологический багаж всего человечества. И вот это прорыв искусства в совершенно новую область.

Ф. Гойя, своими работами, показывает нам то, о чем обычно зрители его времени не размышляли, он говорит нам о том, что скрыто глубоко внутри человеческой души, неосоздаемое и трудно уловимое.

В своей серии офортов «Капричос», Ф. Гойя создал обобщенный философский образ действительности, не используя аллегория и «эзопов язык».

Известный историк искусства и художественный критик А. Бенуа писал: «Гойя не имеет ни предшественников, ни настоящих последователей; он стоит совершенно обособленно, выражая свою причастность к культуре своего времени только тем, что и он декадент до мозга костей, до самых глубин души. Не знаешь, чего больше в его творении: ужаса или смеха, и, во всяком случае, в нем почти не найти проблесков божественного начала радости» [1, с. 110–111].

Его самые мрачные работы написаны после наполеоновского вторжения в Испанию. В 1808 г. Наполеон вынудил Карла IV отречься от престола, и Ф. Гойя зафиксировал события войны в офортах «Бедствия войны», которые были опубликованы только 1863 г., спустя 35 лет после смерти художника. После изгнания французской армии из Испании, Ф. Гойя написал одну из самых известных картин: «Третье мая 1808 года». На ней изображена казнь группы испанских повстанцев, готовящихся принять смерть от французских солдат. В центре этой картины – человек с поднятыми вверх руками в позе Христа, освещенный желтым светом. Поза и подобранная цветовая гамма этого человека будто еще сильнее подчеркивает статус невинных жертв и готовности идти «до конца». Вокруг него столпилась группа перепуганных испанцев, у ног которых, в луже крови лежат трупы. Две стороны картины, испанские повстанцы слева и французские войска справа, изображены как противостоящие друг другу. Однако стоит отметить, что жертвы изображены как будто выше своих палачей, хотя центральный персонаж – мадридский мужик в белой рубашке стоит на коленях, тем самым Ф. Гойя как бы говорит нам, что жизнь выше смерти.

Французы все одинаково одеты и одного телосложения, под ноги поставили желтый фонарь, чтобы в сумрачный час разглядеть своих жертв, а винтовки придвинули прямо к лицу. Ф. Гойя пишет их нечетко, как некую единую серую массу. У них нет лиц, есть лишь стволы оружия, направленные на напуганных людей. Они будто не похожи на людей, в них нет индивидуальности и отличительных черт друг от друга. Отказывая им в четкости изображения, Ф. Гойя будто подчеркивает их беспощадность, отсутствие гуманности и сострадания. Автору важно обратить наше внимание и заострить конфликт, показать трагическую судьбу народа, его смерть и одновременно непобедимость. Перед Ф. Гойя стоит задача, которую он исполняет очень новаторскими способами, превратить событие современности в героическое историческое событие. У него символ рождается из реальности и сиюминутности, ему важно запечатлеть момент, остановить момент перед смертью. Свет фонаря, изображенный на картине, интервал между жертвами и убийцами – метафора застывшего мгновения, мгновения на грани жизни и смерти.

Для него война – это насилие и уничтожение вражеской армией мирных жителей. Его работа являет собой манифест ненависти насилия. Таково отношение человека начала XIX в. к войне, выраженное с предельной ясностью и точностью. Однако, несмотря на весь ужас происходящего, мироздание все еще целостно. Люди ведут себя страшно, а земля и мир, хоть и погрузились в сумерки, все-таки сохраняют свою цельность. Эта картина ярко изображает жестокость войны и конец идеализма Эпохи Разума и Просвещения, и несомненно, одна из вершин исторической живописи.

Другим испанским художником был Пабло Руис-и-Пикассо. Пабло Руис-и-Пикассо, вероятно, самый важный художник 20-го века. Он родился 25 октября 1881 г. в Малаге, Испания, и умер во Франции в апреле 1973 г. Сегодня его работы можно увидеть в музеях по всему миру [6].

Несмотря на то, что оба испанских художника жили в разные периоды времени, их творчество очень взаимосвязано. П. Пикассо сильно чувствовал наследие Ф. Гойи как звезды испанского искусства, и стремился занять это место. Так, например, пестрый арлекин, проныцательный слуга в итальянской комедии «Дель Арте», который появляется в «Бродячих игроках» Ф. Гойи, часто повторяется в различных позах и декорациях в работах

П. Пикассо. Как и Ф. Гойя, П. Пикассо изображает быков, забодавших лошадь и умирающих после того, как меч пронзил их сердце. Изображение Ф. Гойей корриды было явно связано с тем, что Ш. Бодлер назвал звериными лицами, дьявольскими гримасами и гротескными искажениями реальности в его сатирах и чудовищах, которые охотились как на спящих, так и на бодрствующих красавицах. П. Пикассо также написал много картин мнотавров – полубыков, полулюдей – похищающих и насилующих молодых женщин.

В самой узнаваемой работе Пикассо – «Герника» 1937 г., написанной для испанского павильона на Всемирной выставке 1937 г. в Париже, заложена совершенно другая философия войны, в отличие от Ф. Гойи, но несомненно вдохновленная его идеями, формулой механического расстрела, несправедливой казни людей и истребления жизни. На этом полотне размером 4 на 8 метров П. Пикассо выражает свое возмущение налета на г. Герника.

Ночью 26 апреля 1937 г. немецкие самолеты легиона «Кондор» совершили первый акт воздушного террора в истории человечества – подвергли бомбардировке баскский г. Гернику. Шеститысячный город за три часа был практически стерт с лица земли, более двух тысяч жителей оказались под завалами, были уничтожены архивы и памятники истории города. После налета город горел еще трое суток. П. Пикассо готовит полотно за полтора месяца, работая по 12–14 часов в день [7].

Картина пронизана насилием, она источает боль и ужас. П. Пикассо пишет холст в черно-белой гамме, вероятно для того, чтобы напоминать газетную картинку и передать ощущение лишения солнечного цвета, безжизненности. Вся картина раздроблена. В мозаике фрагментов выделяются фигуры бегущей женщины с ребенком на руках, погибшего воина со сломанным мечом в руках, раненой лошади, быка, человека, застрявшего в горящем здании. Все эмоции и чувства накалены до предела. В картине неспроста появляются – бык и лошадь, это сквозные персонажи, которые проходят через все творчество П. Пикассо. Они являются образами смерти. Смысл, который выстраивала цивилизация будто исчез.

Если в философии Ф. Гойи, мы отслеживаем его отвращение к войне, призыву отказаться от насилия, то в «Гернике» П. Пикассо утверждает, что война в XX в. – это не гуманизм, это не жертвы войны, не рассуждения о справедливых и несправедливых войнах, это уничтожении материи как таковой. Для него война – это уход разума и света. Он выбирает тот язык, который ему необходим, чтобы показать, что война – это распад материи и возвращение нашего мира к хаосу. Художник буквально швыряет в лицо зрителю художественные образы, наиболее отчетливо выражающие идею распада. На наших глазах разрушается основа мироздания – пространство, мы становимся свидетелями остановившегося времени и уничтоженной телесности, того, что конституирует человека, является основой его уникальности [2].

«Гернику» не показывали в Испании до смерти генерала Ф. Франко. Сегодня работа выставлена в Центре искусств королевы Софии, национальном музее современного искусства Испании.

Ф. Гойя и П. Пикассо – испанцы, которые хорошо разбираются в мире корриды. Их работы, выполненные в разных техниках, изображающие масштабный национальный праздник, подобны настоящей ценности, отдают дань одному из вечных символов Испании (культурному коду).

Ф. Гойя обращается к типично испанской теме боя быков после войны за независимость Испании в 1807–

1814 гг. До 1814 г., за два года до публикации сюиты «Тавромахия», Испания боролась за свою жизнь, культуру и наследие под французской оккупацией. Депрессия испанского национального духа после многих лет иностранной оккупации вторгшимися французами во время войны на полуострове, кажется, глубоко мотивировала Ф. Гойя, вдохновляя его на сюиту «Тавромахия», возродить важнейший элемент коллективной испанской идентичности. После многих лет политических и социальных потрясений он ищет в наборе «Тавромахия» основные элементы того, что делает Испанию «Испанией» и что делает испанцев «испанцами». Ф. Гойя исследует испанскую корриду от ее самых ранних истоков в древние иберийские времена до спортивной арены.

Для Ф. Гойи важны историзм и правдивость с практически фотографическим воспроизведением событий. Он разрабатывает свои композиции, чтобы подчеркнуть основные детали арены, часто умело используя негативное пространство и тщательное сочетание света и тени, чтобы охарактеризовать движение и театральность боя. Располагая зрителя с высокой точки обзора над сценой или на арене рядом с матадорами, художник не приукрашивает корриду, а переносит зрителя непосредственно в гущу событий, заставляя стать свидетелем триумфа победы и величия поражения. Как и в жизни, здесь есть победы и есть трагедии, как будто говорит Ф. Гойя. Как и во всех своих символически романтических работах он всегда старается донести до зрителя более правдивую реальность.

Как и Ф. Гойя, П. Пикассо, обращается к теме корриды на протяжении всего своего творческого пути, и в изображениях уходит от реалистичного описания в сторону – символики происходящего на арене, тем самым отображая сверхъестественную связь ключевых объектов. В работах П. Пикассо, тема борьбы человека и животных со временем обретает вид драматургии, а обряд игр вместе с быком приобретает явное философско-психологическое значение традиций Испании. Своими произведениями искусства Ф. Гойя и П. Пикассо пытались повлиять на социальные изменения на своей Родине. Кроме того, влияние творчества Ф. Гойи прослеживается еще в одном произведении П. Пикассо. Поздний «Автопортрет» Франсиско 1815 г., написанный больным художником, послужил образцом для автопортрета П. Пикассо в старости.

Лысеющий и с широким лбом, Ф. Гойя, вопреки моде того времени, изображен в белой рубашке с открытым воротом, у него смиренное выражение лица, и наклон затуманенного правого уха будто в сторону звука, которого он не слышит. Смелый «Автопортрет перед смертью» 1972 г. П. Пикассо, представляет собой крупный план его обезьяноподобного лица. У него огромные вытаращенные широко расставленные глаза, толстый нос с широкими ноздрями, мрачная щель рта, морщинистое щетинистое лицо, лысая голова, свисающие рыжие волосы и волосатые поднятые плечи. Как и Ф. Гойя, он смотрит прямо на смерть, стоически и сурово, но не боясь.

Проведенное исследование еще раз доказало, что искусство Ф. Гойи оказывало сильное влияние на творчество П. Пикассо на протяжении всей его жизни. Оба художника прожили очень долгую жизнь – 82 и 91 год соответственно – что позволило им увидеть, как миры трансформируются вокруг них во время быстро меняющихся эпох в Европе, пропитанных инновациями, конфликтами и культурным разнообразием.

Они считались мастерами своего времени. Ф. Гойя был самым известным испанским художником XVIII–XIX вв., а Пикассо – XX в. П. Пикассо и Ф. Гойя определяли испанское искусство почти двести лет, бок о бок

и в важном визуальном диалоге друг с другом. Оба продвинулись дальше своих современников от изображения вещей такими, какими они кажутся, пытаясь изобразить их такими, какие они есть на самом деле, пытаясь передать сущность предмета, тем самым играя с определениями реальности, отображая стадии разрушения гармоничного мировосприятия, визуализируя материальные и физические разрушения. Оба этих художника оказали неизгладимое влияние на историю искусства, распространив испанскую культуру по всему миру.

Литература

1. Бенуа А. История живописи всех времен и народов. Том 4. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. – 424 с.
2. Гиниятова Е.В., Ройз Е.Е. К вопросу о визуализации травматичного и деструктивного опыта в европейском искусстве // Известия ТПУ. 2013. № 6. 194 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vizualizatsii-travmatichnogo-i-destruktivnogo-opyta-v-evropeyskom-iskusstve> (дата обращения: 22.01.2023).
3. Сон разума рождает чудовищ [Электронный ресурс] // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/172925> (дата обращения: 23.01.2023).
4. Goldwater R. and Treves M. Artists on Art. – New York: Pantheon Books, 1947. – 305 p.
5. Goya y Lucientes, Francisco de [Электронный ресурс] // URL: <https://www.museodelprado.es/en/the-collection/artist/goya-y-lucientes-francisco-de/39568a17-81b5-4d6f-84fa-12db60780812> (дата обращения: 23.01.2023).
6. Museu Picasso de Barcelona [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bcn.cat/museupicasso/en/picasso/crono-flash.html> (дата обращения: 24.01.2023).
7. Rethinking Guernica [Электронный ресурс] // URL: <https://guernica.museoreinasofia.es/en#introduccion> (дата обращения: 24.01.2023).

FRANCISCO DE GOYA AND HIS INFLUENCE ON THE WORK OF PABLO PICASSO

Antrushina K.T.

Social Sciences of the RANEPА

The article analyzes the work of Francisco Goya and its reflection in the works of Pablo Picasso, through traumatic experience and personal experience of the events of history, the resolution of the worldview and the centering of metaphysical categories. Both of these artists were considered recognized masters of that era, and both of them surpassed all their contemporaries in depicting things as they really are. The author came to the conclusion that the work of Francisco Goya and Pablo Picasso determined not only all Spanish art for two hundred years, but also an indelible mark on the history of all world art.

Keywords: creativity, art, world art, culture, Francisco Goy, Pablo Picasso.

References

1. Benois A. History of painting of all times and peoples. Volume 4 – St. Petersburg: Neva Publishing House, 2004. – 424 p.
2. Giniyatova E.V., Roiz E.E. On the issue of visualization of traumatic and destructive experience in European art // Izvestiya TPU. 2013. № 6. – 194 p.
3. The sleep of reason gives birth to monsters [Electronic resource] // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/172925> (accessed: 23.01.2023).
4. Goldwater R. and Treves M. Artists on Art. – New York: Pantheon Books, 1947. – 305 p.
5. Goya y Lucientes, Francisco de [Electronic resource] // URL: <https://www.museodelprado.es/en/the-collection/artist/goya-y-lucientes-francisco-de/39568a17-81b5-4d6f-84fa-12db60780812> (accessed: 01.23.2023).
6. Museu Picasso de Barcelona [Electronic resource] // URL: <http://www.bcn.cat/museupicasso/en/picasso/crono-flash.html> (accessed: 24.01.2023).
7. Rethinking Guernica [Electronic resource] // URL: <https://guernica.museoreinasofia.es/en#introduccion> (accessed: 24.01.2023).

Феномен театральности в обрядах перехода на примере инициации и «тайных братств»

Рахимова Майя Вильевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин, заведующая кафедрой социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского
E-mail: mayesta@mail.ru

Исследование повседневной театральности как сложного многоаспектного феномена предполагает анализ генезиса явления, в частности с помощью антропологических работ. Среди многочисленных способов общественной коммуникации ранних сообществ особенно полезными для исследования представляются обряды перехода (инициация и церемония вступления в «тайное братство»).

Инициация носит одновременно игровой и театральный характер. Специфическое взаимодействие участников способствует развитию театральных техник самовыражения и стимулирует формирование театральных качеств внушения, манипуляции, симуляции.

Обряды перехода предполагают костюмированное сопровождение, где маска играет важную роль. Первобытная сила маски заключается в ее адапционном и сохранном потенциале. В мужских тайных обществах маски обеспечивают политическую власть. Автор предполагает, что во многом именно благодаря обрядам перехода формируется базис повседневной театральности и ее манипулятивный потенциал.

Ключевые слова: обряды перехода, инициация, тайное братство, драматургия обряда, симуляция веры, театральная природа человека, повседневная театральность.

Введение

Современное общество ежедневно задействует механизмы театральности: в быту, на работе, в социуме. Зачастую, с помощью театральных средств выразительности, человек умело может «zareкомендовать» себя в общественной среде, добиться положительного впечатления, получить власть над ситуацией или другим человеком. При попытке философского осмысления природы театральности, следует отметить, что основные алгоритмы, с помощью которых человек приспосабливает себя к социуму, мало чем изменились со времен ранних обществ. Возможно, изменились внешние характеристики, но не сама природа театрального поведения человека.

Философское размышление о театральности сложно представить вне исследования ее генезиса. Среди способов коммуникации, где театральные средства выразительности зарекомендовали себя с наиболее выгодной стороны, важно отметить обряды инициации и церемонии вступления в «тайные братства».

Сформированный в тот период комплекс взаимодействий «испытуемого и испытующего», «вступающего в братство и принимающей стороны», а также сопричастное, косвенное участие в театральном представлении соплеменников общины, – всё это во многом повлияло на социокультурную жизнь общества. Может быть, только ритуальная маска трансформировалась с социально-бытовую, а тайные братства плавно мимикрировали под политические реалии современности. В остальном, глухие механизмы взаимодействия на месте.

Театральность и инициация

Вопрос инициации, тайного братания, в принципе подводит к размышлению о факторах, способствовавших становлению социализации, о проблеме власти и управления. Какое место отводится инициации?

Прежде всего, напомним, что в повседневной риторике, в том числе и научной, феномен инициации устойчиво ассоциируется с духовным взрослением иницируемого, с процессами включения молодого человека в полноценную взрослую жизнь конкретного сообщества.

Французский этнограф Арнольд ван Геннеп, размышляя о специфике ранних обществ, предлагает осмысливать обряды инициации не с точки зрения физиологического взросления, а взросления социального, «социальной зрелости» [2, с. 64]. Через подобного рода «обряды перехода» проходят и девушки, и юноши. У одних (у девушек) «сценарий» предписаний перехода чуть проще; у других (мальчиков) обряды могут быть и сложнее. Зачастую драматургическое наполнение обрядов подразумевает индивидуальную трансформацию от исходного бесполого состояния человека до его включения в сообщество конкретного пола, в мир, разделенный по признаку пола [2, с. 66].

Примечательно, что в период длительного процесса обряда участники ходят обнаженными, поскольку они – «мертвые», их пока нет для взрослого социального мира. Процесс предполагает и нанесение увечий иницируемому (порезов, более глубоких ран и травм). Членовре-

дительство выступает как элемент дифференциации, однако есть и другие элементы, отвечающие тем же целям. Речь идет о ношении специального костюма или маски, а также нанесения на тело рисунков. Данные элементы отвечают за временную дифференциацию, и что характерно, она играет крайне важную роль в обрядах перехода [2, с. 72,73].

Согласно размышлениям Л. Леви-Брюля, «церемонии посвящения имеют целью сделать индивида совершенным, способным исполнять все функции законного члена племени. Они призваны «закончить» его в качестве живого человека, подобно тому, как заключительная траурная церемония делает человека совершенным в качестве покойника» [5, с. 321].

В качестве примера особого представления о «смертности» испытуемого и демонстрационного представления «смертности» как таковой, – приведем церемонию «нкимба» (Нижнее Конго), где обряды посвящения доверены нганга (человеку-фетишу, колдуну). Итак, здесь «всякий желающий вступить в общество теряет сознание среди собрания, принимая предварительно наркотическое средство. Его тотчас окружают нганга и помощники и уносят к себе. Распускают слухи, что он умер, ушел в мир духов, откуда скоро будет возвращен к жизни силой великого нганга. Новопосвященный живет с нганга в течение долгого периода, длящегося иногда несколько лет. Он научается новому языку (вероятно, древнему, архаическому языку банту), его посвящают в тайны общества» [5, с. 326].

«Ни одной женщине не разрешается смотреть в лицо людям нкимба, которые ходят по лесам и по всей округе, распевая странные и дикие песни, предупреждая непосвященных о своем приближении». Когда посвященный приводится в родное селение, где его представляют под новым именем, «он делает вид, что все производит на него впечатление неожиданности, как на явившегося из другого мира. Он не узнает никого, даже мать и отца, родственники встречают его как воскресшего. В продолжение нескольких дней ему разрешается брать все что ему угодно в селении. С ним обращаются с величайшей снисходительностью, пока он не освоится якобы с новой средой. После этого он решает, стать ли человеком-фетишем или вернуться к жизни всех окружающих» [5, с. 326].

Театрализация процедуры инициации носит одновременно прагматический и ритуально-ориентированный характер. Участники обряда знают свои «места» и «роли», корректно взаимодействуют в соответствии с негласной драматургией происходящего. Процесс носит игровой характер, как, впрочем, и демонстрация веры в предлагаемые обстоятельства с обеих сторон. Благодаря обрядам перехода, феномен театрального (не игрового) взаимодействия людей прирастает конкретикой деталей, навыков, красок, и устойчивыми внутренними качествами управления ситуацией, – качествами внушения, манипуляции, симуляции, нацеленностью на результат.

Отдельно важно оговорить значение Матери и отлучение от Матери в период инициации [2, с. 73]. Мать понимается предельно широко, в том числе как Богиня, Мать – Земля, Мать-Природа, покорить которую и важно, и почетно, и принципиально, ибо так можно достичь освобождения от ее власти и своей зависимости от Нее, а также напомнить Матери – Природе о себе (с помощью инициации), заявить особые права на ее внимание. Вся природа представляется человеку воплощением Ее (матери) бытия и могущества. Потеряв безопасность материнской пещеры, он стремится воссоздать ее в своем воображении [8, с. 134].

С образом Матери и возвращением к ней, с чувством вины за потерю особенной связи с Ней связана удивительная практика людей эпохи Мадлен, – оставлять на скальные рисунки в самых отдаленных, глубоких и крайне труднодоступных залах пещеры. Чтобы попасть туда и оставить свой, авторский рисунок, приходилось бесконечно рисковать, переживать труднейшие испытания духа и тела. При попытке анализа практики антропологи выдвигают ряд обоснований, среди которых присутствует и отсылка к инициации. Дальние залы пещер воспринимаются как святилища, недоступные для простых людей, посещаемые лишь избранными (художниками, жрецами, шаманами), проходящими обряд инициативного единения с главной женщиной планеты – Матерью Землей. Художественное наполнение обряда, его драматическая направленность, когда, словно по родовым путям, опасным и узким туннелям пещер, медленно с риском для жизни, полз ищущий Материнского «благословения» и напоминания Ей о его существовании, мужчина, – выглядит по меньшей мере, изобретательно, если не сказать художественно-поэтично. Здесь естественная театрализация жизни еще крайне переплетена с игровым наполнением.

Другое дело, что, когда этот шаман, жрец, творец вернется живым из труднопроходимой пещеры, – это будет абсолютно другой человек, прежде всего, в его собственных глазах. Совершенный им обряд своеобразного «обратного самостоятельного рождения» в лоно Великой Матери преобразит его и в глазах общины: слово Ей приобретет особый вес, решения – особую значимость, ибо он совершил невозможное, сняв все преграды, прежде выстроенные перед людьми Великой Матерью [8, с. 139–144].

Здесь уже повседневная игровая деятельность уступает место театральным техникам и способам самовыражения. Благодаря опыту инициации, шаман, художник, жрец обретает власть над общественным мнением. Власть (политическая, религиозная) чаще задействует театральные средства выразительности как хорошо зарекомендовавшие себя в коммуникативной и суггестивно-ориентированной сфере.

Итак, театральность в первобытной среде носит спонтанный характер, но инструментарий и диапазон возможностей уже ясен и апробируется на соплеменниках. Достижение поставленных целей драматургически выстроено, наполнено художественным смыслом и артистически исполнено. Театрализация жизни сопровождает человека с самых первых времен его общественного «со-бытия» с другими людьми. Театральные средства выразительности носят ритуальный, сакральный характер; эстетически выверены, хотя осознанной художественной значимости пока не много; служат прагматическим, практическим целям.

Театральность и первобытная сила маски

Обряды перехода (церемонии посвящения, братания, инициации) вряд ли проходят вне костюмированного сопровождения. Магические пляски, сопровождающие важные ритуалы, в частности, охоты или «общения» с мертвым миром, задействуют маскировку максимально продуктивно и примечательно.

Магическая сила обряда, продуцируемая церемониями и плясками, призвана обеспечить присутствие усопших предков. У них попросят помощи и защиты, и маска становится непосредственным участником – коммуникатором вызываемого единения. Для достижения результата участники ритуала задействуют «представление», и это не столько декларативная имитация, сколько маги-

ческий инструмент сопричастности миров, слияния душ, трансформации тел.

Здесь представление (как театральная прием) – есть инструмент психической природы воздействия на реальность, орудие внушения и самовнушения. Представление прежде всего формируется как прагматический инструмент коммуникации между мирами, и только много позднее приобретает характеристику артистического приема.

Участники церемоний в масках представляют духов. Представление понимается в буквальном смысле слова – как «снова ставить перед нами, вновь вызывать появление того, что исчезло». Маска на лице предполагает, что участники «эффективно становятся на время предками, они реально суть конкретные предки». Пребывание одновременно в нескольких мирах не удивляет первобытного человека, главное, – это уметь правильно вызвать нужных духов для общения. «Ношение маски – не игра. Это прямое общение, интимное сопричастие в существами невидимого мира, от которых ждут благосклонности» [6, с. 126].

«Надеть маску вовсе не означает просто облачиться в другой наряд, под которым личность останется неизменной. Надеть маску – значит, подвергнуться реальному превращению» [6, с. 127]. А превращения нужны, потому что главный смысл церемоний ... заключается в общении, в мистическом слиянии, сводящемся к отождествлению с мифическим или тотемическим предком [6, с. 129].

Вопрос веры в специфические предлагаемые обстоятельства, пожалуй, самый волнующий и интересный. Следуя логике повествования Л. Леви-Брюля, вера и симуляция веры существуют в синергетическом единстве без ущерба для носителя. И участники, и «зрители» понимают особенности происхождения и прохождения ритуала, порой нарочито демонстрируют те или иные ответные реакции в течение церемонии. Однако, они же искренне убеждены в реальности происходящего, в возможности с помощью театральных и игровых средств выразительности выйти на контакт с предками, пообщаться с тотемными животными.

Конкретный пример магической связи предка, тотема, маски и ее носителя наблюдаем в комплексе «катсин» – маскированных персонификациях в танцах и обрядах. Согласно легендам, в мифическом прошлом катсины для совершения танца приходили в пуэбло в собственном обличье, однако в результате какого-то несчастного случая они перестали приходить в собственном обличье. Но людям сказали, что могут персонифицировать катсин, если будут носить маски, и что тогда катсины будут приходить в виде духов. Так и возникли маскированные танцы и церемонии [7, с. 912, 913].

Размышляя о силе маски, Роже Кайуа приходит к выводу, что «в хаотических обществах ношение масок позволяет людям воплощать (и чувствовать себя воплощающими) некие силы и энергии, духов и богов. Оно характерно для особого типа культуры, основанного на могущественном союзе пантомимы и экстаза» [4, с. 118, 119].

Поражает исходная устойчивость к внешним факторам первобытных театральных механизмов, маскировки в том числе. В зависимости от внешних условий, уровня развития цивилизации они способны переходить из активного режима в спящий режим и обратно. Кроме того, есть понимание предрасположенности театральных механизмов к определенной качественной трансформации.

Среди важнейших экзистенциальных феноменов, стимулировавших трансформацию, можно отметить страх смерти. Действительно, с первых более-менее осмысленных шагов существования, человек сталкивал-

ся с невероятным количеством вызовов самого разного порядка, одним из которых является смерть. Что он мог предпринять против явления, столь пугающего и неуловимого, как не убежание, обман, хитрость и маскировку?

Стремясь избежать, убежать от смерти, человек невольно развивал воображение и самые разные техники убеждения себя и других в удачливости попыток. Первыми спасительными техниками выступали творческие актерские техники, в том числе разного рода маскировка и представление. Они не помогали в прямом смысле слова, скорее обеспечивали состояние некоторого психологического комфорта, выполняли терапевтическую функцию, предлагали относительное временное спокойствие.

Профессия колдуна, шамана, крайне востребованная по этой причине, конечно, не могла не опираться на театральные техники, поскольку человек всегда был и остается крайне чувствительным к психосоматическому воздействию. Он легко мог заболеть только от подозрения или незначительного намека со стороны, будто его сглазили. И также быстро излечиться, особенно если колдун с помощью театрализованного представления «изгонял» из тела сглаз, болезнь, либо «договаривался» с ней.

Итак, можно отметить, что, стремясь выжить, сохраниться, стать частью братства, коллектива, человек прятался под маской, развивая таким образом ее функциональный потенциал. Стремясь обмануть смерть любыми средствами, в том числе художественными, человек учился сочинять, воздействовать, обманывать, убеждать. Инструменты и техники повседневной театральности в значительной степени помогали человеку и прятаться, и убеждать, и убеждать кого-либо (и самого себя) в собственной правоте.

Театральное закулисье «тайных братств»

Вступлению в тайное общество, как правило, предшествует ритуал посвящения. Ритуал предполагает второе рождение кандидата через «смерть и воскрешение» в новом статусе. Технология «перехода» вариативна, но социокультурный аспект «смерти-возрождения», как правило, весьма устойчив.

За содержательную часть ритуала отвечает социокультурная традиция, негласная поддержка соплеменников и мастерство режиссуры колдуна. За исполнительскую часть отвечают носители: профессионалы (колдуны, жрецы) и непрофессионалы (сам неофит, соплеменники, члены тайного братства). Актерские техники изобилуют открытым наигрышем и выпуклостью драматургических приемов. Игра и повседневная театральность находятся в тесном сплетении.

В качестве примера ритуальной трансформации неофита приведем обряд перехода племени «Ибибо» (Южная Нигерия). Вступлению в тайное общество «Идионг» предшествует жертвенное умерщвление козла с последующим привлечением стервятников для поедания мяса животного. Пока стервятники кормятся, исполнитель натирает тело посвящаемого желтым порошком. Жрец говорит фразу: «Я сейчас убью тебя! ... Закрой глаза». Далее, в мертвой тишине он медленно роняет слова: «Ты мертв». После этих слов неофит начинает шататься, почти падает. Члены общества хватают «предполагаемый труп» за запястья, волокут к точке завершения обряда и бросают на землю. Тело накрывают тканью, готовя «погребение». Все садятся вокруг, опечаленные, будто оплакивая умершего. Спустя некоторое время один из них встает и уходит на поиски молодого бананового деревца, которое срубает и приносит к месту скорби. Главный жрец, пожевав перец, выплевывает его на де-

ревце и говорит: «Теперь этот банан обладает силой, способной оживить ... брата». Семь раз бьют стволем по земле у ног предполагаемого трупа. После седьмого удара человек поднимается, жрец что-то шепчет ему на ухо ему, видимо, послание из «мира мертвых», куда осуществлялось обоюдное путешествие. Неофит старательно повторяет его. Далее устраивается пир в доме новообращенного – ритуал завершен [10, с. 405, 406].

Мирча Элиаде в исследованиях природы шаманизма описывает схожие церемонии трансформации неофита (смерти и последующего воскрешения), независимо от формы, в которой они проявляются, – экстатический сон, болезнь, происшествие, ритуал. Трансформация характерна, как для инициации как таковой, так и для принятия в тайное общество. Элементы ритуала включают в себя периоды уединения, запреты, вымазывание лица и тела, маски, символическое погребение, символическое нисхождение в Преисподнюю, гипнотический сон, трудные испытания и так далее.

Целью испытаний всякий раз является забвение кандидата прошедшей жизни. Именно поэтому, по завершению ритуала, кандидат делает вид, что лишился памяти, заново учится ходить, есть одеваться и так далее. «Морфологически инициационные испытания будущего шамана взаимозависимы с большим классом обрядов перехода и церемоний вхождения в тайные общества. Иногда трудно отличить инициацию от обрядов тайного общества» [12, с. 55,56].

У первобытных племен, в которых практикуется институт тотемизма, основная цель такого обряда, – вынуть душу иницируемого и поместить ее в тотем. Имитация смерти и воскрешения, по-видимому, нужна была для обмена жизненной энергией между человеком и тотемом. Переживая воображаемое состояние обмена, неофит «становился» тотемным животным (медведем, волком) и запоминал это состояние в течение обряда, а также стимулировал последующие «само-превращения» спустя известное время после обряда.

В течение обряда перехода испытываемый переживает самые разные состояния, в том числе состояние «заглатывания» его мифическим чудовищем с последующим «изрыганием» обновленного неофита. Процесс заглатывания сопровождается жуткими звуками, издаваемыми монотонным завыванием трещоток. Разыгрываются настоящие драматические представления с декорациями, звуковыми и световыми спецэффектами. Подобного рода обряды порой заканчиваются и трагически; тогда близким объясняют, что чудовище все-таки проглотило испытываемого. Роль чудовища также исполняет человек, как и прочие «роли» обряда перехода. Зрители и участники верят или убедительно делают вид, что верят в происходящее (боятся и трепещут от всего происходящего). О сложном хитросплетении веры и симуляции веры пишет и Й. Хейзинга: «...вера в священные представления – своего рода полувера, сопровождаемая иронией и равнодушием». И колдун, и околдованный – оба в одно и то же время и знают, и обманываются. А дикарь – хороший актер и хороший зритель [11, с. 49].

Принятие в тайное общество (например, в общество «каиан») с помощью обряда инициации нередко трактуется племенем как политический союз, призванный противостоять чужеземному владычеству. Конечно, чтобы попасть в него, приходится проходить через столь сложные испытания [9, с. 894–899].

По одну сторону обряда находится неофит, которому приходится пережить целый ряд промежуточных состояний, быть во многом ведомым течением предлагаемых обстоятельств; у него – свои «слова-реплики», позы – мизансцены, костюмы, наконец. По другую сторону ри-

туала находится профессионал – колдун, жрец, главный актер и режиссер в одном лице.

Он держит сквозную линию развития «сюжета» посвящения в тайное братство; он «продюсирует» и занимается режиссурой-постановкой ритуала как сложного, многодневного «спектакля». Он, наконец, активно участвует в спектакле, и во многом от его умений, таланта и усилий зависит успех всего сакрального мероприятия. Камерная постановка, лирические мизансцены, тонкие драматургические переходы здесь мало эффективны. Театрально-открытое неистовство, первоначальная сила наигрыша, крупные драматические «мазки» по репликам и движению, – вот что способно обеспечить необходимый результат убеждения и контроля над ситуацией, управления ею.

«Ведомый раскрепощающими силами, носитель (колдун, шаман) всецело отдается спровоцированному его же собственной мимической игрой расстройству. Он кричит нечеловеческим голосом, неистово двигается, демонстрируя первобытную страсть и боевую силу. Он упивается не только драматическим эффектом, который производит, не только внутренней свободой и сопричастностью потусторонним силам, открывшимся ему в процессе припадка и транса, но главным образом – своей властью, возможностью поведением сеять вокруг страх и ужас» [4, с. 116].

Костюм, маска более чем помогает ему и так – служит публичной жизни коллектива. В мужских инициационных обществах отличительные маски обеспечивают политическую власть. Маска – это орудие тайных братств. Она служит для устрашения непосвященных и одновременно для сокрытия личности соратников [4, с. 116].

Что примечательно, новичкам, проходящим обряды инициации, раскрывают сугубо человеческую природу масок, делая их, таким образом, сообщниками по обману. Древняя маска еще далека от высокого искусства театральной игры, от предмета искусства. Она опирается на механизмы повседневной театральнойности, выполняет предельно прагматические функции, ориентируется на максимальную результативность.

Инициация в таком случае предстает как пример атеистического агностического воспитания подростка. Она намеренно раскрывает подростку обман маски, погружая его во взрослый мир притворства, и заставляет сотрудничать: «До сих пор подростки пугались появления масок. И вот одна из них гоняется за ними с кнутом. Побуждаемые руководителем инициации, они хватают ее, скручивают, отнимают кнут, раздирают костюм, срывают маску – и узнают одного из старших представителей племени. Отныне они и сами переходят в другой лагерь. Теперь они сами внушают страх. Вымазавшись белой глиной и сами надев маски, они пугают непосвященных, воплощая духов умерших; они мучают и обижают тех, кого поймают или же сочтут в чем-то виновными» [4, с. 116,117].

Мы видим глубокую заинтересованность молодежи племени быть частью секретного или полусекретного братства, даже если для вступления потребуются жертвы духовного или физического порядка. Первая, вторая инициации крайне болезненны, но в результате, при благоприятном исходе обряд дарует власть над другими соплеменниками. А это так важно для самосохранения и преуспевания. «Посвящаемый» знает, что так называемые духи – это всего лишь переодетые люди, а их замогильные голоса создаются мощными трещотками. Но разве это важно, если после обряда инициации в руках сосредоточится привилегия предлагать свою волю окружающим, а если нужно, то и навязывать ее непосвященному большинству.

Что происходит в этот период с подростком, переживающим инициацию, сказать сложно. Его мировоззрению придется «раздвоиться» на глубоко скрываемую правду, с одной стороны, и активно демонстрируемую версию правды, – с другой. Странное состояние духа, при котором «каждый член даже низшего по рангу братства верит, что маска-покровитель высшего братства – сверхъестественное существо, в то время как он хорошо знает, что представляет собой маска, защищающая его собственное братство» [4, с. 117].

Братства мужчин в масках таким образом поддерживают в обществе дисциплину; ритуалы, связанные с масками, формируют элементы первобытной культуры; маска становится фундаментальной силой, скрепляющей общество. В этом можно отметить ее мощный театральный потенциал как механизма управления, воздействия на общество, на человека.

Как представляется, сакральные силы мифа, атрофируясь и некоторым образом угасая, постепенно кристаллизировались в основание для культуры. Игра облагораживала инстинкт выживания, поднимая его до своего уровня. В этой связи можно предположить, что если игра и старше культуры, то театральность как адаптационный инстинкт может быть старше игры.

С периодом укрепления культуры как социокультурного явления наступает частичное принятие реальности, согласие людей с той картиной мира, которая была сформирована коллективными усилиями. Роже Кайуа пишет, что «исчезновение маски – с одной стороны, как средства метаморфозы, приводящей в экстаз, а с другой стороны, как орудия политической власти, – представляет собой медленный, неровный, трудный процесс». Автор обращает внимание на то, что «в масочных обществах главный вопрос заключался в том, носишь ли ты маску и пугаешь других или не носишь ее и пугаешься сам». Маска предстает как символ превосходства, могущества, власти.

При более сложной общественной организации речь идет уже о том, что человек должен бояться одних и может пугать других, в зависимости от степени посвящения. Перейти на более высокую ступень – значит познать тайну новой, более тайной маски. Это значит узнать, что устрашающее сверхъестественное явление – вовсе не сверхъестественное, а просто переодетый человек, подобно тому, как ты сам надеваешь маску, чтобы устрашать профанов или посвященных низшего уровня [4, с. 124]. Разве здесь не о развернутой силе представления, не о театральном поведении идет речь? Причем, театральность выступает в качестве коллективного инструмента общения; инструмента внушения, воздействия, коммуникации, помогающего формировать общественную среду.

На ранних этапах развития община выступает как социальная среда и во многом обеспечивает жителей всем необходимым, как в материальном, так и в духовном отношении [1, с. 26]. «Сознание первобытного человека (в этой связи в том числе) насквозь социализировано (верования, обычаи, язык)» [5, с. 7]. В то же время повсеместная социализация и взаимная зависимость не исключают и потенциал существования личности, а также индивидуальных характеров людей [1, с. 4].

Социализация предполагает развитие определенных институтов, в том числе, управления, среди которых институт власти становится, пожалуй, одним из приоритетных. В основе общественных, политических «спектаклей», которыми изобилует современное общество, по-прежнему лежит «самая древняя общественная специализация – специализация власти» [3, с. 28].

Как представляется, «тайное общество», куда попасть крайне трудно и одновременно престижно, стано-

вится востребованным инструментом для реализации специализации власти. Обряды посвящения в тайное общество наполнены драматическими спецэффектами, костюм и маска дополняют ритуал, способствуя наилучшим образом желаемой трансформации неофита и демонстрации собственной исключительности, принадлежности к избранной страте у остальных членов тайного общества.

Со временем маска начнет утрачивать способность к открытой метаморфозе. «Носящий ее человек больше не почувствует себя воплощающим какие-то чудовищные силы, облеченным их нечеловеческим лицом. Те, кого он пугает, тоже не обманываются этим неузнаваемым привидением. Сама маска изменила свой вид, а в значительной мере и назначение, поскольку получила новую, сугубо утилитарную роль» [4, с. 147].

И все-таки маска не исчезла, она трансформировалась. Маска по-прежнему способна выполнять функции, которыми была полна в примитивных обществах. В социуме с уже сложившимися представлениями о себе, о правилах поведения, табу и нормах, «первобытная» маска, наполненная колдовским потенциалом внушения, теперь больше не из бумаги, древесины или перьев. Она – экранированная, надстроечная, ценностная, возможно, цифровая; одним словом, – комплексная. Но она по-прежнему устрашает и скрывает, посвящает и наделяет властью, объединяет и обманывает. Функционально перечисленные элементы вполне вписываются в арсенал театральности как экзистенциального феномена, что более чем сближает маску и повседневную театральность.

Выводы

1. Театрализация инициации носит одновременно прагматический и ритуально-ориентированный характер. Процесс предполагает смешанный, игровой-театральный аспект. Театральное взаимодействие прирастает конкретной деталью, навыков и качествами внушения, манипуляции, симуляции.
2. Обряды перехода предполагают костюмированное сопровождение, где маска играет важную роль. Маска помогает на время «стать» другим (предком, тотемом). Представление выступает как инструмент психической природы воздействия на реальность, как орудие внушения. Это комплекс действий не художественного, а прагматического порядка.
3. Первобытная сила маски заключается в ее адаптационном и сохранном потенциале, она помогает выжить, спрятаться, убежать от смерти, стать «своим» в коллективе. «Убегание» от смерти развивает творческие навыки человека.
4. В мужских инициатических обществах маски обеспечивают политическую власть. Попасть в «тайное братство» – вопрос престижа и привилегии. Ритуал посвящения предполагает второе рождение кандидата через «смерть и воскрешение» в новом статусе. Технологичность «перехода» вариативна, но аспект «смерти-возрождения» весьма устойчив. Актерские техники ритуала изобилуют открытым наигрышем и выпуклостью драматургических приемов.

Научный потенциал

Обряды перехода (инициация, посвящение в тайное братство) весьма театральны по форме и содержанию, что является «питательной» информативной средой для исследования театральности как комплексного феномена.

Здесь игровая деятельность переплетается театральной прагматичностью, актерские исполнительские техники и режиссуру ритуала подсказывают комплекс экзистенциальных страхов, формирующаяся социокультурная среда, магическая сопричастность с природой, синкретическая традиция самого обряда. Есть предположение, что именно «в недрах» обрядов перехода формируется базис повседневной театральности и ее манипулятивный потенциал. Исследование предполагается продолжить.

Литература

1. Артемова, О.Ю. Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине (по австралийским этнографическим данным) / О.Ю. Артемова: Академия Наук СССР Ордена Дружбы народов Институт этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва «НАУКА» 1987. – 197 с.
2. Геннеп А., ван Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.
3. Дебор, Ги Общество спектакля. Пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович. Ред. Б. Скуратов. Послесловие А. Кефал. М.: Издательство «Логос» 2000. – 184 с
4. Кайуа, Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Роже Кайуа; Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: ОГИ, 2007. – 304 с.
5. Леви – Брюль Л. Первобытное мышление / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2020. – 430.
6. Леви – Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. – М.: Академический проект, 2021. – 428 с.
7. Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1064 с.
8. Франкл, Джордж Археология ума / Джордж Франкл; пер. с англ. А.Г. Вронской. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 254, [2] с.
9. Фрэйзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Джеймс Джордж Фрэйзер; пер. с англ. М. Рыклина. – СПб.: Азбука, Азбука – Аттикус, 2021. – 976 с.
10. Фрэйзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Новые плоды (исследование магии и религии) / Пер. с англ. А.П. Хомика. – М.: Академический проект, 2019. – 407 с.
11. Хейзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга; Пер. с нидерланд. В. Ошиса. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 539 с.
12. Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза / Мирча Элиаде; Пер. с фр. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2022. – 399 с.

THE PHENOMENON OF THEATRICALITY IN THE RITES OF PASSAGE ON THE EXAMPLE OF INITIATION AND «SECRET FRATERNITIES»

Rakhimova M.V.

South Ural State Institute of Art named after P.I. Tchaikovsky

The study of everyday theatricality as a complex multidimensional phenomenon involves the analysis of the genesis of the phenomenon, with the help of anthropological works, in particular. Among the numerous ways of social communication of early communities, rites of passage (initiation and the ceremony of joining the «secret fraternities») are particularly useful for research.

The initiation is both gaming and theatrical in nature. The specific interaction of participants contributes to the development of theatrical techniques of self-expression and stimulates the formation of theatrical qualities of suggestion, manipulation, simulation.

Rites of passage involve costumed accompaniment, where the mask plays an important role. The primal power of the mask lies in its adaptive and save survival potential. In male secret societies, masks provide political power. The author suggests that it is largely thanks to the rites of passage that the basis of everyday theatricality and its manipulative potential is formed.

Keywords: rites of passage, initiation, secret brotherhood / secret fraternities, dramaturgy of the rite, simulation of faith, theatrical nature of a human being, everyday theatricality.

References

1. Artemova, O. Yu. Personality and social norms in the early primitive community (according to Australian ethnographic data) / O. Yu. Artemov: Academy of Sciences of the USSR Order of Friendship of Peoples Institute of Ethnography named after N.N. Miklouho-Maclay. – Moscow «NAUKA» 1987. – 197 p.
2. Genep A., van Rites of passage. Systematic study of rituals / Per. from French – M.: Publishing company «Eastern Literature» RAS, 1999. – 198 p.
3. Debord, Guy The Society of the Spectacle. Per. from fr. S. Oftertas and M. Yakubovich. Ed. B. Skuratov. Afterword A. Cephalus. M.: Logos Publishing House 2000. – 184 p.
4. Kayua, R. Games and people; Articles and essays on the sociology of culture / Roger Caillois; Comp., trans. from fr. and intro. Art. S.N. Zenkina. – M.: OGI, 2007. – 304 p.
5. Levy – Brühl L. Primitive thinking / Per. from fr. B.I. Sharevskaya. – 2nd ed. – M.: Academic project, 2020. – 430.
6. Levy – Brühl L. Supernatural in primitive thinking / Per. from fr. B.I. Sharevskaya. – M.: Academic project, 2021. – 428 p.
7. White L. Favorites: The evolution of culture / Per. from English. – M.: «Russian Political Encyclopedia» (ROSSPEN), 2004. – 1064 p.
8. Frankl, George The Archeology of the Mind / George Frankl; per. from English. A.G. Vronskaya. – M.: AST: Astrel, 2007. – 254, [2] p.
9. Fraser J.J. The Golden Bough: A Study in Magic and Religion / James George Fraser; per. from English. M. Ryklin. – St. Petersburg: ABC, ABC – Atticus, 2021. – 976 p.
10. Fraser J.J. The Golden Bough. New fruits (study of magic and religion) / Per. from English. A.P. Khomik. – M.: Academic project, 2019. – 407 p.
11. Huizinga, J. Homo Ludens. In the shadow of tomorrow / J. Huizinga; Per. from the netherlands. V. Oshisa. – M.: LLC «Publishing House AST», 2004. – 539 p.
12. Eliade M. Shamanism. Archaic techniques of ecstasy / Mircea Eliade; Per. from fr. – 2nd ed. – M.: Academic project, 2022. – 399 p.

Применение инструментов креативной педагогики при формировании гражданской идентичности молодежи

Яковко Татьяна Владимировна,

доцент кафедры философии, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
E-mail: tatyana.yakovko@yandex.ru

В статье рассматривается актуальный вопрос, связанный с проблемой формирования гражданской идентичности молодежи в свете креативной педагогики. Автор подчеркивает социально-культурную значимость такого условия сплочения россиян, как формирование и активизация гражданской идентичности. Особое внимание в рамках проводимого исследования уделяется стратегии формирования чувства гражданственности в формировании чувства гражданственности у молодежи как субъекта ценностных отношений и деятельности. В статье раскрывается роль современной креативной педагогики в формировании мировоззренческой, ценностно-мотивационной, а также и созидательно-поведенческой составляющие гражданской идентичности молодежи. Целесообразность и перспективность включения креативной педагогики в сферу формирования гражданской идентичности личности связывается с эффективностью использования проектных методов активизации у молодого поколения чувства причастности к судьбе России и верности духу патриотизма. Автор приходит к выводу, что сегодня является важным, чтобы содержательно-методические основы креативной педагогики использовали механизм исторической памяти в разнообразных формах презентации героического прошлого нашей страны и ее культурных достижений, поскольку, по сути, духовное измерение искусства способно усилить эмоциональное восприятие гражданских ценностей и побуждать к «соучастью в добрых человеческих делах».

Ключевые слова: консолидация общества; диалектика повседневности; гражданская идентичность молодежи; патриотизм; креативная педагогика; проектные методы; механизм исторической памяти; художественные факторы; социальное творчество.

Введение

В ситуации расширения пространства геополитических вызовов и усиления конфронтации Российской Федерации между рядом стран Евросоюза и НАТО заметно возросла потребность в совершенствовании процесса консолидации нашего многонационального и поликонфессионального общества. Сложность проблематики, связанной с концептуально-практическими аспектами сплоченности, обусловлена рядом факторов, в том числе отсутствием до недавнего времени четко сформулированной национальной идеи российского государства. Существенное значение имеет и субъективный фактор единения поколений на основе достижения ценностного консенсуса. С учетом отмеченных моментов в статье рассматривается проблема формирования гражданской идентичности молодежи как особого типа субъекта ценностных отношений и деятельности. Данная проблема связывается с неоднозначным воздействием на умонастроение юношей и девушек глобализационных процессов, развития технологий сетевого общения и информационной войны против России. Поэтому стратегия совершенствования объективных и субъективных факторов консолидации гражданского общества включает формирование общегражданской идентичности. Это означает поиск путей укрепления в молодежном сознании и поведении чувства сопричастности с Россией, то есть патриотизма. Патриотизм как необходимое условие консолидации социума актуализируется как деятельная любовь к прошлому и настоящему страны, а в ситуациях военных испытаний и внешнеполитических угроз России как героизм. Эффективность решения задачи активизации гражданских чувств у современной молодежи в значительной мере связана с модальностью проективно-творческого подхода в сфере педагогики в целом высшего образования в частности.

Методы

В статье использовались методы объективной и субъективной диалектики, аналогии, анализ и синтез, структурно-функциональный, культурологический, а также метод проективно – творческого подхода.

Основная часть

Ситуация противостояния России на международном фронте в целом и в связи с военным конфликтом в частности обуславливает открытый характер многоаспектной проблематики консолидации российского общества. В реалиях информационной войны и санкционной политики обостряется потребность в использовании более эффективной стратегии сплочения россиян на основе базовых ценностей и духа патриотизма. Необходимым условием социальной консолидации является достижение высокого уровня гражданской идентичности. Отсюда и актуальность вопроса о возможностях «укоренения модели «активного гражданства» [11]. Решение данного вопроса предполагает совершенствование мировоззренческой, ценностно – мотивационно, социально-творческой юридической граней персональной идентичности.

Заметная активизация исследовательского интереса к персональной идентичности обусловлена прежде всего тем, что «трансформация идентичности становится в современную эпоху одним из ключевых факторов социальных перемен» [7]. Противоречивость процессов глобализации, «тирании» рыночных отношений и переоценки ценностей проявляется и в социальной, и в личной сферах повседневной жизни. В то же время на «диалектику повседневности» (Г.С. Кнабе) определенное влияние оказывает и такой фактор, как уровень идентификации субъекта ценностных отношений и деятельности с социумом. Как справедливо утверждает А.В. Костина, «идентичность в глобализирующемся мире является не только одним из феноменов, непосредственно связанных с повседневными практиками и подвергающихся осмыслению обыденным сознанием, но и одной из центральных проблем и философии, и науки, и политики» [6]. Эта же проблема, гуманитарная по своей сути, является предметом аксиологического осмысления, поскольку «именно в личностной проекции раскрываются присущие идентичности смыслы и ресурсы развития индивида...» [7].

Взаимообусловленность объективных и субъективных факторов трансформация идентичности связана и с таким явлением, как современная информационная среда, которая, по мнению многих исследователей, оказывает неоднозначное влияние на личность. Особенно наглядно факт зависимости персональной идентичности от «могущества» информационных технологий обнаруживается в сфере сетевой коммуникации. «Немаловажный негативный эффект сетевой идентичности, – пишет А.А. Фадеева, – создается с помощью фейков в медиапространстве, когда формируются поддельные виртуальные страницы для распространения ложной информации» [12].

Поскольку же гражданская идентичность является собой «компонент личностной идентичности» (Н.А. Галактионова), особого внимания заслуживает проблема формирования ценностно-смысловых ориентаций индивида. Важность данного фактора совершенствования самосознания личности обусловлена тем, что идентичность – это «чувство органической принадлежности индивида к его исторической эпохе и типу межличностного взаимодействия, свойственному данной эпохе, что предполагает, следовательно, гармонию присущих ей идей, образов, ценностей и поступков...» [13].

По сути, такое определение идентичности, данное Эриком Эриксоном и его мысль о гармонизации отношений личности с социумом «вписывается» в проблематику формирования гражданской идентичности. Тем более, что ряд современных исследователей анализируют гражданскую идентичность через призму оценки ее характера – как позитивную либо негативную. Эта дихотомия рассматривается с трех точек зрения. Во-первых, с мировоззренческой точки зрения, фиксирующей характер представлений о стране, ее прошлом и настоящем; во-вторых, с аксиологической точки зрения на ценностные приоритеты личности, влияющие на ее мотивационный контекст; в-третьих, с деятельностью – поведенческой точки зрения, связанной с определением наличия (или отсутствия) активной жизненной позиции.

Особый акцент делается на том, что позитивный характер гражданской идентичности проявляется в патриотизме. Согласно современному исследователю А.В. Абрамову, патриотизм «является и показателем принадлежности к социальной системе (Родине, Отечеству, стране), и маркером самоидентификации общества в целом» [1]. Смысловой емкостью обладает и определение патриотизма как «ценностно-ментальной идентичности» (В.Е. Семенов),

Обе дефиниции патриотизма подтверждаются ежедневными проявлениями героизма непосредственных участников СВО и гуманитарно-этической энергетикой волонтерского движения, Реакция большинства россиян на вызовы международного характера и СВО дает основание признать, что «современный российский патриотизм носит преимущественно общегражданский (общероссийский) характер [1]. В то же время неоднозначная реакция части российского общества на мобилизацию, объявленную 21 сентября 2022 года выявила открытый характер вопроса о критериях зрелости гражданская идентичности и путях ее достижения, особенно в молодежной среде.

На наш взгляд, в ряду индикаторов зрелости гражданского самосознания стоит выделить прежде всего личностного понимания контекста полярности таких категорий, как «общечеловеческое» и «национальное», «свобода и ответственность», «права» и «обязанности». С этой точки зрения важное значение имеет историческая грань самосознания личности, эмоциональная энергетика причастности отношения к прошлому своей страны. Существенным признаком гражданской зрелости индивида является сформированность чувства ответственности перед Родиной и наличие готовности деятельного служения ее интересам. Совокупность отмеченных признаков зрелости гражданского самосознания в значительной мере способствует актуализации личности как субъекта подвижнической деятельности и героизма.

Как качественное состояние устроения личности, ее гражданская зрелость и активность достигаются при определенных условиях. Одно из них – расширение границ духовно-нравственного пространства гражданской идентичности, формирование которой «включает культурную самоидентификацию» [11].

В этой связи целесообразно обратиться к такой специфической сфере социализации и инкультурации личности, как креативная педагогика. При всей значимости традиционной педагогики как информационно-образовательного пространства заслуживает внимания и тенденция креативизации воспитательной работы. Одно из подтверждений этому – развитие креативной педагогики как пространства эффективного использования художественно-творческих проектов активизации гражданской позиции личности.

Стержнем креативной педагогики являются проекты использования культурных достижений в активизации чувства сопричастности к судьбе России.

Инновационный характер данного института проявляется прежде всего в установке на интерактивные способы и формы продуктивного освоения молодыми людьми ценностей, норм и образцов российской культуры. Реализация данной установки в значительной мере обеспечивается проектными методами и, несомненно, педагогическим талантом. Иными словами, субъекто – формирующий функционал креативной педагогики обеспечивается как в эвристическом, так и методическом планах работы с молодежью, но и продуктивностью механизмов воздействия на мотивационно – поведенческие сферы личности.

Усложнение проблематики формирования гражданской идентичности в ситуации противостояния России внешним и внутренним вызовам обуславливает важность инновационного подхода к содержательно-методическим основам духовно-нравственного развития личности как носителя и защитника базовых ценностей. В реалиях информационного «бума» и сетевой идентичности «для современного человека наиболее остро встает вопрос осознания и конструирования своей

социокультурной идентичности» [10]. Отсюда – тенденция возрастания значимости гуманитарной компоненты креативной педагогики, вносящей существенный вклад в формирование гражданской позиции современных юношей и девушек.

Под гуманитарной компонентой понимается трансляция знаний о сущности и «мира человека» как субъекта ценностных отношений и созидательной деятельности, о традициях и достижениях отечественной культуры, о сущности творческого отношения к жизни. Именно поэтому для креативной педагогики характерна взаимообусловленность гуманитарной составляющей гражданского воспитания, этико-правовых и эстетических факторов активизации патриотических чувств и мотивации непосредственного соучастия в преодолении угроз Отечеству. Благодаря такому синтезу более продуктивно актуализируется образовательно-воспитательный потенциал креативной педагогики.

Поскольку достижению общественной консолидации способствуют «общее историческое прошлое, которое находит отражение в легендах, мифах, символах... культурные ценности; ...совместные переживания» [5], заслуживает внимания прикладной аспект формирования гражданской идентичности. Накопленный опыт поиска и внедрения эффективных способов реализации установки на совершенствование различных граней персональной идентичности свидетельствует о перспективности проектных методов в креативной педагогике. Функционал проектных методов направлен на преодоление у молодых людей умозрительно-пассивного стиля восприятия знаний посредством приемов интерактивного характера. Интерактивный подход к формированию персональной идентичности реализуется в соотношении с принципами взаимодействия молодых людей, сотворчества и обратной связи. К примеру, положительный эффект усиления гражданской компоненты личностного сознания вызывают интерактивные способы погружения в пространственно государственной символики. Понимание глубинного смысла герба, флага, гимна, а также праздничных традиций многонациональной России способствует активизации таких патриотических чувств, как любовь к стране и гордость за нее.

Позитивная энергетика гражданской позиции личности детерминирована многими факторами и особенно, на наш взгляд, механизмом исторической памяти и воздействием «знаковых» произведений искусства на сознание. В.Э. Бойков: «историческая память является одной из основ осознания человеком своего «Я» в семейной родословной и в истории своего народа, понимания нашего «Мы» в национальной и культурной общности страны, а также в рамках общечеловеческой цивилизации» [2].

Политико-правовое и патриотическое воспитание и духовно-нравственное развитие личности неотделимы от такого социально-культурного явления, как историческая память. Взаимосвязь задач формирования гражданской позиции личности и включения в это пространство механизма исторической памяти обусловлена потребностями общества в преемственности поколений. Более чем очевидно, что «хранящиеся в памяти представления о прошлом выступают в качестве ценностных ориентиров, которые обеспечивают регулирующее воздействие на поведение людей, их мировосприятие, способствуют формированию национальной и культурной идентичности» [9].

Заключение

Именно поэтому так важно, чтобы содержательно-методические основы креативной педагогики исполь-

зовали механизм исторической памяти в разнообразных формах презентации героического прошлого нашей страны и ее культурных достижений. Значимость этого фактора продуктивного приобщения молодого поколения к истории и «местам памяти» великих людей, служивших своему Отечеству трудно отрицать. «Память и знание прошлого наполняют мир, делают его интересным, значительным, одухотворенным, – писал Д.С. Лихачев. – Мы не только должны знать историю всего, что нас окружает, но и хранить эту историю, эту безмерную глубину окружающего» [8].

Отсюда перспективность совокупности познавательной, художественной, реконструктивно-ролевой и других форм погружения в прошлое способствует обуславливает не только духовно-нравственную преемственность поколений, но и зрелость гражданской идентичности. С этой точки зрения важно иметь в виду эмоциональный аспект использования механизма исторической памяти, тесно связанной с различными гранями культурно-эстетического наследия и особенно с искусством.

Отмечаемый рядом исследователей и педагогов ценностно-формирующий фактор искусства как специфической формы общественного сознания имеет важное значение для духовно-нравственного развития личности. С этой точки зрения можно согласиться с мнением о том, что «прикладное значение искусства конечного счете и сводится к его воспитывающему действию» [3]. Интересна и та оценка образной сферы культуры, которую дал Ф.М. Достоевский: «... по всем вместе взятым историческим фактам, начиная с начала мира до настоящего времени, искусство никогда не оставляло человека, всегда отвечало его потребностям и его идеалу, всегда помогало ему в отыскании этого идеала...» [4].

По сути, процитированная мысль великого русского писателя подтверждает, что духовное измерение искусства, вызываемое его образной природой «волнение души» (Гегель), способно усилить эмоциональное восприятие гражданских ценностей и побуждать к «соучастью в добрых человеческих делах» (Николай Асеев).

Литература

1. Абрамов А.В. Современный российский патриотизм как маркер гражданской идентичности личности и общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 3. С. 215–221.
2. Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социологические исследования. 2002. № 8. С. 44–52.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1968. 322 с.
4. Достоевский Ф.М. Об искусстве. – М.: Искусство, 1973. 631 с.
5. Дробижина Л.М. Российская идентичность в массовом сознании. // Вестник российской нации. 2009. № 1. С. 135–146.
6. Костина А.В. Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации этноса, нации и массы // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 167–175.
7. Лапкин В.В. Социально-политический контекст трансформаций идентичности в XXI веке // Идентичность: личность, общество, политика. 2017. № 1. С. 88–101.
8. Лихачев. Д.С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Детская литература, 1988. 109 с.
9. Мысливец Н. Л., Романов О.А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологиче-

ской реконструкции // Вестник РУДН. 2018. № 1. С. 9–19.

10. Петрова Е.В. Человек в информационной среде: социокультурный аспект. – М.: Инфра-М, 2014. 144 с.
11. Семенов И.С. Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. – М.: Изд-во Весь мир, 2017. С. 102–113.
12. Фадеева А.А. Сетевая идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. – М.: Изд-во Весь мир, 2017. С. 535–540.
13. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. 344 с.

APPLICATION OF THE TOOLS OF CREATIVE PEDAGOGY IN THE FORMATION OF CIVIL IDENTITY OF YOUTH

Yakovko T.V.

Academy of the State Fire Service EMERCOM of Russia

The article deals with the topical issue related to the problem of the formation of civil identity of young people in the light of creative pedagogy. The author emphasizes the socio-cultural significance of such a condition of cohesion of Russians as the formation and activation of civic identity. Particular attention is paid to the strategy of citizenship formation in the formation of a sense of citizenship in young people as a subject of value relationships and activities. The article reveals the role of modern creative pedagogy in the formation of outlook, value-motivational, as well as creative-behavioral components of youth civic identity. The expediency and prospects of including creative pedagogy in the sphere of civil identity formation is associated with the effectiveness of using project methods to activate the sense of involvement in the destiny of Russia and loyalty to the spirit of patriotism in the young generation. The author concludes that today it is important to use the mechanism of historical memory in various forms of presentation of the heroic past of our country and its cultural achievements, because, in fact, the spiritual

dimension of art is able to enhance the emotional perception of civil values and encourage “complicity in good human deeds”.

Keywords: consolidation of society; dialectic of everyday life; civic identity of youth; patriotism; creative pedagogy; project methods; mechanism of historical memory; artistic factors; social creativity.

References

1. Abramov A.V. Modern Russian patriotism as a marker of civil identity of an individual and society // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2014. № 3. PP. 215–221.
2. Boykov V.E. State and Problems of Historical Memory Formation // Sociological Studies. 2002. № 8. PP. 44–52.
3. Vygotsky L.S. Psychology of Art. – Moscow: Art, 1968. P. 322.
4. Dostoevsky F.M. About art. – М.: Art, 1973. P. 631.
5. Drobizheva L.M. Russian identity in mass consciousness. // Bulletin of the Russian nation. 2009. № 1. PP. 135–146.
6. Kostina A.V. The crisis of modern identity and the dominant identification strategies of ethnicity, nation and mass // Knowledge. Understanding. Skill. 2009. № 4. PP.167–175.
7. Lapkin V.V. Socio-political context of identity transformations in the XXI century // Identity: personality, society, politics. 2017. № 1. PP. 88–101.
8. Likhachev. D.S. Letters on the Good and Beautiful. – Moscow: Children’s Literature, 1988. P. 109.
9. Myslivets N. L., Romanov O.A. Historical memory as a socio-cultural phenomenon: the experience of sociological reconstruction // Vestnik RUDN. 2018. № 1. PP. 9–19.
10. Petrova E.V. Man in the information environment: a sociocultural aspect. – Moscow: Infra-M, 2014. P. 144.
11. Semenenko I.C. Identity politics in conditions of ethno-cultural diversity: a new agenda // Identity: personality, society, politics. Encyclopedic edition. – Moscow: All World Publishing, 2017. PP. 102–113.
12. Fadeeva A.A. Network identity // Identity: Person, society, politics. Encyclopedic edition. – Moscow: All World Publishing House, 2017. PP. 535–540.
13. Erikson E. Identity: Youth and Crisis. – Moscow: Progress, 1996. P. 344.

Габриэль Марсель: обладание и бытие

Гусейнов Фарид Ибрагимович,

к.ф.н., доцент кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доцент кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана
E-mail: metafizika@mail.ru

Среди центральных категорий философии французского экзистенциального мыслителя Габриэля Марселя (1889–1973) – понятия обладания и бытия. Они подробно разрабатываются им в работе «Быть и иметь», которая анализируется в статье. Эти категории исследуются философом в поле предельных вопросов метафизики: что значит существовать? что значит бытийствовать? Магистральные идеи Г. Марселя обсуждаются в контексте философской традиции западной мысли, однако следует иметь в виду, что вся онтологическая проблематика рассматривается Марселем по-новому: философ совершает радикальный антропологический поворот в этой области. Обладание стремится свести существование человека к функции, и только восхождение к трансцендентному осуществляет прорыв к бытию.

Ключевые слова: быть, бытие, существование, иметь, обладание, конкретная философия, феноменология, экзистенция, онтология.

Бытие, строго говоря, – это существование, небытие – несуществование. Что значит существовать? Что значит бытийствовать?

Философское понятие бытия менялось на протяжении веков, и по сию пору нет его однозначной трактовки. Свой ответ на этот вопрос Габриэль Марсель (1889–1973), основоположник французского экзистенциализма, дает в книге «Быть и иметь» (1935).

«Быть и иметь»: бытие и обладание

Традиционная проблема бытия, отмечает Г. Марсель, вызывает у современных философов недоверие. В XX веке стало как бы неприличным спрашивать, каков мир «на самом деле», потому что мы его видим только таким, каким он нам кажется, посредством неснимаемых «настроек» нашего гносеологического аппарата, коим и следует философу заниматься. Свою знаменитую программную статью «Существование и объективность» (1925), с выхода которой (в *Revue de Métaphysique et de morale*) следует, наверное, датировать начало экзистенциального движения во Франции, Марсель начинает словами изумления столетним попыткам философов-идеалистов минимизировать роль существования, роль экзистенциального измерения в познании [7, с. 537].

Однако простое воздержание от решения этого вопроса для Марселя неприемлемо. Задачу, как ее понимает и ставит Марсель, прекрасно формулирует его ученик Поль Рикёр в работе «Марсель и феноменология» (1976): «духовно покалеченный мир, в котором больше нет места силам восхищения и изумления – вот фактическое условие работы мышления сегодня. И поэтому любое завоевание вновь онтологического измерения происходит в борьбе против течения, против тенденции проблематизировать и характеризовать» [13, с. 354]. Таким образом, философствовать так, будто проблемы бытия не существует, невозможно. Но, указывает Марсель, «с другой стороны, следует отметить, что я, вопрошая о бытии, не знаю ни того, существую ли я, ни, тем более, что я такое, не знаю даже точного смысла вопроса “что я такое?”, который, однако, неотступно меня преследует. Мы видим, следовательно, здесь проблему бытия, вторгающуюся в *собственные посылки* и простирающуюся в глубину субъекта, который ее ставит. Одновременно она отрицает себя (или трансцендируется) как проблема и превращается в тайну» [5, с. 99]¹.

Марсель вводит различие проблемы и тайны (метапроблемы, таинства), указывая, что является практически единственным из нынешних философов, который использует в философии понятие тайны (*le mystère*) [8, с. 61]. Проблема – это то затруднение, которое находится передо мной и которое я должен преодолеть посредством некоего алгоритма, дабы достичь своей цели; в этой сфере работают каузальные связи. Метапроблема (тайна) – это то, во что я включен, вовлечен, где

¹ Все выделения шрифтом внутри цитат принадлежат авторам цитируемых текстов, если иное специально не оговорено.

уже нет различения внутреннего и внешнего, и cogito тут не поможет. Ratio обесценивает как интеллектуальное, так и жизненное: «Картезианство содержит в себе аналитическое разъединение, которое, возможно, само по себе губительно для интеллектуального и витального, поскольку в результате мы наблюдаем одинаково произвольное возвышение первого и обесценивание второго» [5, с. 149].

Основным методом познания бытия является рефлексия. Рефлексия непосредственно связана с тайной. Философ часто обращает внимание читателя на то, что «тайну» (le mystère) не стоит понимать как некий девиз или знамя. Так, он пишет: «тайна соразмерна тому, что я назвал бы метатехническим началом» [6, с. 28]. И продолжает: «...существует глубинная внутренняя связь между рефлексией и тайной, которая лежит в основе всего моего творчества» [6, с. 28].

Марсель выделяет два типа рефлексии – первичную, обращенную на свой предмет и расчленяющую реальность, и вторичную, направленную на собственный процесс осмысления того, что было схвачено интуицией, и осуществляющую синтез. Рефлексия оказывается, собственно, формой существования, которое следует понимать не как плоское, а как иерархичное, что нашло отражение в ряде философских категорий, и особенно в центральном для Марселя понятии – «онтологическая потребность». Друг Марселя философ Жан Валь (1888–1974) в книге «Vers le concret» – «Навстречу к конкретному» (1932) – писал: «Габриэль Марсель считает, что существует тесная связь между иерархией истин и иерархией требований. Чем глубже наши потребности (nos besoins), тем глубже реальность, которую они представляют; мы не должны допустить, чтобы в нас утерялось чувство высших ценностей. Это один из существенных мотивов его мысли» [19, р. 185].

Известно, что у Марселя «Метафизический дневник» состоял из трех частей. Вторая часть была опубликована в 1935 году под названием «Быть и иметь». В этой работе философские категории, вынесенные в название, стали предметом экзистенциально-феноменологического анализа. Исследователь творчества Марселя католический философ Пьер Колен (1923–2009) в книге «Габриэль Марсель, философ надежды» (2009) пишет: «Второй Дневник объединяет две серии феноменов. С одной стороны, это явления нормальной психологии, такие как память, воля, ощущение. С другой стороны – явления парапсихологии: телепатия, ясновидение, спиритизм» [18, р. 42]. Воплощенный человек предстает как экзистенция, способная воспринимать, мыслить, желать, любить, молиться.

Что значит «обладание»? «Обладать – пишет Марсель, – это значит почти неизбежно быть обладаемым. Обладаемые вещи как посредники. Если, обладая четырьмя предметами, я отдаю два, то совершенно очевидно, что мне останется только два, следовательно, я вдвое обеднел. Это имеет смысл только при условии, что я полагаю определенное интимное отношение между собой и этими предметами, что я считаю их, если можно так сказать, консубстанциальными себе, что их присутствие или отсутствие в самом прямом смысле слова волнует меня» [5, с. 60].

Действительно, из человека, чтобы он обеднел, надо «вычесть» не вещи, что невозможно, а нечто человеческое. Но когда с уменьшением количества обладаемых вещей человек чувствует, что не количество предметов уменьшилось, а обеднел именно он, это свидетельствует об особом, интимном отношении между вещами и человеком, между предметами, находящимися в собственности, и существованием-бытием человека.

Среди всех сущих в мире особо привилегированное место занимает такой феномен как «мое тело», поскольку «когда я говорю “я существую” (j'existe), то, бесспорно, – пишет Марсель, – имею в виду нечто большее; я тайне предполагаю, что я есть не только для себя самого, но что я явлен; приставка “ex-” в слове “exister” (существовать) чрезвычайно значима, так как передает движение в направлении внешнего мира, центробежную тенденцию» [9, с. 14]. Таким образом, возникает проблематика тела, ощущения и восприятия, у истоков которой стоял Марсель, и с его легкой руки она стала значимой во французском общеполитическом поле, получив продолжение и развитие в феноменологии восприятия у Мориса Мерло-Понти, Жан-Поль Сартра и, немного позже, у Мишеля Фуко. В известном цикле из шести бесед Поля Рикёра и Габриэля Марселя в первой беседе Рикёр прямо на это указывает, говоря Марселю, что тот положил начало новому типу анализа, связав философию ощущения и философию экзистенции [11, с. 151].

Свою задачу как философа экзистенции Марсель видел в том, чтобы «посредством новой формы майевтики выявить в свете рефлексии импликации мыслящей жизни» [10, с. 209]. Он хочет вернуть в научный оборот «майевтику» – античный термин, который использовал Сократ для обозначения своего философского метода. Мыслящая жизнь, продолжает философ, представлена верующими и неверующими, диалог между которыми должен являться предметом активного философского интереса. Известно, что Марселя называли «философом порога» и его учение подходит как руководство для правильной жизни в современном трагическом мире не только для католиков и, шире, христиан, но и для тех, кто исповедует другие религии или не исповедует никакой.

Для Марселя вопросы религиозности вообще и христианской в частности, существования Бога, потустороннего бытия, сущности молитвы, верности и им подобные занимают особое место. И у верующих, и у неверующих общим является человеческий удел, заданный телесностью как центральной метафизической данностью. Живой человек как воплощенное бытие представляет такой противоречивый характер существования, к которому в своем последнем анализе относятся категории бытия и обладания. Речь идет о «том бытии во мне, том существе (l'être) во мне, которое не может развернуться на земле, но стремится освободиться от категорий, отсылающих к Обладанию-Имению (l'Avoir), то есть от категорий желания, самолюбия и страха» [10, с. 209]. По этому поводу Марсель пишет также: читатели «Метафизического дневника» знают, что с конца Первой мировой войны «мое тело» в мысли философа выступило знаком (repère) обладания, который имеет двусмысленный характер [10, с. 209].

При этом тело являет собой абсолютную принадлежность, т.е. тело – не зритель, а участник. Телесность оказывается медиатором бытия и обладания. «Все, чем я обладаю, определяется как каким-то образом зависящее от моего тела, то есть от чего-то, что, будучи абсолютной принадлежностью, именно поэтому прекращает его быть в каком бы то ни было смысле. Обладать – значит располагать чем-то, владеть: мне ясно, что такая возможность располагать чем-то, такая власть всегда подразумевает органическое включение, то есть такое, в ходе которого прекращается бытие того, чем я обладаю» [5, с. 71]. В этом смысле обладание – всегда порабощение, т.е. обладание делает вещи, которыми я обладаю, менее существующими, в них происходит уменьшение качества бытия и увеличение качества небытия. Но и человек, попадая в зависимость от вещей, которы-

ми обладает, и считая их частью своей сущности, теряет свободу и, тем самым, становится менее существующим. Я обладаю функцией, пишет Марсель, но по мере поглощения меня функцией я сам становлюсь функцией.

Обладать можно вещами или тем, что им подобно, чем я могу распоряжаться, т.е. иметь власть. Например, если тело как вещь (объект) рассматривает физиолог, то в этом случае нет моего Я. Из опыта жизни, с одной стороны, мы вроде бы полагаем, что обладаем своим телом, но, с другой – одновременно, отказываемся себя убить, и тем самым доказываем, что это не вполне обладание. «Мы находимся в присутствии непостижимой данности, которую мы не можем даже полностью вместить – пишет Марсель. ...Мы не можем мыслить это нередуцируемое, не мысля потустороннее; и я думаю, что двойное существование этого нередуцируемого и потустороннего и определяет метафизическое состояние человека» [5, с. 137].

Когда говорят «я имею свое тело», понимают не только «я осознаю, что имею тело», но и утверждают, что оно существует. Во всех случаях обладания-владения есть некто, кто обладает, и есть нечто, чем обладают. Этот некто всегда трансцендентен в отношении этого нечто – имея в виду различие планов (уровней) и даже до выяснения природы этих различий. Понятно, что на самом деле невозможно мыслить Я и «мое» в неразрывном симбиозе. «Мы можем выражаться в терминах *обладания* только тогда, когда мы движемся в такой системе, таким образом и с такой степенью перемещения, которые сохраняют смысл противоположности внутреннего и внешнего» [5, с. 140]. Иными словами, обладание как будто относится к сфере проблемы, но не тайны, и требует причинно-следственного объяснения, а не смыслового постижения. Обладание можно продемонстрировать – это отношение с иным, признаваемым как иное; «*я имею*» может полагать себя лишь в отношении с *другим*, ощущаемым как другое» [5, с. 141].

Некто владеющий и нечто, находящееся во владении, разделены на внешнее и внутреннее (пример: я имею дом). Фундаментальным в системе обладания, однако, становится напряжение, тревога, потому что имеющееся можно потерять, оно может быть разрушено, что уже снимает границу между внешним и внутренним, говорит Марсель. Вещь в собственности всегда можно отнять, и бесполезно прижимать ее к себе, как бы желая слиться с ней телесно. Тело – первый объект, с чем я себя идентифицирую, но что, тем не менее, ускользает. «Обладание как таковое, в сущности, есть *видимость* для *кого-то*»; никогда, за исключением совершенно абстрактных и идеальных случаев, оно не сводится к чему-то, чем *«некто»* может располагать. Всегда взамен получаешь нечто вроде потрясения, и нигде это не является более очевидным, чем там, где речь идет либо о моем теле, либо об инструменте, служащем его продолжением или увеличивающем его возможности. Быть может, здесь нечто аналогичное диалектике господина и раба в «Феноменологии духа» Гегеля; и эта диалектика имеет своим источником то напряжение, без которого нет и не может быть *реального обладания*» [5, с. 143].

Среди вещей есть такие, которые надо мной имеют некую власть, и первая такая вещь – мое тело; кажется, что вещи поглощают человека так, как мертвое хватает живое: «В конечном счете, обладание как таковое, кажется, стремится аннулировать себя в вещи, первоначально бывшей принадлежностью, но затем поглощающей того, кто раньше считал, что располагает ею. Кажется, что сущность моего тела или моих инструментов, поскольку я их рассматриваю как свою собственность, включает в себя тенденцию подчинить меня, их обла-

дателя» [5, с. 144]. «Наша собственность нас поглощает» [5, с. 144], но это уже стирает различие внешнего и внутреннего и есть не жизнь, а смерть.

Но если мы менее инертны, чем вещь, которой владеем, если мы оживляем ее личным творчеством (оранжерея, сад, скрипка и т.д.), то обладание стремится превратиться в бытие.

То же может быть сказано и в отношении идей, которыми я обладаю, указывает Марсель: они или тиранствуют надо мной (и тут основа фанатизма, корень человеческого типа идеолога, который убивает часть себя и обращает все в рабство и тиранию), или я бытийствую в них (это творчество и истоки типа человека-мыслителя).

Французский философ указывает на роль феномена любви в переходе с уровня обладания на уровень бытия, при котором преодолевается разделение людей, происходит превращение обладания в бытие. «Любовь вращается вокруг определенного состояния, в котором нет ни меня, ни другого как такового: другой становится тем, что я называю *«ты»*. Я бы предпочел, если бы это было возможно, подобрать более философское обозначение, но в то же время я думаю, что абстрактный язык может здесь нас подвести – мы окажемся вовлеченными в систему другого, иначе говоря, *«ego»*. Любовь, поскольку она отличается от желания, противостоит ему, подчиняет *«я»* высшей реальности, – той реальности, которая ближе к моей сущности, чем я сам, – поскольку разрыв напряженности, связывающей меня с другим, с моей точки зрения, заслуживает название фундаментальной онтологической данности; и я думаю, ...что онтология избавится от схоластической рутины, только когда она обретет полное сознание этого абсолютного приоритета» [5, с. 146].

Возвращаясь к критике *ratio*, Марсель указывает, что мысль, располагаясь перед вещами, не может познать их сущность, и все сложные системы определений, отсылающих по цепочке и кругу друг к другу, будут упускать эту сущность. Первооснова реальности – бытие – нехарактеризуема, пытаться ее характеризовать – значит «претендовать на обладание необладеваемым» [5, с. 148], играть с поверхностной моделью. Бытие нехарактеризуемо и необладеваемо, т.к. трансцендентно, поэтому поиск его атрибутов – это перевод с уровня таинственного на неадекватный язык проблемного и попытка интерсубъективно рассматривать в категориях объективного. Абсолютное Бытие недоступно определениям, им доступно то бытие, что менее реально, т.е. объекты. Эти представления Марселя в своих истоках восходят к онтологиям античной философии, впоследствии перетолкованным христианским Откровением.

Бог как абсолютное Бытие дан мне только как абсолютное Присутствие в поклонении и любви. Жан Валь, обобщая разные определения бытия у Марселя, пишет про бытие так: «Бытие есть то, чем не владеешь, что не разочаровывает, что насыщает, наполняет, что сопротивляется диалектике опыта» [19, р. 185]. Из формулировок, чрезвычайно близких к приведенной, вспоминаются формулы любви, такие как «хорошо, что ты есть на свете», «ты – самый существующий из всего существующего». «Быть любимым – это значит быть самым существующим из всего и всех» [15]. Иными словами, это вопрос самого первоосновного существования, т.е. онтологический вопрос, а любые определения этого будут интеллектуализациями, близкими к святотатству.

Традиционная философия обычно подходит к таким явлениям как зло, любовь, смерть как к проблемам, т.е. извне, в поисках технологии, как от них избавиться или их сохранить, а следует подходить изнутри целостного человека. Мир людей представляется Марселю, если позволителен такой образ, в виде железной клетки кау-

зальности и несвободы, открытой, однако, для восхождения из сферы обладания к бытию (хотя никакой пространственной локализации эти сферы не имеют). Идентичность личности, согласно Марселю, состоит в осознании Божьего Присутствия, что, очевидно, является отсылкой к известной библейской заповеди «всегда ходить пред лицом Бога» (1Цар 2:30, 3Цар 9:4, Пс 114:8–9).

Мы видим, как французский философ выстраивает свою «конкретную онтологию» исходя из экзистенциального опыта Встречи. Следует не доказывать существование Бога, а свидетельствовать Его Присутствие. Свидетельствовать Присутствие Бога – значит быть в любви, надежде, верности, самопожертвовании, всем том, что уводит от разделения, господствующего в мире обладания, и считается неутилитарным, непригодным, невыгодным. Человек призван к служению, но свободному, а свобода обретается при прорыве из царства обладания, где свобода принимается за распоряжение тем, что тебе принадлежит, в царство свободы истинной. Поэтому человек постоянно находится между отчаянием и надеждой, однако для надежды существуют онтологические основания.

Бытие и обладание в западной истории мысли

Бытие, будучи центральной категорией онтологии, имеет длительную историю, однако в XX столетии М. Хайдеггер заявил, что эта категория была лишена собственно человеческого содержания, а потому философская история бытия только начинается. Необходимости онтологического осмысления придерживался и Габриэль Марсель. Тем самым появляются основания хотя бы вкратце описать главные типы понимания бытия до XX века в свете диалогии «быть» и «иметь».

Краткий онтологический экскурс следует начинать с Парменида, возвестившего на философском уровне о бытии, как о едином вечном неподвижном благе, для которого быть и мыслить – по сути одно и то же; однако бытие – это не индивидуальная мысль, а мысль космического Логоса [4]. Примечательно, что бытие у Парменида – это свет; световые метафоры оказались значимыми и для философии Г. Марселя.

У софистов нащупывается различие логики мышления об общем и логики мышления о единичном, почему они не могут быть охвачены одним понятием бытия: все сущее единично, единичное иллюзорно, бытие двойственно, и эти версии продумываются затем Платоном и Аристотелем.

Сократ, в качестве элементов бытия, признавал не стихии с внутренне присущей им формой, а «реальность, находимую только в сознании» [1, с. 19], при этом, согласно сократовскому «этическому интеллектуализму», знание и добро – суть одно и то же. Сократовской мерой бытия становится общезначимое в индивидуальном сознании (см. у Марселя важнейшее понятие «интерсубъективности»). «Новая единица мышления – формальное понятие – отличается от нозмы и логоса досократиков, во-первых, тем, что она уже не является частью космоса, она – сугубо человеческое достояние; во-вторых, тем, что она не сливается мышление со всеобщим, но отделяет мысль от объекта, внося обязательное опосредование рассудка; в-третьих, она перестает быть просто средством для усмотрения содержания, но до некоторой степени становится самоцелью философии, потому что непосредственное приобщение к бытию превышает возможности мысли» [1, с. 19–20]. Все эти идеи в той или иной форме окажутся близки Марселю.

Тожество бытия и мышления у Сократа требует личного знания. Быть, сознавать и долженствовать для

него – одно и то же. Кто правильно мыслит, тот бытийствует. Понятие бытия у Сократа настолько ново, что даже не именуется этим словом [1, с. 35]. Вот это «живое сознание» окажется самым близким философии Марселя. Отсюда вырастает марселевское понимание философии как постоянного процесса мысли, процесса, а не результата, отвращение к «абстрактному духу» и фанатизму [2, с. 697].

У Платона подлинное бытие (сущее) – это вечный и неизменный мир эйдосов, где едины истина, добро и красота. Бытие у Платона связано со свободой, небытие – с необходимостью. При этом сфера эйдосов так или иначе запечатлевается в логосе, что и дает возможность если не рационального познания бытия – оно алогично и внерационально, – то его обозначения. У Платона важнейшей категорией была *ousia* («бытие» или «сущность»), в раннем платонизме можно усмотреть истоки категорий «быть» и «иметь» у Марселя.

Представляется уместным обратиться здесь к книге Поля Рикёра «Бытие, сущность и субстанция у Платона и Аристотеля». Тут он размышляет о «подлинно сущем» у Платона и в связи с этим пишет: «Пробиться к истокам платоновской проблемы нелегко; для этого нужно забыть критику Аристотеля, высказанную с позиций его собственной философии» [14, с. 17]. Онтологичность, которую Платон приписал Идеям, привела последующие поколения философов к вопрошанию: каково отношение сущности к вещам? У Платона, показывает Рикёр, разбирая ранние диалоги «Лаксес» и «Менон», вначале мы находим отношения сущности и вещей по типу причастности (вещи причастны к их сущности), и лишь позже наблюдается тенденция к появлению других отношений по типу математической модели в аристотелевской интерпретации (как подражания: вещи суть неадекватные копии своего образца). Рикёр подчеркивает: «Действительно, в первых диалогах сущность *есть* в вещах, а вещи, напротив, *имеют* сущность (“Менон”, 72a) (французский перевод не учитывает конструкции слова *méthexis*, “причастность”, что означает “иметь часть в чем-либо”): речь идет о диалектическом отношении между бытием и обладанием. Бытие сущности есть обладание вещами.

Таким образом, в “Меноне”... эти два глагола сближаются: то, через что добродетели суть, есть то, что они имеют» [14, с. 20–21]. Эти замечания необходимо держать в уме, иначе платоновская мысль сильно искажается в свете критики Аристотеля. «Платон, как утверждает, приписывал Идеям, – подчеркивает Рикёр, – которые в конце концов, суть лишь возможные атрибуты вещей, достоинство бытия, по праву принадлежащее субъектам атрибуции: самим существующим вещам. Если начинать с этого, то платонизм тотчас предстает как один большой абсурд, следовать которому как таковому более невозможно» [14, с. 17]. Рикёр как ученик Марселя, по сути, находит ключ и открывает им дверь, ведущую к категориям «быть» и «иметь» у Марселя.

Ousia – один из самых центральных терминов платоновского онтологического словаря, которое исходно означает “собственность”, “имущество”, “добро”, “богатство”, “состояние» [1, с. 52]. При этом бытовое словопотребление этого понятия легко включается в онтологическую проблематику, ибо как существительное, производное от глагола “быть” (*einai*), оно означает в самом широком смысле “то, что имеется”, “то, что существенно существует”, “то, что собственно есть” [1, с. 52–53]. Таким образом «слово *ousia* можно переводить и как “бытие», так как это действительно сущее, и как “сущность”, так как это устойчивая сердцевина явления, и даже как *existentia*, ибо это наличность и данность бытия человека» [1, с. 52–53]. Поскольку в Античности экзистенция

не была отдельной категорией, следует постоянно иметь в виду, что *oysia* всегда несет отпечаток индивидуального, что окажется чрезвычайно важным для философии Г. Марселя. *Oysia* от обозначения домашнего имущества «дорастает» до обозначения смысловой сущности, а *ei-dos* и *idea*, обозначавшие видимость вещи, претерпевают у Платона метаморфозу и обозначают смысловую структуру вещи, как показал А.Ф. Лосев. Однако в зависимости от контекста сам Платон наполняет эти понятия разным содержанием, что вводит в заблуждение толкователей и на самом деле является выражением двусмысленным – как *soma* может обозначать и тело, и идеальное. Зато в ситуации зрелой культуры Модерна, когда в социальной мысли становится господствующим экономический фактор и в массовом сознании самым широким образом распространяется убеждение в том, что быть – значит иметь, и иметь прежде всего собственность (это «люди земли», как Платон называл тех, кто отрицает существование всего бестелесного, в противоположность «людям идей», для которых бытие не имеет отношения к жизни и движению), Марсель, как мы видели, жестко разводит эти понятия.

Описание бытия у Аристотеля представляет собой ряд объективных трудностей для трактовки. В контексте обсуждения проблемы бытия выясняется проблема сущности и существования, что у экзистенциалистов станет одним из основных вопросов философии. Из существования нельзя вывести сущность, зато сущность свидетельствует о существовании [1, с. 94]. Бытие само по себе нельзя определить, потому что оно дано всегда через себя, а не через другое, и эта мысль будет унаследована Марселем. У Аристотеля, как потом и у Канта, бытие не предикат, а субъект. Бытие больше, чем мысль, но мысль – это потенциальное бытие. В конце концов, «правильно мыслить – значит быть» [1, с. 112]. Заметим, что именно отсюда понятно, почему Марсель столь высоко ставит философию – она практически является сотворчеством Творцу. Марселевская онтологизация связи и конкретного восходит и к Платону, и к его ученику Аристотелю.

С XIII века философы, выстраивавшие онтологию, делятся в основном на две школы – аристотелевскую и августиновскую.

Что касается темы обладания в связке с бытием, то, как показано выше, в своих истоках этот регистр философского исследования оказывается традиционным. Если говорить только о западноевропейской традиции собственно социальной мысли, то она берет свое начало в Античности и длится до дня сегодняшнего. В целом, рассуждения о собственности у философов постоянно связываются: 1) с этикой (проблемами блага и справедливости, свободы и рабства, воли и эгоизма и т.п.); 2) с темами общего (общественного, государственного) и частного (личного), единства и разобщенности, размышлениями о роли каждого вида собственности (обладания, имения).

Одним из оригинальных подходов, получившим известность благодаря работам А. Кожева, стала гегелевская диалектика отношений «Господина» и «Раба» как основы любого общества, кроме первобытного периода, вплоть до конца истории. Раб обрабатывает вещи, преобразует их, а Господин их потребляет. Раб трудится в страхе, и вещи для него самостоятельны, но он от них отчужден. Раб сознательно и добровольно отрекается от противостояния действиям господина, чтобы не рисковать. Господин же, в отличие от Раба, живет в праздности и, имея к вещам отношение лишь посредством Раба, оказывается в зависимости от последнего. Указанный миф рассказывает и о двух противоположных

видах сознания и самоопределения, и об истории социума [12], и в конце истории как общество становится обществом свободных людей. Так или иначе, но анализ соотношения частного и общего, Я и социума, Я и Другого и в этой связи – моральных, ментальных и психологических особенностей личности, ее идентификации, свободы и подчинения, проведенный Гегелем, оказал, несомненно, сильное влияние на взгляды Г. Марселя, которые автор «Метафизического дневника» предпочитал именовать «конкретной философией». Особое внимание собственно социально-философской проблематике мыслитель посвятил в трудах, написанных после Второй мировой войны [3, с. 73].

С формированием экономики как науки вопросы собственности становятся предметом прежде всего экономических штудий, которые все чаще отодвигают на задний план или вовсе объявляют ненаучным подходом рассмотрение темы собственности с этической точки зрения. Этический аспект, в сущности, означает отождествление бытийствования человека с обладанием. Марсель разводит эти понятия, применяя экзистенциально-феноменологический метод: жить – значит восходить к трансцендентному в единении с другими, а это и значит бытийствовать сколько возможно человеку.

Таким образом, можно заключить, что корни марселевского представления о бытии и обладании восходят к западноевропейской философской традиции. Теория причастности Марселя, как мы продемонстрировали, наследует и развивает идеи раннего платонизма, что передается глагольными формами «быть» и «иметь», вынесенными в название Второго Дневника, кстати, вдохновившего Эриха Фромма, по его собственному признанию, к дальнейшим размышлениям над тем, что значит быть, иметь, любить [17, с. 4]. При этом сама экзистенциальная концепция, родоначальником французской линии которой был Габриэль Марсель, маркировала завершение парадигмы модерна и новый антропологический поворот в истории философии XX века.

Литература

1. Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. – М.: МГУ, 1986. – 245 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/doc179690429_558753800 (дата обращения: 03.03.2022).
2. Гусейнов Ф.И. Фанатизм как тип ментальности в трудах Габриэля Марселя и Карен Армстронг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 3. С. 697–712.
3. Гусейнов Ф.И. Жертвенность как свидетельство реальности существования в философии Габриэля Марселя. С. 73–77 // Социально-гуманитарные знания. № 7. 2022.
4. Куляскина И.Ю. Бытие как философская категория: генезис и эволюция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Бытие как философская категория: генезис и эволюция – тема научной статьи по философии, этике, религиоведению читайте бесплатно текст научно-исследовательской работы в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru) (дата обращения: 20.02.2022).
5. Марсель Габриэль. Быть и иметь. Пер. с фр. И.Н. Полонской. – Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994. – 160 с.
6. Марсель Габриэль. Люди против человеческого / Сост., вступит. ст., пер. с фр., примечания В.П. Виз-

- гина. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 208 с.
7. Марсель Габриэль. Метафизический дневник / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. – СПб.: Наука, 2005. – 587 с.
 8. Марсель Габриэль. О смелости в метафизике: Сб. статей / Сост., пер. с фр., вступ. статья, прим. В.П. Визгина. – СПб.: Наука, 2013. – 411 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Marsel_2013_O_smelosti_\(info\).pdf](https://iphras.ru/Marsel_2013_O_smelosti_(info).pdf) (iphras.ru) (дата обращения: 29.09.2022).
 9. Марсель Габриэль. Опыт конкретной философии / Пер. с фр. В.П. Большакова, В.П. Визгина; общ. ред., послесл. примеч. В.П. Визгина. – М.: Республика, 2004. – 224 с.
 10. Марсель Габриэль. Присутствие и бессмертие. Избранные работы / Габриэль Марсель. Пер. с фр., общ. ред., сост., предисл. и примеч. В.П. Визгина. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – 327 с.
 11. Марсель Габриэль. Трагическая мудрость философии. Избранные работы / Пер. с фр., сост., вст. статья и примечания Г.М. Тавризян. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. – 216 с.
 12. Рапопорт Е.В. Проблема конца истории в свете гегелевской диалектики раба и господина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kontsa-istorii-v-svete-gegelevskoy-dialektiki-raba-i-gospodina-1/viewer> (дата обращения: 18.02.2022).
 13. Рикёр Поль. Марсель и феноменология // Марсель Габриэль. О смелости в метафизике. – СПб.: Наука, 2013. – С. 329–361.
 14. Рикёр Поль. Бытие, сущность и субстанция у Платона и Аристотеля. Курс, прочитанный в университете Страсбурга в 1956–1954 гг. / Пер. с фр. Г.В. Вдовиной. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2019. – 286 с.
 15. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1976. – 416 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/rubinsh.html> (дата обращения: 06.03.2022).
 16. Трубина А.А. Понятие собственности в работе М. Штирнера «Единственный и его собственность» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Понятие собственности в работе М. Штирнера «Единственный и его собственность» (cyberleninka.ru) (дата обращения: 04.03.2022).
 17. Фромм, Эрих. Иметь или быть? / Эрих Фромм; [Пер. с нем. Э. Телятниковой]. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 320 с.
 18. Colin Pierre. Gabriel Marcel, philosophe de l'espérance., – Paris: La Nuit surveillée, Les Édition du Cerf, 2009. – 126 p.
 19. Wahl Jean. Vers le concret. Etudes d'histoire de la philosophie contemporaine. William James, Whitehead, Gabriel Marcel. – Paris: Librairiephilosophique J. Vrin, pour la 2e édition, 2019. – 222 p.

GABRIEL MARCEL: HAVING AND BEING

Guseynov F.I.

Plekhanov Russian University of Economics, Bauman Moscow State Technical University

Among the central categories of the philosophy of the French existential thinker Gabriel Marcel (1889–1973) there are the concepts of possession and being. They are elaborated in detail by him in the work “Being and Having”, which is analyzed in the article. These categories are explored by the philosopher in the field of the ultimate points of metaphysics: what does it mean to exist? what does it mean to be? The main ideas of G. Marcel are discussed in the

context of the philosophical tradition of Western thought, however, it should be borne in mind that all ontological problems are considered by Marcel in a new way: the philosopher makes a radical anthropological turn in this point. Possession tends to reduce human existence to a function, and only the ascent to the transcendent makes a breakthrough to being.

Keywords: to be, being, existence, to have, having, concrete philosophy, phenomenology, exsistentia, ontology.

References

1. Dobrokhotov A.L. The category of being in classical Western European philosophy. – М.: MGU, 1986. – 245 p. [Electronic resource]. – Access mode: https://vk.com/doc179690429_558753800 (date of access: 03.03.2022).
2. Guseynov F.I. Fanaticism as a type of mentality in the works of Gabriel Marcel and Karen Armstrong // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy. 2022. V. 26. No. 3. S. 697–712.
3. Guseynov F.I. Sacrifice as evidence of the reality of existence in the philosophy of Gabriel Marcel. pp. 73–77 // Social and humanitarian knowledge. No. 7. 2022.
4. Kulyaskina I. Yu. Being as a philosophical category: genesis and evolution [Electronic resource]. – Access mode: Being as a philosophical category: genesis and evolution.
5. Marcel Gabriel. To be and have. Per. from fr. I.N. Polonskaya. – Novocherkassk: Sagun Agency, 1994. – 160 p.
6. Marcel Gabriel. People against the human / Comp., enter. st., trans. from French, notes by V.P. Vizgin. – М.: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. – 208 p.
7. Marcel Gabriel. Metaphysical diary / Per. from fr. V. Yu. Bystrov. – St. Petersburg: Nauka, 2005. – 587 p.
8. Marcel Gabriel. On Courage in Metaphysics: Sat. articles / Comp., Per. from French, intro. article, note V.P. Vizgin. – St. Petersburg: Nauka, 2013. – 411 p. [Electronic resource]. – Access mode: [Marsel_2013_O_smelosti_\(info\).pdf](https://iphras.ru/Marsel_2013_O_smelosti_(info).pdf) (iphras.ru) (date of access: 29.09.2022).
9. Marcel Gabriel. Experience of Concrete Philosophy / Per. from fr. V.P. Bolshakova, V.P. Vizgin; total ed., after note V.P. Vizgin. – М.: Respublika, 2004. – 224 p.
10. Marcel Gabriel. presence and immortality. Selected Works / Gabriel Marcel. Per. from fr., total. ed., comp., foreword. and note. V.P. Vizgin. – М.: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Foma, 2007. – 327 p.
11. Marcel Gabriel. The tragic wisdom of philosophy. Selected works / Per. from fr., comp., vst. article and notes by G.M. Tavrzyan. – М.: Publishing house of humanitarian literature, 1995. – 216 p.
12. Rapoport E.V. The problem of the end of history in the light of the Hegelian dialectic of slave and master [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kontsa-istorii-v-svete-gegelevskoy-dialektiki-raba-i-gospodina-1/viewer> (date of access: 02.18.2022).
13. Ricoeur Paul. Marcel and phenomenology // Marcel Gabriel. On Courage in Metaphysics. – St. Petersburg: Nauka, 2013. – S. 329–361.
14. Ricoeur Paul, Genesis, Essence and Substance in Plato and Aristotle. A course given at the University of Strasbourg in 1956–1954 / Per. from fr. G.V. Widow. – М.: Publishing house of humanitarian literature, 2019. – 286 p.
15. Rubinstein S.L. Problems of general psychology. – М.: Pedagogy, 1976. – 416 p. [Electronic resource]. – Access mode: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/rubinsh.html> (date of access: 03.06.2022).
16. Trubina A.A. The concept of property in the work of M. Stirner “The only one and his property” [Electronic resource]. – Access mode: The concept of property in the work of M. Stirner “The only one and his property” (cyberleninka.ru) (date of access: 03.04.2022).
17. Fromm, Erich. To have or to be? / Erich Fromm; [Trans. with him. E. Telyatnikova]. – М.: AST Publishing House, 2018. – 320 p.
18. Colin-Pierre. Gabriel Marcel, philosophe de l'espérance., – Paris: La Nuit surveillée, Les Édition du Cerf, 2009. – 126 p.
19. Wahl Jean. Vers le concrete. Etudes d'histoire de la philosophie contemporaine. William James, Whitehead, Gabriel Marcel. – Paris: Librairiephilosophique J. Vrin, pour la 2e édition, 2019. – 222 rubles.

Дьяконова Татьяна Ивановна,

аспирант кафедры философии религии и религиоведения
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
E-mail: dyakonovai777@mail.ru

В статье исследуется эволюция понятия «цивилизация», чтобы внести ясность в вопрос о том, как это понятие использовали до нас, систематизировать опыт прошлого и определить возможные границы понятия в будущем. Автор рассматривает тему через призму основных идей философии «осевого времени» К. Ясперса и концепцию основателя цивилизационного подхода А. Тойнби, который раскрывает религиозный смысл концепции «вызов-ответ» в будущем духовном ренессансе человечества, связанном с «универсальной коммуникацией». Оба ученых рассматривают проблемы взаимодействия цивилизаций в историческом процессе, выделяя особую роль религии. Цивилизация воплощает в себе историческое измерение действительности, решает проблему соотношения между прошлым, настоящим и будущим, показывая процесс преемственности. Основной вывод автора заключается в том, что опора в диалоге цивилизаций на духовные, общечеловеческие ценности становится фактором глобальной безопасности человечества.

Ключевые слова: цивилизация, осевое время, религия, ценности, эволюция.

Понятие «цивилизация» прочно укоренилась в общественном сознании – многие уверены, что это понятие существует очень давно. Между тем это не так. Люди вводят новые понятия, когда нуждались в более точном понимании себя, общества или человечества. Сегодня большинство понятий прочно вошли в оборот, и мы не задумываемся об их происхождении. Слово цивилизация «нещадно затрепано», что «почти утратило сколько-нибудь четкий смысл» [3, с. 79].

В традиционном понимании «цивилизация» – это образ мышления, набор верований или образ жизни. Это пространственно-временной континуум и долговременная динамическая структура [11, р. 181], это также продукт человеческой эволюции, а также новая фаза этой эволюции, в которой возникают города. Даже на начальном этапе цивилизация имеет большое население и большой географический охват. По мере своего роста она включает в себя огромное количество этнических групп или народов и множество обычаев, привычек, языков и даже религий. Цивилизация обладает определенным набором ценностей, в большинстве случаев воплощенным в религии и модель поведения, навязанная конкретной религией. Стоит отметить, что в случае с китайской цивилизацией речь идет не только об одной развитой религии, но и о нескольких развитых религиях, таких как конфуцианство, даосизм и буддизм. И когда мы говорим о «цивилизации», мы имеем в виду сложную систему письма, литературу, искусство и музыку, последовательную правовую систему.

Занимаясь проблематикой эволюции термина «цивилизация» можно увидеть использование разных толкований этого понятия. Многогранность и неоднозначность подходов к пониманию категории «цивилизация» обуславливает необходимость уточнения данного понятия, раскрытия его сущности на основе анализа истории его появления и эволюции развития.

Иногда под ним понимают нечто предельное, которое не поддается анализу, описывающие собой все остальные понятия, например, «современная цивилизация», «цивилизация будущего». Иногда цивилизация – это отдельное общество или субкультура в нем. Иными словами, «понятие цивилизации представляет собой одно из тех общих понятий, которым чрезвычайно трудно дать определение». [7, с. 678].

Одна из целей исследования – раскрыть смысловые поля, внутри которых жила «цивилизация», побудить задуматься над тем, что кажется очевидным, рутинным и автоматическим. Размышляя над ситуациями, в которых исторически использовался термин «цивилизация». Эволюция понятий – это наука о том, как мы познаем реальность с помощью слов и почему мы выбираем одни или другие слова.

Понятие «цивилизация» восходит к латинскому слову «civilis», определяя качества «гражданина» как «городского жителя». Это подразумевает общество, включающее города, а города включают людей, живущих и действующих вместе, сообща, в сотрудничестве, интерактивно. Это противопоставлено людям, живущим поодиночке или очень небольшими группами, самостоятельно или индивидуально.

Таким образом, цивилизация предполагает социальное сотрудничество, что является противоположно-

стью «жесткой независимости» индивидуализма с его конкурентным выживанием наиболее приспособленных. Цивилизация предполагает совместное выживание посредством совместных действий. Только цивилизация способна обеспечить более высокое качество жизни: безопасность, материальное изобилие, культуру, возможность самореализации и счастья.

В дальнейшем понятие «цивилизация» приобретает различные значения, появилось множество теорий и классификаций цивилизации. В настоящее время существует около 200 определений данного понятия, что позволяет сделать вывод, что понятие «цивилизация» является одним из ключевых слов современного языка.

Первое печатное употребление слова «цивилизация» встречается еще в XVIII в. у маркиза Виктора Рикети де Мирабо в произведении «Друг человечества, или Трактат о народонаселении» [1]. Однако понятие, для обозначения которого стало использоваться слово «цивилизация», ко времени выхода в свет трактата В. Мирабо уже существовало. Так, образ концепции цивилизации содержался в знаменитой речи А. Тюрго «Последовательные успехи человеческого разума», произнесенной в университете Сорбонны в 1750 г. [6].

Употребляя в своем тексте слово «цивилизация», В. Мирабо не столько создавал новое, сколько фиксировал уже существовавшее понятие. Цивилизация понималась им как смягчение нравов.

Таким образом, термин «цивилизация» стало общепонятным еще в XVIII в., преимущественно в литературе французского и английского Просвещения. В то время оно обозначало исключительно европейские порядки и институты в противоположность всему неевропейскому. Цивилизация в представлении просветителей одна, а именно европейская (или западная, как говорят сейчас); все остальные – дикари и варвары.

Понятие цивилизации определило жесткую иерархическую шкалу, применявшуюся французскими авторами в XVII в. для классификации народов. Л. Февр описывает эту шкалу следующим образом: «На самой низшей ступени – «дикари». Несколько выше – притом, что точно определенных отличий не было, – «варвары». После чего, поднявшись еще на ступень, мы находили народы, обладавшие «civilite», «politesse» и, наконец, мудрой «police» [8, с. 249].

Об истории «цивилизации» писали такие великие ученые: Бенвенист Э., Бродель Ф., Дюркгейм Э., Мосс М., Старобинский Ж., Февр Л., Фрейд З., Элиас Н. А труды таких ученых, как А. Тойнби, О. Шпенглера и С. Хантингтона о «цивилизации» являются монументальными исследованиями в данной области. Все эти научные труды полны интересных наблюдений, но непохожи друг на друга.

Стоит отметить, что термин «цивилизация» имеет разное значение в единственном и множественном числе. Как единственное число оно стало понятием во французском языке в середине XVIII в., отличающим высокую степень социального и культурного развития от «варварства» и «дикости». Этот термин быстро распространился по европейским языкам и стал важной частью эволюционистской концепции истории XIX в. Однако с начала XX в. оно все чаще используется во множественном числе, особенно в научных работах. Тогда как в политической риторике оно продолжает употребляться в единственном числе.

Цивилизация в единственном числе возникла с европейским мировым господством и эволюционизмом, как европейское самоназвание. Цивилизации во множественном числе впервые появились в научных трудах по философии после Первой мировой войны. В пери-

од между двумя мировыми войнами и сразу после них появился целый ряд таких широко известных научных трудов о цивилизациях, как «Закат Европы» О. Шпенглера, «Исследования истории» А. Тойнби в двух томах, а также в 1990-х гг. С. Хантингтон добавил перспективу грядущих межцивилизационных конфликтов. В частности, современные теории «цивилизации» были выдвинуты на арену международных отношений американским политологом С. Хантингтоном, который дал прогноз о том, что после окончания холодной войны наступит этап, называемый «столкновение цивилизаций» [13, р. 225]. А уже к 2019 г. «подъем цивилизационного государства» стал горячей темой научных и политических дебатов многих философов и политологов.

Понятие «цивилизованность» (civilite) заключало в себе представление об «учтивости», вежливости», «обходительности», т.е. характеризовало определенные манеры поведения во взаимоотношениях с другими людьми. Ей отводилась низшая позиция в иерархии качеств народов, стоящих на ступени более высокой, чем «дикость» и «варварство». Следующая по рангу «любезность» (politesse) добавляла к «внешним» проявлениям учтивости (civilite) «внутреннее» расположение, более внимательное и сердечное отношение к другим людям. Понятия «civilite» и «politesse» воплощали идентичность придворной аристократии и утверждали ее превосходство над другими социальными слоями. Так, в вышедшем в 1690 г. «Полном трехтомном словаре» Фюретьера в качестве примера употребления глагола «цивилизовать» (civilizer), означавшего «делать благовоспитанным и вежливым, общительным и любезным», приводится выражение: «Крестьяне не столь цивилизованы, как буржуа, а буржуа – не в такой мере, как придворные» [8, с. 249].

Наибольшим престижем «полис» (police) отсылало к сфере права, администрации, хорошего (sage) правления, соблюдению законов и правил поведения «ради существования и поддержания государства и человеческих обществ вообще», как писалось в одном из французских словарей конца XVII в. [8, с. 249–251].

Ж. Старобинский также отмечает: «Слово «цивилизация» оттого столь быстро прижилось, что это [было] синтетическое обозначение для уже ранее бытовавшего понятия, формализовавшегося многообразными способами: «смягчение нравов», «образование умов», «развитие учтивости», «изучение искусств и наук», «подъем торговли и промышленности», «обретение материальных удобств и роскоши» [4, с. 113].

Доменом цивилизации выступала сфера духовной культуры и экономики. Начиная с В. Мирабо термин «цивилизация» устойчиво закрепляется в дискурсе эпохи Просвещения. Например, Наполеон, обращаясь к войскам, отплывающим в Египетскую экспедицию, взывал: «Солдаты! Вам предстоит осуществить завоевания, чьи последствия для мировой цивилизации и торговли неисчислимы» [4, с. 113].

Внутри понятия «цивилизация» разграничение проходило между культурой и экономикой, с одной стороны, и религией, и политикой – с другой. Эта разделительная линия имела сословно-классовый смысл. Наука, искусство, экономика – были сферы деятельности буржуазии, тогда как религия и политика традиционное занятие духовенства и аристократии. Религия воспринималась такими просветителями как В. Мирабо, А. Тюрго, А. Фергюсон как откровение божественного разума. Политика изначально воспринималась как сфера проявления человеческих страстей, лишь со временем, по мере прогресса цивилизации, подпадающая под контроль разума [6, с. 54].

С приближением революции «цивилизация» празднует победу и в 1798 г. пробивается в «Словарь Академии». В 1828 г. Ф. Гизо публикует «Историю цивилизации в Европе», и через два года «Историю цивилизации во Франции». В 1857–1861 гг. Г. Бокль публикует «Историю цивилизации в Англии» [8, с. 245].

До рубежа XX в. споры велись вокруг мировой цивилизации и локальных цивилизациях. Представление о единой человеческой природе было фундаментом универсальной «цивилизации», как процесс смягчения нравов, рост культуры, развитие человечества, утверждения о локальных особенностях рассматривались идея о множестве цивилизаций.

Ни у Дж. Вико, ни у Ф. Вольтера понятие «цивилизация» не было главным, а понятие «локальная цивилизация» вообще не употреблялись. Но они заложили основание теории локальных цивилизаций [2, с. 138].

В XX в. понятие «цивилизация» использовалось в науке, но не получило общепринятого толкования. Большинство ученых считают, что каждая цивилизация основана на ценностях, сакральной идеи вокруг которой формируются духовные системы.

Основываясь на концепциях двух великих ученых К. Ясперса и А. Тойнби, которые дали импульс для активного обсуждения в науке и обществе автором делается смелое предположение о возможном развитии на современном этапе нового осевого времени – как эволюции религии, объединяющей мировые ценности и появление цивилизации другого порядка в будущем.

Согласно А. Тойнби, религия выступает основой для коммуникации, межцивилизационные взаимодействия формируют смыслы развития человеческой истории в соответствии с концепцией «Вызов-Ответ». Бог, подвергая человека испытанию, ждет «ответа» и нравственного изменения. Критикуя потребительскую жизнь и профанацию религиозной жизни в связи с ее секуляризацией, А. Тойнби видит смысл будущего развития цивилизаций в духовном ренессансе: «озарение душ светом высших религий определяет духовный прогресс земной жизни человека» [5, с. 540]. Такие души просят: «не о тысячелетнем царстве всеблаженнейшего земного рая, не о социальном благополучии, не о материальном достатке, не о справедливости земного устройства, не о сытости и довольстве, но о духовном непокое, который единственно является внутренним стимулом новшеств, достижений и вообще всякого исторического прогресса» [5, с. 540].

Он выступает против превосходства Запада над остальным миром «человечество не сможет достичь политического и духовного единства, следуя западным путем. В то же время совершенно очевидна насущная необходимость объединиться, ибо в наши дни единственная альтернатива миру – самоуничтожение, к чему подталкивают человечество гонка ядерных вооружений, невозможное истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды и демографический взрыв» [5, с. 597–598].

Объединение цивилизационного опыта и разума человечества для решения глобальных проблем, мирного развития цивилизации в единстве всего человечества. Объединение, по А. Тойнби, возможно только в нравственном самовозвышении, духовном ренессансе, основанном на достоинстве каждого человека и цивилизации в целом [5].

Интересна мысль А. Тойнби, что «вызов побуждает к росту» [5, с. 119], следуя рассуждениям автора, возможно предположить, что ответом на вызовы, которые стоят перед человечеством на современном этапе, может стать появление единой религии, основанной на об-

щечеловеческих ценностях, которые появились в осевое время. Прогресс позволяет сегодня на уровне оногo клика распространять идеи, с другой стороны, пандемия показала, взаимозависимость людей, стран, народов, подняла волну волонтерства и взаимопомощи. Оперирывая понятием церкви как куколки А. Тойнби описывает процесс становления высшей религии как результат цивилизационного надлома, в результате которой зарождается система ценностей, направленная на поиск Бога и абсолютных смыслов, в период хаоса церковью-куколкой сохраняет творческий потенциал создает новую общность [5].

Еще в прошлом веке К. Ясперс предвидел появление возможности, которая технически сегодня реализована через сеть Интернет и стремительно распространяется по миру на пути к мечте о личностном и общественном росте самосознания, к «мировому порядку», где «суверенные государства» реализуют принципы федерализма, человеческой солидарности, вопреки национальному эгоизму, будущее человечество свято хранит свои традиции: «Традиции дают ощущение своих корней, безопасности, заставляют предъявлять требования к себе» [9, с. 214]. Такое «единство истории возникает из того, что люди способны понять друг друга в идее единого, в единой истине, в мире духа, в котором все осмысленно соотносится друг с другом, все сопричастно друг другу» [9, с. 262].

На примере трудов К. Ясперса и А. Тойнби хорошо видно влияние религиозного фактора и роль сакральных смыслов в цивилизационном дискурсе. Секуляризация привела к духовному кризису все человечество, которое стоит перед многочисленными вызовами: сингулярность, транспарентность, потеря базовых ориентиров в разграничении добра и зла, истины и лжи, толерантное отношение к пороку. Технократические возможности глобализации затронули глубинные мечты человечества о всемирном царстве, но в условиях тотального духовного дефицита трансцендентности человека.

К. Куигли определяет цивилизацию как «производящее общество с инструментом расширения» [12, р. 142]. Цивилизация подобна социальному порядку, который способствует культурному творчеству на первом уровне, тогда как на другом уровне развития это инструмент расширения. Тем не менее, в среднем периоде между двумя уровнями мы имеем развитие национализма. Национализм создает или воссоздает культуры, которые отделяют себя от ранней цивилизации. Так, С. Хантингтон отмечал, что: «Цивилизация – это широчайшее культурное образование. Деревни, регионы, этнические группы, национальности, религиозные группы – все они имеют различные культуры на разных уровнях культурной гетерогенности» [10, р. 43]. Тогда как А. Тойнби считал, что «идеалом нашей современной западной демократии было применение в практической политике христианской интуиции братства всего человечества» [14, р. 9].

В мире принято противопоставлять западную цивилизацию незападной, но также говорится и о возникновении, прогрессе и возможном крахе «цивилизации» вообще, т.е. в первом случае мы имеем в виду самобытные социокультурные комплексы, охватывающие такие более мелкие единицы, как государства и общества; во втором случае речь идет о всемирно-историческом процессе, описываемом и оцениваемом в терминах показателей и критерии.

Множество социальных изменений современности формирует новую духовную ось человечества – универсальную коммуникацию, создающую подобно «осевому времени» качественно новое цивилизационное единство человечества.

Будущее человечества – это цивилизация. Цивилизация – это не что-то статичное, а организм, берущий свои корни из далекого прошлого. Цивилизация строится на нашем единственном реальном биологическом преимуществе – интеллекте и рациональности. Цивилизация подразумевает: общество, коллективное действие, социальный обмен, «социализм», а также полное сотрудничество с нашими собратьями. Человеческое общество должно и, следовательно, станет таким, иначе человечество регрессирует. Основой цивилизации, по мнению большинства исследователей, являются духовные ценности общечеловеческого порядка. Ценность несет в себе прогрессивный потенциал и служит гуманизму. Все религиозные системы пропагандируют гуманизм, доброту, мир и любовь, отвечают интересам разных народов. Возвращение к религиозным истокам цивилизационного дискурса позволит человечеству выйти на новый уровень универсальной коммуникации.

Литература

1. Братиславский Р.Г. Автономия человеческого разума: первый проект цивилизационных исследований // Петербургская социология сегодня. – 2013. – № 4. – 371 с.
2. Ионов И.Н. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века / И.Н. Ионов, В.М. Хачатурян; Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук. – СПб.: Алетейя, 2002. – 382 с.
3. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке: Пер. с англ. – М.: Радуга, 1992. – 671 с.
4. Старобинский Ж. Слово «цивилизация» // Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры / Пер. с франц. В 2-х т. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
5. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
6. Тюрго А. Последовательные успехи человеческого разума [1750] // Тюрго А. Избранные философские произведения / Пер. с фр. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 188 с.
7. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 717 с.
8. Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей (1930) // Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – 629 с.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
10. Huntington, S.P. The clash of civilization and the remaking of world order. Simon & Schuster, 2011. – 368 p.
11. Kroeber, A.L., Kluckhohn. C. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. Peabody Museum, Cambridge, 1952. – P. 181.
12. Quigley C. The Evolution of Civilizations. Liberty Fund Inc.; 2nd edition, 1979. – 444 p.
13. Therborn G. States, Nations, and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences, № 14, 2021. – 430 p.

14. Toynbee, A.J. A study of history, Vol. 1. Oxford University Press, 1987. – 640 p.

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF «CIVILIZATION»: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Dyakonova T.I.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article examines the evolution of the concept of civilization in order to clarify the question of how this concept was used before us, systematize the experience of the past and determine the possible boundaries of the concept in the future. The author examines the topic through the prism of the main ideas of the «axial time» philosophy of K. Jaspers and the concept of the founder of the civilizational approach A. Toynbee, who reveals the religious meaning of the «challenge-response» concept in the future spiritual renaissance of mankind associated with «universal communication». Both scientists consider the problems of interaction of civilizations in the historical process, highlighting the special role of religion. Civilization embodies the historical dimension of reality, solves the problem of the relationship between the past, present and future, showing the process of continuity. The main conclusion of the author is that the reliance in the dialogue of civilizations on spiritual, universal values becomes a factor in the global security of mankind.

Keywords: civilization, axial time, religion, values, evolution.

References

1. Bratislavsky R.G. Autonomy of the human mind: the first project of civilizational research // Petersburg Sociology Today. – 2013. – № 4. – 371 p.
2. Ionov I.N. The theory of civilizations from antiquity to the end of the 19th century / I.N. Ionov, V.M. Khachatryan; Inst. history of Ros. acad. Sciences. – St. Petersburg: Aleteyya, 2002. – 382 p.
3. Lerner M. The development of civilization in America: Per. from English. – M.: Raduga, 1992. – 671 p.
4. Starobinsky Zh. The word “civilization” // Starobinsky Zh. Poetry and knowledge. History of literature and culture / Per. from French In 2 volumes – M.: Languages of Slavic Culture, 2002. – 496 p.
5. Toynbee A.J. Comprehension of history: Per. from English. – M.: Progress, 1991. – 736 p.
6. Turgot A. Consistent progress of the human mind [1750] // Turgot A. Selected Philosophical Works / Per. from fr. Ed. 2nd. – M.: Book house «LIBROKOM», 2010. – 188 p.
7. Whitehead A.N. Selected Works in Philosophy: Per. from English. – M.: Progress, 1990. – 717 p.
8. Febvre L. Civilization: the evolution of words and groups of ideas (1930) // Febvre L. Fights for history. – M.: Nauka, 1991. – 629 p.
9. Jaspers K. The meaning and purpose of history: Per. with him. – M.: Politizdat, 1991. – 527 p.
10. Huntington, S.P. The clash of civilization and the remaking of world order. Simon & Schuster, 2011. – 368 p.
11. Kroeber, A.L., Kluckhohn. C. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. Peabody Museum, Cambridge, 1952. – P. 181.
12. Quigley C. The Evolution of Civilizations. Liberty Fund Inc.; 2nd edition, 1979. – 444 p.
13. Therborn G. States, Nations, and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences, № 14, 2021. – 430 p.
14. Toynbee, A.J. A study of history, Vol. 1. Oxford University Press, 1987. – 640 p.

К вопросу о роли философии в естествознании

Раджабов Осман Раджабович,

д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии и истории
ДагГАУ им. М.М. Джамбулатова
E-mail: filek08@rambler.ru

Гусейханов Магомедбаг Кагирович,

д.ф.-м.н., профессор кафедры общей физики Дагестанского
государственного университета

Магомедова Узумей Гасан-Гусейновна,

к.б.н., доцент кафедры общей физики Дагестанского
государственного университета

В статье основное внимание уделяется анализу проблем о роли философии в естествознании, в частности диалектического характера изучаемых современным естествознанием объектов и диалектических способов воспроизведения их в научных понятиях и представлениях. Причем некоторые вопросы о значении философии для естествознания в статье подтверждаются высказываниями выдающихся естествоиспытателей XX века.

Ключевые слова: теория познания, естествознание, философия, диалектика, методология.

Вся история естествознания, вопреки утверждениям позитивистов, свидетельствует о том, что оно не может обойтись без материалистической философии.

О тесной связи естествознания с философией говорят многие выдающиеся естествоиспытатели. Так, известный немецкий физик Макс Борн отмечал, что физика нуждается в обобщающей философии. «Что же касается философии, то любой современный ученый-естественник, особенно каждый физик-теоретик, глубоко убежден, что его работа теснейшим образом переплетается с философией и что без серьезного знания философской литературы его работа будет впустую» [1].

Другой известный немецкий физик – Макс Лауэ, который рассматривал философию как необходимую основу естествознания, считал, что философия есть вообще конечная цель любого научного исследования. Все науки должны объединяться вокруг философии. Служение ей должно быть целью существования отдельных наук.

А. Эйнштейн особое внимание уделял взаимосвязи теории познания (как раздела философии) и науки. «Теория познания без соприкосновения с наукой, – писал он, – вырождается в пустую схему. Наука без теории познания (насколько это вообще мыслимо) становится примитивной и путаной» [2, 3].

Философия дает знание, полезность которого не вызывает сомнения у тех ученых, которые в исследованиях поднимаются до достаточно высокого уровня теоретических обобщений. Крупные ученые, в особенности физики-теоретики не мучаются вопросом, нужна ли им философия. Они ясно понимают, что без философских идей им не обойтись.

Достаточно небольшого экскурса в историю науки, чтобы убедиться в том, что все крупные ученые интересовались философией, пытались решать философские вопросы, которые возникали в процессе научных исследований. При этом, как правило, чем крупнее деятель науки, чем больше его личный вклад в науку, тем активнее интересуется он проблемами философии.

Возьмем, к примеру, Макса Борна. Еще будучи студентом, он тщательно изучал труды великих философов. «Я изучал философов всех времен, – писал Борн, – и встретил у них множество ярких идей...» [4].

Им самим было написано много статей, в которых поднимаются философские вопросы. Особенно Борна интересовали философские идеи, касающиеся науки. Он писал: «...философский подтекст науки всегда интересовал меня больше, чем ее специальные результаты». От многих своих коллег-ученых он отличался глубиной философского понимания сути вещей.

Альберт Эйнштейн писал в 1944 г.: «В наше время физик вынужден заниматься философскими проблемами в гораздо большей степени, чем это приходилось делать физикам предыдущих поколений. К этому физиков вынуждают трудности их собственной науки» [5]. 11 апреля 1955 г. за неделю до смерти, он подписал манифест, составленный выдающимся философом и математиком Бертраном Расселом. В этом манифесте адресованном всем государствам, содержался призыв уничтожить ядерное оружие. Эйнштейн осознавал всю глубину той опасности, которую представляло для человечества ядерное оружие.

В интервью с Бернадом Козном (в 1955 г.) он заметил, что в «начале XX века лишь немногие ученые были философами, а теперь почти все физики являются философами», хотя «они склонны быть плохими философами» [6]. О себе Эйнштейн сказал: «Я всегда интересовался философией, но для меня она была на втором плане» [6]. Известно, что Эйнштейна с юных лет и до конца жизни связывала крепкая дружба с философом Морисом Соловином.

Студентам естественных факультетов и их преподавателям, а особенно физикам, ищущим ответ на вопрос, зачем им нужна философия, следовало бы чаще обращаться к биографиям самих творцов науки. Тогда бы они ясно увидели, что такие корифеи науки, как Эйнштейн, Бор, Гейзенберг, Планк, Менделеев, Вавилов, Ландау, с ранних лет увлекались философией.

В теоретической физике, например, вообще нельзя шагу ступить без философии. Не случайно Макс Борн сказал, что «теоретическая физика – это и есть подлинная философия природы». В трудах Эйнштейна, особенно в 4 томе его сочинений, важное место отводится философии.

Таким образом, потребность в философии осознается по мере развития науки. Обращаться к философии ученых вынуждают трудности, с которыми они сталкиваются в своих исследованиях. Эти трудности были, есть и будут.

В современную эпоху, когда стремительно развиваются наука и техника, человек покоряет космос и проникает в тайны микромира, перед естествознанием неизбежно возникают философские проблемы, которые невозможно разрешить, не обращаясь к философии. В их числе вопрос об источниках движения и развития, проблемы истинности наших знаний, конечного и бесконечного, прерывного и непрерывного, случайности и необходимости и т.д. Так, например, естествознание часто сталкивается с проблемой конечного и бесконечного (в математике, в астрономии, в физике и т.д.). Однако естествоиспытатель не может добиться успеха, не выходя за рамки своей науки.

Математика не может решить проблему бесконечности своими силами даже в абстрактном виде. Бесконечность, как известно, противоречива. Поэтому для решения проблемы необходима помощь диалектико-материалистической философии, которая изучает объективные противоречия вещей и явлений. Физика и астрономия также не могут решить проблему бесконечности материальной Вселенной без материалистической диалектики. Для ее решения необходимы предположения об однородности или неоднородности Вселенной, а они не могут быть обоснованы одними наблюдениями, какими бы точными они не были. Вселенная есть сложное диалектическое единство противоположностей – однородности и неоднородности, конечного и бесконечного. «Для дальнейшего понимания закономерностей образования и эволюции окружающего мира наиболее важным представляется то, что в первые мгновения образования Вселенной сформировался весь тот набор физических закономерностей и числовых значений фундаментальных мировых постоянных, который и обусловил ход ее последующей эволюции» [11].

Проблема может быть решена только совместными усилиями философии, физики, астрономии и математики. Физик и математик, изучая различные процессы, рассматривают статистические закономерности, природу случайных событий. К правильным выводам естествоиспытатель может прийти, только опираясь на философские положения о взаимосвязи категорий случайности и необходимости. Кант отмечал, что узкие

специалисты-естествоиспытатели не интересуются, откуда взялись понятия пространства и времени, которыми они пользуются. «Им кажется бесполезным исследовать происхождение чистых рассудочных понятий и вместе с тем сферу их применения; они довольствуются тем, что пользуются ими» [3].

Каждый ученый сталкивается с вопросом, что такое истина. Математику, например, приходится решать такие вопросы: какова природа математической истины? Какой смысл имеют математические предположения и что лежит в их основе? Дать правильный ответ на эти вопросы невозможно, не обращаясь к диалектической теории познания. Используя диалектический принцип познания «Мы открываем новые направления исследований. Уже проводятся радиообзоры для изучения темных веков Вселенной – периода между возникновением реликтового излучения и формированием первых звезд. С их помощью ученые надеются отыскать что-нибудь, противоречащее текущей космологической модели. Существуют новые виды детекторов гравитационных волн, которые используют такие методы, как квантовая интерференция между атомами и объединение сигналов от пульсаров. Они могут предоставить нам информацию о поведении черных дыр и физике ранней Вселенной [12].

Результаты познания природы закрепляются в понятиях, категориях, законах и теориях. А поскольку итог познания закрепляется в понятиях и теориях, то перед естествознанием неизбежно возникает вопрос о природе понятий, их возникновении и развитии, о путях построения и развития теорий. Являются ли понятия копиями, снимками, правильно отражающими объективный мир, или же они есть символы, иероглифы, условные знаки? Естествоиспытатель не сможет дать правильного ответа на вопрос о природе понятий, абстракций вообще, если он не обратится к философии, ибо она наиболее полно рассматривает вопрос о происхождении и развитии абстракций, об их роли в процессе познания, о правилах оперирования понятиями, философскими категориями.

Эти категории крайне необходимы ученому, ибо, натолкнувшись на неизвестную область, у него нет иного способа перекинуть мостик к ней, кроме как используя философские категории и законы. Определенная система законов и категорий, будучи введенной в неизвестную сферу, оказывается той первой сетью известного, «просеивая» через которую факты действительности, можно получить конкретное знание о причинно-следственных отношениях, об отношениях формы и содержания, о количественной и качественной определенности, о необходимом и случайном, о действительном и возможном.

Известно, что никакая естественная наука не может ограничиваться простым накоплением отдельных фактов, а рано или поздно переходит к объединению разрозненных фактов, к их объяснению, к установлению связей между ними для того, чтобы обнаружить законы, которым подчиняются изучаемые явления. Но чтобы вскрыть связи между разрозненными фактами, обнаружить действующие в явлениях причинность, закономерность и т.д., необходимо иметь правильное представление о том, что такое причинность и закономерность вообще. Научные же представления о них вырабатываются философией. Поэтому естествознание здесь неизбежно должно обратиться к ней за помощью.

Каждая наука создает свои собственные понятия, отражающие специфику тех материальных объектов, которые она изучает. Так, например, в физике возникли понятия «масса», «энергия», «поле», «ядерные силы», в химии – «элемент», «валентность», «атомный вес»,

в биологии – «вид», «наследственность», «естественный отбор». Естествоиспытатель стремится сделать эти понятия более точными, найти связь между ними и другими, более широкими понятиями «материя», «движение», «пространство», «время», «качество», «количество» и т.д., которые вырабатываются философией. Тем самым естествоиспытатель все дальше и дальше вторгается в область абстрактных понятий, в область теоретического мышления, которое подчиняется уже своим собственным законам, также изучаемым философией.

Философия выполняет свою методологическую функцию также путем определения принципов и форм систематизации получаемого и полученного знаний. Любое, самое важное открытие не может быть применено на практике до тех пор, пока оно не приведено в соответствующую систему. Но практически систематизация знаний в своей основе состоит в создании систем категорий и понятий данной области или всего познания в целом (гносеология). Значит, и здесь невозможно обойтись без философии.

Ни одна наука не может обойтись без теоретического мышления, законы которого изучает философия. В силу этого знание философии необходимо каждому ученому, даже если он не занимается общими, философскими проблемами своей науки.

Наконец, вопрос о предмете данной науки и пределах ее применимости также не может быть решен без помощи философии, ибо это связано с классификацией форм движения материи. Ученые прибегают к философии всякий раз, когда имеют дело с обобщениями, выходящими за пределы отдельной науки или комплекса наук. Единство сил природы «вытекало из философских соображений» [8]. Идеей единства сил природы руководствовался в своих многолетних упорных поисках взаимодействия электричества и магнетизма, завершившихся открытием воздействия электрического тока на магнитную стрелку, датский физик Эрстед. Эта идея сыграла важную роль в открытии закона сохранения и превращения энергии Р. Майером, Д. Джоулем и Г. Гельмгольцем.

Новые естественнонаучные теории созревают и формируются под влиянием тех или иных философских концепций. Научная мысль никогда не была полностью отделена от философской мысли. Как видно, связь философии с естествознанием – не выдумка философов, она существует объективно, с ней неизбежно должен считаться каждый естествоиспытатель. Без этой связи невозможно успешное развитие ни естествознания, ни философии.

Выдающиеся естествоиспытатели неоднократно подчеркивали необходимость союза естествознания и философии. Так, например, немецкий физик Макс Планк отмечал, что «естественные науки не могут обойтись без философии» [9]. В другой работе он писал: «Не следует думать, что можно даже в самой точной из всех естественных наук продвинуться вперед без всякого мирозерцания» [10]. «Это стремление к объединяющему мировоззрению имеет огромное значение не только для физики, но и для всего естествознания» [10].

Для успешного развития как естествознания, так и философии необходим тесный союз между ними. Укрепление союза естествознания и философии предполагает не только усвоение диалектического метода естествоиспытателями, но также и овладение философами важнейшими достижениями естественных наук.

Литература

1. Борн Макс. Моя жизнь и взгляды. М., 1973, с. 37, с. 44.
2. Гернек Ф. Пионеры атомного века. М., 1974, с. 246.
3. Кант И. Критика чистого разума. Сочинения. М., 1961. Т. 3. с. 608.
4. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. М., 1965. Т. 4, с. 248, с. 310, с. 551.
5. Cohen. An Interview with Einstein // Scientific American. 1955. Vol. 193, N 1, P. 73.
6. Наука и жизнь. М., 1974. № 1, с. 82.
7. Успехи физических наук. М., 1932. Т. XII, вып. 1, с. 4.
8. Успехи физических наук. М., 1926. Т. VI, вып. 3, с. 199.
9. Планк М. Физические очерки. М., 1925, с. 65.
10. Раджабов О.Р. Философия физической картины мира. – М.: Канон +, 2016. – С. 229.
11. Кэти Мак. Конец всего: 5 сценариев гибели Вселенной с точки зрения астрофизики. – М.: Эксмо, 2021. – С. 266.

ON THE QUESTION OF THE ROLE OF PHILOSOPHY IN NATURAL SCIENCE

Radjabov O.R., Huseykanov M.K., Magomedova U.H.-H.

DagGAU named after M.M. Dzhambulatov, Dagestan State University

The article focuses on the analysis of problems about the role of philosophy in natural science, in particular the dialectical nature of the objects studied by modern natural science and dialectical ways of reproducing them in scientific concepts and representations. Moreover, some questions about the importance of philosophy for natural science in the article are confirmed by the statements of outstanding natural scientists of the XX century.

Keywords: theory of knowledge, natural science, philosophy, dialectics, methodology.

References

1. Born Max. My life and views. M., 1973, p. 37, p. 44.
2. Gernek F. Pioneers of the Atomic Age. M., 1974, p. 246.
3. Kant I. Criticism of pure Reason. Works. M., 1961. Vol. 3, p. 608.
4. Einstein A. Collection of scientific works. M., 1965. Vol. 4, p. 248, p. 310, p. 551.
5. Cohen. An Interview with Einstein // Scientific American. 1955. Vol. 193, N 1, P. 73.
6. Science and Life. M., 1974. No. 1, p. 82.
7. Successes of physical Sciences. M., 1932. Vol. XII, issue 1, p. 4.
8. Successes of physical sciences. 1926. M., Vol. VI, issue 3, p. 199.
9. Planck M. Physical essays. M., 1925, P. 65.
10. Rajabov O.R. Philosophy of the physical picture of the world. – M.: Kanon + Publishing House, 2016. – p. 229.
11. Katie Mac. The end of everything: 5 scenarios of the death of the Universe from the point of view of astrophysics. – M.: Eksmo, 2021. – p. 266.

Чернышева Елена Николаевна,

к.ф.н., доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
E-mail: chernel0602@gmail.com

Борисенко Владимир Иванович,

к.и.н., доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
E-mail: bvi095@mail.ru

Концепт «Власть» активно изучается сегодня и в социальных науках, и в философии. Связано это, прежде всего, с тем в современном мире происходит изменение сущности властных отношений, что находит свое отражение на уровне языка. В данной статье проводится сравнительный анализ концепта «Власть» в русском и английском языках, описываются сходства и различия в обыденных представлениях о власти носителей этих языковых систем и в современном научно-философском представлении о сущности данного феномена.

Ключевые слова: языковая картина мира, семантическое поле, власть, государство, политическая власть, политическая организация общества, возможность контролировать людей, легитимная возможность контролировать людей.

Введение

Одной из самых актуальных проблем современной межкультурной коммуникации остается проблема выстраивания эффективного диалога между представителями разных культур. Простое владение несколькими естественными языковыми системами не является гарантией их адекватного использования в качестве коммуникативных средств, не обеспечивает с необходимостью высокой степени понимания в ходе межкультурного взаимодействия, а, следовательно, необходимо разрабатывать новые методы и приемы, дающие возможность более глубокого проникновения в языковые конструкции, за которыми скрываются типичные для данной лингвокультуры знания о том или ином явлении окружающей действительности. Цель данной статьи – сравнительный анализ концепта «Власть» в русском и английском языках, а также выявление сходств и различий в обыденных представлениях о власти носителей этих языковых систем и в современном научно-философском представлении о сущности данного феномена.

Методы и материалы

Человеческая деятельность невозможна без стереотипов. Стереотип необходим человеку, так как он позволяет экономить все возможные виды средств и инструментов, используемых для достижения поставленной цели. Но самое главное – использование стереотипов позволяет экономить время, в том числе и время, необходимое для установления эффективного взаимодействия между людьми. В межкультурной практике человек также использует стереотипы. Сравнительно-сопоставительный анализ стереотипных явлений в языке позволяет сделать некоторые выводы относительно содержания представлений носителя того или иного языка о каком-либо феномене, содержания его языковой картины мира. Такой подход, с одной стороны, позволяет определить национально-специфическое в представлениях носителей языка о каком-либо феномене, с другой стороны, описать их универсальное содержание.

Результаты и обсуждения

Давая базовое для данного исследования определение понятия власти, отметим, что в рамках традиции отечественной политической науки будем считать, что, во-первых, «власть есть необходимая функция любого коллектива по руководству своими членами для налаживания совместной деятельности» [3, с. 26]. Во-вторых, понятие «политическая власть» шире понятия «власть государственная». «Политическая деятельность осуществляется не только в рамках государства, но и в других составных частях социально-политической системы: в рамках партий, профсоюзов, международных организаций и т.д. Таким образом, государственная власть представляет собой разновидность власти политической» [3, с. 24]. А структуру власти можно представить следующим образом:

- 1) не менее двух партнеров отношений власти, причем этими партнерами могут быть как отдельные лица, так и группы лиц;
- 2) приказ осуществляющего власть, то есть выражение им воли по отношению к тому, над кем он осуществ-

вляет власть, сопровождаемый угрозой применения санкций в случае неповиновения выраженной таким образом воле;

- 3) подчинение того, над кем осуществляется власть, тому, кто ее осуществляет, то есть подчинение выраженной в приказе воле осуществляющего власть;
- 4) общественные нормы, устанавливающие, что отдающий приказы имеет на это право, а тот, кого эти приказы касаются, обязан подчиниться приказам осуществляющего власть (легитимность).

Многочисленные исследования лексико-семантического поля концепта «Власть» в английском и русском языках показывают, что если в русском языке власть, прежде всего, ассоциируется с возможностью контролировать людей, то в английском языке с политической организацией общества. При всем сходстве анализируемых семантических полей имеющаяся разница между доминантными лексемами, с нашей точки зрения, имеет важное значение, так как отражает особенности отношения к власти в двух лингвокультурах, в двух языковых картинах мира, фиксирующих именно обыденные представления носителей данных языков об этом социальном феномене. Объяснить выявленное различие можно, например, сославшись на то, что, несмотря на фундаментальную общность ценностей, лежащих в основании англоязычной и русскоязычной лингвокультур, специфика исторического развития народов не могла не сказаться на их представлениях о власти, которые затем и были зафиксированы в языковых картинах мира.

В отечественной науке есть много исследований, посвященных изучению феномена власти, государственной власти и т.д. в Древней Руси, Российской империи, Советском союзе и, наконец, в современной России. В этих исследованиях описываются факторы, определяющие формирование национального менталитета, для которого характерна тяга к сильной, строго структурированной и централизованной власти [5]. Возможно, что именно это и находит свое отражение в языковой картине мира, когда главным в семантическом поле «Власть» становится «возможность контролировать людей». Риском предположить, что это не простая «возможность контроля», а возможность абсолютного, максимального контроля со стороны представителей государственной власти. Однако здесь надо сделать оговорку опять же со ссылкой на российскую историю, что в системе политической организации общества, в системе органов государственного управления безусловным правом на обладание такой властью является только глава государства. Все остальные контролируемые субъекты обязательно им контролируются. Подобная ситуация нашла свое отражение и в действующей Конституции Российской Федерации, где Президент Российской Федерации – это высшая государственная должность Российской Федерации, это глава государства, гарант Конституции Российской Федерации т.д. [4], тогда как, например, президент США является руководителем государства и возглавляет исполнительную власть в стране. И его функционал строго определен и ограничен.

В английском языке, как уже было сказано, концепт «Власть» ассоциируется с «политической организацией общества». С нашей точки зрения, это обусловлено, как и в русском языке, с одной стороны, спецификой формирования и эволюции системы управления обществом в западной цивилизации, а, с другой стороны, особенностями западного рационализма как основы духовной культуры народов Европы. Что, в свою очередь, привело к сближению обыденных представлений о сущности власти и научно-философских. Доктрина европейского либерализма базируется на рационалистических установ-

ках и взглядах на природу, источники и функции власти. Благодаря трудам М. Вебера, при анализе проблемы власти одним из ключевых понятий стало понятие легитимности господства, то есть вопрос о признании власти управляемыми индивидами вышел на первый план.

На рубеже XX и XXI веков сущность властных отношений в социуме начала кардинально меняться. Традиционное навязывание властных отношений посредством силы уходит в прошлое. Сегодня если вы хотите, чтобы люди признали вашу власть над ними, то вам придется их «угговорить». Прежде всего, сделать это можно через рациональные процедуры обоснования в ходе непрерывного политического диалога. Одновременно с этим серьезной трансформации в современном мире подвергаются и институты власти, меняются основные функции государства и правительства. Часть функционала от национальных государств передается на более высокий уровень – органам международного или глобального управления, часть передается вниз – органам регионального управления, местного самоуправления, а еще ряд функций оказывается закрепленным за институтами гражданского общества. Неизбежным следствием этих изменений становятся новые научные и философские концепции и теории власти, в рамках которых даются новые определения понятий власти, государства и т.д. Возникает вопрос: успевают ли обыденные представления о власти, зафиксированные в языковых картинах мира, за этими изменениями? Насколько сегодня научно-философские представления о сущности власти, имеющие, как и любое другое научное знание, статус объективной истины, а, следовательно, универсально-всеобщий характер соответствуют житейским представлениям обычного человека об этом феномене?

Власть как следствие социальной природы человека, как необходимое условие и источник порядка – один из самых древних социальных институтов. Поэтому его изменение не может произойти мгновенно как на уровне обыденной картины мира, так и на уровне научной. Аксиомой всегда являлось утверждение, что власть не может осуществляться без подчинения и принуждения. Однако в современной глобальной культуре подчинение и принуждение все реже связывают с насилием. Можно говорить о том, что в картине мира современного человека происходит изменение парадигмы власти, которое в конечном итоге должно привести к новому представлению о власти как о действии в согласии. По-другому это можно сформулировать так: я подчиняюсь и меня принуждают с моего согласия. Отсюда возникает новая для политической реальности проблема – проблема получения согласия на принуждение со стороны его объекта. А главным инструментом становится не насилие, а убеждение. «По выражению автора концепции мягкой власти, она обеспечивает «понуждение других хотеть результатов, которые вы желаете получить»» [7, с. 14]. Если мы исходим из того, что современное государство – это «организация, интегрирующая социально дифференцированное общество для сохранения его существования и обеспечение наилучшего дальнейшего развития» [1, с. 65], то вопрос обоснования применения насилия с его стороны становится одним из самых болезненных и проблематичных.

О.В. Просконина, анализируя современную семантику определения государства, указывает на существенную разницу, которая есть в культурно-политических традициях Запада и России. В европейской традиции «внимание обращалось на наличие структурно дифференцированных органов обеспечения самостоятельности или на наличие правительства. Европейское понятие «государство-состояние» было усвоено в иных культурах». Напротив, «в целом ряде культурно-политических

традиций, включая русскую, абстрактное представление о «состоянии» территориальной политической организации было осложнено не вполне адекватными соответствиями этому новоевропейскому понятию. Слово «государство» отсылает к идее владычества, господства, а не политическому устройству как таковому. Так, Р. Пайпс пишет по этому поводу: «Россия принадлежит *pat excellence* к той категории государств, которые ... обычно определяют как “вотчинные” (*patrimonial*). В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно сувереном государства и его «собственником»» [6, с. 78]. Подводя итог анализу многочисленных определений власти, существующих сегодня в зарубежной и российской науке, О.В. Просконина делает следующий вывод: «несмотря на существенные различия, их объединяет видение государства как способа территориально-политического обустройства общества, средства наведения и поддержания в нем порядка. Представление о современном государстве как способе существования доминирующего в определенном политико-территориальном пространстве административного ресурса свидетельствует о сохранении им своей социальной значимости. Государство в состоянии модифицировать свои функции, делегировать некоторые свои полномочия на уровень наднациональных структур, оставаясь при этом суверенной политико-территориальной организацией» [6, с. 80].

Стоит обратить внимание на еще один аспект в понимании государства в русскоязычной лингвокультуре. Описывая ритуальный смысл государства, Е.В. Извекова пишет, что «формально государство – держава с признанной символикой – флагом, гербом, гимном. Неформально государство – родная Земля, вверяющая потомкам минувшую судьбу предков. Умственно болезненно и дико любить государство. Любить можно Отечество, Родину. Нюанс, однако, в том, что язык не располагает лексемами, четко дифференцирующими «государство», «державу», «Землю», «Отечество», «Родину». В концепте «государство» – синкретизм всех этих понятий» [2, с. 86]. С нашей точки зрения, данный исследователь упускает из виду еще одну лексему, существующую в русском языке, а именно, лексему «Страна». Так, возможно, в обыденном сознании россиян, в их языковой картине мира вышеуказанная лексема и является синтезирующей некоторые существенные признаки всех этих понятий, и таким образом снимает ряд противоречий.

Обоснование права на принуждения, как уже было сказано выше, неразрывно связано с проблемой легитимности. В российской науке вплоть до 90-х годов XX века термины «незаконный» и «легитимный» использовались как синонимы, если речь не шла о зарубежных исследованиях проблемы легитимности. Это приводило к упрощению понятия «легитимность», к игнорированию ряда его существенных признаков и, как следствие, некоторых значимых составляющих этого сложного социального явления. Разводя эти два понятия, следует указать, что легитимность власти определяется, прежде всего, субъективной оценкой обществом законности организации и деятельности тех или иных институтов власти. И эта субъективная оценка во многом формируется за счет того, что политические субъекты постоянно прилагают усилия для поддержания своего авторитета. Это процесс, который нельзя завершить. Легальность является более простым явлением и определяется тем, насколько законны действия властных структур относительно норм действующего законодательства.

В современных идеальных моделях процесса легитимации утверждение права на власть того или иного по-

литического актора, в том числе и государства, часто обусловлено авторитетом и доверием, практически верой в то, что иначе быть и не может. Однако признавая данное положение, нельзя не задавать вопросы о том, что является причиной этого авторитета и каким образом происходит его нормативное закрепление. Преимущество и привлекательность легитимной власти заключается в том, что именно законным образом оформленное и утвержденное право на власть, то есть на применение принуждения и насилия для достижения своих целей, делает как принуждение, так насилие для большинства граждан лишь потенциально возможными, но не необходимыми. То есть чем основательнее закреплена легитимность данного политического порядка на уровне действующих законодательных норм, тем меньше сомнений в его справедливости и законности. Закрепленная в нормах закона легитимность придает власти легальный характер. А это влечет за собой в том числе и рост авторитета и доверия к представителям властной элиты. Таким образом, легальность и легитимность властных структур между собой тесно взаимосвязаны.

Выводы

Таким образом, можно утверждать, что концепт «Власть» в русской и английской лингвокультурах при наличии общего содержательного ядра различается рядом характеристик. Обыденные представления о природе власти в английском языке ближе к научно-философской трактовке этого социального феномена. И, судя по всему, происходящее сегодня существенные изменения властных отношений, которые уже фиксируются в социальной науке и философии, быстрее будут зафиксированы в английской языковой картине мира, чем в русской.

Литература

1. Волесов Л.Л. Сущность понятия «государство» // Труды Дальневосточного государственного технического университета. 2005. № 140. С. 64–68.
2. Извекова Е.В. О понятии «государство» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2009. № 3. С. 84–87.
3. Карнаушенко Л.В. «Политическая власть» и «государственная власть»: к вопросу о соотносимости понятий и смысловом наполнении дефиниций // Философия права. № 1 (26), 2008. С. 23–26.
4. Конституция Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 04.12.2022).
5. Надточий З.Ю. Пространство власти России: история и современность // Панорама. 2015. Т. 21. С. 80–92.
6. Просконина О.В. Интерпретации понятия «государство» в контексте исторического развития // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. Вып. 2, 2011. С. 75–81.
7. Тимофеев О.А. Современная политическая наука о соотношении понятий «государство» и «власть» // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. № 5, 2010. С. 6–15.

“POWER” IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD

Chernysheva E.N., Borisenko V.I.

Pushkin State Russian Language Institute

The concept of “Power” is being actively studied today both in the social sciences and in philosophy. This is primarily due to the fact

that in the modern world there is a change in the essence of power relations, which is reflected at the level of language. This article provides a comparative analysis of the concept of "Power" in the Russian and English languages, describes the similarities and differences in the everyday ideas of the power of the speakers of these language systems and in the modern scientific and philosophical understanding of the essence of this phenomenon.

Keywords: linguistic picture of the world, semantic field, power, state, political power, political organization of society, ability to control people, legitimate ability to control people.

References

1. Volesov L.L. The essence of the concept of "state" // Proceedings of the Far Eastern State Technical University. 2005. No. 140. S. 64–68.
2. Izvekova E.V. On the concept of "state" // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences. 2009. No. 3. S. 84–87.
3. Karnaushenko L.V. "Political power" and "state power": on the question of the correlation of concepts and the semantic content of definitions // Philosophy of Law. No. 1 (26), 2008, pp. 23–26.
4. The Constitution of the Russian Federation. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (date of access: 12.04.2022).
5. Nadtochiy Z. Yu. Space of power in Russia: history and modernity // Panorama. 2015. V. 21. S. 80–92.
6. Poskonina O.V. Interpretations of the concept of "state" in the context of historical development // Bulletin of the Udmurt University. Economy and law. Issue. 2, 2011, pp. 75–81.
7. Timofeev O.A. Modern political science on the relationship between the concepts of "state" and "power" // Problem analysis and state-administrative design. No. 5, 2010, pp. 6–15.

Шагин Анатолий Алексеевич,
свободный исследователь
E-mail: shagin55@yandex.ru

Применяемые формы познания – рациональная и эмпирическая – применяются только в ограниченной части научного познания. Отсутствие общего целого представления о форме познания затрудняет научную деятельность. Все процессы познания – логика, диалектика, интуиция и прочие – по отдельности известны, сложность их применения по существующей теории познания заключается в том, что нет формы их организации.

Цель работы – разработать новую форму обобщённого понятия процесса познания. Объектом исследования является процесс познания как последовательность процессов. Предметом исследования является жизнь элементарной идеи.

Исследование основано на следующих методах: вживания в предмет, историзма, словарный.

Последовательность процессов и состояний в идейной форме познания установлена такая:

ЗНАНИЕ ЛИЧНОЕ, НЕПОЗНАННОЕ, ДИАЛЕКТИКА, МЫСЛЬ, ИНТУИЦИЯ, ИДЕЯ, ТВОРЧЕСТВО, ЛОГИКА, ЗНАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ, ОБУЧЕНИЕ, ПРОИЗВОДСТВО, ТОВАРООБОРОТ, ОТМИРАНИЕ.

В статье цель достигнута: дано обобщённое представление идейного процесса познания. Владение формой познания идеи полезно для любой творческой деятельности.

Ключевые слова: идея, мысль, познание, теория познания, форма, форма познания, процесс, словарь, диалектика.

Рассуждение о методе, чтобы хорошо направлять свой разум и отыскивать истину в науках
Рене Декарт

Важнейшая задача цивилизации – научить человека мыслить
Т.А. Эдисон

Введение

Стремление объяснить каждое явление окружающего мира является главным фактором возникновения и развития человеческой цивилизации.

«ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (гносеология, эпистемология) – раздел философии, в котором анализируется природа и возможности знания, его границы и условия достоверности» [1, т. IV, с. 47].

Теория познания была упомянута впервые Платоном в книге «Государство» он выделил две формы познания «чувственное восприятие» (эмпиризм) и «умопостигаемое» (рационализм).

Свой опыт исследования познания обобщил Рене Декарт в 1637 году в философском трактате под названием «Рассуждение о методе, чтобы хорошо направлять свой разум и отыскивать истину в науках». В ней Декарт приводит виды действий для познания: все подвергать сомнению, делить искомое на части, привести мысли в порядок, находить «железные» факты. Рекомендации ценны, но существенно не полные.

В 2010 году Малюкова О.В. и Матроница Л.Ф. выпустили книгу «Технология научного познания», в которой «Технология научного познания может быть определена как система знаний». В этой книге нет главного – пошагового описания процесса познания.

В субстанциональной философии (философия состояний) всё рассматривается как объект, то есть как нечто противостоящее субъекту в статическом положении: «Наука в человеческой деятельности выделяет только ее предметную сторону и все рассматривает сквозь призму этой структуры», – пишет В.С. Степин [2, с. 59].

Философия процесса рассматривает преходящие случаи изменения или становления как единственные фундаментальные вещи обычного повседневного реального мира. Идею изменчивости ввёл в научный оборот древнегреческий философ Гераклит, заявляя: «Всё течёт, всё меняется».

Апеллируют к процессу, а не к субстанции (не к состоянию) следующие философы: Гераклит, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Альфред Норт Уайтхед, Жиль Делез, Ален Бадью и другие. В физике Илья Пригожин [1] проводит различие между «физикой бытия» и «физикой становления». Процессный подход применял К. Маркс в своих исследованиях общества.

Философское обоснование процессному подходу в естествознании дал один из крупнейших математиков и философов 20-го века – англичанин Альфред Уайтхед, установив, что: «Реальность есть процесс» [4, с. 130]. Этим Уайтхед снова ввёл в научный оборот идеи древнегреческого философа Гераклита об изменчивости мира.

А если точнее – Уайтхед просто канонизировал в такой форме уже окончательно сложившийся к тому времени в естественных науках диалектико-материалистический подход, основы которого были заложены Ф. Энгельсом

с доступным для того времени уровнем формализации и глубины.

В практической жизни начала 90-х годов ведущим специалистам по управлению производством стало ясно, что применявшиеся до сих пор системный, функциональный и операционный подходы к анализу и организации деятельности большой компании окончательно исчерпали свой потенциал.

Новой идеей развития стал так называемый «подход с позиций процесса». Переход к процессному управлению был вызван следующими новыми условиями:

- ориентация на потребителя;
- разнообразный спрос потребителя;
- информатизация общества;
- развитие процессов глобализации;
- сокращение жизненного цикла продукции [5].

Формализация требований к управлению привела к появлению стандарта ISO 9001:2000, он устанавливает требования к системе менеджмента качества организации. В 1987 году соответствующую регистрацию стандарта ISO 9001:2000 прошло около 250 тысяч организаций по всему миру.

Процессный подход предполагает, что система в основном состоит из совокупности взаимосвязанных процессов развития, а не из набора структурных подразделений. Перед нами действительно протекающие процессы, а не субстанции и их свойства. Смирнов А.В. даёт такое уточнение по разработке логики процессов: «Речь идет о действительной причинности внешнего мира, а не о свойствах молока и ковша как субстанций. «Действительной» в прямом и непосредственном смысле этого слова: «действующей», проявленной в протекающем действии» [6].

В статье понятие «познание» рассматривается как процесс последовательности операций. Объектом исследования является процесс познания.

Предметом исследования является жизнь идеи.

Цель работы – разработать новую форму обобщённого понятия процесса познания идеи.

В статье решаются следующие задачи.

1. Представить процесс познания как длительный процесс: от незнания личного через опыт, мысль, идею до знания общественного.
2. Предметом исследования является жизнь элементарной идеи. Определить то, что идея является формой мыслей, которая приводит к новому результату. Наивысшим видом идеи является изобретение.
3. Дать определение: форма – это организация содержания.
4. Дать описание идейной формы познания.

Гипотеза статьи заключается в том, что процесс познания имеет определённую форму реализации для практической деятельности.

Теоретические основы

Каждый учёный и творческий человек непроизвольно проходит процессы познания, но формализация этого процесса пока не значительна.

Исследование основано на следующих методах:

- a) Метод вживания в предмет. Я становлюсь идеей конечного конечника отвёртки;
- b) Метод историзма. Он предполагает рассматривать все предметы и явления в процессе их исторического возникновения, становления и отмирания;
- c) Метод словарный.

Понятие слова в основном берётся из философского словаря «Новая философская энциклопедия» (2010), при отсутствии там определение берётся из книги «Фи-

лософский энциклопедический словарь» (1983), при отсутствии в словаре определение берётся из Википедии.

При неудовлетворительном определении даётся своё определение понятия, показанное *курсивом*.

В самом общем случае философы призывают «сосредоточить внимание на более общем модусе философского видения». Поэтому современная теория познания полагается в своей основе на следующие виды принципов познания: диалектичность, историчность, практичность, познаваемость, объективность, активность, конкретность, логичность и другие.

Сложность их применения заключается в том, что нет формы их организации. Так, если применять диалектику везде, то можно запутаться в поисках противоречий. Если применять только логику, то невозможно разрешить противоречия.

Многочисленны открыты четыре новые формы движения материи, например, «информационная форма движения материи» [7]. Мои попытки описать процесс познания непосредственно по результатам открытий не увенчались успехом, так как каждый раз решения приходили другим путём. Из опыта процесса открытий было сделано обобщение в виде идейной формы познания.

Познание постоянно осуществляется в науках. Общепринято, что познание представляет собой совокупность процессов, процедур и методов приобретения знаний о явлениях и закономерностях мира.

Основные принципы идейной формы познания.

1. Необходимо рассматривать познание как процессы накопления знания.
2. Процесс изменения знания длительный, он начинается от зарождения знания у отдельного исследователя до уровня общественного знания.
3. Начальным элементом знания является идея.
4. Форма развития идеи определяется видом достигнутой стадии.
5. Все процессы развития идеи можно объединить одной формой.

Рассмотрим методически составляющие понятия «идейная форма познания»: познание, идея и форма.

Познание

Объектом исследования является процесс познания.

Новая философская энциклопедия даёт такое определение:

«ПОЗНАНИЕ – философская категория, описывающая процесс построения идеальных планов деятельности и общения, создания знаково-символических систем, опосредующих взаимодействие человека с миром и др. людьми в ходе синтеза различных контекстов опыта» [1, т. III, с. 259].

Философы разработали следующие концепции познания:

1. Причинная (Гоббс, Локк и др.).
2. Деятельностная (Лекторский, Выготский, Копнин и другие).
3. Генетическая (Ж. Пиаже).
4. Эволюционная (Г. Фоллмер и другие).

Все эти концепции объясняют множество сопутствующих познанию условий: его достоверности и истинности, предпосылки познания, отношения знания к реальности, акт схватывания, понимания и постижения смыслов в ходе речевого обсуждения и прочее. Но для исследователя природы нужна теория на уровне близкой к методу.

Рассмотрим деятельное познание и процессное познание.

Вопрос о деятельностной природе познания был поставлен И. Кантом, который принцип активности субъ-

екта познания сделал одним из центральных в своей философии. Однако в полной мере этот принцип был воплощен И.Г. Фихте, в философском учении которого субъект Я создает мир не-Я в качестве продукта чистой самодеятельности. Г.В.Ф. Гегель истолковывал деятельность как свободную активность абсолютной идеи.

Процессное познание, в отличие от деятельного, рассматривается как процесс!!

В начальный момент познания важно знание отдельного человека, именно оно вступает в противоречие с необъяснимым фактом Природы. Познание заключается в развитии идеи от этого противоречия до становления идеи в общественном знании.

Процесс познания можно представить так:

Незнание личное – опыт – мысль – идея – ... – знание общественное.

Рациональная форма познания (мышление, логика) не подходит для познания неведомого так как непознанное не имеет понятия, которое является начальной стадией рациональной формы познания.

Эмпирическая форма познания так же не применима. Вот Вы получаете в результате эксперимента значение 5, 5, 5, 5... для познания этого недостаточно, должно появиться противоречие, а оно возникает если исследователь вычислил рациональной формой познания теоретический результат испытания, и этот результат имеет значение 4. Это движущее противоречие: Рациональная форма познания (теория) даёт результат – 4, а эмпирическая форма познания (опыт) даёт результат испытания – 5.

При понимании этого противоречия возникает потенциал начала познания явления.

Идея

Предметом статьи является жизнь одной идеи, а не глобальное познание всего. Знание развития отдельной идеи позволяет произвести анализ развития любой идеи и затем всей системы взглядов как пишут: «... сосредоточить философские размышления на меньших проблемах, которые приводят к ответам на большие вопросы». (Ханс-Йоганн Глок, Аврум Стролл).

Методически можно сказать так: познание – это жизнь идеи. Для нас интересен процесс жизни идеи: от зарождения и до отмирания.

Понятие «идея» появилось еще в античности. Демокрит называл идеи как атомы, подразумевая их неделимыми уопостигаемыми формами. Отдельные идеи просты, но совокупность идей образует такое сложное общественное понятие как «идеология».

Определимся что же такое «идея»?

Ирландский епископ Джордж Беркли (1753) отрицал существование материальной субстанции и вместо этого утверждает, что привычные объекты, такие как столы и стулья, являются идеями и не могут существовать без восприятия. Этот спиритуализм не является исходной точкой познания.

Новая философская энциклопедия даёт такое определение:

«ИДЕЯ (греч. ἰδέα) – форма постижения мира в мысли». [1, т. II, с. 83]

В книге «Новая философская энциклопедия» и «Философский энциклопедический словарь» понятие «мысль» отсутствует.

Мысль – это акт нашего разума. Мысль о том, например, что растёт дерево не является идеей. А вот, например, мысли о том, что, во – первых, завтра можно перенести утреннюю встречу и, во-вторых, в это время отдохнуть в парке – рожают идею.

Понятие идеи относится только к тем актам мышления, которые позволяют нам прийти к какому-то новому результату.

Кратко понятие «идея» можно определить так:

Идея – это форма мыслей, которая приводит к новому результату.

Наивысшей формой развития идеи является изобретение!!, которое кроме новизны обладает ещё и полезностью.

Изобретение – это идея, которая имеет полезность.

Наше познание продвигается от развития мысли к развитию идеи и далее к изобретению.

Переход от мысли к идее происходит за счет мышления. Основные виды операций мышления, следующие: анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, индукция, дедукция, аналогия, моделирование, классификация.

Технологию создания идей разработал Генрих Саулович Альтшуллер советский писатель-фантаст и изобретатель, автор ТРИЗ (теории решения изобретательских задач – теории развития технических систем), автор ТРТЛ (теории развития творческой личности). Эта технология описана во множестве книг, например, в книге «Найти идею: Введение в ТРИЗ – теорию решения изобретательских задач» [8].

Предметом статьи является простая идея, например, идея наконечника отвёртки (слесарный инструмент) в крестообразном виде. Крестовую отвёртку придумал в 1933 году американец Джон Томпсон, до этого этой идеи не было зарегистрировано, и она до сих пор живёт.

Бытует представление о том, что идея быстро создаётся, типа проснулся Д.И. Менделеев – и вот родилась идея. Рождение идеи – это длительный процесс. Гениальный Т.А. Эдисон вёл поиски подходящего материала для нити накаливания электрической лампы для этого он испытал около 6 тысяч образцов материалов.

Жизнь идеи продолжается и после завершения процесса познания в виде общественного знания. Для общества необходимо получить экономическую выгоду от реализации идеи. Это происходит на этапе практического применения идеи, который включает в себя обучение, производство, товарооборот и отмирание.

Формально жизнь идеи (бытие) можно представить так:

Бытие = Познание + Практика

Жизнь идеи – это длительный процесс.

Форма познания

В.В. Мионов описывает этапы познания так: «Большинство философских систем, сложившихся в Новое время, выделяли два основных этапа: чувственное и рациональное познание. Их роль и значение в процессе познания определялись в зависимости от позиции того или иного философа о приоритете формы познания. Рационалисты, например Декарт, Спиноза, Лейбниц, Кант и Гегель, были склонны приписывать решающее значение рациональному познанию...» [9, с. 558].

В мире идёт постоянно война между учёными-эмпириками и учёными-рационалистами. Эта война длится уже две с половиной тысячи лет, начиная от рационалиста Платона и его ученика – эмпирика Аристотеля. Эта война такая же кровопролитная как война между государством блефуску и государством лилипутян, спорящих об одной идее – с какого конца надо разбивать варёные яйца.

В философии пока понятие «форма» рассматривается соотносительно к понятиям содержания и материи. В книге «Философский энциклопедический словарь» нет

отдельного понятия «форма», а только в связи с содержанием:

«СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА, филос. категории, во взаимосвязи которых содержание, будучи определяющей стороной целого, представляет ...» [10, с. 620].

В книге «Новая философская энциклопедия» понятия «форма» не дано, определение есть только совместное понятие «форма и материя»:

«ФОРМА И МАТЕРИЯ [греч. εἶδος (ἰδέα, μορφή) καὶ ὕλη, лат. per. forma et matena] – в философии Аристотеля две из четырех «причин», или «принципов» («начал» – стл-Архе), бытия.» [1, т. IV, с. 262].

В этом определении трудно что-либо понять.

В книге «Большая советская энциклопедия» понятию «форма» придаётся большое значение внешним признакам, а не содержанию:

«ФОРМА (лат. forma – форма, вид, образ),

1) очертания, внеш. вид, контуры предмета;

2) внеш. выражение к.-л. содержания (см. Содержание и форма);

3) приспособление для придания ч.-л. определённых очертаний (напр., литейная Ф.);

4) единая по цвету, покрою и др. признакам одежда ...» [11, с. 539].

Определение понятия «форма» в книге «Новая философская энциклопедия» пока не дано.

Там же дано другое определение совместного понятия:

«ФОРМА ЛОГИЧЕСКАЯ – способ связи составных частей содержания мысли в отличие от самого этого содержания, результат отвлечения от «материи» мысли ...» [1, т. IV, с. 263].

С учётом «связи составных частей содержания» я даю такое определение:

Форма – это организация содержания

Это определение подходит для различных применений понятия «форма» и его производных: форма предмета, форма печати, форма одежды, формат чертежа, информация, трансформатор, форма движения материи, формация, трансформация.

На рисунке 1 показаны основные известные формы познания: Чувственная, рациональная (мыслительная) и этапная.

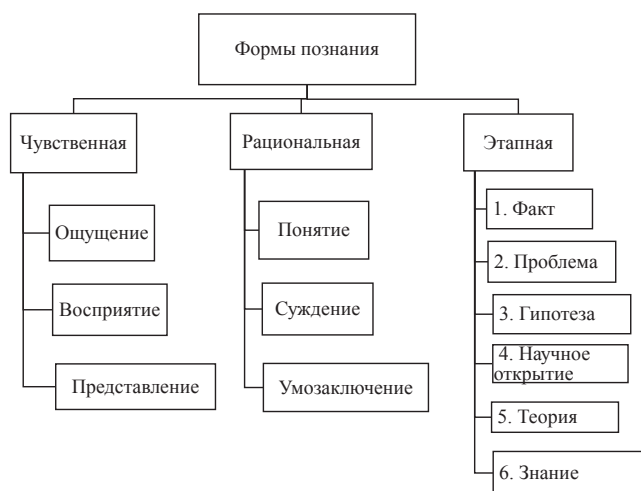

Рис. 1. Формы познания

Этапная форма познания показывает уровень решения проблемы и логичную последовательность их осуществления: факт, проблема, гипотеза, научное открытие, теория, знание общественное (мировоззрение). Она не относится к процессным формам, а показана как пример.

В отличие от формы виды не связаны между собой и представляют просто перечень. Так в философии выделяют шесть видов познания: философское, научное, творческое, религиозное, мифологическое познание, самопознание.

Более точным чем форма процессом познания является метод, а ещё более точным – технология.

Эдгар Морен (1921) – французский философ и социолог отстаивает необходимость реформы мышления и радикального изменения метода познания. В своей книге «Метод. Природа Природы» он раскрывает свой метод «сложного мышления» через семь принципов. В результате исследования он приходит к тому, что принципы только устанавливают границы познания, но это ещё далеко до метода: «Первая положительная основа для метода заключается в первом универсальном утверждении сложности. Проблема отныне заключается в том, чтобы превратить открытие сложности в метод познания сложности.» [12, с. 461]. Пожелания о методе познания так и остались не реализованными.

Понятие «технология» более полно отражает действие процессов в нашем мире. Относительно технологии познания примечательна книга «Технология научного познания», которую написали Малюкова О.В. и Матронина Л.Ф., в этой книге даётся такое представление о технологии:

«Технология научного познания может быть определена как система знаний, приемов и принципов, состоящая, как минимум, из трех элементов...технология – сложная развивающаяся система артефактов, производственных операций и процессов...» [13, с. 87].

В этом представлении «технология» является некоторыми видами субстанции (состояний), но не является процессами. Если будет найдена технология познания, то человек – учёный не нужен будет!!! Его заменит робот, как робот заменил человека в покраске и в сварке.

Идейная форма познания

Предлагается рассмотреть новую форму познания, которая называется идейная. Она называется идейной в связи с тем, что форма познания представляет собой развитие идеи. Понятие «познание» рассмотрим, как совокупность известных процессов над идеей: диалектика, логика, творчество, интуиция, обучение и другие.

Установим последовательность процессов и некоторые комментарии к ним. Последовательность процессов в процессной форме познания устанавливается такая:

А. Знание личное.

Непознанное – диалектика – мысль – интуиция – идея – творчество – логика

Б. Знание общественное.

Обучение – производство – товарооборот – отрицание.

Последовательность процессов показана на рисунке 2.

Рассмотрим каждый элемент подробнее.

А. Знание личное.

Знание является состоянием, а не процессом, в связи с этим оно выделено в отдельную группу.

1. Непознанное

Непознанным является отклонение от личного знания в результате процесса опыта или процесса размышлений. Личное знание по конкретному вопросу в познании имеет большое значение. Так, если бы братья Райт основывались на общественном мнении – «Летательные аппараты тяжелее воздуха невозможны» (лорд Кельвин 1895 год), тогда они и не изобрели бы самолёт в 1903 году.

Необходимо иметь глубокие знания по изучаемому предмету для того, чтобы находить различия между теоретическими расчетами и практическим опытом, то есть находить противоречие знания.

2. Диалектика.

Владение диалектикой допускает противоречие между опытом и теорией.

Диалектика необходима для ощущения естественности противоречия познания. Если нет диалектики, то личность относит противоречие к всевозможным ошибкам: измерительных приборов, ассистентов, погоды и прочее. Кто – то утверждает «и всё-таки она вертится», а большинство убеждено было в том, что у пауков шесть ног до начала 19 века, потому что Аристотель в своё время указал, что у насекомых шесть ног.

3. Мысль.

Мысль как акт нашего разума.

4. Интуиция.

Интуиция наступает после многочисленных проведённых опытов по оправданию теории. После этого происходит эмоциональный скачок и рождается образ идеи для решения противоречия.

5. Идея.

Идея как форма мыслей, которая приводит к новому результату.

Идея в процессе познания существует одна. Идея, объединяющая несколько идей, образует научную теорию.

6. Творчество.

Творчество проявляется в изобретении. Творчество создаёт понятие явления. Например, в изобретательстве это заключается в создании формулы изобретения.

7. Логика.

Рис. 2. Идейная форма познания

Логика заключается в установлении полученного понятия в общественное знание. Здесь самая полная проверка идеи. Если идея не проходит проверку, то она вы-

брасывается и процесс познания возвращается на процесс диалектики. Доказывается совместность явления с другими известными (рис. 2).

В. Знание общественное

Знание общественное завершает процесс познания идеи.

8. Обучение.

Обучение включает в себя освоение навыков пользования предметами, содержащими эту идею.

9. Производство.

Идеи реализуются на производстве.

10. Товарооборот.

Это главная цель познания, идеи, не реализуемые в товаре, не принимаются обществом.

11. Отмирание.

Отмирание заключается в том, что идеи теряют спрос в обществе, например, плоская отвёртка или гужевого транспорт.

Каждый вид идейной формы познания представляет собой и соответствующую стадию развития идеи. На каждой стадии осуществляется эмпирическая и рациональная форма познания.

Заключение

Познание – это сложное явление, которое было одним из важнейших объектов изучения в философии на протяжении всего её существования.

В ряду форм познания добавилась новая – идейная как показано на рисунке 3.

Рис. 3. Идейная форма познания в составе форм познания

Форма познания предлагает наиболее короткий путь познания. Это аналогично правилам дорожного движения, которые не определяют куда ехать, но задают наиболее короткий путь к цели.

Возможно новые решения форм познания связано с изменением предмета познания, в статье это идея, а ранее было мышление.

«МЫШЛЕНИЕ – процесс решения проблем, выражающийся в переходе от условий, задающих проблему, к получению результата.» [1, т. II, с. 626].

Мышление отличается от идеи следующим: во-первых, оно субъективно, а идея объективна так как её можно зафиксировать, во-вторых, оно неизменно в процессе роста познания явления, а идея проходит несколько стадий: от зарождения, рождение, признание, господство и отмирание.

В статье решена главная задача в том, что дано обобщённое понятие идейного процесса познания.

Для будущих исследований необходимо разработать основные определения познания: форма, идея, процесс. Исследовать соотношение следующих понятий: вид, форма, метод и технология.

Для каждого учёного понятие форма процесса познания служит в деятельности разработки идей.

Литература

1. Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Под общ. ред. В.С. Степина. – М.: Мысль, 2010. – 605 с.
2. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М., 1992.

3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
4. Уайтхед А.Н. «Наука и современный мир» в сб. «Избранные работы по философии». – М.: Прогресс, 1990.
5. Ляндау В.Л. История развития процессного подхода к управлению // Экономика, Статистика и Информатика. № 6. 2013. С. 65–68.
6. Смирнов А.В. Процессуальная логика и ее обоснование // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 5–17.
7. Шагин А.А. Информационная форма движения материи // Мир современной науки. № 3(25). 2014. С. 89–105, ISSN 2218–6832.
8. Альтшуллер Г.С. Найти идею: Введение в ТРИЗ – теорию решения изобретательских задач. М.: Альпина Паблишер, 2008. – 409 с. – ISBN 9785961421897.
9. Миронов В.В. Философия: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.В. Миронова. – М.: Норма, 2005. – 673 с.
10. Философский энциклопедический словарь / Сост. Л.Ф. Ильичев, [и др.]. – М.: Советская энциклопедия, 1983–840 с.
11. Большая советская энциклопедия / Под ред. А.М. Прохорова. – М.: Мысль. Т. 27, 1977. – 624 с.
12. Морен Э. Метод. Природа Природы. – М.: Канон+, 2013. – 488 с.
13. Малюкова О.В. Технология научного познания: Монография / Малюкова О.В., Матронина Л.Ф. – М.: Проспект, 2021. – 448 с., ISBN 978–5–392–35734–5.

THE FORM OF COGNITION OF THE IDEA

Shagin A.A.

The applied forms of cognition – rational and empirical – are used only in a limited part of scientific knowledge. The absence of a common whole idea of the form of cognition complicates scientific activity.

All the processes of cognition – logic, dialectics, intuition and others – are individually known, the complexity of their application according to the existing theory of cognition lies in the fact that there is no form of their organization.

The purpose of the work is to develop a new form of the generalized concept of the cognition process.

The object of research is the process of cognition as a sequence of processes. The subject of the study is the life of an elementary idea. The research is based on the following methods: getting used to the subject, historicism, vocabulary.

The sequence of processes and states in the form of cognition of the idea is established as follows:

PERSONAL KNOWLEDGE, THE UNKNOWN, DIALECTICS, THOUGHT, INTUITION, IDEA, CREATIVITY, LOGIC, PUBLIC KNOWLEDGE, EDUCATION, PRODUCTION, TURNOVER, WITH-ERING AWAY.

In the article, the goal has been achieved: a generalized representation of the ideological process of cognition is given. Possession of the form of cognition of an idea is useful for any creative activity.

Keywords: idea, thought, cognition, theory of cognition, form, form of cognition, process, dictionary, dialectics.

References

1. A new philosophical encyclopedia. V 4 t. / Pod obshch. red. V.S. Stepina, – М.: Mysl', 2010. – 605 p.
2. Stepin V.S. Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki. – М., 1992.
3. Prigozhin I., Stengers I. Order from chaos: New dialogue of man with nature. – М.: Progress, 1986. – 432 p.
4. Whitehead A.N. "Science and the Modern World" in "Selected Works on Philosophy". – М.: "Progress", 1990.
5. Landau V.L. History of the development of the process approach to management // Economics, Statistics and Informatics. No6. 2013. P. 65–68.
6. Smirnov A.V. Procedural logic and its justification // Voprosy filosofii. 2019. № 2. pp. 5–17.
7. Shagin A.A. Information form of motion of matter // The world of modern science. No 3(25). 2014. P. 89–105. ISSN 2218–6832.
8. Altshuller G.S. Finding an idea: An Introduction to TRIZ – the theory of solving inventive problems. – М.: Alpina Publisher, 2008. – 409 p. – ISBN 9785961421897.
9. Mironov V.V. Filosofiya: Uchebnik dlya vuzov / Pod obshch. red. V.V. Mironova. – М.: Norma, 2005. – 673 p.
10. Filosofskii entsiklopedicheski slovar' / Sost. L.F. Ilyichev, [i dr.]. – М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1983. –840 p.
11. Bolshaya sovetskaya entsiklopediya / Pod red. A.M. Prokhorova. – М.: Mysl. T. 27, 1977. – 624 p.
12. Morin E. Method. Nature of Nature. – М.: Kanon+, 2013. – 488 p.
13. Malyukova O.V. Technology of scientific cognition: Monograph / Malyukova O.V., Matronina L.F. – М.: Prospekt, 2021. – 448 p., ISBN 978–5–392–35734–5.

Взаимодействие духовных традиций протестантизма и православия в России: переосмысление морального аспекта философии Д. Бонхеффера

Болмусов Павел Алексеевич,

аспирант, Национальный Исследовательский мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
E-mail: pabolmusov436@yandex.ru

В статье рассматривается проблема взаимодействия духовных традиций протестантизма и православия в России. Автор приходит к выводу, что движение светского религиозного морализма с XX столетия сосредоточилось на освобождении человека и общества от сдерживающего влияния религиозных норм, которые, по мнению его теоретиков, содержат противоречия, не отражают существующие реалии и могут служить обоснованием действий, противоречащих гуманизму. Отмечается, что особой значимостью в аспекте положения религиозно-социальных традиций духовности России обладает нравственно-регулятивная функция таковых. Как следствие, православное наследие России имеет такое направление воздействия, как «исцеление души человеческой». Отмечается, что данная особенность православной культуры достаточно четко подмечена в трудах российских философов. Оценивается значимость комплексного подхода этих явлений.

Ключевые слова: религия, всеединство, протестантизм, социум, мораль, этика, безрелигиозное христианство.

Введение

Начиная с середины 1980-х годов проявляется интерес к философскому исследованию социальных проблем общества, который был связан с развитием методологии научного социального познания (В.С. Барулин, А.П. Бутенко, Ф.В. Константинов, В.Ж. Келле, В.А. Лекторский, В.Г. Марахов, Л.А. Микешина, Н.В. Мотрошилова, Н.С. Мудрагей, Т.И. Ойзерман, А.И. Ракитов, Н.М. Смирнова, В.С. Стёпин, П.Н. Федосеев, И.Т. Фролов и др.).

Разработка вопросов методологии исследований социальных проблем современного общества была предопределена интересом к пониманию содержания социальных отношений, проявленным И.В. Бестужевым-Ладой, С.С. Батениным, В.В. Гречаным, А.А. Гусейновым, В.Д. Зотовым, А.А. Корольковым, В.М. Межуевым, К.С. Пигровым, Ю.К. Плетниковым, М.Н. Руткевичем, В.Ф. Сержантовым, В.А. Ядовым и др.

В Новейшее время осмысление христианской этической проблематики на Западе развивалось в контексте экзистенциализма (К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.), постмодернизма (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида), концепции антропологии (Г. Као, Б. Оренд, М. Фреемэн), светского морализма (П. Куртц).

Обзор имеющейся литературы позволяет сделать определенный вывод. Исследование идеи гуманизма имеет многовековую историю в этике и философии. Однако, при ее рассмотрении, акцент делался преимущественно на отдельных ее аспектах, касающихся образования, воспитания, духовно-нравственного совершенствования и т.д. При этом сам гуманизм рассматривался как феномен культуры, особое мировоззрение. Вопрос о гуманизме, как об особой морали, целостной этической системе, практически не поднимался.

Методологические основы исследования

Используется совокупность методологических подходов и средств исследования: диалектический, системный, структурно-функциональный, феноменологический подходы, компаративный метод, метод историко-философской реконструкции, метод теоретического конструирования социальной реальности.

Основная часть

Движение светского религиозного морализма с XX столетия сосредоточилось на освобождении человека и общества от сдерживающего влияния религиозных норм, которые, по мнению его теоретиков, содержат противоречия, не отражают существующие реалии и могут служить обоснованием действий, противоречащих гуманизму [5, с. 25–27]. Значительное выражение идея гуманизма получила в экзистенциализме, представ в образе глубинной моральной силы внутреннего преобразования человека,

и в постмодернизме, проявив себя в призывах к культурному диалогу, к отказу от культурного тоталитаризма, в признании ценности любого локального опыта.

Новейший протестантский теолог Дитрих Бонхеффер (1906–1945 гг.) в «Наследовании» (1937 г.), главном труде своей жизни, выступает апологетом Нагорной Проповеди Иисуса Христа как основополагающей нравственной системы. Среди главных добродетелей, которые должен реализовывать христианин, он называет ответственность и самопожертвование [6, с. 184].

Отстаивая приоритет «живой церкви» перед теоретической теологией, он определяет веру как интенцию к мирскому (weltlich), «посюстороннему» [6, с. 188]. Согласно Д. Бонхефферу, главный нравственный критерий мышления – благо ближнего, помещенный, однако, в область трансцендентного [6, с. 185].

В статье «Время молчать» мыслитель, подчеркивая добродетельность молчания, определяет последнее как тишину «...перед Словом Бога», «...ожидание Слова Божия и благословения в нем» [8]. Истинное молчание – слушающее, направленное на восприятие Бога, но не на самоанализ. Аналогичную мысль высказывал католический теолог и философ Ж. Маритен. Сознание современного человека должно быть евангелическим, имеющим характерную особенность: «...оно познает себя, не занимаясь самоанализом...» [6, с. 102]. Д. Бонхеффер утверждает полезность истинного молчания и в плоскости взаимоотношений между людьми. К примеру, время, выделенное на уединение и молчание в семье, способствует сохранению нормального общения между ее членами.

В свою очередь, констатируют Л.Н. Митрохин и В.И. Гараджа, «философская критика религии способствовала развитию самокритики в теологии XX в. (К. Барта, Р. Бульмана, Ричарда и Рейнхольда Нибура, П. Тиллиха, Д. Бонхёффера) и др.» [3, с. 125].

Западноевропейская этическая мысль на протяжении всей истории своего развития уделяла большое внимание идее перфекционизма. При этом ее основной особенностью и, одновременно, большим достижением была глубокая проработка вопроса о конкретных основаниях высшей ценности человека. К числу наиболее значимых таких оснований она отнесла разум человека (его уникальные интеллектуальные и творческие способности), его свободу (наличие у него свободной воли, способности самому делать выбор, создавать самого себя по своему усмотрению) и его способность к совершенствованию (к всестороннему развитию своей личности, к самореализации). Установление данных оснований высшей ценности человека предопределило основное содержание нравственных требований, которые западноевропейская гуманистическая мысль предъявляла человеку – развитие своего разума, достижения и реализации свободы, развитие личности, максимальное раскрытие своего потенциала, самореализацию.

Общей чертой западноевропейских форм идеи гуманизма является их направленность на личность человека, ее защиту и развитие. Русская же православная традиция была наполнена, в пику прометеизму западной культурной и религиозной интенциям развития, эсхатологическим содержанием и философичностью светской и теологической стороны мировосприятия социума. Содержанием русской философии социальной превенции является знание не только о познавательно-теоретическом отношении к человеку и обществу, о практико-ценностном отношении к ним, но и об их связи и взаимосвязи. Особенности строения русской философии социальной традиции определяются поиском адекватных форм таких связей и взаимосвязей. Так кон-

цепция познания социальных явлений Г.Г. Шпета позволила на место «целого» (русская социальная философия) «поставить часть» (русская философия социального будущего) и предпринять попытку, «разграничить области отдельных дисциплин, частью философских» [10, с. 430–438], которые таким образом связаны с исследованием проблем социальной традиции религиозности в обществе.

Идеи человека, выступавшего в качестве высшей ценности, всегда были неотъемлемой частью российской этической мысли. Окончательно эти идеи утвердились уже после принятия христианства, а свое отражение нашли в различного рода нравственных монологах и учениях периода Руси Средневековья, а также в различных светских направлениях гуманистической мысли периода с XVIII века и до первой половины XIX века. В частности, в различных идеалистических, христианских, равно как метафизических учениях нравственного характера, которые датируются второй половиной XIX – началом XX века. Также свое отражение они находят в неортодоксальной советской этической мысли, современном светском гуманизме и в этике русского зарубежья.

Достаточно существенным вкладом этической мысли нашей страны, произведенном в теоретическую разработку проблем, непосредственно связанных с гуманизмом, выступил максимально полный и емкий анализ путей, которые можно применить в целях фактического воплощения идет человека, являющегося высшей ценностью в части отношения человека ко всем иным людям, окружающим его. Пути воплощения подобного рода по праву называли милосердие, обращенность человека к миру, любовь и добродетельность, нацеленность каждого человека на достижение общего блага. Не меньшее внимание также было уделено фактической разработке форм выражения этих ценностей в общей системе общественных отношений, которые свое проявление также находили в единстве. В свою очередь, в качестве ключевого содержания нравственных требований, которые были предъявлены различными российскими формами религиозной этики для всех людей, выступила непосредственно идея высшей ценности человека. В этом аспекте отмечалось, что именно данная идея должна выступать в качестве принципа отношения к людям в целом.

В данном случае нельзя не отметить достаточно яркую полярность позиций, существующих по данному вопросу, что во многом обусловлено многогранностью и сложностью различного рода идеологических, равно как культурных процессов, отражающих религиозную мировую картину. Весьма ясно понимая то, что данная проблема достаточно многоаспектна, в данном исследовании стоит отметить некоторые аспекты изучения проблематики религиозной картины мира, а для иллюстрации будет приведена именно христианская картина мира.

Для русской этической мысли характерно то, что при определении религиозно-эсхатологических характеристик устройства социума в анализ его морально-конфессиональных аспектов бытия не сводится, как к моральной рефлексии детализации условий и роли каждого отдельного вида деятельности, так и к конкретизации социально-психологического отношения индивида к тенденциям социокультурного развития. Русская философия религии раскрывает основные моменты понимания того, как соотносятся общество, культуру и личность с точки зрения эсхатологической составляющей их характеристик и как государство воздействует на характер и направленность социально-нравственной деятельности в обществе.

Социальная традиция русской религиозной философии проявляет себя как социальная практика, которая осуществляется через конкретные способы и технологии. В целом такая практика распространяется на все сферы общества. Раскрытие русскими социальными мыслителями (В.С. Соловьёв, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и др.) смысла и содержания понятия «всеединство» становится методологической основой исследования философии социальной политики как части русской нравственной философии социальной традиции русской религиозности, анализа её логико-теоретических характеристик. В социальной реальности фокусируются различные тенденции развития современного общества при условии, что под социальной политикой понимаются не только механизмы и технологии улучшения морального и социального благосостояния людей в обществе, но, прежде всего, любые целенаправленные и организованные воздействия на отношения между людьми в обществе.

Известно, что религиозной идеал общественной жизни, который нашел свое распространение в отечественной мысли, представляет собой некий цветущий сад «винограда насажденного». Оформление идеи подобного рода произошло еще во времена церковной доктрины, которая сформировалась в период восточной патристики, однако социальная доминанта подобного рода клерикальный характер не носила, но в то же время, она сохранила не только стихийные, но и народные, в том числе, утопические представления о том, каким должно быть общественное устройство мира.

Стоит отметить, что в таком мировом порядке осознание социальной сущности человека не вступало в противоречие со вселенной и находилось с ней в определенной гармонии. Полагаем, что сущность отечественной религиозной особенности осознания человека состоит в понимании образа идеального человека. Действительно, идеалом в этом аспекте представляли весьма гуманистического и во многом приближенного к пониманию сущности человека в период раннего христианства. В этом аспекте можно говорить о том, что это была убежденность в том, что человек вполне может быть подобен святому, подвижнику или герою агиографии.

Стоит отметить, что особую значимость в данном аспекте представляет также нравственно-регулятивная функция религиозно-социальных традиций русской духовности. Так, наследие в этой сфере представлено в основном «исцелением души человеческой» и наличие такой особенности в русской православной культуре достаточно полно и ясно отмечается в исследованиях и трудах отечественной философской мысли. Одновременно с этим, несмотря на тенденции российской конфессиональной культуры, которые были выявлены ранее, ортодоксальная отечественная религиозная традиция является моральной доминантой весьма устойчивого и стройного порядка духовного бытия человека. Как в этом аспекте справедливо отмечал Е.Г. Балагушкин, «религиозная парадигма представляет весьма существенное значение для решения вопроса о том, как сохранить идентичность нашей религиозной традиции» [1, с. 18]

«Культурологические» направления (секулярное и религиозное) формируются как результат признания основой исследования универсальных нравственных принципов. В этом случае воспитание социальной традиции и является следствием достигнутой духовно-нравственной культуры современного общества, а нравственное содержание русской религиозной и социальной философии становится средством обоснования воспитания социальной превенции в современном обществе. Русские социальные и религиозные философы

исходили из того, что положительные начала воспитания человека укоренены в глубинах религиозного сознания и что разрыв этой коренной связи будет иметь самые неблагоприятные последствия для русского общества. Это определяет понимание необходимости воспитания у человека социально-нравственного поведения и осуществления в обществе социальной традиции.

«Научное» (научно-практическое) направление формируется из признания основой исследования принципа сомнения, несовместимого с догматизмом в науке, политике, культуре, социальных практиках. Воспитание в религиозной этической парадигме в таком случае является результатом поиска нового в разрешении этнических, конфессиональных, демографических, социально-экологических, социально-политических и других проблем современного общества.

Религиозное население России на современном этапе развития представлено порядка 65 религиозными конфессиями. Однако фактически их количество намного превышает статистический показатель, так как многие конфессии не регистрируются и функционируют не официально. Известно, что на первом месте по численности, равно как и по влиянию на духовную жизнь страны, находится православие. Так, вместе со старообрядцами такие православные объединения составляют не менее 55% от всех религиозных объединений нашей страны. На втором месте представлены мусульманские объединения, которых насчитывается порядка 16% от общей массы. Затем достаточно крупными религиозными объединениями являются пятидесятничество, католики, Свидетели Иеговы, баптисты, евангельские христиане, иудеи, лютеране и адвентисты.

Также в рамках представленного исследования стоит акцентировать внимание на том, что на современном этапе развития оказывается весьма сильное влияние на общество идеологической атмосферы. Формируется это влияние со стороны различных влиятельных сил, а использование религии ими для достижения политических целей. В советском обществе достаточно длительный период времени можно было наблюдать воинствующий атеизм, который впоследствии сменился атеофобией. На этом фоне, различного рода неверующие и атеисты теперь рассматриваются через призму «мракобесов», которые практически не имеют доступа к СМИ, так как такого доступа их заблаговременно лишили. Однако сегодня также не наблюдаются светские центры по изучению религии, а интерес населения к религии во многом свое удовлетворение находит в том, что люди изучают различные проповеди и недостоверную информацию в СМИ, вместо того, чтобы изучать научные источники, содержащие объективные данные. Одной из заметных тенденций современного социокультурного процесса является проявление значимости локальной культуры в современном глобальное пространство... задача сохранить при это национальный дух [2, с. 242–247].

Христианская нравственная система также нашла свое отражение в святоотеческом предании. В частности, известно, что различные личностные системы христианского культурного созидания обладают уникальными особенностями, однако в общем виде, они имеют единую основу, которая представлены смиренной любовью и софийностью. Также известно, что они эсхатологичны, теоцентричны и обладают иерархической структурой. В общем виде их можно отнести к открытой и сложной системе. Авторами многих современных трудов по религиоведению исследуются этико-эстетические термины и понятия, которые используются в рамках философии, культуры и при изучении религии. Христианская эстетика, этика и в целом мировоззрение – часть

общечеловеческих достижений в области знания, которое может быть использовано при построении нравственной системы современного человека как в нормативном, практическом, так и в культурологических и метаэтическом аспектах.

В первые два века земного бытия Церкви вряд ли можно говорить о достаточно четко оформившихся богословских течениях. Таким образом, языческие традиции во многом поддерживаются воспитанием, так как эта система прямо следовала из мировоззрения, которое было выработано в течение многих веков. Известно, что сменить ее должна была новая система, которая сформирована на основе жизни. Во многом это предопределено тем, что для христианства объективной необходимостью является систематизация всех унаследованных знаний в области философии, а также создание такого духовенства, которое бы обладало познаниями в области теологии. Современный исследователь-религиовед указывает на неоднозначное восприятие западноевропейской традиции религиозности в среде российского православия: «РПЦ воспринимает РКЦ в качестве единственного реального конкурента в религиозной сфере на постсоветском пространстве. Основа этого страха – возможность перехода в католичество значительной части населения СНГ» [2, с. 242–247].

Приходим к выводу, что подъем религиозности, который можно наблюдать на современном этапе развития, представляет собой ничто иное, как изменение миропонимания, а также умов и настроения, что во многом связано с эмоциональной реакцией большинства граждан на различного рода социальные и общественные потрясения, на кризисные явления, которые имеют место в морали, политике, экономике и идеологии. Однако нередко религия выступает в качестве только дани моде, что не позволяет говорить о том, что такая мода и такой культ являются содержательными [11, с. 24].

Анализ основных современных вызовов человеку – возрастания роли масс и связанных с этим угроз глобальных проблем современности, всплеска насилия и терроризма, тенденции к формированию глобальной политической системы, подавляющей личность, и духовного кризиса – показывает, что для эффективного противодействия им, мораль религиозного социума должна сочетать в себе оба исторических типа идеи Руси-России. Для их объединения необходимо обеспечить единство их нравственных требований. Подобный синтез можно осуществить, допустив, что признание необходимости положительного отношения к людям (требование глобалистического типа идеи гуманизма) каким-то образом способствует развитию человеческого разума, реализации его свободы и способности совершенствоваться (требование индивидуалистического типа идеи гуманизма). По словам В.А. Кутырева: «глобальная постиндустриальная цивилизация, приглушая мотивы индивидуализма и эгоизма своих членов, приостанавливая их атомизацию, делает это не через культуру и духовность, а социотехнически, через лишение свободы...» [6, с. 28].

Изучение понятия «религиозная традиция» в рамках основных категорий философской науки явно свидетельствует о том, что в качестве основы анализа подобного рода выступает комплексный подход. Именно этот подход стоит рассматривать через призму методологии исследования феномена, непосредственно связанного с социальной традицией, равно как социально-религиозной деятельностью в рамках современного общества нашей страны. Известно, что отечественная религиозная философия не имеет своей целью заменить ее научное обоснование, более того, она не подвергает анализу различные стороны социальной превенции как

феномена и разновидности деятельности, анализ которой предопределен логикой, а также различными теориями и концепциями научного характера.

Одной из основ содержания «псевдо-религиозности» является утопизм, который противоположен «позитивной» социальной традиции тем, что для него типично сосредоточивать основное, а иногда и исключительное, внимание на внешней стороне социального явления, на том, что находится на поверхности социальных событий, на том, что «схватывается без усилий, как-то даром» [4, с. 315–316]. Другой основой содержания «псевдорелигиозности» является деспотизм. С.Л. Франк считал, что «деспотизм есть лишь практический вывод из догматизма, его моральное отражение и проявление». Единственной подлинной опорой деспотизма оказывается «сознание непогрешимости, дающее право на насильственную опеку» [4, с. 315–316].

Отечественная религиозная философия также выступает в качестве обоснования того, что исторический процесс усложнения всей общественной жизни во многом предопределяет объективную необходимость в том, чтобы создать особые социально-нравственные нормы, равно как систему запретов, понуждений, ограничений и предписаний, равно как санкций социальной направленности, которые необходимы для того, чтобы согласовать поведение человека интересы и потребности общности. Итогом исследования становится утверждение, что поиск всевозможных направлений для русской философии, затрагивающей вопросы морали в рамках современного общества, порождает не только методологический интерес, но и интерес теоретический и мировоззренческий.

Очень часто в трансформируемом и некогда традиционалистском социуме идеологические акторы прибегают к фокусированию социального внимания на образ врага. По словам К. Клакхона «в случаях, когда безопасность индивида, равно как сплоченность целой группы начинает находиться под угрозой, все и всегда начинают искать «козлов отпущения», что объединяет все слои населения страны. При этом для отечественной цивилизационной традиции весьма характерен мессианский посыл осознания того, насколько значимо бытие России» [4, с. 166].

Возможность реализации этого сценария открывает изучение собственных условий глобального общества и требований, предъявляемых ими к психологическим способностям человека. Оно позволяет сформулировать этическую концепцию светской конфессиональной культуры, как особой модели восприятия людей и отношения к ним, основанной на признании их высшей ценности и способствующей развитию у человека эмпатии и, с ее помощью, культурного интеллекта. Развитие этой, последней способности представляется высшим благом для человека и общества в условиях глобальности, поскольку позволяет человеку эффективно ориентироваться и действовать в них, настраивает его на конструктивные отношения с другими людьми и, тем самым, может способствовать сохранению внутренней стабильности самого глобального общества.

Литература

1. Балагушкин Е.Г. Проблемы морфологического анализа религий. – М.: ИФРАН, 2003. – 218 с.
2. Беломоева О.Г. традиция в контексте взаимодействия локального и глобального Саранск, 2012. – 247 с.
3. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. Изд

- 2-е. испр. доп. – М.: нов. Литературное обозрение, 2006. – 656 с.
4. Клакхон К.К.М. Зеркало для человека: Введение в антропологию / пер. с англ. Панченко А.А. – СПб.: «Евразия», 1998. – 352 с.
 5. Куртц П. Запретный плод: Этика гуманизма. М., 2002. – С. 25–27.
 6. Кутырев В.А. Человек и иное: борьба миров / В.А. Кутырев. – СПб.: Алетейя, 2009. – 264 с.
 7. Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Республика, 1995. – С. 239.
 8. Мочалов Е.В. Антропологические темы в философии всеединства России XIX–XX вв. – Н.-Новгород, 2002. – С. 29.
 9. Россман В. О философии континентальной и аналитической и об интеллектуальной многоукладности // *Вопр. философии*. 2002. – № 11. – С. 106–123.
 10. Шпет Г. Философия и история // *Вопросы философии и психологии*. 1916. – № 4 (134). С. 430, 432, 438.
 11. Хантингтон Самуэль. Столкновение цивилизаций / Самуэль Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 511 с.
 12. Франк Л.С. Философские предпосылки деспотизма // *Русская мысль*. 1907. – Кн. III. – С. 95–109.
 13. Белфор Э. Аудит культуры: субсидируемый культурный сектор в новом государственном управлении // *Международный журнал культурной политики*. 2004. – Том 10. № 3. – С. 281–299.

THE INTERACTION OF THE SPIRITUAL TRADITIONS OF PROTESTANTISM AND ORTHODOXY IN RUSSIA: RETHINKING THE MORAL ASPECT OF THE PHILOSOPHY OF D. BONHOEFFER

Bolmusov P.A.

National Research Mordovian State University N.P. Ogareva

The article deals with the problem of interaction between the spiritual traditions of Protestantism and Orthodoxy in Russia. The author comes to the conclusion that the movement of secular religious moralism since the 20th century has focused on the liberation of man and society from the restraining influence of religious norms, which, according to its theorists, contain contradictions, do not re-

flect existing realities and can serve as a justification for actions that are contrary to humanism. It is noted that the moral and regulatory function of such has a special significance in terms of the position of the religious and social traditions of the spirituality of Russia. As a result, the Orthodox heritage of Russia has such a direction as the “healing of the human soul”. It is noted that this feature of the Orthodox culture is quite clearly noted in the works of Russian philosophers. The significance of an integrated approach to these phenomena is assessed.

Keywords: religion, pan-unity, Protestantism, society, morality, ethics, non-religious Christianity.

References

1. Balagushkin E.G. Problems of morphological analysis of religions. – М.: IFRAN, 2003. – 218 p.
2. Belomoeva O.G. tradition in the context of local and global interaction Saransk, 2012. – 247 p.
3. Mitrokhin N. Russian Orthodox Church: current state and current problems. 2nd edition. corrected add. – М.: new. Literary Review, 2006. – 656 p.
4. Klakhohn K.K.M. Mirror for Man: An Introduction to Anthropology / transl. from English. Panchenko A.A. – St. Petersburg: “Eurasia”, 1998. – 352 p.
5. Kurtz P. Forbidden Fruit: The Ethics of Humanism. М., 2002. – С. 25–27.
6. Kutyrev V.A. Man and the other: the struggle of the worlds / V.A. Kutyrev. – St. Petersburg: Aleteyya, 2009. – 264 p.
7. Tillich P. Favorites. Theology of culture. М.: Respublika, 1995. – С. 239.
8. Mochalov E.V. Anthropological themes in the philosophy of the unity of Russia in the XIX–XX centuries – N.-Novgorod, 2002. – P. 29.
9. Rossman V. On the philosophy of continental and analytical and on intellectual multiformity // *Vopr. philosophy*. 2002. – No. 11. – S. 106–123.
10. Shpet G. Philosophy and history // *Questions of philosophy and psychology*. 1916. – No. 4 (134). pp. 430, 432, 438.
11. Huntington Samuel. Clash of Civilizations / Samuel Huntington; per. from English. T. Velimeeva. – М.: AST: Astrel, 2011. – 511 p.
12. Frank L.S. Philosophical premises of despotism // *Russian Thought*. 1907. – Prince. III. – S. 95–109.
13. Belfore E. Auditing Culture: the subsidized cultural sector in the New Public // *Management International Journal of Cultural Policy*. 2004. – Vol.10. No. 3. – P. 281–299.

Признаки устойчивости современного политического режима в России

Потапов Денис Викторович,

аспирант Института социально-политических исследований
РАН
E-mail: dvpw@yandex.ru

В статье анализируются признаки устойчивости современного политического режима в России, что актуально, ввиду настоящего внешнего давления на Российскую Федерацию. Целью статьи стало не только выделение группы признаков политического режима, но и обоснование их устойчивости. Использовались методы статистического, исторического анализа. Результатом полученных данных явились выводы о том, что политический режим в России устойчив как к внешнему давлению, так и к внутренним проблемам. Снижает устойчивость современного политического режима нерешенность социально-политических вопросов и низкий уровень жизни большинства населения страны, управление которыми сформировалось еще в годы приватизации.

Ключевые слова: политический режим, устойчивость политического режима, политическое давление.

Признаки устойчивости политического режима в России приобретают не просто значимость в сегодняшнее время, а становятся одним из критических вопросов в политической науке, так как Россия стоит перед мировым вызовом: будет существовать страна в настоящем качестве, или нет. Суть политического мирового вызова заключается в желании полной ликвидации принципа государственного суверенитета России, а также в превращение России в экономический придаток международных монополий, в снижении роли российской культуры. Первыми жертвами этого античеловечного эксперимента стали Украина и Россия. «Социологический и политологический анализ процессов в российском обществе показывает, что в ходе рыночных реформ столкнулись две логики действий: логика ортодоксального либерализма “господства над природой”, войны с природой ради искоренения бедности во имя богатства и новая логика козволюции и баланса взаимодействия человека, общества и природы. В российском обществе и государстве идет медленный процесс осознания приоритетов и целей устойчивого развития, продолжается процесс социализации государства и этатизации общества» [1]. В этой связи, механизм современного политического режима целесообразно рассматривать с точки зрения признаков устойчивости политического режима: 1) наличия политических ресурсов; 2) структурных ограничений; 3) агентов, с точки зрения принадлежности к возможностям устойчивости политического режима; 4) аксиологических признаков (культурные коды, ценности и нормы). Под признаками устойчивости политического режима понимается совокупность средств, применение которых обеспечивает возможность представителям власти осуществлять определяющее воздействие на деятельность и поведение населения страны, с целью реализации государственных решений.

Наличие политических ресурсов

Россия является показательным примером существования «латентных структур и связей, где опорой правящего режима выступают не официальные институты государственной власти, а скрытые элитарные коалиции» [2]. Власть корпоративных кланов и групп контролируют развитие страны в сферах и направлениях государственной политики, по всем направлениям: силовому, политическому, техническому, предпринимательскому и административному. «В сложившемся государственно-корпоративном капитализме в России доминируют крупные формы бизнеса, которым государство оказывает преференции в обмен на политическую поддержку. Примечательно также то, что большинство крупнейших российских компаний воспроизводят сложившуюся в правящем режиме клиентарно-патронажную систему коммуникаций, а их внутренняя деятельность осуществляется по квазифеодальной правилам и определяется противоборством кланов, стоящих за членами правления» [3].

Ресурсы были переведены на кланы еще в 90-х под предлогом отмежеваться от коммунистической партии.

Главным противоречием того периода было противостояние между либерально-индивидуалистическими приоритетами и коллективизмом; между рыночной экономикой и социализмом; между либерализмом и демократией. В результате в политических ресурсах присутствуют политико-финансовые кланы, которые обладают всем: собственным финансово-промышленным потенциалом, охраняемыми и частными военными службами безопасности, а также средствами СМИ.

Поэтому захват ренты в виде активов в 90-е видится гораздо важнее любых политических, социальных и экономических аргументов «перехода» и построения «демократии» в России. В 2004 г. вышел доклад Счетной Палаты РФ «Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы» [4], который готовился для Государственной думы, но так и не был там обсужден. «Среди наиболее распространенных и характерных нарушений, имевших место в деятельности органов исполнительной власти в ходе приватизации государственной собственности в 1993–2003 гг., следующие: превышение органами исполнительной власти установленных законодательством полномочий в сфере распоряжения государственным имуществом; невыполнение органами исполнительной власти своих непосредственных обязанностей в сфере приватизации; необоснованное занижение цены продаваемых государственных активов, притворность конкурсов и низкая результативность продаж; отсутствие внешнего независимого контроля предприватизационной подготовки государственных активов и результатов приватизационных сделок; коррупция в органах власти, отсутствие системы противодействия криминалу в сфере приватизации» [4]. Анализ бюджетных заданий и их фактического исполнения программы приватизации показал, что исполнение бюджетных заданий колебалось от 6,7% (в 1996 г.) до 447,6% (в 1997 г.). В результате российская казна, в пересчете на доллар США, получала в год менее 1% дохода (рис. 1).

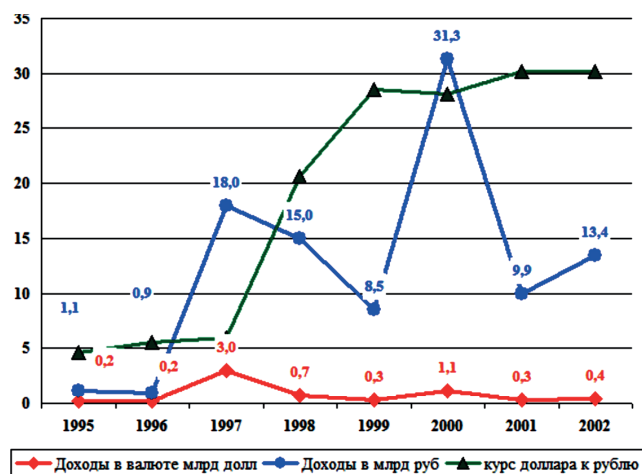

Рис. 1. Доходы от приватизации в Российской Федерации за период 1995–2002 гг. (%) [4]

Таким образом, к 2002 г. страна была разграблена из-за проведенной приватизации, и сформирован олигархический клан, тесно сросшийся с исполнительной властью. Но разрешение непрерывно возникающих противоречий между кланами было вопиюще неэффективным. В результате в 1998 году их финансово-экономическая политика привела к дефолту по государственным ценным бумагам – Россия больше не могла выплачивать проценты по государственным казначейским обязательствам, продажа которых к тому времени стала едва ли не основным источником пополнения бюджета.

В политическом ресурсе начало правления В. Путина было достаточно жёстко ограничено. Парадокс и драматизм начала 2000-х годов в России заключался в том, что цели дальнейшей демократизации не соответствовала функционалу российской политической системы, которая институционально и процедурно согласовывалась с режимом вертикали исполнительной власти. В. Путин предсказуемо начал с того, что, по мере возможности, стал назначать на должности глав государственных корпораций и высшие государственные посты людей, которых он лично знал и, в той или иной степени, доверял. Доминирующим фактором в отборе кандидатов, приглашаемых на высшие государственные позиции, стало доверие со стороны президентской администрации и спецслужб. Выстроив внутренние вертикали, только в 2007 г. В. Путин перешел на внешнеполитическую стратегию: в речи на Мюнхенской конференции ясно дал понять, что поставлена точка на однополярном мире: «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна... Вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывается другим государствам... Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня» [5]. То есть, политическая рента для В. Путина – это широкое понимание различных механизмов внутри страны и на внешних контурах. Работа этих механизмов медленная – это один из ключевых факторов устойчивости политической системы в России. В 2022 г. на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай Путин произнес: «Вы знаете, я всегда верил и верю в силу здравого смысла. Потому убеждён: рано или поздно и новым центрам многополярного мироустройства, и Западу придётся начать равноправный разговор об общем для нас будущем, и чем раньше, тем лучше, разумеется» [6].

Структурные ограничения политического режима

Жизнеспособность политического режима складывается из ряда условий: 1) лидер и его способности, 2) боеспособность режима, 3) социально-экономическое положение в стране, 4) уровень социальной напряженности, 5) масштаб коррупции, 6) наличие антиправительственной коалиции, 7) настроения в армии. Рассмотрим эти структурные ограничения более подробно.

Для российских граждан президент В. Путин – «это сначала личность, лидер, а уже потом – роль. Именно личность политика, наличие лидерского потенциала и политической воли, коммуникативных и профессиональных компетенций обуславливают его восприятие как президента. Масштаб личности В.В. Путина, его самостоятельность, определенная жесткость, сдержанность и уверенность в себе – вот ключевые личностно-психологические характеристики, которые высоко оценивают граждане» [7]. Боеспособность политического режима определяется наличием достаточных ресурсов, мобилизация которых создает необходимые условия для защиты государства. Боеспособность политического режима является результатом руководства В. Путина и военного руководства страны. СВО стало критерием боеспособности российского государства и показала высокие результаты, так как страна успешно в военных действиях противостоит десяткам зарубежных государств. Уровень социальной напряженности в стране низкий и по опросу ВЦИОМ уровень протестного напряжения

маловероятен в 82% [8]. Наличие антиправительственной коалиции не наблюдается, так как большинство населения страны поддерживает высшее руководство и социально-экономическую политику, но, к новым выборам 2024 г. ситуация может измениться. Настроения в армии соответствуют процессу мобилизации и проведению СВО. Одним словом, теоретическая емкость жизнеспособности российского политического режима в настоящее время в свете перечисленных структурных возможностей выглядит достаточно устойчиво. Самым слабым звеном остается социально-экономическое положение большей части населения страны. Эксперты Центра стратегических разработок (ЦСР), оценивали «на тройку» реализацию большинства социально-экономических проектов «Стратегии 2020». Как было отмечено, «каждая из предложенных мер была реализована лишь на 29,5%, что говорит о формальном отношении органов исполнительной власти».

Низкое социально-экономическое положение населения сопровождается коррупцией, борьба с которой формулируется, но на деле факты говорят о другом. Так, 2021 г. по статье УК РФ 204, «Ответственность за коммерческий подкуп» осуждено 266 человек, из них ограничены в свободе 2 человека, остальные получили условное наказание или штраф. В 2020 г. по этой же статье было осуждено 190 человек с лишением свободы 1 человека, остальные получили условное наказание или штраф [9]. По данным МВД в первом полугодии 2022 г. выявлено на 2,2% больше коррупционных деяний по сравнению с 2021 г. [10]. То есть, наблюдается рост коррупции и в общей статистике, где, по понятным причинам, присутствуют далеко не все коррупционеры, так как различные коррупционные тендерные схемы, личные связи в подрядах не попадают в такую статистику. Кроме прочего, в соответствии с таким применяемым наказанием, когда за коррупцию ограничение свободы получает только 0,75% от совершивших преступление, коррупция вряд ли сократится. Есть много примеров успешной борьбы с коррупцией в других странах, но в России, как показывает статистика, пока другая политика с коррупцией.

«Единая Россия» во все годы позиционирует себя как социальная партия. «Единая Россия – это прежде всего партия социальной направленности. Об этом говорят законопроекты, которые вы вносите, поддерживаете на федеральном и региональном уровне, а также инициативы граждан, волонтерских, экологических, правозащитных, других объединений, которые получают содействие партии Единая Россия» [11]. И в этом отношении, действительно с 2000 г. несколько улучшилась социально-экономическое положение населения. В 2000-х гг. произошло увеличение реальных доходов населения, а также снижение доли населения, живущего ниже уровня бедности по официальной статистике (с 29% в 2000 г. до 11% в 2009 г.). В 2018 г. доходы населения выросли на 1,1%; в 2019 г. – рост на 1,7%. И только в 2020 г. доходы населения стали снижаться из-за пандемии. Но в реальном исчислении суммы заработной платы остаются низкими и в 2022 г.: средняя заработная плата – 55 592 руб.; медианная заработная плата – 40 000 руб.; модальная заработная плата составляет всего – 30 000 руб. Хуже всего обстоят дела у пенсионеров: средний размер пенсии по России в 2022 г. составил – 16 884 руб., когда прожиточный минимум в 2022 г. для неработающих граждан составляет 13 919 руб., для трудоспособного населения – 15 172 руб. Средний размер пенсий в 2023 г. для неработающих пенсионеров вырос до 21 864 рублей. Пенсии проиндексированы на 4,8%, а инфляция выросла за 2022 г. на 12% [12].

При этом, даже во время специальной военной операции (СВО) по данным Центрального банка в 2022 г. активно растут негосударственные активы коммерческих банков и прочих резидентов страны, но не государственные активы (рис. 3). Конечно, во время СВО сложно выделять финансирование на социально-экономические программы, но тем более возникает вопрос, почему в 2022 г. активно растут финансовые активы частных структур и коммерческих банков? Рост финансовых активов коммерческих банков и прочих резидентов по данным Банка России в 2022 г. только за I полугодие по сравнению с 2021 г. составил 57,8 млрд долл., рис. 2.

Рост финансовых активов в I полугодии 2022 года составил 57,8 млрд долларов США.

Чистое приобретение финансовых активов резидентами по секторам экономики в I полугодии 2015–2022 годов, млрд долларов США

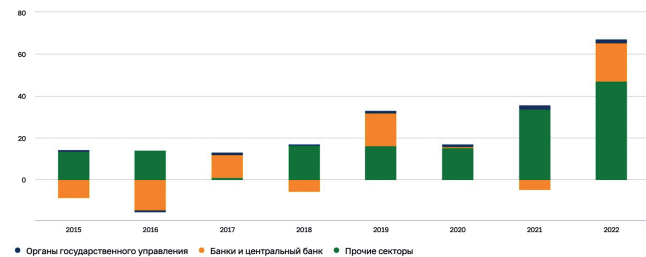

Рис. 2. Приобретение финансовых активов резидентами России (2015–2022) [13]

Можно заключить, что из структурных ограничений семи признаков устойчивости для политического режима только социально-экономическое положение населения страны представляет риски, что свидетельствует о достаточно устойчивом политическом режиме в стране. В дополнении к соображениям политической экономики, высокий начальный уровень неравенства между олигархами и населением, а также необратимость всех проводимых реформ, которая базируется на управляемой демократии, приводит к длительной политической устойчивости власти.

Агенты с точки зрения принадлежности к возможностям устойчивости политического режима

Соловьев А.И. указывает, что «...теоретическая емкость публичной политики, понимаемой в качестве одного из секторов пространства завоевания и применения власти, позволяет увидеть в ее теле не только конфликт частного и общественного, но и противоречие открытых и скрытых механизмов достижения политическими акторами своих властно значимых интересов» [14]. Социологи связывают политический режим со способами рационализации. Желания политической и бюрократической элиты общества изначально, ни в 90-х, ни в 2000 – х, ни в 2020–2022 гг. не были нацелены на развитие демократических институтов.

Высшее российское руководство продемонстрировало «неспособность пожертвовать частью своих привилегий ради сохранения государства, из-за распротранившейся среди них иллюзии возможности легко интегрироваться в мировое сообщество и стать равноправными членами мировой финансово-политической элиты. Они предпочли пожертвовать значительной частью суверенитета и политической субъектности своей большой страны. Главной особенностью процесса принятия решений стал абсолютно неформальный характер регулирования интересов олигархов посредством личных отношений и связей. В отношении акторов, президент «никому

не мог доверять, ему не на кого было положиться, такая система управления сохраняется и в момент проведения СВО. Свою властную вертикаль и аппарат управления ранее он был вынужден создавать с нуля – как резидентуру разведки на территории враждебного государства, опираясь на узкий круг бывших коллег» [15]. С началом СВО такое управление показало, что исполнительное руководство на местах не может самостоятельно принимать решения. Это сказалось сразу на всем: на плохом обеспечении фронта самым необходимым: обмундированием (нехватки теплых и удобных вещей), подвозом горюче-смазочных материалов, доставкой снаряжения из России в Украину, таможенных препятствий, которые до сих пор не до конца решены. Не брали на себя инициативу и региональные власти. И только с 21 октября с Указа Президента России «О создании Координационного совета при правительстве по обеспечению потребностей силовых ведомств» медленно стали исправляться ошибки в системе исполнительной власти, связанные с обеспечением СВО. Координационный совет был организован в целях взаимодействия федеральной исполнительной власти и регионов при решении вопросов, связанных с обеспечением в ходе СВО. И только тогда региональные власти получили возможность проявлять инициативу. Но на ноябрь 2022 г. руководство ЛНР сообщает, что до сих пор на передовой не хватает необходимого обмундирования, мобильных небольших автомобилей, грузовиков для подвоза оружия и приходится использовать ГАЗ выпуска 60-х годов, которые без конца выходят из строя. Поэтому можно заключить, что, сформировавшаяся за годы перестройки и во времена правления В. Путина, система расстановки агентов с точки зрения принадлежности к возможностям устойчивости политического режима была эффективна только до начала СВО.

Аксиологические признаки политического режима (культурные коды, ценности и нормы)

Природа ценности, их реальность и структура политических событий связаны с традициями социально-политических отношений и политическим интересом своего носителя. Реальность политических событий, как возможность их практического воплощения связана с тем, что в политических режимах в процессе формирования традиций социально-политических отношений возникают ситуации, когда используются исторические модели и образцы поведения, которым может быть сто и более лет. Этот факт подтверждает Президент России В. Путин, возвращаясь в своих речах к Петру I, Достоевскому, Зиновьеву, Солженицыну и другим личностям в истории [16]. Таким образом, ценностной функцией сохранения политической системы выступает социальная легитимация режима на основе исторических событий. Другой ценностной функцией становится функция социально-исторической коммуникации, так как традиции выступают частью сохранения политического режима. И в данном случае исторические традиции социально-политических отношений играют значительную роль в ситуации глобального кризиса политического действия, в который втянута Россия, выступая в значении традиционных норм и установок, которые ранее выступали только механизмом саморегуляции внутриварового поведения. Теперь эти установки достаточно успешно работают на внешнюю политику.

Такая социальная легитимация режима на основе исторических событий ярко проявилась и в поправках к Конституции РФ. «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков,

передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [17]. Институт президентской власти остается сильным, ослабляется только возможность его долгосрочного персонального удержания за счет нормы о том, что одно лицо не может быть главой государства более двух сроков.

Историческим продолжением культурных кодов, ценностей и норм является речь Президента на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 2022 г.: «История, безусловно, всё расставит на свои места и отменит не величайшие произведения общепризнанных гениев мировой культуры, а тех, кто сегодня почему-то решил, что вправе этой мировой культурой распоряжаться по своему усмотрению. Самомнение у таких деятелей, что называется, зашкаливает, вот только имён их через несколько лет никто даже и не вспомнит. А Достоевский будет жить, как и Чайковский, Пушкин, – как бы кому этого ни не хотелось.» [18]. Поэтому СВО ставит во главу угла возвращение России к ее predetermined судьбе как «великой державы», которая не позволит у своих границ постоянно усиливать напряженность.

Таким образом, признаки устойчивости политической системы в современной России – это широкое понимание различных механизмов внутри страны и на внешних контурах. Из структурных ограничений признаков устойчивости для политического режима только социально-экономическое положение населения страны представляет риски. Сформировавшаяся за годы перестройки и во времена правления В. Путина, система расстановки агентов с точки зрения принадлежности к возможностям устойчивости политического режима была эффективна до начала СВО, поэтому не с февраля 2022 г., а только с осени 2022 г. административная машина стала эффективно работать на производство мобилизационных ресурсов. Применяемые возможности, с точки зрения рамок, культурных кодов, ценностей и норм в России для объяснения принципов современного политического режима остаются прежними, опираясь на проверенные методы социально-исторической коммуникации, проявления мессианской направленности России, усиливающимся авторитаризмом политического процесса, что помогает России справляться с внешним давлением.

Литература

1. Левашов В.К. Гражданское общество и правовое государство: диалектика и динамика взаимодействия // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. № 2 (34). [Электронный ресурс URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-i-pravovoe-gosudarstvo-dialektika-i-dinamika-vzaimodeystviya>, дата обращения: 15.02.2023].
2. Миллер Т.В. Роль латентных структур в процессе принятия политических решений. Роль латентных структур в процессе принятия политических решений: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Миллер Татьяна Викторовна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2017. – 36 с.
3. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 11–12

4. «Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы, Доклад Счетной палаты, 2004. [Электронный ресурс URL https://www.lifeofpeople.info/LibraryOwnData/Conspect/17_3_20_s2_1.pdf, дата обращения 20.01.2022].
5. Речь В. Путина на Мюнхенской конференции 2007 г. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>
6. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69695>, дата обращения 30.10.2022].
7. Селезнёва А.В. Образ Президента России ВВ Путина в сознании российских граждан. Русская политология. 2018(2 (7)):4–11
8. ВЦИОМ. Общественный протестный потенциал, опрос февраль 2023. [Электронный ресурс: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial>].
9. Статистические данные о назначенном наказании по статьям УК [Электронный ресурс: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/ug/t/14/s/17>, дата обращения 25.10.2022].
10. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июль 2022 года [Электронный ресурс: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/31904956>].
11. Выступление Президента РФ Владимира Путина на пленарном заседании XX Съезда партии «Единая Россия», июнь 2021. [Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65886>, дата обращения 20.10.2022].
12. Данные Минтруд России. <https://mintrud.gov.ru/docs/2244>. дата обращения 20.01.2022].
13. Банк России. [Электронный ресурс: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/p_balance, дата обращения 20.01.2022].
14. Соловьев А.И. Латентный функционал публичной политики. Политическая наука. 2022(3):57–79.
15. Катасонов В. Путин из-за пенсионной реформы могут отстранить с поста президента // Политэксперт, 06.09.2018 URL: <https://zen.yandex.ru/media/politexpert/valentin-katasonov-putina-izza-pensionnoi-reformy-mogut-otstranit-s-posta-prezidenta-5b90a69b23420100aaa08c11>, дата обращения 20.01.2022].
16. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27.10. 2022. [Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69695>, дата обращения 01.11.2022].
17. Полный текст поправок в Конституцию: за что мы голосуем? [Электронный ресурс: <http://duma.gov.ru/news/48045/>, дата обращения 20.09.2022].
18. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27.10. 2022. [Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69695>, дата обращения 20.01.2022].

SIGNS OF STABILITY OF THE MODERN POLITICAL REGIME IN RUSSIA

Potapov D.V.

Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences

The article analyzes the signs of stability of the modern political regime in Russia, which is relevant in view of the current external pressure on the Russian Federation. The purpose of the article was not only to single out a group of signs of a political regime, but also to substantiate their stability. Methods of statistical and historical

analysis were used. The result of the obtained data was the conclusion that the political regime in Russia is resistant to both external pressure and internal problems. The stability of the modern political regime is reduced by the unresolved socio-political issues and the low standard of living of the majority of the country's population, the management of which was formed back in the years of privatization.

Keywords: political regime, stability of the political regime, political pressure.

References

1. Levashov V.K. Civil society and the rule of law: dialectics and dynamics of interaction // Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2014. No. 2 (34). [Electronic resource URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-i-pravovoe-gosudarstvo-dialektika-i-dinamika-vzaimodeystviya>, accessed 15.02.2023].
2. Miller T.V. The role of latent structures in the process of making political decisions. The role of latent structures in the process of making political decisions: Abstract of the thesis. ... candidate of political sciences: 23.00.02 / Miller Tatyana Viktorovna; [Place of protection: Mosk. state un-t im. M.V. Lomonosov]. – Moscow, 2017. – 36 p.
3. Afanasiev M.N. Clientelism and Russian statehood. M.: Moscow Public Scientific Fund, 2000. P. 11–12
4. «Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation for the period 1993–2003, Report of the Accounts Chamber, 2004. [Electronic resource URL https://www.lifeofpeople.info/LibraryOwnData/Conspect/17_3_20_s2_1.pdf, accessed 20.01.2022].
5. Speech by V. Putin at the Munich Conference 2007 <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>
6. Meeting of the Valdai International Discussion Club [Electronic resource: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69695>, accessed 10/30/2022].
7. Selezneva A.V. The image of the President of Russia VV Putin in the minds of Russian citizens. Russian political science. 2018(2(7)):4–11
8. VЦИОМ. Public protest potential, survey February 2023. [Electronic resource: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial>].
9. Statistical data on the punishment imposed under the articles of the Criminal Code [Electronic resource: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/ug/t/14/s/17>, accessed 25.10.2022].
10. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-July 2022 [Electronic resource: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/31904956>].
11. Speech by the President of the Russian Federation Vladimir Putin at the plenary session of the XX Congress of the United Russia party, June 2021. [Electronic resource: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65886>, accessed 20.10.2022].
12. Data from the Ministry of Labor of Russia. <https://mintrud.gov.ru/docs/2244>. accessed 20.01.2022].
13. Bank of Russia. [Electronic resource: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/p_balance, accessed 20.01.2022].
14. Solovyov A.I. Latent functionality of public policy. Political science. 2022(3):57–79.
15. Katasonov V. Putin may be removed from the post of president due to pension reform // Poliexpert, 09/06/2018 URL: <https://zen.yandex.ru/media/politexpert/valentin-katasonov-putina-izza-pensionnoi-reformy-mogut-otstranit-s-posta-prezidenta-5b90a69b23420100aaa08c11>, accessed 01/20/2022].
16. Meeting of the Valdai Discussion Club 27.10. 2022. [Electronic resource: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69695>, accessed 01.11.2022].
17. Full text of amendments to the Constitution: what are we voting for? [Electronic resource: <http://duma.gov.ru/news/48045/>, accessed 20.09.2022].
18. Meeting of the Valdai Discussion Club 27.10. 2022. [Electronic resource: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69695>, accessed 20.01.2022].

Политические партии Великобритании как институт электорального рекрутирования и продвижения правящих элит

Уткина Мария Феликсовна,

преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО
МИД России

E-mail: utkina.m.f@my.mgimo.ru

Рекрутирование политической, в частности, парламентской элиты является одной из основных функций политических партий, от успешной реализации которой зависит возможность партии прийти к власти. В Великобритании Вестминстерская система управления государством способствовала превращению партий в важнейший институт рекрутирования политической элиты. Цель исследования – изучить процедуры отбора парламентских кандидатов и кандидатов на пост лидера партии, дать оценку демократичности и транспарентности селекции, определить, какими характеристиками, как правило, обладают фавориты в избирательных кампаниях. Заключается, что существуют два параллельных процесса, в ходе которых партии, с одной стороны, рекрутируют кандидатов в необходимый кадровый резерв, а, с другой стороны, продвигают нужных кандидатов. При этом партийное рекрутирование в пул политической элиты отличается открытостью процедуры, в то время как для процесса продвижения кандидатов присущи такие характеристики как патронаж, фаворитизм, наличие у кандидата существенного социального капитала.

Ключевые слова: Великобритания, политические элиты, рекрутирование элит, политические партии, консерваторы, лейбористы, выборы.

В своем крупном исследовании трансформации партийной системы Великобритании Ал.А. Громько отмечал, что «в подавляющем большинстве случаев исполнительные и законодательные органы власти формируются из представителей ведущих партий страны. В их рядах воспитываются будущие депутаты местных и региональных органов власти, центрального парламента, члены правительства» [1].

Институциональный дизайн политической системы Великобритании способствовал превращению политических партий в институт электорального рекрутирования правящих элит. Суть Вестминстерской модели управления государством заключается в том, что партия, набравшая на выборах относительное большинство голосов, формирует правительство, а ее лидер, как правило, становится премьер-министром. Проигравшая партия формирует «теневой кабинет» официальной оппозиции, члены которого выступают на парламентских прениях в качестве оппонентов действующих министров. Таким образом, значительная часть политической элиты Великобритании, в частности, премьер-министры и члены правительства Его Величества и теневого правительства, которые являются членами Палаты общин, проходят «партийный селекторат».

В ходе процедуры избрания многие политики, претендующие на роль депутата парламента, лидера партии, или Премьер-министра, становятся узнаваемыми, рейтинги их популярности возрастают, что во многом способствует развитию политической карьеры.

В Великобритании существует довольно единообразная вертикальная система партийного рекрутирования: из партии – в местные органы власти, затем в кулуары Вестминстера (так называемые «заднескамеечники») и, наконец, в министерство, так как большинство членов парламента стремятся стать министрами или теньевыми министрами [10]. Централизованный характер власти в британской политической системе означает, что политики, стремящиеся к успешной карьере, не могут обойти институт Палаты общин. Лишь немногие переходят из Европейского парламента в Вестминстер, или наоборот. Государственные служащие, судьи и большинство лиц, занимающих государственные должности, лишены права баллотироваться в парламента, поэтому стратегический расчет для британских политических кандидатов ограничен – они могут попытаться продвинуться по вертикальной лестнице внутри своей партии или остаться на месте, других вариантов практически нет.

Все члены кабинета министров и кабинета оппозиции избираются из парламента, как правило, из Палаты общин. Следовательно, за исключением назначаемых (life peers) или наследственных пэров (hereditary peers) для успешной политической карьеры и доступа к высшим государственным должностям в Великобритании потенциальному претенденту необходимо быть отобранным партийным селекторатом для участия в выборах избирательном округе. Самый талантливый и амбициозный британский политик может никогда не получить другой возможности продвинуться вверх по карьерной лестнице, если он не будет утвержден партией на выборах в выигрышном избирательном округе, где она поль-

зуется большей популярностью (safe seat). Если этого не произойдет, он потеряет свой избирательный округ в результате изменения границ округа или будет вытеснен из избирательного участка, где его партия имеет незначительное большинство голосов (маргинальные места) в результате электоральной активности в поддержку другой партии.

Стоит разграничивать исследования роли политических партий в вопросах воспроизводства политических элит. Во-первых, политические партии могут быть рассмотрены как канал рекрутирования, во-вторых, партии могут исследоваться как канал продвижения политиков. Если рассматривать партии как канал рекрутирования политических элит, то они предстают достаточно демократическим и меритократическим институтом, чего нельзя сказать о партиях в качестве канала продвижения.

В качестве канала рекрутирования, политические партии – это достаточно понятный, традиционно укоренившийся в политической системе Великобритании институт. Вступить в политическую партию может любой желающий, заплатив необходимый членский взнос. Кроме того, существуют многочисленные ответвления политических партий, служащие пулом для рекрутирования – аффилированные группы и молодежные ответвления партии, такие как Young Labour (Молодые лейбористы) или Young Conservatives (Молодые консерваторы). В случае Лейбористской партии важную роль играют профсоюзы, которые имеют право голоса при избрании лидера партии (Профсоюз работников связи, Национальный союз шахтеров, Community, Unite и другие).

Во многих престижных британских университетах в качестве пула для рекрутирования функционируют партийные ассоциации. Многие Премьер-министры начинали собственную карьеру именно со вступления в специальный союз или отделение партии при университете. В 1946 г. Маргарет Тэтчер стала председателем Ассоциации Консервативной партии Оксфордского университета. Джереми Хант, бывший министр иностранных дел Великобритании и действующий министр финансов, также увлекся политикой во время учебы в университете. Он был активным членом Консервативной ассоциации Оксфордского университета и стал ее президентом в 1987 году. Политическая карьера Бориса Джонсона началась в Оксфорде, когда он был избран президентом университетского союза.

Следовательно, в университетах политические партии «убивают одним выстрелом двух зайцев» – с одной стороны, готовят к политической карьере с юного возраста, с другой стороны, так обеспечивается преемственность элит – в университетах (особенно элитных) обучаются дети высшего класса, либо выдающиеся студенты из среднего класса. Партийное руководство может быть уверенным в идеологической и социальной подготовленности будущего политика – политический кандидат обладает необходимым социальным и культурным капиталом для того, чтобы встроиться в социальную иерархию и управлять обществом. Как следствие, накапливается пул «подготовленных» политиков с необходимым опытом политической деятельности (так называемым политическим бэкграундом).

Если рассматривать партии в качестве канала продвижения до высшего эшелона власти – лидера партии или Премьер-министра, члена Парламента то, как показывает практика, важность демократических процедур снижается. В Великобритании многие политики участвуют в этом процессе в качестве рядовых членов общественных движений на низовом уровне, активистов местных сообществ и доноров избирательных кампаний.

Некоторые становятся местными или региональными выборными должностными лицами, партийными лидерами или лоббистами. Из этого числа желающих некоторые баллотируются в парламент, немногие избираются, и еще меньше тех, кто поднимается на государственные посты. Рекрутинг проводится для должностей всех уровней. Набор в законодательные органы относится именно к тому критическому этапу, когда люди переходят с более низких уровней к парламентской карьере.

Отбор кандидатов является рутинной функцией политических партий, часто проводимой за закрытыми дверями на встречах задолго до публичной избирательной кампании. Стоит оговориться, что в избирательных участках, где правящая партия имеет незначительное большинство голосов (маргинальные места), именно избиратели определяют, кто попадет в парламент. Однако в надежном избирательном округе (где кандидат от партии всегда набирает подавляющее большинство голосов) с предсказуемым результатом селекторат, или отборочная комиссия, обладает фактической властью выбирать члена парламента. В Великобритании более трех четвертей всех мест являются «безопасными», с большинством более 10 процентов [8]. Таким образом, выбирая кандидатов, селекторат определяет общий состав парламента и, в конечном счете, круг лиц, имеющих право быть избранными в правительство. В отличие от федеральных политических систем, существующих в Канаде или США, в которых существует горизонтальные стратегии получения места в парламенте, в Великобритании существует единая лестница, ведущая к высшим государственным должностям; первым препятствием является выдвижение в качестве потенциального кандидата в парламент в местном избирательном округе.

В лейбористской и консервативной партиях существуют жесткие фильтры для тех, кто хочет войти в верхние эшелоны власти и стать частью политической элиты. Достаточно посмотреть на процедуру избрания лидеров политической партии. Для большего понимания процедуры избрания, процесс попадания в парламент можно представить как многоступенчатую лестницу рекрутирования, которая состоит из партийных страт – групп, находящихся на разных уровнях лестницы. Лица, голосующие за партию – это избиратели, которые поддержали партию на всеобщих выборах. Члены партии – это низовые активисты с партийными удостоверениями. На следующем этапе лестницы находятся кандидаты, или претенденты, – это те, кто состоит в партийном списке, так называемый «резерв». Далее идут парламентские кандидаты, принятые в избирательном округе на выборах. На вершине лестницы находятся действующие члены парламента, которые были избраны на всеобщих выборах. Термин партийная элита относится к объединенной группе претендентов, кандидатов и членов парламента [10].

С конца 1980-х наблюдается общий тренд на демократизацию выборов лидера партии. В связи с этим, процедура избрания лидера Лейбористской партии претерпела несколько реформ с момента пришествия Новых лейбористов (New Labour) [11].

До 2014 года лидера лейбористов выбирала электоральная коллегия – 1/3 голосов принадлежала лейбористам-членам парламента (Parliamentary Labour Party), 1/3 голосов – окружным отделениям партии (Constituency Labour Party) и 1/3 голосов – профсоюзам и аффилированным организациям. В 2014 году вышел доклад Коллинза о фальсификациях при голосовании за кандидата от избирательного округа Фалкирк [3]. В связи с этим, в 2015 году выборы лидера проходили уже по другой системе – претенденту на пост главы

партии необходимо было набрать 15 процентов голосов лейбористов-членов парламента (PLP) (минимум 35 членов парламента). Затем следовало голосование среди рядовых членов Лейбористской партии.

В 2020 году из-за целей транспарентности и демократизации выборов порог необходимого процента поддержки парламентскими лейбористами был снижен до 10 процентов, также нужно было набрать минимум 5 процентов голосов от окружных отделений партии или 5 процентов голосов от аффилированных членов и профсоюзов (должны поддержать минимум 2 профсоюза).

После выборов в 2021 году было принято решение повысить минимальный порог поддержки от лейбористов-членов парламента (PLP) до 20 процентов, чтобы не дать возможности проходить во второй тур аутсайдерам, маргинальным или чересчур ангажированным кандидатам [9]. Наличие пункта о высоком пороге поддержки свидетельствует об отходе от демократических принципов выборов, так как чтобы заручиться необходимой поддержкой парламентариев, необходимо обладать связями, социальным капиталом, что является практически невозможным для новичков или как их называют иначе локальных кандидатов. Наличие минимального порога поддержки от окружных отделений партий и от профсоюзов свидетельствует о том, что политик должен быть узнаваем на локальном уровне и иметь необходимые связи и репутацию.

Поскольку партийной элитой считаются в том числе парламентарии, необходимо осветить процесс отбора Лейбористской партией кандидатов на выборах в парламента. В ноябре 2022 г. бывший теневой канцлер Дж. Макдоннелл обвинил Лейбористскую партию в халатности и фальсификации отбора кандидатов. В частности, он указал на «манипуляции процедурой отбора кандидатов с целью помешать отбору левых, левоцентристов или кандидатов, которые могут помешать отбранному кандидату вновь баллотироваться на свое место». Например, кандидаты не получили ссылку для участия в онлайн-собораниях, некоторым кандидатам был предоставлен привилегированный доступ к спискам контактных данных участников раньше, чем другим. Некоторые кандидаты от левых были исключены по «странным причинам» [7]. Традиционно процесс отбора британской Лейбористской партии состоял из нескольких отдельных, но взаимосвязанных этапов фильтрации [2]. Сначала кандидатам-претендентам необходимо подать заявку в пул участников, представив свои биографические данные и заявление в Национальный Исполнительный комитет центральной партии (NEC). Затем нужно подать заявку в Национальную парламентскую комиссию, получить одобрение комиссии и Исполнительного комитета партии. После этого этапа кандидат подавал заявку на место в определенном округе. Во время выдвижения кандидаты-претенденты получали номинации от соответствующих местных партийных подразделений и аффилированных организаций. На предпоследнем этапе кандидаты-претенденты включались в шорт-лист Генеральным комитетом, состоящим из местных партийных чиновников. Заключительный этап предполагал, что кандидаты, включенные в короткий список, встречаются с последней отборочной комиссией на соборании, где местные члены партии отдают свои голоса, а победитель конкурса объявляется кандидатом партии на следующих всеобщих выборах.

Такая длительная процедура двойного согласования Исполкомом и Парламентской комиссией делала процесс отбора чрезвычайно затянутым, поэтому в 2019 году Национальный исполнительный комитет согласовал новый ускоренный процесс отбора в парламента, но при

этом усилил собственную власть над отбором кандидатов. Исполнительный комитет после подачи заявок самостоятельно составил длинные списки потенциальных кандидатов в парламента, затем создал смешанные комиссии, состоящие из членов Исполкома, регионального совета и представителей местных отделений партий, которые впоследствии составили короткие списки. Согласно данным Избирательной комиссии Соединенного королевства, средняя стоимость политической кампании для кандидатов-лейбористов составляет 7 551,22 фунтов стерлингов [12]. Если рассматривать траты на избирательную кампанию кандидатов, одержавших победу на местах, то их средние затраты были еще выше – 9 660, 96 фунтов стерлингов.

Процедура продвижения в Консервативной партии еще более недемократичная – для того, чтобы стать лидером партии, необходимо быть членом парламента. Для того, чтобы стать членом парламента, нужно пройти при всей меритократической оболочке сложную, многоступенчатую процедуру отбора и одержать победу в округе. По подсчетам П. Норрис и Дж. Ловендуски только трем процентам желающих удается стать членом парламента [10]. Основным барьером является включение в утвержденный перечень кандидатов (Approved List). В ходе этой процедуры нужно пройти тест о соответствии требованиям, который определит, может ли кандидат подать заявку на участие в парламентских выборах. После теста нужно вновь заполнить анкету и внести о своем семейном положении, образовании, карьере и ответить на вопросы, проверяющие компетенции. Если анкета соответствует критериям партии, нужно пройти вебинар, после которого нужно будет приступить к процессу комплексной проверки компетенций. Этот процесс стоит 110 фунтов стерлингов [6]. После такой проверки, в случае если кандидат соответствует всем требованиям, ему будет предложено забронировать место в Центре оценки компетенций. Стоимость процедуры составит 250 фунтов стерлингов.

В Центре оценки компетенций кандидату необходимо продемонстрировать навыки и компетенции в различных областях, включая политическую, профессиональную, личную жизнь. Пройдя эту стадию, кандидат будет добавлен лишь только в утвержденный список кандидатов от Консервативной партии. После этого следуют еще три стадии утверждения – избрание в специальном Отборочном комитете окружной партии, затем в исполнительном комитете партии и в конечном итоге на Общем соборании окружных партий. Лишь пройдя это длительный и финансово затратный путь можно будет участвовать в парламентских выборах от Консервативной партии.

Освещая вопрос стоимости избирательной кампании кандидатов от Консервативной партии в ходе всеобщих выборов в 2019 году, стоит отметить, что их траты еще выше, чем у лейбористов. Согласно данным Избирательной комиссии, средняя стоимость политической кампании для кандидатов-лейбористов составляет 8 775,27 фунтов стерлингов [12]. Траты на избирательную кампанию кандидатов, одержавших победу на местах, составляют 11 241 фунт стерлингов.

Возвращаясь к вопросу о выборах лидера партии, то они проходят по более жесткой процедуре.

Каждые выборы специальный Комитет 1922 года составляет правила и процедуры избрания лидера консервативной партии. После отставки Б. Джонсона, лидер партии избирался следующим образом. На первой стадии кандидату нужно заручиться поддержкой 20 консервативных парламентариев, которые рекомендуют кандидата к выдвижению. После этого кандидат допускается до второго этапа выборов, который проходит в несколь-

ко туров. В ходе первого раунда кандидаты должны набрать минимум 30 голосов парламентариев, кто набирает меньше голосов – выбывает из гонки. Во втором туре и во всех последующих турах выбывают кандидаты, набравшие меньше всего голосов от депутатов. В итоге остаются два финалиста. Последним этапом голосования является голосование рядовых членов партии по почте.

По сути, основной отбор кандидатов осуществляют члены парламента от тори. В случае с избранием Риши Сунака лидером партии, а соответственно, и Премьер-министром Соединенного королевства, процедура и во все не соответствовала демократическим критериям. Комитет 1922 года выдвинул минимальный порог поддержки парламентариями в 100 голосов. В сущности, для новичков, и второстепенных кандидатов такой порог является недостижимым. Кандидат Б. Джонсон, набрав необходимое количество голосов, снял свою кандидатуру с выборов. Кандидат П. Мордонт сняла свою кандидатуру за 2 минуты до объявления количества номинаций от партии. В результате, единственным и безальтернативным кандидатом на пост лидера партии и, соответственно, Премьер-министра Великобритании остался Риши Сунак. Таким образом, проводить второй тур среди рядовых членов партии не имело смысла. Если бы выборы касались только избрания лидера партии, то такая процедура, несмотря на недемократичность, могла бы считаться все же допустимой, исходя из того, что это может расцениваться как исключительно внутреннее дело партии. Однако в данном случае, эти выборы существенным образом повлияли на политический процесс в Великобритании, поскольку на кону стояла не только должность лидера партии, но и Премьер-министра Соединенного королевства. Ситуация, в которой фактический политический лидер Великобритании – Премьер-Министр избирается 197 парламентариями-консерваторами, придает всей процедуре выборов оттенок олигархичности.

В демократических системах политические партии помимо своей главной функции – борьбы за власть и участия в осуществлении власти, выполняют еще одну, не менее значимую, которая заключается в рекрутировании и продвижении политических кадров, которые впоследствии становятся политической элитой государства. Предполагается, что процедуры отбора кандидатов должны быть транспарентными, равными для всех, однако на практике это реализуется не всегда. Рассмотрев процедуры отбора кандидатов в двух доминирующих партиях Великобритании – лейбористской и консервативной, представляется возможным выделить несколько особенностей. Во-первых, процедуры отбора характеризуются высокой бюрократией, проводятся в несколько этапов, порой дублирующих друг друга. Прохождение каждого этапа требует от кандидата не только наличия профессиональных навыков и наличия убедительной биографии, но и обладания достаточным социальным капиталом – нужно заручиться поддержкой парламентской фракции партии, окружной партией, а также аффилированных групп. Во-вторых, на каждом этапе происходит отсев кандидатов, при этом не всегда понятны причины выбывания из гонки некоторых кандидатов. Таким образом, отбор кандидатов проходит с нарушениями, подтверждением тому могут служить скандалы на выборах в Фалкирке, а также обвинения в некорректных отчетах о расходах Консервативной партии на предвыборную кампанию [4]. В-третьих, средняя стоимость избирательной кампании для кандидата, в случае если он все-таки будет одобрен партией на выдвижение, остается очень высокой (для семьи из двух человек средняя

стоимость жизни в Великобритании составляет от 2500 до 3000 фунтов стерлингов, включая аренду жилья) [5]. Следовательно, позволить себя участвовать в выборах могут состоятельные люди. В-четвертых, нет никаких действующих сдержек при смене лидера партии и последующим вступлении им в должность Премьер-министра. В сущности, никто даже не оспаривал избрание Риши Сунака узким кругом парламентской консервативной элиты.

Подводя итог, можно сделать предположение о том, что рекрутирование в пул, или резерв, политической элиты в Великобритании представляет собой достаточно демократичный, ясный процесс, к которому можно присоединиться, будучи локальным партийным активистом или со студенческой скамьи, участвуя в деятельности студенческих союзов и партийных студенческих ассоциаций. При этом, если рассматривать партии как институт продвижения политиков в высшие эшелоны власти, то вырисовывается иная картина. Так называемая центральная партия, различные лоббистские группы и аффилированные группы будут оказывать давление и активно вмешиваться в процесс отбора кандидатов как в парламент, так и на пост лидера партии. Кроме того, сами кандидаты для успешного продвижения по карьерной лестнице должны обладать высоким социальным и экономическим капиталом.

Литература

1. Громыко Ал.А. Модернизация партийной системы Великобритании – М.: Издательство «Весь Мир», 2007. – 344 с.
2. Ashe, J. (2019) Political Candidate Selection: Who Wins, Who Loses, and Under-Representation in the UK (1st ed.). London: Routledge. 234 p. DOI: 10.4324/9781315175805.
3. Collins, R. (2014) Building a one nation Labour party: The Collins review into Labour party reform. London: Labour Party. 42 p.
4. Conservative Party fined £70,000 following investigation into election campaign expenses. 16.03.2017. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.electoralcommission.org.uk/conservative-party-fined-ps70000-following-investigation-election-campaign-expenses> (Accessed: 03.02.2022).
5. Cost of Living in United Kingdom. [Electronic resource] – Access mode: https://www.numbeo.com/cost-of-living/country_result.jsp?country=United+Kingdom (Accessed: 03.02.2022).
6. Guide to becoming a Conservative Party Parliamentary Candidate. [Electronic resource] – Access mode: <https://public.conservatives.com/static/documents/candidates/Guide%20to%20becoming%20a%20Conservative%20Party%20Parliamentary%20Candidate-HH.pdf> (Accessed: 03.02.2022).
7. Jones, O. If Labour's leadership is hobbling internal candidates, is it fit to run a democracy? The Guardian. 29.11.2022. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/nov/29/labour-leadership-internal-candidates-democracy-prospective-mps> (Accessed: 03.02.2022).
8. McInnes, R. General Election 2019: Marginality. House of Commons Library. 07.01.2020. [Electronic resource] – Access mode: <https://commonslibrary.parliament.uk/general-election-2019-marginality/> (Accessed: 03.02.2022).
9. Niendorf, T. (2022) Leadership election reform in the British Labour party: democratisation or power struggle?

gle? British Politics. Vol. 17. No. 4. Pp. 386–407. DOI: 10.1057/s41293-021-00195-3.

10. Norris, P. – Lovenduski, J. (1994) Conservative recruitment. In: Political Recruitment: Gender, Race and Class in the British Parliament. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 34–53. DOI: 10.1017/CBO9780511598609.004.
11. Quinn, T. (2018) From the Wembley conference to the ‘McDonnell amendment’: Labour’s leadership nomination rules. The Political Quarterly. Vol. 89. No. 3. Pp. 474–481. DOI: 10.1111/1467-923X.12489.
12. The Electoral Commission. [Electronic resource] – Access mode: https://www.electoralcommission.org.uk/2019-candidate-spending?section=home&filters=%255B%255D&national_values=false (Accessed: 03.02.2022).

POLITICAL PARTIES IN GREAT BRITAIN AS AN INSTITUTION OF ELECTORAL RECRUITMENT AND PROMOTION OF THE RULING ELITES

Utkina M.F.

MGIMO-University

Recruiting the political, in particular, parliamentary elite is one of the main functions of political parties, on the successful implementation of which the party’s ability to come to power depends. In Britain, the Westminster system of government has contributed to the transformation of parties into the most important institution of recruitment of political elite. The aim of the study is to examine the procedures of selection of parliamentary candidates and party leadership candidates, to assess the democracy and transparency of the selection, to determine what characteristics front-runners in election campaigns tend to have. It is concluded that there are two parallel processes in which parties, on the one hand, recruit candidates for the necessary elite pool and, on the other hand, promote the «right» candidates. At the same time, party recruitment into the pool of the political elite is characterized by an open procedure, while the process of candidate promotion is characterized by such characteristics as patronage, favoritism, the presence of significant social capital of the candidate.

Keywords: Great Britain, political elites, elite recruitment, political parties, Conservatives, Labour, elections.

References

1. Gromyko A.I.A. Modernization of the party system in Great Britain. – M.: “Ves’ Mir” Publishing House, 2007. – 344 p.
2. Ashe, J. (2019) Political Candidate Selection: Who Wins, Who Loses, and Under-Representation in the UK (1st ed.). London: Routledge. 234 p. DOI: 10.4324/9781315175805.
3. Collins, R. (2014) Building a one nation Labour party: The Collins review into Labour party reform. London: Labour Party. 42 p.
4. Conservative Party fined £70,000 following investigation into election campaign expenses. 16.03.2017. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.electoralcommission.org.uk/conservative-party-fined-ps70000-following-investigation-election-campaign-expenses> (Accessed: 03.02.2022).
5. Cost of Living in United Kingdom. [Electronic resource] – Access mode: https://www.numbeo.com/cost-of-living/country_result.jsp?country=United+Kingdom (Accessed: 03.02.2022).
6. Guide to becoming a Conservative Party Parliamentary Candidate. [Electronic resource] – Access mode: <https://public.conservatives.com/static/documents/candidates/Guide%20to%20becoming%20a%20Conservative%20Party%20Parliamentary%20Candidate-HH.pdf> (Accessed: 03.02.2022).
7. Jones, O. If Labour’s leadership is hobbling internal candidates, is it fit to run a democracy? The Guardian. 29.11.2022. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/nov/29/labour-leadership-internal-candidates-democracy-prospective-mps> (Accessed: 03.02.2022).
8. McInnes, R. General Election 2019: Marginality. House of Commons Library. 07.01.2020. [Electronic resource] – Access mode: <https://commonslibrary.parliament.uk/general-election-2019-marginality/> (Accessed: 03.02.2022).
9. Niendorf, T. (2022) Leadership election reform in the British Labour party: democratisation or power struggle? British Politics. Vol. 17. No. 4. Pp. 386–407. DOI: 10.1057/s41293-021-00195-3.
10. Norris, P. – Lovenduski, J. (1994) Conservative recruitment. In: Political Recruitment: Gender, Race and Class in the British Parliament. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 34–53. DOI: 10.1017/CBO9780511598609.004.
11. Quinn, T. (2018) From the Wembley conference to the ‘McDonnell amendment’: Labour’s leadership nomination rules. The Political Quarterly. Vol. 89. No. 3. Pp. 474–481. DOI: 10.1111/1467-923X.12489.
12. The Electoral Commission. [Electronic resource] – Access mode: https://www.electoralcommission.org.uk/2019-candidate-spending?section=home&filters=%255B%255D&national_values=false (Accessed: 03.02.2022).

Институционализация экономического развития Кипра 1974–1987 гг.: политические аспекты

Данилов Алексей Витальевич,

аспирант РУДН (Российский университет дружбы народов).
E-mail: danalessio@ya.ru

Данилова Елена Валерьевна,

кандидат исторических наук, доцент РУДН (Российский университет дружбы народов)
E-mail: alendan@mail.ru

Данилов Валерий Витальевич,

преподаватель РУДН (Российский университет дружбы народов)
E-mail: Vv.danilov@cloud.com

В 1960 г. Кипр получил независимость от британской короны. Молодое государство стало перед выбором организации собственного экономического курса. Полномасштабному и комплексному экономическому развитию мешал внутриобщинный конфликт, а также постоянное вмешательство стран-гарантов, которые были установлены согласно Лондонско-Цюрихскому компромиссу.

Последствием этого стал «Кипрский конфликт», который фактически разделил остров на две части. Данный раздел в определенной степени предопределил раздельное экономическое развитие в обеих частях острова – южной и северной.

Турецкое вторжение нанесло серьезный удар по экономике Кипра и, в частности, по сельскому хозяйству, туризму, горнодобывающей промышленности и разработке карьеров.

Потеря порта Фамагуста, который обрабатывал до 83% генеральных грузов, и закрытие международного аэропорта Никосии дополнительно осложнило экономическое положение Кипра.

Положение дел требовало от правительства решительных мер по преодолению кризиса и поиску новых путей развития экономики страны. В дальнейшем, действия, принятые руководством республики, и усилия народа Кипра по возврату к полноценному функционированию экономики назовут «экономическим чудом».

Ключевые слова: Республика Кипр, Кипр, экономика, экономическое развитие, экономические отношения.

События 1974 г. стали во многом определяющими для Кипра, поскольку в тот год ушло в историю единое политико-экономическое пространство на острове. Такое неоднократно случалось в годы «холодной войны»: в Германии, Вьетнаме, Корее. Однако во всех случаях раздел происходил по идеологическим причинам межблокового противостояния. На Кипре же ситуация наблюдается кардинально иная: пробужденные резкими шагами Афин и несговорчивостью Анкары (которые, к слову, находились в рядах одного военно-политического блока – НАТО) в 1960–1974 гг. многовековое противостояние между двумя разными этносами Кипра – греками и турками претерпело этап эскалации, который закончился формированием совершенной иной системы координат на Кипре. В 1983 г. была создана признанная только Турцией Турецкая республика Северного Кипра (ТРСК). По мнению Европейского суда по правам человека ТРСК должна считаться марионеточным государством под контролем Турции [1].

После турецкого вторжения на остров в 1974 г. произошло фактическое разделение страны на два отдельных международных и хозяйственных субъекта, которые по отдельности начали выстраивать экономику. Потери земли и личной собственности киприотов-греков на оккупированных территориях были огромными: почти 40% территории было потеряно вместе с примерно двумя третями производственных ресурсов и активами основного капитала. Киприоты также потеряли Фамагусту, единственный глубоководный порт страны и Никосийский международный аэропорт. Большая часть плодородных сельскохозяйственных земель, а также традиционные туристические места отдыха остались в северной части острова. Экономика острова распалась, треть жителей острова покинули свои дома и не имели средств к существованию, а многие фермерские, производственные и коммерческие отношения были разрушены.

Таким образом, экономика Кипра стала характеризоваться ещё более ограниченными размерами и ограниченной ресурсной базой, что сокращало потенциал для экономического роста. Кипр также пострадал в 1973 и 1979 гг. от первого и второго повышения цен на нефть. Однако, экономический кризис, связанный с энергетикой, был не столь значительным по сравнению с последствиями турецкой интервенции 1974 г., которая закончилась фактическим разделом страны.

Существующее положение дел требовало от руководства республики Кипр решительных мер и проведения скоординированной политики для преодоления кризиса в экономике. В частности, оно приняло агрессивную программу конструктивных дефицитных расходов, дало экономические стимулы в виде целевых инвестиций, которые позволили экономике Кипра выйти на уровень до 1974 г. в течение всего нескольких лет. По сути, произошло «экономическое чудо», совершенное кипрским руководством и народом.

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН. Российский университет дружбы народов (РУДН) 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Большие усилия по перезапуску экономики были сосредоточены на мобилизации всех имеющиеся ресурсы для содействия производительной занятости. Следствием вторжения стало резкое сокращение рабочей силы, поскольку рабочие турко-киприоты переместились в оккупированную северную часть острова, а также многие греки-киприоты эмигрировали из страны.

Важным аспектом политики, принятой после турецкого вторжения, было поощрение киприотов к временному поиску работы за границей. В 1977 г. 14 700 киприотов (7,3% экономически активного населения) были рабочими-мигрантами в Греции, Болгарии, странах Ближнего Востока и т.д., что привело к росту поступлений иностранной валюты на Кипр [2].

Учитывая очень высокий уровень безработицы, государство сконцентрировалось на продвижении отраслей, требующих труда с относительно высокой добавленной стоимостью, а также инфраструктурных проектов. Эта стратегия подкреплялась экспансионистской фискальной и денежно-кредитной политикой. В частности, частному сектору были предоставлены налоговые льготы для реализации проектов, которые уменьшили число безработных. Кроме того, налогово-бюджетная политика предполагала значительно более высокие расходы на основные инфраструктурные проекты – дороги, школы, новый аэропорт, новые провинциальные больницы и модернизацию портов Ларнаки и Лимассола, а также развитие промышленных зон. Значительные суммы были потрачены на строительство поселений для беженцев, а также предоставлены суды на поддержку и возрождение более широкого сельскохозяйственного сектора.

Чтобы решить проблему неравенства доходов, был принят закон, обеспечивающий более справедливое распределение доходов между различными группами населения. Заработная плата в среднем была сокращена на 25% в соответствии с принятым Законом о заработной плате 1974 г. [3] Данный закон был введён для фирм, пострадавших от вторжения, с целью сохранения и увеличения штата. Экономленные таким образом средства были переведены в Фонд помощи перемещённым и страдающим. Также были сокращены расходы связанные с арендной платой, согласно принятому Закону о жилой недвижимости в 1974 г. [3] Закон предусматривал пропорциональное снижение арендной платы для коммерческой недвижимости и охраняемых арендаторов.

Кроме того, в 1974 г. был принят Закон о прекращении трудовых отношений, устанавливая процедуры и требования для прекращения трудового договора. Также был принят Закон о государственной помощи

Правительством Кипра были приняты меры по оживлению частного сектора, снижению нормативного коэффициента ликвидности банков и введению штрафной системы для банков, имеющих избыточную ликвидность. Последняя мера была направлена на поощрение банковского кредитования частного сектора. Также поддержано финансирование мероприятий, определённых как «приоритетные сектора» через специальный фонд, созданный при Центральном банке Кипра (ЦБК), введены государственные гарантии по кредитам лиц, работающих в этих секторах, и выпуск облигаций, запущенные Кипрским банком развития стоимостью 1 млн кипрских фунтов.

В результате усилий по восстановлению экономики частный сектор быстро вырос, и экономическая активность в целом пережила быстрое и впечатляющее восстановление. К 1977 г. были достигнуты условия полной занятости населения, что было названо международными организациями как «экономическое чудо».

В то же время внутренний спрос на промышленность резко вырос, из-за перемещённого населения, лишённого товаров длительного пользования и товаров народного потребления. Также демонстрировался неожиданно высокий иностранным спрос на кипрские промышленные товары, особенно из арабских стран. Как результат, промышленный экспорт в процентах от общего экспорта товаров вырос с 37,6% в 1975 г. до 55,1% в 1980 г. [3]

На Кипре, занятость населения осуществлялась за счёт вторичного и, особенно, третичного сектора. В частности, к 1990 г. количество рабочих в обрабатывающей промышленности увеличилось до 48,5 тыс., с 24,3 тыс. в 1975 г.; в строительстве до 23,2 тыс. с 8,9 тыс.; в оптовой и розничной торговле до 36,8 тыс. с 16,2 тыс.; В финансовом посредничестве, недвижимости, аренде и коммерческой деятельности до 16,2 тыс. с 5,4 тыс.

Как уже упоминалось, трудоустройство киприотов за рубежом сыграло важную роль в решении масштабной проблемы безработицы. Об этом также свидетельствует резкий рост банковских переводов кипрских рабочих в годы после вторжения. Таким образом, благодаря интенсивному использованию ресурсов, особенно перемещённой рабочей силе и доступному сырью, восстановлению инфраструктуры и открытию нового аэропорта в Ларнаке, а также ориентации производства на внешние рынки, в течение одного года после вторжения удалось избежать экономического краха.

Показатели экономики в вышеупомянутый период поддерживались рядом благоприятных внешних факторов. Во-первых, Кипр извлек выгоду из роста покупательской способности арабских стран за счет последовательного увеличения цен на нефть. Во-вторых, после того как в Ливане началась гражданская война и он перестал быть логистическим центром на Ближнем Востоке, Кипр постепенно превратился в его потенциального преемника; в то же время, многие ливанские компании и граждане нашли убежище на Кипре, так как близость как к арабским странам, так и к Европе, надежная телекоммуникационная сеть, частое воздушное сообщение, умеренный климат и дружественная социальная среда стали местом выбора для многочисленных иностранных компаний, бежавших из Ливана после кризиса. В-третьих, иностранная помощь как в денежной, так и в натуральной форме, восполнила значительные пробелы в удовлетворении потребностей беженцев, а также удовлетворило финансовые потребности большей части страны. В частности, иностранная финансовая помощь помогла финансировать бюджетный дефицит.

Таким образом, экономический рост Кипра после турецкого вторжения поддерживался как экзогенными, так и эндогенными факторами. Экзогенные факторы способствовали быстрому восстановлению экономической активности, хотя решающую роль в этом отношении сыграло трудолюбие и гибкость кипрской рабочей силы, а также творческий предпринимательский дух кипрских бизнесменов. Дополнительные важные стимулы экономика получила за счет соответствующей налогово-бюджетной политики, а также благодаря сотрудничеству между правительством, профсоюзами и работодателями.

В течение 1980-х гг. туристический сектор становится основным двигателем экономики. Однако это же десятилетие ознаменовалось началом проблем, связанных с давлением, которое туризм оказывает на природные и человеческие ресурсы. Кроме того, был создан высокий бюджетный дефицит, и конкурентоспособность производства понесла убытки в результате усилий по прямому сокращению безработицы за счет продвижения

трудоемких проектов. Инфляционное давление усилилось в контексте второго нефтяного кризиса 1979 г., а инфляция достигла 13,5% в 1980 г. В ответ денежно-кредитная политика стала ещё более жёсткой, в виде более высокого коэффициента ликвидности и временного кредитного потолка, тем самым вернув инфляцию к нормальному уровню.

В середине 1980-х гг. экономика в полной мере использовала положение острова как торгового посредника между Европой и Ближним Востоком. Быстро наращивался реэкспорт товаров и услуг, а также развивалась туристическая индустрия.

Важное место в восстановлении экономики было отведено государственным планам. Первый план действий в чрезвычайной экономической ситуации охватывал 1975–1976 гг. Он был направлен на реализацию жилищной программы для беженцев. План также побуждал правительство для стимулирования экономики (т.е. внутреннего спроса в целом и инвестиций, в частности) путём принятия экспансионистской фискальной и денежно-кредитной политики. Этот план также содержал новую стратегию развития, в которой экономика Кипра возникла как центр услуг и торговли для региона.

Второй план действий в чрезвычайной экономической ситуации (охватывающий период с 1977 по 1978 гг.) [4] был направлен на решение основной проблемы безработицы и продолжал возрождать деятельность частного сектора. В этот период высокий уровень наблюдались целевые инвестиции, а экспорт стал основным импульсом для роста.

Результаты двух планов действий в чрезвычайных ситуациях были положительными. Экономика росла примерно на 6% в год, а уровень безработицы снизился примерно до 2% в 1978 г. Это была беспрецедентная ситуация (уровень безработицы составлял 30% на конец 1974 г.). Экономика работала в условиях полной занятости. Экспорт товаров и услуг рос в среднем почти на 20% ежегодно в период с 1974 по 1978 год, в то время как импорт товаров и услуг вырос на 16%. Это свидетельствовало о повышенной зависимости от импортного сырья, материалов и готовой продукции после потери большей части ресурсов из-за интервенции. Инвестиции в основной капитал увеличились с 18,5% в 1975 г. до 30,2% в 1978 г. Инвестиции осуществлялись за счёт внутренних сбережений правительства Кипра, которые составили 44,7% всех инвестиций и 31,1% профинансированы за счёт иностранных сбережений. Также были чистые переводы, в рамках которых 13,5% инвестиции и 10,7% инвестиции были профинансированы за счёт иностранной помощи а также денежных переводов кипрских рабочих.

Однако успех имел свою цену, увеличение внутреннего потребления и рост цен на нефть вызвали некоторый перегрев экономики. Следовательно, уровень инфляции достиг 7,4% в 1978 г. Кроме того, увеличился дефицит текущего счета платёжного баланса, достигнув 11,6% ВВП в 1978 г.

Третий план чрезвычайных экономических действий на 1979–1981 гг. учитывал перегрев экономики и принимал ограничительную денежную политику. В этот период политика стимулирования экспорта и импортозамещения была принята для увеличения роста производительности [5].

Взгляд на развитие экономики за период 1975–1981 гг. показывает впечатляющие темпы роста в среднем на 10% в год в реальном выражении. Это связано с иностранным спросом на товары и услуги, который вырос в среднем на 15% в постоянных ценах. Что касается производства, то ведущими секторами были туризм,

строительство и производство. В этот период правительство регулярно инвестировало более 30% ВВП в восстановление утраченного производственного потенциала, а также экономической и социальной инфраструктуры. Так, появилось большое количество новых возможностей трудоустройства. Уровень безработицы в 1981 г. составлял 2,6% от экономически активного населения.

Основная цель Четвертого плана действий в чрезвычайных ситуациях на 1982–1986 гг. [6] – компенсировать экономический рост денежной стабильностью. В этот период было решено принять новую стратегию, сосредоточив внимание на капитале, а не на трудоёмких проектах. Решение проблемы внешней и внутренней нестабильности предлагалось за счёт уменьшения фискального дефицита. ВВП достиг средних реальных темпов роста почти в 6% годовых, что намного выше запланированной цели в 4% из-за развития туризма. Инфляция снизилась с 10,8% в 1981 г. до 1,2% в 1986 г. из-за резкого снижения цен на нефть на мировом рынке и улучшения условий торговли.

Период 1987–1988 гг. ознаменовался снижением импортных пошлин в рамках реализации соглашения о таможенном союзе с ЕС. В течение этого периода экономический рост определялся экспортом, и среднегодовой рост реального ВВП был около 7,9% из-за продолжающегося быстрого роста доходов от туризма и промышленного экспорта. Уровень безработицы снизился до 2,8% в 1988 г., в то время как инфляционное давление оставалось умеренным. Впервые (1987–88) с момента интервенции, текущий счёт платёжного баланса продемонстрировал профицит для экономики Кипра. Однако импорт увеличивался намного быстрее и полностью исчез профицит счета текущих операций, достигнутый в 1987–1988 гг. [3]

В целом экономика показала относительно хорошие результаты в трёх областях: а именно, в экономическом росте, полной занятости и умеренной стабильности в период с 1976 по 1988 гг.

В этот период ВВП рос в среднем на 8,4% в год в реальном выражении. ВВП на душу населения в постоянных ценах увеличился с 932 кипрских фунтов в 1975 г. до 2325 кипрских фунтов в 1989 г. и это был один из самых высоких показателей в Средиземноморье. Правительство Кипра поддержало частный сектор посредством налоговых льгот, займов гарантии для экспортных отраслей, а также грантов и ссуд сельскому хозяйству, производственному сектору и строительству. Это способствовало «экономическому чуду».

Оккупация Турцией почти двух пятых страны в 1974 г. с перемещением около одной трети всего населения нанесла серьёзный удар по экономическому развитию острова. Благодаря активным усилиям реальный рост экономики был возобновлён. В период между 1975 и 1983 гг. годовой показатель роста оценивается в среднем около 10%. С 1983 г. экономика кипрско-греческого сектора процветала, а безработица и инфляция оставались относительно низкими. Туризм обеспечил основной рычаг экономического роста и многие районы острова прошли технологическую модернизацию.

Греки-киприоты продемонстрировали свою экономическую состоятельность, восстановив экономику в кратчайшие сроки. Руководство Республики Кипр приняло агрессивную программу конструктивного дефицитного финансирования, экономических стимулов и целевых инвестиций, благодаря которой экономика за несколько лет достигла уровня до 1974 г. Это было поразительным достижением, поскольку разделение острова стоило республике значительной части ее сельскохозяйственных и производственных активов.

В мае 1987 г. ЕС и Кипр подписали протокол о 15-летнем Таможенном соглашении. Таможенный союз постепенно устранил большинство торговых барьеров с Европой в течение 10-летнего периода (1987–1997 гг.) и отменил тарифы для кипрских промышленных товаров и сельскохозяйственной продукции. Согласно протоколу, также оказывалась финансовая помощь для содействия урегулированию конфликта.

Литература

1. Milano, Enrico (2006). Unlawful Territorial Situations in International Law: Reconciling Effectiveness, Legality and Legitimacy
2. Matsis, S. (1992) Chapter 5 in E.I. Demetriades, W.J. House, N.F. Khoury and S. Matsis (eds), Population and Human Resources Development in Cyprus: Research and Policy Issues, Department of Statistics and Research, Ministry of Finance, Cyprus.
3. Central bank of Cyprus. The Cyprus Economy. Historical Review, Prospects, Challenges. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.scribd.com/document/288209973/CBC-book-EN> (дата обращения: 15.10.2020)
4. Second Emergency Economic Plan [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.dgepcd.gov.cy/dgepcd/dgepcd.nsf/DAC9DB84689DF1BCC225839800497B61/\\$file/5-Second%20Emergency%20Economic%20Action%20Plan%20\(1977-1978\).pdf](http://www.dgepcd.gov.cy/dgepcd/dgepcd.nsf/DAC9DB84689DF1BCC225839800497B61/$file/5-Second%20Emergency%20Economic%20Action%20Plan%20(1977-1978).pdf) (дата обращения: 15.11.2020)
5. Third Emergency Economic Plan [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.dgepcd.gov.cy/dgepcd/dgepcd.nsf/DAC9DB84689DF1BCC225839800497B61/\\$file/6-Third%20Emergency%20Economic%20Action%20Plan%20\(1979-1981\)%20Summary.pdf](http://www.dgepcd.gov.cy/dgepcd/dgepcd.nsf/DAC9DB84689DF1BCC225839800497B61/$file/6-Third%20Emergency%20Economic%20Action%20Plan%20(1979-1981)%20Summary.pdf) (дата обращения: 15.11.2020)
6. Fourth Emergency Economic Plan [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cyprusdigitallibrary.org.cy/items/show/1162> (дата обращения: 16.11.2020)

INSTITUTIONALIZATION OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF CYPRUS 1974–1987: POLITICAL ASPECTS

Danilov A.V., Danilova E.V., Danilov V.V.

RUDN University (Peoples' friendship university of Russia)

In 1960, Cyprus gained independence from the British crown. The young state faced the choice of organizing its own economic course. Full-scale and comprehensive economic development was hampered by the intra-communal conflict as well as the constant intervention of the guarantor countries which were established according to the London-Zurich compromise.

The consequence of this was the “Cyprus conflict” which actually divided the island into two parts. This separation to a certain extent predetermined the separate economic development in both parts of the island – southern and northern.

The Turkish invasion dealt a severe blow to the Cyprus economy and in particular to agriculture, tourism, mining and quarrying.

The loss of the port of Famagusta, which handled up to 83% of general cargo and the closure of the Nicosia international airport additionally complicated the economic situation in Cyprus.

The state of affairs required the Cypriot government to take decisive measures to overcome the crisis and seek new ways of developing the country's economy. The actions taken by the leadership of the republic and the efforts of the people of Cyprus to return to the full functioning of the economy will be called in the future as an “economic miracle”.

Keywords: Republic of Cyprus, Cyprus, economy, economic development, economic relations.

References

1. Milano, Enrico (2006). Unlawful Territorial Situations in International Law: Reconciling Effectiveness, Legality and Legitimacy
2. Matsis, S. (1992) Chapter 5 in E.I. Demetriades, W.J. House, N.F. Khoury and S. Matsis (eds), Population and Human Resources Development in Cyprus: Research and Policy Issues, Department of Statistics and Research, Ministry of Finance, Cyprus.
3. Central bank of Cyprus. The Cyprus Economy. Historical Review, Prospects, Challenges. URL: <https://ru.scribd.com/document/288209973/CBC-book-EN> (date accessed: 15.10.2020)
4. Second Emergency Economic Plan – URL: [http://www.dgepcd.gov.cy/dgepcd/dgepcd.nsf/DAC9DB84689DF1BCC225839800497B61/\\$file/5-Second%20Emergency%20Economic%20Action%20Plan%20\(1977-1978\).pdf](http://www.dgepcd.gov.cy/dgepcd/dgepcd.nsf/DAC9DB84689DF1BCC225839800497B61/$file/5-Second%20Emergency%20Economic%20Action%20Plan%20(1977-1978).pdf) (date accessed: 11/15/2020)
5. Third Emergency Economic Plan – URL: [http://www.dgepcd.gov.cy/dgepcd/dgepcd.nsf/DAC9DB84689DF1BCC225839800497B61/\\$file/6-Third%20Emergency%20Economic%20Action%20Plan%20\(1979-1981\)%20Summary.pdf](http://www.dgepcd.gov.cy/dgepcd/dgepcd.nsf/DAC9DB84689DF1BCC225839800497B61/$file/6-Third%20Emergency%20Economic%20Action%20Plan%20(1979-1981)%20Summary.pdf) (date access: 11/15/2020)
6. Fourth Emergency Economic Plan – URL: <http://www.cyprusdigitallibrary.org.cy/items/show/1162> (date accessed: 11/16/2020)

Манукян Артак Ростомович,

старший преподаватель кафедры государственного управления факультета управления и политики МГИМО МИД России
E-mail: a.manukyan@inno.mgimo.ru

Экспорт образовательных услуг является важнейшим источником развития не только экономики страны, но и ее внешней политики, ее интеграции в мировое сообщество. На современном этапе в условиях интернационализации высшего образования происходит наращивание экспорта образовательных услуг. В статье представлен анализ функций образования как общественного института, а именно формирование и совершенствование производственных сил общества, обеспечение качества экономического роста, обеспечение непрерывности экономического развития и его ускорения и адаптация человека к меняющемуся экономическому пространству. Было отмечено, что экспорт российского образования – не только коммерческая, но и геополитическая задача.

Ключевые слова: образование, экспорт образовательных услуг, экономическая политика, университет, мировая политика, человеческий капитал, фактор грамотности, уровень образованности.

Введение

В современном мире каждое государство стремится совершенствоваться в различных сферах. Государство можно рассматривать как с материальной точки зрения, где основополагающую роль играют ресурсы страны, с правовой, так как государство это политическая, территориальная, структурная организация общественной жизни на основе права, а также с экономической. Экономическая составляющая является наиболее обширной и затрагивает практически все аспекты деятельности государства. Так основополагающим показателем успешной экономической политики является фактор экономического роста страны. Говоря об общих подходах к изучению данного вопроса, можно утверждать, что экономический рост определяется системой постоянного взаимодействия ряда причин, условий и факторов.

Объекты и методы исследования

В экономической литературе, под факторами экономического роста понимают те явления и процессы, которые определяют масштабы увеличения реального объема производства и качества экономического роста. Одним из подходов к определению является марксистская политэкономия. Согласно данному подходу, основными факторами экономического роста являются рост труда, наличие природных ресурсов, капитала и технический прогресс: «Производительная сила труда определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью её технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями» [5. С. 48].

Исходя из такого подхода, можно сказать, конечным источником национального и общественного богатства является человеческий труд. Согласно классической теории в качестве факторов экономического роста, в том числе рассматривается накопительный эффект, то есть инвестирование части общественного продукта, которое обеспечит возрастание капитала. Сторонники данной модели полагают, что экономический рост может определяться совокупностью факторов: рост валового дохода, число и производительность рабочих, накопленный капитал, естественные ресурсы, уровень технического оснащения. Существует также Кейнсианская теория роста, которая ставит во главу инвестиции – рост национального дохода является функцией накопления капитала и данном случае, рост капиталовложений осуществляется, прежде всего, государством. Неоклассический подход же определяет значимость прироста общественного продукта от основных факторов производства, которыми являются труд, капитал, земля, технический прогресс, который в свою очередь, повышает производительность каждого из вышеуказанных факторов в отдельности.

В настоящее время существует множество современных концепций экономического роста, и, хотя нельзя отрицать роль и место классических концепций, для совершенствования необходимы и современные подходы в данном вопросе. Исходя из различных концепций,

следует предположить, что в зависимости от типа экономического роста выделяют экстенсивные и интенсивные факторы. Экстенсивный можно охарактеризовать как количественное увеличение факторов производства и в данном случае, увеличение выпуска продукции достигается за счет увеличения количества работников и средств производства. К интенсивным факторам можно отнести: повышение эффективности использования предметов труда, снижение энергозатратной части производства, транспортные затраты, повышение квалификации персонала и другие.

Наряду с вышеуказанными теориями, имеет место и единая теория роста. Последняя была разработана с целью преодоления недостатков теории эндогенного роста. В отличие от более ранних теорий, данная теория роста анализирует процесс на протяжении всей человеческой истории, где рассматривался не одновременный переход различных стран от мальтузианской стагнации к устойчивому экономическому росту, что, в свою очередь, привело к глобальному неравенству. Единая теория роста была предложена Одетом Галаром [4. Р. 112]. В рамках одной динамической системы ему удалось описать фазовый переход от эпохи мальтузианской стагнации к устойчивому экономическому росту. Согласно его теории, можно сказать, что на протяжении долгого времени технологический процесс был компенсирован ростом населения, при этом уровень жизни был сведен к обыденному физическому существованию. Но изменения в численности и составе населения, параллельно с увеличивающимся темпом технического прогресса, увеличило степень важности образования, что помогло людям адаптироваться к быстро трансформирующейся среде. Увеличение объема ресурсов, выделяемых на образование, в свою очередь, привело к снижению рождаемости, что позволило экономикам распределить большую долю технического прогресса на устойчивое увеличение доходов на душу населения. Стоит отметить, что любое новое достижение, в котором задействована наука и человеческий фактор, требует фундаментальной образовательной подготовки. Таким образом, степень образованности населения для страны играет огромную роль, так как необходимы новые, высококвалифицированные кадры в каждой из сфер деятельности государства.

Переходя к вопросу экспорта образования как фактора экономического роста следует учесть, что мировое экономическое развитие в XXI веке определяется, прежде всего, переходом стран к новому этапу развития производственных сил, таких как переход от индустриального производства, где преобладало машинное производство, к постиндустриальному, которое предполагает развитие сферы услуг, науки и образования, в частности высшего. При этом речь не идет о том, что производство материальных благ потеряет свою значимость, её экономическая эффективность будет определяться масштабностью использования новых знаний. В данном случае потребность в квалифицированных кадрах возрастает, в купе с инновационными технологиями и новыми методами управления.

Учитывая быстрый темп развития экономических, политических, международных отношений, образование и наука для России играют главенствующую роль в качестве мощной движущей силы экономического роста страны и конкурентоспособности на международной арене. Стоит помнить, что для достижения значительных результатов в данном направлении человек и его капитал выступают в роли основной движущей силы. Сама теория человеческого капитала стала результатом приложения принципов экономической теории к проблемам экономики образования, здравоохранения и миграции.

Основы концепции человеческого капитала были заложены в работах представителей классической экономической теории: У. Петти, А. Смита, Д. Рикардо. Ими впервые были введены в науку идеи важности рабочей силы, способностей человека, его степень образованности в росте богатства страны и её населения. Так, У. Петти впервые исследовал и ввел категорию «живые действующие силы человека» [6. С. 34]. Автор рассматривал данную категорию в контексте национального богатства – с одной стороны, в качестве важнейшего фактора роста богатства страны, а с другой – составной его частью. Согласно же А. Смиту, важнее была роль человеческих способностей по отношению к вещественным факторам производства. Он писал: «увеличение производительности полезного труда прежде всего, зависит от ловкости и умения рабочего, а затем от улучшения машин и инструментов, с помощью которых он работает» [9. С. 490]. Другой автор, Д. Рикардо отмечал необходимость и роль образования человека, населения в экономическом росте страны [7. С. 308].

Данные идеи и исследования о «человеческом факторе» экономического развития общества в последующем легли в основу работ К. Маркса. Используя идеи основоположников классической экономической теории о месте рабочей силы в экономике, под рабочей силой он понимал «совокупность физических и духовных способностей» работников, которые задействованы в производственном процессе [7. С. 310].

В дальнейшем ученые, изучающие концепцию человеческого капитала, начали количественно оценивать эффективность человеческого капитала в экономике. Широко использовались экономико-математический и статистический инструментарий в таких вопросах как «стоимость» человека, влияния национальной системы образования на экономический рост страны, формирование и использование государственных расходов, необходимых для воспитания и образования населения. Достаточно большой вклад в исследовании данных вопросов внесли такие ученые как Л. Дублин, Ф. Крам, И. Фишер, С.Х. Форсит. Достаточно часть их исследований были в дальнейшем использованы при формировании современной теории человеческого капитала.

Рассматривая современные теории человеческого капитала, можно выделить двух основоположников, американских ученых-экономистов, лауреатов Нобелевской премии 1979 и 1992 годов – Т. Шульца и Г. Беккера. Первое определение человеческого капитала определил Т. Шульц, после публикации двух авторских работ в 1960 и 1961 годах: «Формирование капитала образования» [12. Р. 573] и «Инвестиции в человеческий капитал» [13. Р. 4]. В своей второй работе Т. Шульц писал: «Концепция капитала исходит из наличия нечто реально существующего, что обладает экономическим свойством оказывать будущие услуги, имеющие некоторую стоимость. Понимание капитала, как нечто такого, что оказывает будущие услуги, позволяет приступить к последующему делению целого на две части: на человеческий и нечеловеческий капитал» [13. Р. 11]. Данную концепцию можно обозначить несколькими ключевыми моментами.

1. Человеческий капитал – дополнительный источник дохода, который создается с помощью знаний, навыков, способностей человека.
2. Образование является одной из форм капитала и важнейшим фактором, обеспечивающим экономический рост и одновременно обособившимся источником роста – вне институтов, субъектов институциональной среды.
3. Капитал образования – это человеческий капитал вследствие того, что он неотделим от человека.

4. Образование как капитал является источником будущих удовлетворений и заработков.
5. Для улучшения качественных характеристик рабочей силы необходимы дополнительные инвестиции в образование.
6. Инвестирование образования является из вложений средств в факторы производства, создающие прибавочный продукт.

Далее эту теорию развил Г. Беккер. Следует предположить, что он внес самый большой вклад в данное научное направление и считается создателем научной школы в рамках концепции человеческого капитала. В своем научном труде «Инвестиции в человеческий капитал», изданной в 1962 года, Гарри Беккер писал, что человеческий капитал формируется за счет инвестиций в человека [2. Р. 18]. К основным направлениям инвестирования он относил обучение, подготовку на производстве, расходы на здравоохранение, миграцию. Согласно его исследованиям, именно эти расходы разными способами воздействия способствуют развитию производственной силы, интеллектуального и культурного потенциала человека. Беккер предложил три основные формы проявления человеческого капитала – общие знания, специальные знания и прочие виды знаний [3. С. 17]. По его мнению, общие знания (общий человеческий капитал) индивидуума формируется в результате реализации воспитательной функции семьи, услуг воспитания и образования учреждений среднего и высшего образования. Доход же, полученный от общих знаний, принадлежит непосредственно обладателем знаний или членом его семьи, кто одновременно выступает в роли инвестора общего человеческого капитала. Специальные же знания (специальный человеческий капитал) формируются и накапливаются в процессе трудовой деятельности на конкретном производстве. Можно предположить, что это проявляется в опыте, навыках специалиста в рамках его деятельности в той или иной организации. В данном случае, инвесторами специальных знаний одновременно являются как сам их обладатель, так и хозяйствующий субъект, в котором работает данный специалист. Что же касается других видов знаний (прочий человеческий капитал), то он формируется в результате получения умений индивидуума работать с информационными продуктами и услугами в направлении поиска более перспективного для данного работника места деятельности.

Экспорт образовательных услуг в условиях глобализации

С учетом вышесказанного, можно предположить, что в условиях формирующегося «общества знаний» образование выдвигается на первое место среди факторов развития человечества. В определенной степени, о том значении, которое придается развитию образования, свидетельствуют материалы Всемирного экономического форума, посвященные оценке конкурентоспособности отдельных стран. Так, Россия в 2019 году занимала 43-е место среди 141 страны в рейтинге по индексу глобальной конкурентоспособности, который составляет Всемирный экономический форум (World Economic Forum, WEF). Среди стран БРИКС лидером в рейтинге стал Китай, который занимал 28-е место. Присутствие России в данном рейтинге обусловлено следующими индексами: «Размер рынка», «Внедрение информационных технологий», «Инновационный потенциал», «Высшее образование и профессиональная подготовка», «Эффективность рынка труда». Необходимо отметить, что Россия улучшила свои позиции в индексе «Инновационный потенциал» благодаря улучшению качества научно-исследовательских инсти-

тутов и постоянному уровню расходов на R&D (research and development) научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, что составило почти 1,5% ВВП [10. Р. 217].

Учитывая тот факт, что образование, как общественный институт, предназначенный для удовлетворения общественных потребностей, выполняет ряд функций, можно выделить следующие: формирование и совершенствование производственных сил общества, обеспечение качества экономического роста, обеспечение непрерывности экономического развития и его ускорения и адаптация человека к меняющемуся экономическому пространству.

Рассматривая первую функцию следует понимать, что в системе производственных сил на протяжении всего исторического развития приоритетное значение имеет субъективный фактор – люди, обладающие знаниями, профессиональными навыками и опытом. И, говоря об этапе постиндустриального общества, производственные силы в большей степени основываются на трудах ученых, интеллектуальной информации и научных изобретениях.

Изучая вторую функцию, следует учесть, что экономический рост в стране необходим для обеспечения качества жизни населения, однако без развития всех уровней образования нельзя обеспечить непосредственно экономический прогресс. Несмотря на развитие технологий, всякого рода инноваций в большинстве развитых стран, существует значительный разрыв неграмотных от общего населения. Опираясь на данный факт, представляется возможным утверждать, что фактор грамотности и уровень образованности населения играет очень важную роль в развитии здоровой экономики страны.

Третья функция указывает на то, что в традиционном обществе большинство людей в своей деятельности руководствуются утилитарными мотивами, которые, в итоге, основываются на удовлетворении материальных потребностей. Адаптация человека к меняющемуся экономическому пространству подразумевает, что человеку будет необходимо обучаться на протяжении всей своей трудовой деятельности, так как именно за этот период произойдет осязаемое изменение предметной сферы жизнедеятельности человека. Вдобавок стоит сказать, что адаптация человека к постоянно меняющимся социально-экономическим условиям жизни является, в этой связи, одной из наиболее актуальных задач.

Рассуждая на тему экспорта образовательных услуг можно сказать, что экспорт российского образования – не только коммерческая, но и геополитическая задача. Практически во всем мире высшие учебные заведения являются своего рода «проводниками» ценностей и влияния. Если же экспорт образования рассматривать как экономическое явление, то можно сказать, что это некий глобальный бизнес, направленный на реализацию образовательных услуг студентам иностранных государств, с целью получения прибыли, с одной стороны, и расширения культурных и экономических связей с другой. Представляется возможным выделить три вида экспорта образовательных услуг.

Первый вид реализуется посредством открытия филиалов учебных заведений за пределами государства. Однако данный вид экспорта может быть осложнен финансовой составляющей: без должного финансирования невозможно обеспечить необходимую инфраструктуру для качественного функционирования данного заведения. В свою очередь, это затронет и обеспечение профессорско-преподавательским составом, так как без конкурентоспособного материального обеспечения не-

возможно привлечь высококвалифицированных специалистов.

Второй вид подразумевает механизм студенческой академической мобильности. В этом случае иностранные студенты обучаются в ВУЗах тех стран, которые экспортируют образовательные услуги. В настоящее время данный вид экспорта набирает все большую популярность. Одним из ярких примеров могут служить магистерские программы двойного диплома Факультета управления и политики МГИМО университета. Согласно учебным планам данных программ, первый год студенты обучаются в университете страны партнера, второй год обучения проходит в МГИМО. По завершению обучения выпускники получают два диплома государственного образца – МГИМО и Университета партнера¹.

Наконец третий вид экспорта связан с трансграничным образованием. Так, студенты могут обучаться в стране проживания, а государство-экспортер защищает себя от отрицательных эффектов пребывания иностранных студентов на его территории.

На сегодняшний день мировой рынок образовательных услуг по праву может являться одним из наиболее быстро развивающихся статей экспорта. Согласно прогнозам ЮНЕСКО, к 2025 году общее число студентов, задействованных в академической мобильности, может составить около 7 миллионов человек. В этой связи, наиболее важным показателем экспорта российских образовательных услуг будет определяться численностью иностранных студентов, обучающихся как на очной, так и на заочной основах. Не маловажным показателем является доход от оплаты за обучение данных студентов. Особенностью экспорта образовательных услуг с учетом процесса глобализации является высокая концентрация спроса и предложения. На рынке возникают новые акторы, которые определяют рост конкуренции в данной сфере, увеличивают темп роста рентабельности образовательных программ как отдельно взятого ВУЗа, так и в целом российского образования, тем самым увеличив международную академическую мобильность. По данным Всемирной торговой организации, общий объем образовательного рынка в мире оценивается в 50–60 млрд долл. [11. С. 249]. Можно утверждать, что в настоящее время лидером оборота образовательных услуг является США, на втором месте Великобритания. Создание привлекательной среды для иностранных учащихся является одной из приоритетных задач любого государства.

В связи с вышесказанным можно утверждать, что экспорт образования – неотъемлемая часть национальной, экономической внешней политики. Большинство стран уделяют значительное внимание миграционным студенческим потокам и управляют ими. Однако, не смотря на развитие экспорта российского образования, к сожалению, пока не приносят значительных доходов. Учитывая относительно низкую стоимость высшего образования, по отношению к другим странам, Россия получает доход лишь около 4% процентов от общего объема иностранных студентов.

Еще один фактор, который препятствует повышению привлекательности Российского образования, среди иностранных студентов заключается в том, что основной поток состоит из студентов стран СНГ. Тем не менее, наблюдается положительный рост студентов из Китая, Индии, Вьетнама, стран Африки. Говоря о темпах экспорта российского образовательного продукта на мировом рынке, можно выявить несколько факторов,

¹ 10 фактов о Факультете управления и политики МГИМО МИД РОССИИ. Сайт Факультета управления и политики МГИМО МИД России. URL: <https://sgp.mgimo.ru/> (дата обращения: 25.12.2022).

определяющих замедление или ускорение данного процесса: несовершенная нормативно-правовая база, слабо развитые социально-бытовые условия, дороговизна медицинского обслуживания иностранных студентов, слабое владение иностранным языком профессорско-преподавательского состава.

Немаловажным фактором, в том числе может быть и недостаточная информационная работа по рекламе и продвижению образовательных услуг. К иным экономическим факторам, в сфере высшего образования, которые могут тормозить развитие конкурентоспособности российского образования, можно отнести достаточно низкие ставки оплаты труда преподавательского состава. На данный момент, большая часть российских университетов не может «похвастаться» высоким уровнем оплаты труда. Согласно данным проекта «Как платят профессорам», Бостонского центра исследования высшего образования, из 28 стран Россия занимает 27-е место по критерию средней заработной плате, что составляет 617 долл. в месяц [1. С. 24]. Лидером же по условиям оплаты труда профессорско-преподавательского состава в университетах является Канада – 1207 долл. в месяц. Но необходимо заметить, что возникает иная проблема – довольно низкая академическая мобильность преподавателей или, иными словами – «инбридинг» [8. С. 182].

Заключение

Делая некоторые выводы, можно сказать, что значение экспорта образовательных услуг в некоторых случаях занижена, хотя и достаточно быстро набирает обороты. За счет экспорта образования государство не только подпитывает экономику, но и реализует основные направления внешней политики в сфере культуры, конкурентоспособности на международной арене, в рамках гуманитарного сотрудничества на мировом пространстве.

Литература

1. Альтбах Ф., Райсберг Л., Пачеко И. Академическое вознаграждение и контракты: мировые тенденции и реалии // Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов / под ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич, Г. Андрущак, И. Пачеко. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. – С. 15–36.
2. Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. No. 5. Pp. 9–49.
3. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. – М.: ВШЭ, 2003. – 672 с.
4. Galor O. Unified Growth Theory. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011. – 344 p.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960. – 907 с.
6. Петти В. Экономические и статистические работы. – М.: Соцэргиз, 1940. – 324 с.
7. Петти В., Смит А., Рикардо Д. Антология экономической классики. Т. 1. – М.: Эконом, Ключ, 1993. – 478 с.
8. Сивак Е., Юдкевич М. Академический инбридинг: за и против // Вопросы образования. 2009. № 1. С. 170–187.
9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэргиз, 1956. – 688 с.
10. The Global Competitiveness Report 2003–2004: World Economic Forum. – N.Y.: Oxford University Press, 2004. – 574 p.

11. Чеботарева М.С. Россия на мировом рынке образовательных услуг // Молодой ученый. 2012. № 5(40). С. 249–252.
12. Schulz T. Capital Formation by Education // Journal of Political Economy. 1960. Vol. 6. No. 6. Pp. 571–583.
13. Schulz T. Investment in Human Capital // American Economic Review. 1961. Vol. 51. No. 1. Pp. 1–17.

EXPORT OF EDUCATION AS A FACTOR OF THE COUNTRY'S ECONOMIC GROWTH

Manukyan A.R.

MGIMO University

The export of educational services is the most important source of development not only for the country's economy, but also for its foreign policy, its integration into the world community. At the present stage, in the context of the internationalization of higher education, there is an increase in the export of educational services. The article presents an analysis of the functions of education as a public institution, namely the formation and improvement of the productive forces of society, ensuring the quality of economic growth, ensuring the continuity of economic development and its acceleration, and adapting a person to a changing economic space. It was noted that the export of Russian education is not only a commercial, but also a geopolitical task.

Keywords: education, export of educational services, economic policy, university, world politics, human capital, literacy factor, level of education.

References

1. Altbach F., Reisberg L., Pacheco I. Academic remuneration and contracts: global trends and realities // How professors are paid. Global comparison of reward systems and contracts / ed. F. Altbach, L. Reisberg, M. Yudkevich, G. Andruschak, I. Pacheco. – M.: Ed. house HSE, 2012. Pp. 15–36.
2. Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. No. 5. Pp. 9–49.
3. Becker G.S. Human Behavior: An Economic Approach. – M.: HSE, 2003. – 672 p.
4. Galor O. Unified Growth Theory. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011. – 344 p.
5. Marx K., Engels F. Works. Ed. 2. Vol. 23. – M.: Politizdat, 1960. – 907 p.
6. Petty V. Economic and statistical work. – M.: Sotsekgiz, 1940. – 324 p.
7. Petty V., Smith A., Ricardo D. Anthology of economic classics. Vol. 1. – M.: Ekonom, Klyuch, 1993. – 478 p.
8. Sivak E., Yudkevich M. Academic inbreeding: pros and cons // Educational Issues. 2009. No. 1. Pp. 170–187.
9. Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of nations. – M.: Sotsekgiz, 1956. – 688 p.
10. The Global Competitiveness Report 2003–2004: World Economic Forum. – N.Y.: Oxford University Press, 2004. – 574 p.
11. Chebotareva M.S. Russia in the world market of educational services // Young scientist. 2012. No. 5(40). Pp. 249–252.
12. Schulz T. Capital Formation by Education // Journal of Political Economy. 1960. Vol. 6. No. 6. Pp. 571–583.
13. Schulz T. Investment in Human Capital // American Economic Review. 1961. Vol. 51. No. 1. Pp. 1–17.

Морозова Дарья Сергеевна,

преподаватель кафедры медийной политики и связей с общественностью Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: Morozova_d_s@mgimo.ru

В статье анализируется роль и влияние идеологических концепций на формирование и развитие системы международных отношений. Автором проводится комплексная оценка идеологического противостояния государств в течение 20 века, особое внимание уделяется борьбе различных идеологий в ходе Второй мировой и Холодной войн. Подробно рассматривается роль идеологии в мировой политике на современном этапе. Сделан вывод об угрозах со стороны коллективного Запада миру в целом, и большинству других стран, в том числе и России, которые реализуют многополярный, многовекторный внешнеполитический курс: строить систему международных отношений, основанную на равенстве, взаимном уважении, учёте интересов всех участников этих отношений.

Ключевые слова: идеология, мировая политика, международные отношения, идеологическая борьба, социально-политические системы, Вторая мировая война, Холодная война, украинский кризис.

В современном мире политика глубоко переплетена с идеологией, которая формирует модель общества, конструирует систему институтов власти, их функции и задачи, обуславливает общественные сознание и поведение. Идеология играет важную роль в определении места страны в международной политической системе координат, содержит идейно-нравственные ценности и установки.

Впервые идеология стала важным фактором мировой политики в начале XIX в. На противодействие радикальным идеям, которые получили распространение после французских революционных и наполеоновских войн, был направлен созданный по итогам Венского конгресса 1815 г. Священный союз – в составе России, Пруссии и Австрии.

Однако вплоть до начала XX в. международные отношения основывались на принципах национального суверенитета, заложенные Вестфальским миром. Они не определяли внутреннюю идеологию жестко. Например, два противоборствующих блока, сложившиеся перед Первой мировой войной – Антанта и Тройственный союз не были жесткими идеологическими антагонистами. Так, например, участниками Антанты были и монархическая Россия, и республиканская Франция, и парламентская Англия. Борьба между этими военными союзами велась не за идеи и мировоззрения, а за раздел сфер влияния, новые рынки сбыта и колониальные владения.

Ситуация радикально поменялась после Октябрьской революции, в результате которой к власти в России пришли большевики. Внешняя политика СССР получила новую идеологическую платформу. Советские лидеры были одержимы мессианской идеей построить миропорядок на новых принципах, ставили перед собой задачу организовать «мировую революцию».

Другим европейским государством, где идеология имела определяющее влияние на все сферы жизни, была нацистская Германия. Фундаментом национал-социализма стали идеи о расовой исключительности и жизненного пространства, антисемитизм, милитаризм, антикоммунизм, русофобия. На достижение этих преступных целей была направлена внешняя и военная политика гитлеровского режима.

Методология. В основе исследования лежат методы теоретического анализа. Автором были изучены российские и зарубежные материалы периодических изданий. В работе проводился контент-анализ российской и зарубежной научной литературы по заявленной теме.

Идеологические эпохи в международных отношениях. Именно к середине XX в. идеология стала одним из важнейших факторов международных отношений. Особенно ярко он проявился во Второй мировой войне, в которой столкнулись три политико-идеологические системы: советский коммунизм, германский национал-социализм и западный либерализм. Схватка между ними проходила не только по геополитическим, но и по четким идеологическим линиям. Причем война шла не столько за территориальное господство. Она велась на полное уничтожение своего противника, навязывание ему своей мировоззренческой системы, ценностей и образа жизни. Безоговорочная капитуляция Третьего рейха означала поражение нацистских идей и крах германской государственности.

Окончание Второй мировой войны ознаменовало новую эпоху в международных отношениях, которую определяло противоборство в мировом масштабе социально-экономических систем – социализма и капитализма. Практически весь мир был поделен на два противоборствующих лагеря с жесткой блоковой дисциплиной во главе с двумя сверхдержавами – СССР и США. Их идеология стала той центральной осью, на которой «крутился» биполярный мир. Холодная война оказала серьезное влияние на политическую карту мира, способствовала формированию новых государств, проведению масштабных социальных экспериментов.

Из-за идеологического противостояния в мире царил атмосфера недоверия, взаимной подозрительности и враждебности. Глобальная борьба не предполагала какой-то договоренности между идеологическими противниками, а велась до победного конца, испытывала их на прочность, эффективность, сплоченность и идейную устойчивость. Каждая из сторон не могла поступиться своими идеологическими принципами и была готова пойти на третью мировую войну с применением ядерного оружия ради их защиты. Все ресурсы двух блоков были направлены на продвижение своей модели социального, политического и экономического устройств. Любое событие рассматривалось сквозь идеологическую призму, как очередной эпизод глобального противостояния.

Характерный идеологический окрас приобрели все региональные конфликты периода Холодной войны. Противостояние двух систем вылилось в локальные войны в Корее (1950–1953), во Вьетнаме (1955–1973), в Афганистане (1979–1989), в Анголе (1975–2002), в Ближневосточный конфликт (1948 г. по н.в.) и ряд других. Конечно, они имели свои внутренние политические и социальные причины, но их объединяло прямое или косвенное вмешательство великих держав. Это приводило к глубокому расколу государств, милитаризации региона, затягиванию конфликтов.

Идеологическая борьба в общественных сферах. Непримируемый антагонизм двух социально-политических систем затронул все общественные сферы, включая науку, искусство, человеческие контакты и спорт. Достижения в этих областях использовались для демонстрации успехов каждой из систем, играли важную роль в борьбе за влияние в мире. Ввиду невозможности победить в «горячем» конфликте, идеологическая конфронтация СССР и США переместилась на футбольные поля, хоккейные и баскетбольные арены, олимпийские стадионы. Все соревнования, в которых принимали участие советские и американские спортсмены, всегда имели идеологическую составляющую. Достаточно вспомнить тот идеологический накал в прессе и обществе, который сопровождал хоккейные матчи «суперсерий» и борьбу за мировую «шахматную корону». К сожалению, политика продолжает вмешиваться в спорт и сегодня.

Идеологическая борьба захватила сферу космоса. На запуск СССР первого космического аппарата и полет советского космонавта Ю. Гагарина в космос, первый советский «Луноход» на поверхности спутника Земли – США ответили высадкой астронавтов на Луну. Советская программа космических кораблей многоразового использования «Энергия Буран» была ответом на аналогичные разработки США космических шаттлов. Успехи в освоении околоземного имели большой пропагандистский эффект, демонстрировали превосходство одной системы над другой.

Культура также стала языком идеологической разъяснительной работы, которая имела непосредственное воздействие на «сердца и души» людей, служила целям

создания позитивного образа страны за рубежом, формированию лояльной аудитории, верных сторонников своей идеологии. Для этого использовались все средства: кинематограф, литература, музыка, радио, изобразительное искусство, образование.

Так, во время Холодной войны советское радиовещание на иностранные государства приобрело без преувеличения всемирный охват. К началу 80-х гг. прошлого века оно велось на 75 языках. Конечно, идеологические противники не могли не использовать такой эффективный инструмент пропаганды. На «русской волне» и на других языках советских народов вещали радиокomпании Би-Би-Си, «Голос Америки», Радио «Свобода», «Немецкая волна», «Радио Ватикана», «Голос Израиля» и др.

Советская культурная дипломатия отличалась нестандартными и весьма эффективными подходами, не была лишена креативности. Большим международным событием стал проведенный в нашей стране в 1957 г. VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Активно гастролировали по миру, в том числе по капиталистическим странам, ведущие творческие коллективы Советского Союза, включая труппы Большого театра, Мариинского театра, ансамблей песни и пляски им. А.В. Александрова, народного танца под руководством И. Моисеева.

США также активно использовали свое культурное достояние в идеологической борьбе. Например, они продвигали образ джаза так, чтобы он ассоциировался с американской политической системой, которая открывала широкие возможности для творчества, предоставляла свободу политического самовыражения вне зависимости от расовой принадлежности. Выдающийся американский композитор и исполнитель Д. Эллингтон называл джаз – «барометром свободы»¹.

Советская система образования была также на острие борьбы двух идеологий. Хоть СССР включился в гонку в сфере образования позже и был в роли догоняющего, он достаточно быстро добился лидерских позиций: в 1990 г. занимал третье место в мире после США и Франции по числу иностранных студентов². Аналогичными методами в гуманитарной сфере действовали и США, которые экспортировали образование для распространения своих общественно-политических и экономических ценностей.

Холодная война имела еще один фронт – религиозный. Некоторые американские исследователи представляют противостояние либерализма и коммунизма в качестве противоборства истинных верующих, защищающих христианские ценности (США), и воинствующих безбожников (СССР) (Preston, 2012: XIII). Была создана целая сеть религиозных структур, которые работали против СССР.

Советский Союз, несмотря на проводимую внутриполитическую антирелигиозную кампанию, активно использовал возможности религиозных организаций, традиционных конфессий для распространения своего влияния за рубежом. В качестве примера здесь можно привести борьбу между СССР и США в середине 1960-х гг. за кафедру Антиохийского патриархата (Чумаченко, 2017: 52). Грубое вмешательство государства в церковные дела происходят и сегодня, когда вопреки воле боль-

¹ Как джаз стал оружием Госдепа, взбесил Хрущева и отменил Карибский кризис. [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8372147> (дата обращения: 30.11.2022).

² Как иностранцы учились в СССР и в России [Электронный ресурс] // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2715297> (дата обращения: 30.11.2022).

шинства верующих была предоставлена автокефалия Православной церкви Украины.

Гегемония западного мира и примитивный этнонационализм. В связи с распадом СССР и уходом с глобальной арены коммунизма идеология не перестала быть одним из ключевых факторов международных отношений. Запад убедился в своей исторической правоте, ведь СССР и проповедуемая им система ценностей потерпели поражение в глобальном соревновании. Мир на короткое по историческим меркам время стал однополярным. США остались единственной сверхдержавой и стали навязывать всему миру западно-либеральную демократию, как универсальную модель политического и экономического устройства. Такая политика получила и теоретическое обоснование. Ее сформулировал американский политолог и философ Ф. Фукуяма, согласно которому «триумф Запада, триумф западной идеи проявляется прежде всего в полном истощении некогда жизнеспособных альтернатив западному либерализму» (Фукуяма, 1990: 89). Наступила «золотая эпоха» для гегемонии и процветания западного мира, которая, казалось бы, продлится очень долго.

Эти идеи укрепили уверенность США в своей моральной правоте, что они «на правильной стороне истории», и поэтому оказали существенное влияние на американский внешнеполитический курс, в основе которого лежат эгоистические устремления, желание доминировать во всем мире, вера в собственную исключительность. В 1999 г. США и страны НАТО грубо нарушили принцип нерушимости границ в Европе, когда без мандата ООН в течение двух с половиной месяцев бомбили Югославию, чтобы свергнуть неугодное руководство. В 2003 г. под сфальсифицированным предлогом обнаружения оружия массового уничтожения США и возглавляемая ими коалиция осуществили военную интервенцию в Ирак. Позже мир стал свидетелем аналогичных шагов в рамках и так называемой «арабской весны». При этом иностранное военное вмешательство запускает жестокие гражданские войны, приводит к беспрецедентному всплеску международного терроризма и радикальных идеологий, к крупным гуманитарным катастрофам, как, например, масштабный миграционный кризис в Европе.

Также можно отметить и усиление в современном мире такой идеологической концепции, как примитивный этнонационализм. Первоначально казалось, что он не имеет сильного влияния на международные отношения и является продуктом для внутреннего потребления, для решения сиюминутных политических задач, таких как мобилизация общества, поиск врага, на которого можно списать социально-экономические проблемы, борьбы с политическими оппонентами, удержания власти.

Именно такая ситуация сложилась на Украине после государственного переворота в 2014 г. Её внутренняя и внешняя политика строится по принципам оголтелой русофобии и расового превосходства, запрете на использование русского языка, восхвалении нацистских пособников. Постоянно проводятся карательные акции против людей, которые относятся к другой национальности, имеют другие политические взгляды, в том числе вели обстрелы «по площадям» жилых кварталов Донецка и Луганска из крупнокалиберной артиллерии, систем залпового огня. В целом украинская националистическая идеология не несет в себе позитивный посыл, а наоборот разделяет людей, опираясь на наследие своих идейных «отцов» – таких гитлеровских пособников, как С. Бандера. Она строится исключительно на антироссийской основе, где основная задача украинского государства, отрицая духовное, культурное и национальное род-

ство русского и украинского народов, как можно дальше удалиться от России, нанести ей максимальный ущерб.

Для обеспечения национальных интересов и безопасности, защиты жизни своих граждан и соотечественников на Востоке Украины Россия пошла на признание Донецкой и Луганской Народных Республик, а также проведение специальной военной операции на территории Украины. Региональный украинский вопрос приобрел глобальное измерение, до предела обострив противостояние России и Западных стран, которые ввели масштабные санкции, накачивают киевский режим смертоносным оружием, включая крупнокалиберные артиллерийские системы, танки, отправляют наемников и обеспечивают разведданными. Идейной основой западных стран вновь является борьба с Россией как самостоятельным и независимым государством.

Заключение. Современные международные отношения отличаются высокой степенью неопределенности и непредсказуемости, что наглядно показала эпидемия коронавирусной инфекции, которая нанесла серьезный удар по мировой экономике и торговле, существенно перестроила поведение государств и людей, а также украинский кризис, который поставил мир на грань большого конфликта с участием ядерных держав.

Очевидно, что Запад хочет сохранить доминирующее положение своей либерально-демократической идеологии, будет отчаянно, всеми силами защищать наиболее чувствительные для него позиции, используя любые, даже самые грязные методы и инструменты, вплоть до продвижения так называемой «культуры отмены» всего, что связано с Россией. Тем самым коллективный Запад угрожает и миру в целом, и большинству других стран, которые реализуют многовекторный внешнеполитический курс, хотят строить систему международных отношений, основанную на равенстве, взаимном уважении, учете интересов всех участников международных отношений.

Россия, в свою очередь, будет поддерживать многополярный и многовекторный мир и в культурно-цивилизационном плане не будет идти по сценарию отмены мировой культуры, как заявил об этом президент РФ В.В. Путин¹. Становится очевидным, что идеологическое противостояние коллективного Запада и России, а также всех, кто разделяет многополярный подход к новому, выкристаллизовывающемуся мировому устройству, выходит на новый уровень.

В новых условиях агрессивной политизации Западом всех сторон жизни, Москва также заостряет свою риторику и будет вынуждена вести более активную политику по защите как своих внешнеполитических интересов, так и культурных, и цивилизационных ценностей, продвигая их в дружественных и нейтральных странах.

Литература

1. Preston A. Introduction: The Religious Cold War // Religion and the Cold War: A Global Perspective / ed. by Philip E. Muehlenbeck. – Nashville: Vanderbilt University Press, 2012. – Pp. XI–XXII. DOI: 10.2307/j.ct-v16758xt.4.
2. Чумаченко Т. К вопросу об объявлении в 1966 г. представителя Московского патриархата при Антиохийском патриархе епископа Владимира (Котлярова) persona non grata. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 41–64.

¹ Путин: пусть Запад живет без Чайковского, но Россия «отменять» мировую культуру не будет. [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16882197> (дата обращения: 25.01.2023).

3. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.

ROLE OF IDEOLOGY IN INTERNATIONAL RELATIONS AND WORLD POLITICS

Morozova D.S.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article analyzes the role and influence of ideological concepts on the formation and development of the system of international relations. The author makes a comprehensive assessment of the ideological confrontation of states during the 20th century; special attention spent to the struggle of various ideologies during the Second World War and the Cold War. The influence of ideology on various aspects of international cooperation at the present stage is considered in detail. The conclusion is made about the threats from the collective West to the world as a whole, and to most other countries, including Russia, which are implementing a multipolar, multi-vector foreign policy course: to build a system of international rela-

tions based on equality, mutual respect, and taking into account the interests of all participants in these relations.

Keywords: ideology, world politics, international relations, ideological struggle, socio-political systems, World War II, Cold War, Ukrainian crisis.

References

1. Preston, A. Introduction: The Religious Cold War // Religion and the Cold War: A Global Perspective / ed. by Philip E. Muehlenbeck. – Nashville: Vanderbilt University Press, 2012. – Pp. XI–XXII. DOI: 10.2307/j.ctv16758xt.4.
2. Chumachenko, T. (2017) K voprosu ob ob'yavlenii v 1966 g. predstavatelya Moskovskogo patriarkhata pri Antiokhiyskom patriarkhe yepiskopa Vladimira (Kotlyarova) persona non grata [On the issue of declaring in 1966 the representative of the Moscow Patriarchate under the Patriarch of Antioch, Bishop Vladimir (Kotlyarov) persona non grata]. // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, religion, church in Russia and abroad]. (1), 41–64. (In Russian).
3. Fukuyama, F. (1990) Konets istorii? [The End of History?]. // Voprosy filosofii [Issues of Philosophy]. (3), 84–118. (In Russian).

Хадыров Равшан Юнусович,

руководитель развития агентского кабинета ООО «Сравни ру Лабс»

E-mail: khadyrov.r.u@mail.ru

Причины взлета и падения политического ислама в Таджикистане (1991–2015), ставшего мощным фактором постсоветской трансформации общества, остаются в зоне внимания исследователей, особенно после воссоздания Исламского эмирата Афганистан (ИЭА) в 2021 году. В статье прослеживается эволюция отношений возникшего в начале 90-х годов института политического ислама с властью и обществом, рассматриваются политико-правовые механизмы деполитизации ислама и деинституционализации его партийной формы – Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Автор приходит к выводу, что правительством тактическая победа над политическим исламом достигнута, политическая и религиозная ситуация в стране стабильна, однако радикальные исламистские силы в ИЭА являются угрозой миру и безопасности для светского режима Таджикистана.

Ключевые слова: Таджикистан, политический ислам, Партия исламского возрождения Таджикистана, деполитизация ислама.

Введение

Проблемы соотношения национального секуляризма и исламского фактора в сложных условиях строительства светского демократического государства стали экзистенциальными с первых дней независимости Таджикистана. С воссозданием в 2021 году ИЭА, установлением в нем теократической политической системы, в приграничье заметно активизировались исламистские группировки этнических таджиков – бывших боевиков, непримиримых противников светского правления и режима Э. Рахмона. Руководством Таджикистана ситуация оценивается как потенциальная трансграничная угроза дестабилизации религиозной и политической обстановки [8; 33].

Эти обстоятельства определяют цели статьи – рассмотреть динамику влияния института ислама на политическую ситуацию, эволюцию отношений между религией и государственно-политическими институтами. Анализ баланса влияния института религии и светских институтов в политической системе Таджикистана, соотношения политико-правовых и религиозно-мировоззренческих противоречий в секулярном государстве является особенно важным для общества, в котором более 90% граждан исповедуют ислам (за рамки статьи вынесем исмаилизм, имеющий глубокое религиозное влияние только в Горном Бадахшане).

Основная часть

Ислам как массовая религия на территории Таджикистана существует уже более 1300 лет. Столько же времени ислам и политика тесно связаны, о чем пишет А.В. Малащенко, раскрывая исламскую традицию неразрывности ислама и политики как социальной потребности в реализации особой модели исламизации общества ради построения «идеального» государства [16]. Глубокую связь ислама и политики определяет исламский идеолог Ю. Карзави: «Ислам без политики не ислам, ...а другая религия» [31], М.Ф. Муртазин подчеркивает влияние ислама на развитие политической ситуации в Таджикистане [18], А. Рахнамо вообще утверждает о невозможности в таджикском обществе «неполитического ислама» [24]. И все же деполитизация ислама и деинституционализация его партийно-политических структур и форм в Таджикистане оказалась возможной.

Феномену политического ислама и его эволюции в светском Таджикистане посвящено множество научных трудов и публикаций. М.М. Акилова [2], Р.С. Бобохинов [4], Г. Жусипбек [11], З.И. Мунавваров [16], А. Рахнамо [25; 26], М.Ф. Муртазин [17; 18], Н.Д. Назиров [19], Д. Овсянников [22], Г.А. Рудов [27], Ш.Ш. Саидов [28], А. Халид [31] и ряд других исследователей в своих работах рассматривают проблемы и постсоветские процессы политизации ислама как идейной платформы сплочения радикальных сил и инструмента борьбы за власть, эволюцию влияния исламских религиозно-политических сил на политическую ситуацию и стабильность общества. В этих работах прослеживается концептуальная дифференциация ислама и исламизма: традиционный ислам – это религия, вера, а не политическая идеология; исламизм же – это идеология и политическая надстройка к религиозной системе. Традиционный ислам

вообще не ставит перед собой политических целей, являясь только «институтом участия» гражданского общества в составе неполитических социальных институтов политической системы, выполняя функции сохранения, поддержания ценностей, установленных в обществе и опосредованного влияния верующих на политический процесс, выступая за недопустимость политизации веры в Бога.

Работы В.И. Бушкова и Д.В. Микульского [5; 7], И.Д. Звягельской [6], Н.Д. Назирова [19], С. Олимовой [23], подводят к выводу, что в Таджикистане в 90-х годах XX века ислам приобрел политическую субъектность в форме этно-регионального радикального исламизма, а ПИВТ явила единственный пример институализации идей исламизма на постсоветском пространстве. Произошла взрывная политизация и радикализация ислама, а точнее – использование определенными политическими силами ислама как идеологического оружия и знамени «борьбы с неверными» – коммунистами, светскими властями.

Политический ислам в Таджикистане проявился как форма инструментального применения исламского учения для достижения политических целей «демо-исламистских» сил – насильственного свержения власти советской партийной номенклатуры и установления в стране теократического правления. Это стало важнейшей причиной жестокой, разрушительной гражданской войны, а не фактором консолидации общества в первые годы независимости. Несомненно, деструктивная роль политического ислама вызвала закономерную реакцию победивших в войне светских властей, реализованную в последовательных мерах по деинституционализации политического исламизма. Рассмотрим периодизацию эволюции и механизмы отношений между институтами власти и политического ислама в ходе институциональной трансформации и модернизации таджикостанского общества.

Первый этап (1991–1997) характеризуется институциональным оформлением политического ислама как силы, претендующей на власть. Набирающий силу исламизм объединил интересы кланов-авлодов Припамирья и Горного Бадахшана, выступивших объединенной силой в борьбе за власть с этнополитическими группировками Ленибадского и Кулябского авлодов. Это вылилось в непримиримое идейное и жестокое вооруженное противостояние «демо-исламистов», образовавших неустойчивый симбиоз (Демократическая партия (ДПТ), ПИВТ, «Растохез», «Лаъали Бадахшон», часть мусульманского духовенства, прозванные в народе «вовчиками»-ваххабитами) и защитников светского государства в составе Народного фронта («юрчики») [16; 22].

Партийно-политическим институтом и авангардом демократов и исламистов выступили ДПТ и ПИВТ, которые представляли интересы идеологически полярных политических сил: ДПТ – научной, творческой интеллигенции, исповедующих светский таджикский национализм, переход к рыночной экономике; ПИВТ – религиозного населения из небольших городов, декхан, мулл-реформаторов (муджаддидов) из районов Тавильдары, Каратегина, Рашта, Гарма в центральной части Таджикистана, исмаилитов Горного Бадахшана. Программными лозунгами была объявлена борьба против коммунизма, светской системы правления и построения исламского государства (дар аль ислам). Однако большая часть народа эти установки не приняла, и с 1993 года поддерживало центральное правительство, вооруженные силы Народного фронта, которые активно боролись против группировок боевиков-исламистов, севших смерть и разрушения в стране.

Последующее угасание импульса влияния политического ислама, как и идеологии «демократов», связано с чередой военных поражений, идейным расколом и внутренними конфликтами в вооруженной оппозиции, утратой значимых материальных выгод для авлодов гармско-раштской группировки, сокращением финансовой помощи исламских государств. Время тотального господства идеологии радикального исламизма прошло, наступил период политического прагматизма и компромиссов с укрепившимся светским режимом центральной власти, а политические руководители ПИВТ С.А. Нури, А. Тураджонзода, тысячи боевиков-исламистов эмигрировали в Афганистан.

В ходе второго этапа (1997–2000) после подписания Общего Соглашения об установлении мира и национального согласия в стране и достижения компромиссного баланса светских и исламистских политических сил светская власть провела референдум по изменению Конституции, легализовавший ПИВТ и деятельность общественно-политических организаций религиозного характера. По Соглашению исламисты получили 30% правительственных постов, но не центры влияния на политическую и экономическую жизнь Таджикистана. Усиливая светское влияние на процессы религиозной жизни, президент Э. Рахмон преобразовал в 1997 году Духовное управление мусульман Таджикистана в Исламский центр, во главе которого были поставлены религиозные союзники политики президента, а под контроль государства перешли все мечети и религиозные образовательные структуры. Эти и другие меры привели к тому, что силы политического ислама утратили свое былое массовое влияние, ряды исламистов покинул их лидер А. Тураджонзода, ставший сторонником президента Э. Рахмона и призвавший голосовать за Народно-демократическую партию (НДПТ) на парламентских выборах 2000 года, по итогам которых ПИВТ проиграла НДПТ и коммунистам.

На третьем этапе (2001–2006) власть перешла к реализации механизмов маргинализации партийных структур и лидеров политического ислама. Временные компромиссы и диалог постепенно сместились к вытеснению радикально настроенных бывших полевых командиров-оппозиционеров из власти, объявлению многих из них вне закона или ликвидации. К этому времени сложились и благоприятные внешние условия для окончательной победы над радикальным исламизмом – в 2002 году началась операция международной коалиции в Афганистане, а спецслужбы Таджикистана жестко пресекали международные связи таджикостанских исламистов, нацеленных на создание всемирного халифата.

Власти действовали продуманно, в 2003 году активно участвовали в неформальном светско-исламском диалоге по мерам взаимного доверия, документы которого констатировали: «Ислам, будучи религией абсолютного большинства граждан, является органической составляющей таджикского общества и национальной культуры и имеет реальное влияние на общественно-политические процессы» [9]. Совокупность эффективных мер властей подтолкнула таджикостанских исламистов к организационному и идейному краху, потере ядерного электората, что и подтвердилось очередным поражением ПИВТ на выборах в парламент в 2005 году.

Четвертый этап (2006–2015) характеризовался окончательным вытеснением из политического пространства исламистских сил, ранее пропагандировавших идеи исламского государства, а затем сосредоточивших деятельность на духовно-нравственном воспитании молодежи [3; 20]. Исламский центр при правительстве, Коми-

тет религии, упорядочения традиций, торжеств и обрядов последовательно проводят политику секуляризации общественной жизни, в результате фактор ислама в политике постепенно был сведен к минимуму. В течение этого же периода были подавлены вооруженные мятежи и ликвидированы несколько известных исламистов, бывших командиров оппозиции, вошедших в руководство Минобороны Таджикистана и других силовых ведомств. Масштабная правовая поддержка (закон 2009 года «О свободе совести и религиозных объединениях» [21]) и активная пропаганда ханафитского «народного ислама», закрепили статус светского государства, в котором религиозные организации не могут вмешиваться в вопросы государственного управления, участвовать в создании и деятельности политических партий.

В то же время в Таджикистане появились различные нелегальные экстремистские религиозные группы: «Армия Тойиба», «Братья мусульмане», Джамоати Таблиг, Джамаат Ансаруллох, «Исламское государство Ирака и Леванта» «Исламское движение Туркестана» (бывшее ИДУ), «Исламское общество Пакистана», «Салафия», «Свободный Таджикистан», «Талибан» (все организации запрещены законодательством РФ) [1]. Отметим, что реакция населения, мусульманского духовенства на действия нелегальных радикалов-экстремистов была резко негативной, стало очевидным, что большинство гражданского общества Таджикистана окончательно отторгло идеи и практику радикального исламизма, а ПИВТ утратила авторитет и позиции ведущего института политического ислама. Причинами краха политического ислама стали: неприятие народом идеологической концепции исламизации государства и общества; память о жестокости исламистов в годы гражданской войны; постепенный уход харизматических лидеров политического ислама; массовая поддержка политических, социальных изменений, проводимых светским государством.

Э. Тибо, исследуя тенденции постсоветского религиозного возрождения и последующего ослабления политического ислама в Таджикистане, обнаружила, что современные формальные, неформальные институты и нормы зависимы от предшествующего советского развития (path-dependency) и стремятся к самовоспроизведению, а советское наследие секулярности продолжает влиять на формирование современной позиции института и роли религии в обществе [34].

С сентября 2015 года ПИВТ и ряд других исламских группировок, запрещенных по решению Верховного суда РТ, перешли на нелегальное положение. Так завершилась игра в политический и религиозный плюрализм, религиозную терпимость в политике, блестяще разыгранная с мировым сообществом президентом Э. Рахмоном. Когда была политическая необходимость – ПИВТ поднимали на щит таджикостанской и мировой демократии как достойный пример встроенности религиозной партии в институты политической системы светского государства, когда нужда в этом отпала – этой партии вспомнили все и отменили по восточным традициям – лидеры партии потеряли лицо, подверглись уголовному преследованию, а партия перестала существовать. Таким образом, правящая элита, правоохранительные органы Таджикистана последовательно и окончательно вытеснили из политического пространства страны структуры политического ислама, ограничили легальность религиозных экстремистских организаций, обосновано видя в них угрозу стабильности политического режима и общества.

Пятый этап (2016 – настоящее время) укрепление секуляризма и «народного ислама» в политической и общественной жизни Таджикистана. В настоящее время осуществляется жесткий государственный контроль

со стороны государства над религиозной деятельностью, но принцип секуляризма в политической практике не сопровождается преследованием ислама, других религий, наоборот, государство оказало масштабную поддержку строительству новых мечетей, расширению сети исламских издательств и СМИ.

В 2018 году концептуальное осмысление властями произошедших изменений и негативных тенденций в религиозном пространстве нашло отражение в Концепции государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии. В документе констатируется, что религиозная среда является наиболее уязвимой от распространения религиозного радикализма и экстремизма, а исламские партии и религиозно-идеологические движения в Таджикистане стали политическим инструментом «диверсионных кругов», иностранные экстремистские религиозные центры создают серьезную угрозу для национальной безопасности, стабильности и спокойствия общества. В Концепции подчеркивается, что государство в законном порядке регулирует процессы получения религиозного образования, импорта, издания и распространения религиозной литературы, формы, методы и содержание религиозной информации в религиозной среде и СМИ с целью пресечения распространения экстремистских идей и религиозно-конфессиональной ненависти, которая угрожает безопасности государства и нации [13].

В усилившемся светском государстве правящим таджикостанским элитам не требуются религиозная легитимность и сакрализация, а народные массы мало верят в совместимость ислама и демократии – для большинства таджикостанцев политический ислам неизбежно реализуется в форме шариатского общества и приведет к ограничениям прав и свобод. Поэтому правовые, социокультурные заслоны на пути исламской радикализации, укрепление секулярной практики и контроля государством религиозной жизни своих граждан воспринимаются в обществе с пониманием.

Заключение

Возникновение в Таджикистане в начале 90-х годов XX века политического ислама стало мощным дестабилизирующим фактором, остановившим движение страны по пути институциональной трансформации общества, политической и экономической модернизации общества. Адепты политического ислама, религиозные политические движения и партии пытались построить шариатское государство на принципах халифата, устранив с политической сцены светских оппонентов. Неоправданная жестокость в годы гражданской войны, постепенный уход харизматических лидеров, принятие основной частью народа демократических реформ, проводимых светским государством, размывли социальное ядро религиозных движений, а затем и ПИВТ. Нежелательность и ликвидацию ПИВТ поддержали все существующие оппозиционные партии, опасавшихся конкуренции в узком политическом пространстве. Состоялась убедительная тактическая победа президента Э. Рахмона, ликвидировавшего институт политического ислама, который потерял поддержку гражданского общества, однако стратегическая победа над исламизмом, обеспечение долговременной стабильности в Таджикистане пока под вопросом.

Сегодня нарастают угрозы распространения радикального исламизма уже под влиянием внешних факторов, в первую очередь от победившего Талибана в ИЭА, в этой стране продолжают действовать большинство запрещенных исламистских организаций. Фактор возможной исламизации политики в Таджикистане нель-

зя считать окончательно изжитым явлением, поскольку в стране все еще остается высоким уровень социально-экономической напряженности и велико влияние исламских проповедников на молодежь. Под влиянием радикальных идей остается значительное число проживающих в ИЭА этнических групп, диаспор таджиков из числа беженцев и оппозиционеров, не вернувшихся на свою родину из эмиграции со времен своего поражения в гражданской войне.

Литература

1. Абдухамитов В.А. Экстремистские течения в религии, как фактор возникновения и создания экстремистских организаций в Республике Таджикистан // Новая наука: Проблемы и перспективы. – 2015. – № 3. – С. 160–164.
2. Акилова М.М. Соотношение религиозной и светской культуры в обществе Таджикистана (история и современность): Дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.14 / Акилова Мавзуна Махмуджановна. Душанбе: Институт философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Национальной академии наук РТ, 2021. – 165 с.
3. Андреев А.А. Взлёт и падение партии исламского возрождения в Таджикистане // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2016. – Т. 10, № 2. – С. 98–113.
4. Бобохонов Р.С. Гражданская война в Таджикистане (1992–1997 гг.). Причины, ход, последствия и уроки // Общественные науки и современность. – 2012. – № 4(11). – С. 74–83.
5. Бушков В.И. «Таджикская революция» и гражданская война (1989–1994 гг.) / В.И. Бушков, Д.В. Миккульский / Рос. АН, Центр по изуч. межнац. отношений Ин-та этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: ЦИМО ИЭИА, 1995. – 310 с.
6. Бушков В.И. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы / В.И. Бушков, И.Д. Звягельская. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 208 с.
7. Бушков В.И. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (этносоциальные процессы и политическая борьба 1992–1995 гг.): монография / В.И. Бушков, Д.В. Миккульский. – М.: Б.и., 1996. – 166 с.
8. Горячев Ю. Вызовы и угрозы государствам организации договора о коллективной безопасности // Зарубежное военное обозрение. – 2022. – № 3. – С. 3–8.
9. Документ «Меры по укреплению доверия, принятые участниками неформального светско-исламского диалога в Таджикистане». Гамбург-Душанбе, Центр исследований ОБСЕ. 2004. С. 15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ifsh.de/file-CORE/documents/CORE_Working_Paper_12.pdf (дата обращения: 21.12.2022).
10. Дубовицкий В. Особенности этнической и конфессиональной ситуации в Республике Таджикистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cge.evrasia.org/sng_5.shtml (дата обращения: 11.12.2022).
11. Жусипбек Г. Гражданское общество и Ислам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/277424083_Grazdanskoie_obsestvo_i_Islam (дата обращения: 09.01.2023).
12. Игнатенко А.А. Исламизм: глобальная угроза? – М.: Научно-исследовательский институт социальных систем. Серия: Научные доклады, 2000. – № 2. – С. 4.
13. Концепция государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии (утв. указом Президента РТ от 04.04.2018 г. № 1042). Минюст РТ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=131219 (дата обращения: 21.09.2021).
14. Малашенко А.В. Исламизм в Центральной Азии: сегодня – тишина, а завтра? Риски возрастают на фоне транзита власти // Независимая газета НГ-Религии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ng.ru/ng_religii/2022-03-15/9_526_asia.html (дата обращения: 09.01.2023).
15. Маргулис С.Б. Факторы радикализации ислама в постсоветском Таджикистане // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2020. – Т. 7, № 4 (28). – С. 121–130.
16. Мунавваров З.И. Светскость и религия в мусульманских странах: поиск рационального соотношения / Под ред. Мунавварова З.И., Крумма Р.Й. – Ташкент: «Картография», 2005. – 254 с.
17. Муртазин М.Ф. Соотношение религии и политики в учении ислама и практике мусульманских стран: Дисс. ... кандидата философских наук: 09.00.13 / Муртазин Марат Фахрисламович. – М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2008. – 149 с.
18. Муртазин М.Ф. Таджикистан: победа над исламизмом? // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – № 2. – С. 109–129.
19. Назиров Д.Н. Политический ислам и конфликт в Таджикистане: монография. – Душанбе, 2015. – 224 с.
20. Норин Е.А. Партия исламского возрождения Таджикистана: как в Средней Азии провалился проект теократического государства. 09.08.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alternathistory.com/partiya-islamskogo-vozrozhdeniya-tadzhikistana-kak-v-srednej-azii-provalilsya-proekt-teokraticheskogo-gosudarstva/> (дата обращения: 19.01.2023).
21. О свободе совести и религиозных объединениях: Закон Республики Таджикистан от 26 марта 2009 г. № 489: официальный текст в ред. Закона РТ от 02.01.2018 г. № 1497. Минюст РТ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ncz.tj/system/files/Legislation/489_ru.pdf (дата обращения: 14.12.2022).
22. Овсянников Д. Суннитский ислам и государственная власть в Таджикистане: вопросы взаимодействия и идентификации / Д. Овсянников, Д. Попов // Мусульманский мир. – 2017. – № 2. – С. 6–25.
23. Олимова С. Политический ислам и конфликт в Таджикистане // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_23_olimova.shtml/ (дата обращения: 28.12.2022).
24. Рахнамо А. «Политический Ислам» и секуляристы в Таджикистане. Эволюция на пути к миру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://islamnews.tj/analitic/791-preobrazovanie-kultury-politicheskogo-islama-v-tadzhikistane.html> (дата обращения: 02.02.2022).
25. Рахнамо А. Религиозная партия и светское государство (Проблемы деятельности политических партий религиозного характера в условиях светского государства): монография / Отв. ред. А. Шамолов. – Душанбе: Дониш, 2008. – 226 с.
26. Рахнамо А. Трансформация политической культуры «политического ислама» в Таджикистане // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 6. – С. 94–101.
27. Рудов Г.А. Ислам в Центральной Азии: масштабы и перспективы влияния // Обозреватель-Observer. – 2014. – № 6 (293). – С. 57–66. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://observer.materik.ru/>

- observer/N6_2014/057_066.pdf (дата обращения: 03.02.2023).
28. Саидов Ш.Ш. Исламский фактор и его влияние на политические процессы центрально-азиатского региона: (на материалах Республики Таджикистан): Дисс. ... канд. полит. наук: /23.00.02/ Саидов Шухраджон Шукурович. – Душанбе: Таджикский нац. ун-т, 2014. – 175 с.
 29. Умаров Ф. Особенности ислама в таджикском обществе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1367567820> (дата обращения: 05.02.2023).
 30. Усмон Д. Исламский фактор в политических процессах России и стран Центральной Азии. – М.: Издатель Воробьев, 2009. – С. 42–43.
 31. Халид А. Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии / Адиб Халид / Пер. с англ. А.Б. Богдановой. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 298 с.
 32. Юсуфзода А.Х. Конституционно-правовые основы свободы совести и вероисповедания в Таджикистане // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2020. – № 1. – С. 31–39.
 33. Якубов И.Х. Афганский фактор в Центральной Азии: текущие тенденции и перспективы развития / И.Х. Якубов, У.К. Нуриддинов // Постсоветские исследования. – 2021. – № 4 (6). – С. 470–478.
 34. Thibault H. Transforming Tajikistan: State-building and Islam in Post-Soviet Central Asia (International Library of Central Asian Studies). – New York: I.B. Tauris, Bloomsbury, 2018. – 288 p.
 5. Bushkov V.I. “Tajik revolution” and civil war (1989–1994) / V.I. Bushkov, D.V. Mikulsky / RAS, Center for the Study of Interethnic Relations of the Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology. – M.: CFIR IEA, 1995. – 310 p. (In Russ.).
 6. Bushkov V.I. Formation of the states of Central Asia: Political processes / V.I. Bushkov, I.D. Zvyagelskaya. – M.: Aspect Press, 2009. – 208 p. (In Russ.).
 7. Bushkov V.I. Anatomy of the civil war in Tajikistan (ethnological processes and political struggle 1992–1995): monograph / V.I. Bushkov, D.V. Mikulsky. – M.: B.I., 1996. – 166 p. (In Russ.).
 8. Goryachev Yu. Challenges and threats to the states of organizing a collective security treaty // Foreign Military Review. 2022. No. 3. Pp. 3–8. (In Russ.).
 9. Document “Confidence-building measures taken by the participants of the informal secular-Islamic dialogue in Tajikistan”. Hamburg-Dushanbe, OSCE Research Centre. 2004. P. 15. [Electronic resource]. – Access mode: http://ifsh.de/file-CORE/documents/CORE_Working_Paper_12.pdf (Accessed 21.12.2022). (In Russ.).
 10. Dubovitsky V. Features of the ethnic and confessional situation in the Republic of Tajikistan. [Electronic resource]. – Access mode: http://cge.evrasia.org/sng_5.shtml (Accessed: 11.12.2022). (In Russ.).
 11. Zhusipbek G. Civil society and Islam. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/277424083_Grazdanskoe_obshestvo_i_Islam (Accessed: 09.01.2023). (In Russ.).
 12. Ignatenko A.A. Islamism: a global threat? M.: Research Institute of Social Systems. Series: Scientific reports, 2000. No. 2. P. 4. (In Russ.).
 13. The concept of the state policy of the Republic of Tajikistan in the field of religion (approved by the decree of the President of the Republic of Tajikistan dated April 4th, 2018 No. 1042). Ministry of Justice of the Republic of Tatarstan. [Electronic resource]. – Access mode: http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=131219 (Accessed: 21.09.2021). (In Russ.).
 14. Malashenko A.V. Islamism in Central Asia: Silence Today, But Tomorrow? Risks increase against the backdrop of the transit of power // Nezavisimaya Gazeta NG-Religii. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.ng.ru/ng_religii/2022-03-15/9_526_asia.html/ (Accessed: 09.01.2023). (In Russ.).
 15. Margulis S.B. Factors of radicalization of Islam in post-Soviet Tajikistan // Bulletin of the Omsk University. Series “Historical Sciences”. 2020. Vol. 7, No. 4 (28). Pp. 121–130. (In Russ.).
 16. Munavvarov Z.I. Secularism and Religion in Muslim Countries: Search for a Rational Correlation / Ed. by Z.I. Munavvarov, R.J. Krumm. – Tashkent: “Cartography”, 2005. – 254 p. (In Russ.).
 17. Murtazin M.F. Correlation between religion and politics in the teachings of Islam and the practice of Muslim countries: dissertation / 09.00.13 / Murtazin Marat Fakhrislamovich. – M.: Ros. acad. state service under the President of the Russian Federation, 2008. – 149 p. (In Russ.).
 18. Murtazin M.F. Tajikistan: victory over Islamism? // Russia and the new states of Eurasia. 2018. No. 2. Pp. 109–129. (In Russ.).
 19. Nazirov D.N. Political Islam and conflict in Tajikistan: monograph. – Dushanbe, 2015. – 224 p. (In Russ.).
 20. Norin E.A. Islamic Renaissance Party of Tajikistan: how the theocratic state project failed in Central Asia. 09.08.2021. [Electronic resource]. – Access mode: <https://alternathistory.com/partiya-islamskogo-vozhrozhdeniya-tadzhikistana-kak-v-srednej-azii-provalilsya-proekt-teokraticheskogo-gosudarstva/> (Accessed: 19.01.2023). (In Russ.).
 21. On freedom of conscience and religious associations: Law of the Republic of Tajikistan dated March 26th, 2009 No. 489: official text as amended. Law of the Republic of Tajikistan dated January 2, 2018 No. 1497. Ministry of Justice of the Republic of Tajikistan. [Electronic resource]. – Access mode: http://ncz.tj/system/files/Legislation/489_ru.pdf (Accessed: 14.12.2022). (In Russ.).
 22. Ovsyannikov D. Sunni Islam and state power in Tajikistan: issues of interaction and identification / D. Ovsyannikov, D. Popov // Muslim world. 2017. No. 2. Pp. 6–25. (In Russ.).
 23. Olimova S. Political Islam and conflict in Tajikistan // Central Asia and the Caucasus. 1999. No. 4. [Electronic resource]. –

EVOLUTION AND DEINSTITUTIONALIZATION OF POLITICAL ISLAM IN TAJIKISTAN

Khadyrov R.Y.

The reasons for the rise and fall of political Islam in Tajikistan (1991–2015), which became a powerful factor in the post-Soviet transformation of society, remain the focus of researchers’ attention, especially after the re-establishment of the Islamic Emirate of Afghanistan (IEA) in 2021. The article traces the relations evolution between the institutions of political Islam, which formed in the early 1990s, and the authorities and society, considers the political and legal mechanisms for the de-politicization of Islam and the de-institutionalization of its party form – the Islamic Renaissance Party of Tajikistan (IRPT). The author concludes that the government has achieved a tactical victory over political Islam, the political and religious situation in the country is stable. However, radical Islamist forces in the IEA are a threat to peace and security for the secular regime of Tajikistan.

Keywords: Tajikistan, political Islam, Islamic Renaissance Party of Tajikistan, de-politicization of Islam.

References

1. Abdukhamitov V.A. Extremist currents in religion as a factor in the emergence and creation of extremist organizations in the Republic of Tajikistan // New Science: Problems and Perspectives. 2015. No. 3. Pp. 160–164. (In Russ.).
2. Akilova M.M. The ratio of religious and secular culture in the society of Tajikistan (history and modernity): dissertation / 09.00.14 / Akilova Mavzuna Makhmudzhanovna. Dushanbe: A. Bahovaddinov Institute of Philosophy, Political Science and Law of the National Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021. 165 p. (In Russ.).
3. Andreev A.A. The Rise and Fall of the Islamic Renaissance Party in Tajikistan // Bulletin of St. Petersburg University. 2016. Vol. 10, No. 2. Pp. 98–113. (In Russ.).
4. Bobokhonov R.S. Civil war in Tajikistan (1992–1997). Causes, course, consequences and lessons // Social sciences and modernity. 2012. No. 4 (11). Pp. 74–83. (In Russ.).

- Access mode: http://www.ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_23_olimova.shtml/ (Accessed: 28.12.2022). (In Russ.).
24. Rakhnamo A. "Political Islam" and secularists in Tajikistan. Evolution on the way to peace. [Electronic resource]. – Access mode: <http://islamnews.tj/analititic/791-preobrazovanie-kultury-politicheskogo-islama-v-tadzhikistane.html> (Accessed: 02.02.2022). (In Russ.).
 25. Rakhnamo A. Religious party and secular state (Problems of activity of religious political parties in a secular state): monograph / Ed. by A. Shamolov. – Dushanbe: Donish, 2008. – 226 p. (In Russ.).
 26. Rakhnamo A. Transformation of the political culture of "political Islam" in Tajikistan // Russia and the Muslim world. 2012. No. 6. Pp. 94–101. (In Russ.).
 27. Rudov G.A. Islam in Central Asia: scope and prospects of influence // Observer-Observer. 2014. No. 6 (293). Pp. 57–66. [Electronic resource]. – Access mode: http://observer.materik.ru/observer/N6_2014/057_066.pdf (Accessed: 03.02.2023). (In Russ.).
 28. Saidov Sh. Sh. The Islamic factor and its influence on the political processes of the Central Asian region: (based on the materials of the Republic of Tajikistan): dissertation / 23.00.02 / Saidov Shukhradzhon Shukurovich. Dushanbe: Tajik national. un-t, 2014. 175 p. (In Russ.).
 29. Umarov F. Features of Islam in the Tajik society. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1367567820> (Accessed: 05.02.2023). (In Russ.).
 30. Usmon D. The Islamic factor in the political processes of Russia and Central Asian countries. – M.: Publisher Vorobyov, 2009. – Pp. 42–43. (In Russ.).
 31. Khalid A. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia / Adib Khalid; trans. from English by A.B. Bogdanova. – M.: New Literary Review, 2010. – 298 p. (In Russ.).
 32. Yusufzoda A. Kh. Constitutional and legal foundations of freedom of conscience and religion in Tajikistan // Actual problems of the state and society in the field of ensuring the rights and freedoms of man and citizen. 2020. No. 1. P. 31–39. (In Russ.).
 33. Yakubov I. Kh. The Afghan factor in Central Asia: current trends and development prospects / I. Kh. Yakubov, U.K. Nuriddinov // Post-Soviet Studies. 2021. No. 4 (6). Pp. 470–478. (In Russ.).
 34. Thibault H. Transforming Tajikistan: State-building and Islam in Post-Soviet Central Asia (International Library of Central Asian Studies). – New York: I.B. Tauris, Bloomsbury, 2018. – 288 p.

Творческая одаренность младших школьников и особенности ее развития

Иванова Галина Павловна,

д.п.н., профессор кафедры начального образования,
Московский государственный областной педагогический
университет
E-mail: ivgp@mail.ru

Ширкова Наталия Николаевна,

к.п.н., научный сотрудник, Институт образования,
Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики»
E-mail: nshirkova@hse.ru

Марченко Алла Александровна,

к.п.н., доцент, Московский государственный областной
педагогический университет
E-mail: geoalla@bk.ru

В представленной статье на основе научного осмысления литературы и собственных эмпирических исследований рассматривается сущность и специфика творческой одаренности младших школьников. Авторами настоящей статьи рассмотрены различные классификации данного феномена, характеристики детей с различным уровнем проявления творческой одаренности, а также представлена авторская программа поддержки и развития одаренности в учебной и внеучебной деятельности. Авторами выделено три компонента творческой одаренности школьников: вербальный, невербальный и мотивационный. Значимость разработанной программы связана с необходимостью и потребностью эффективно работать с творчески одаренными обучающимися и дефицитом методического инструментария в практике развития творческой одаренности младших школьников. Данное положение обосновало проблему настоящего теоретико-методологического исследования: поиск и реализация педагогических условий, способствующих развитию творческой одаренности младших школьников в условиях дополнительного образования.

Ключевые слова: развитие одаренности, виды и компоненты детской одаренности, педагогическое сопровождение, модель педагогической поддержки развития творческой (литературной) одаренности, программа развития одаренности, младшие школьники.

В последнее десятилетие в педагогике, психологии, антропологии, философии и ряде других наук возрос интерес к сущности понятия «творческая одаренность». Связано это с глобальными изменениями в культурной, социальной и других сферах жизни общества, требующих от граждан проявления активного поведения, креативного мышления, творческого стиля жизни. Современное общество нуждается в формировании новых идей, запуске новых технологий и производств, изменении структуры рабочих мест, и как следствие – в высокообразованных, одаренных, творческих людях, способных генерировать творческие идеи и внедрять их в практическую деятельность.

Зарубежные и российские исследователи, изучающие феномен формирования детской одаренности, трактуют её как «системное, развивающееся в течение жизни качество психики, определяющее возможность достижения человеком более высоких (необычных, незаурядных) результатов в одном или нескольких видах деятельности по сравнению с другими людьми» [1; 2; 3; 4].

В научной литературе выделяются следующие виды одаренности [5]:

- в практической деятельности – одаренность в ремеслах, спортивную и организационную;
- познавательной деятельности – интеллектуальная одаренность в зависимости от предметного содержания деятельности (одаренность в области естественных и гуманитарных наук, здравоохранении, предпринимательстве и др.);
- художественно-эстетической деятельности – хореографическая, сценическая, изобразительная, литературно-поэтическая и музыкальная одаренность;
- коммуникативной деятельности – лидерская и аттрактивная одаренность;
- духовно-ценностной деятельности – одаренность, которая проявляется в создании новых духовных ценностей и служении людям.

В. Панов, Л. Пасечник, А. Петренко предлагают следующие формы классификаций одаренности детей [6; 7; 8]:

- по видам одаренности: одаренность в спорте, в творчестве, в изобразительных искусствах и пр.;
- охвату видов деятельности: специальная – успех в определённом виде деятельности; общая – обеспечивает успех жизнедеятельности человека в нескольких видах деятельности;
- формам проявления: явная одаренность – обнаруживается в деятельности явно и отчётливо; скрытая одаренность – проявляется в замаскированной форме;
- уровню одаренности: исключительная; обычная;
- типу развития: гармоничная одаренность; дисгармоничная одаренность;
- особенностям возрастного развития: ранняя одаренность и поздняя одаренность.

Д.Б. Богоявленская, В.Д. Шадриков отмечают, что одаренный ребёнок отличается яркими, очевидными, иногда выдающимися достижениями в том или ином виде деятельности [2; 9]. Задача педагогов, психологов

и родителей развивать интересы таких детей и постоянно расширять их кругозор в выбранной ими области жизнедеятельности. Однако при работе с одарёнными детьми встречаются некоторые трудности, обусловленные разнообразием психологических особенностей самих школьников и видами одарённости, поэтому учителя начальных классов необходимо знать современные подходы к классификации одарённости.

Современные исследователи выделяют следующие виды детской одарённости.

- Дети-интеллектуалы. Их одаренность выражается в академической успешности и характеризуется наличием высоких способностей к генерации и переработке новых идей, хорошей памятью, высокими когнитивными способностями.
- Творчески одарённые дети. Главный критерий этой группы детей – креативность, творчество.
- Социально одарённые дети. Данный вид одарённости подразумевает «активную гражданскую ориентированную системы ценностей, ответственности за результаты своего труда, самостоятельности и нравственности. Главными качествами таких детей являются лидерство, гибкость мышления, высокий интеллект, способность работать в группе.
- Физическая, спортивная одарённость. Такие дети достигают больших результатов в спортивной деятельности [10; 11; 12; 13; 14].

Л.И. Ларионова представила четыре основных типа одаренных детей [13].

- «Фанатики» – это увлечённые своим делом дети, у которых существуют ярко выраженные склонности к определенному виду деятельности, и которые все свои усилия тратят непосредственно на их поддержание и развитие, зачастую в ущерб образовательной деятельности в школе.
- «Скромники» – это дети зачастую с заниженной самооценкой, они стесняются показать себя лучше других, всячески стараются не демонстрировать своих способностей.
- «Невротики» – эти дети, наоборот, не хотят быть такими, как все. Они самоуверенны, постоянно самоутверждаются, иногда – агрессивны.
- «Чудаки» – это дети интеллигентные, воспитанные. Главное качество таких детей – независимость и свобода мысли и действий. Данная группа школьников никогда не подстраиваются под других – ни в поведении, ни в общении.

Исходя из анализа теоретических подходов к выделению критериев и уровней творческой одаренности младших школьников, нами были выделены следующие компоненты творческой одаренности детей: вербальный, невербальный и мотивационный. Однако следует уточнить, что необязательно у одного ребёнка на высоком уровне будут развиты все три компонента творческой одарённости.

Показателями вербального компонента творческой одаренности являются высокий уровень словесного творчества, наличием позиции автора (ПА), которая у потенциально одаренных в литературном творчестве детей опережает развитие позиции читателя (ПЧ).

Показатели невербального компонента творческой одаренности характеризуются высоким уровнем творческого воображения и мышления, открытости новому опыту, гибкости, генерации идей.

Показатели мотивационного компонента творческой одаренности характеризуются развитой мотивацией к творческим занятиям и чтению (стремление к самовыражению посредством слова; мотивация к чтению).

На основе вышеизложенных положений и трактовок концепции одаренности младших школьников авторами данной статьи была предложена программа для развития творческой одаренности младших школьников. Педагогическую деятельность, направленную на развитие и стимулирование творческой одаренности, следует рассматривать как оперативную и превентивную деятельность профессиональных педагогов, обеспечивающую, с одной стороны, благоприятные условия для развития творческой одаренности обучающегося в образовательном процессе, максимальную реализацию возможностей обучающегося в соответствии с его индивидуальными особенностями, а с другой стороны – формирующей высокий уровень самостоятельности одаренного обучающегося в преодолении трудностей/проблем в процессе своей творческой самореализации.

Цель программы – развитие литературно-творческих способностей обучающихся как в классной, так и во внеурочной деятельности.

Реализация разработанной модели направлена, в первую очередь, на поэтапную и систематическую работу с детьми для развития трёх компонентов творческой (литературной) одаренности (вербального, невербального и мотивационного).

Охарактеризуем разработанную дополнительную образовательную программу «Ступеньки творчества», направленную на развитие всех компонентов творческой (литературной) одаренности.

Невербальный компонент. Основная цель данного этапа – развитие познавательных процессов детей: восприятия, внимания, воображения, памяти и мышления, которые выступают как важнейшие компоненты любой человеческой деятельности, а особенно – творческой. Развитие данного компонента творческой одаренности может происходить на уроках литературного чтения, арифметики, физкультуры.

Вербальный компонент. Данный раздел начинается с дискуссии на тему: «Литература – ремесло или искусство?», обсуждается путь создания произведения, мнение детей на вопрос: «Литератор – ремесленник или художник?» Дети пытаются выяснить, откуда у человека может возникнуть стремление создать своё собственное произведение, что важнее: содержание или форма. Происходит осмысление членами кружка особенностей различных литературных ролей, которые им придется исполнять (писатель – читатель – критик – литературовед). На данном этапе также происходит развитие и совершенствование навыков сочинения прозаических и лирических произведений, а обучающиеся выясняют, что такое этикет писателя, какая бывает критика в литературе, как правильно на неё реагировать. На занятиях дети познают культуру слова, определяют какую лексику лучше использовать, знакомятся с видами сочинений, изучают анатомию (устройство) стихотворения. Также данный этап связан непосредственно с совершенствованием навыков публичного выступления и выразительного сценического чтения художественного произведения. Школьники изучают механизмы и способы избавления от страха перед выступлением, получают практические советы начинающему оратору и основные требования к выступлению перед аудиторией. Дети знакомятся с исполнительными средствами выразительности (артикуляция, динамизм, пауза, интонирование, логические ударения). Помимо этого, проводится работа с эмоциональными проблемами детей, мешающими успешному раскрытию их творческой одаренности.

Мотивационный компонент. На данном этапе проводится работа с эмоциональными проблемами детей, мешающими успешному раскрытию их одаренности. С по-

мощью учителя литературы дети рассматривают примеры стихов и произведений культуры, которые были широко известными или же, напротив, носящими успех и известность только среди узкой публики.

В конце первого года обучения детьми совместно с учителями устраиваются творческие мастерские, в которых обучающиеся могут в полной мере проявить свои творческие способности и продемонстрировать полученные знания, навыки и умения.

Таким образом, разработанная программа педагогической поддержки включает в себя взаимодействие следующих системных элементов: диагностико-оценочный (уровень и особенности творческой одаренности), целевой (цели и задачи педагогической поддержки развития творческой одаренности), содержательный (развитие вербального, невербального и мотивационного компонентов творческой одаренности), технологический (действие творческой самостоятельности, создание условий), этап рефлексии.

Анализ сформированности творческой одаренности у младших школьников проходило в рамках педагогического эксперимента, состоящего из нескольких этапов: констатирующего, формирующего и контрольного. Первый этап педагогического эксперимента – констатирующий – заключался в выявлении исходного уровня и особенностей творческой одаренности младших

школьников. Исследование проводилось на базе государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа № 183». Респондентами стали 40 обучающихся младшего школьного возраста (8–9 лет), обучающихся в школьном творческом объединении. В процессе формирующего эксперимента испытуемые были разделены на контрольную группу – 20 человек (далее – КГ) и экспериментальную – 20 человек (далее – ЭГ).

Для констатирующего этапа эксперимента был отобран диагностический инструментарий для исследования состояния творческой одаренности у младших школьников, основанный на разработках Г.Н. Кудиной и З.Н. Новлянской, Э.П. Торренса, Т.Г. Галактионовой, актуализированный для нашего исследования. Также использовались такие методы исследования, как наблюдение, анкетирование, анализ продуктов литературной деятельности обучающихся, оценивание творческих работ экспериментальной и контрольной групп обучающихся.

Ниже представлены результаты повторной диагностики контрольной и экспериментальной групп после экспериментального воздействия на вторую.

Результаты оценки словесного творчества обучающихся КГ и ЭГ после проведения формирующего эксперимента представлены на рисунке 1.

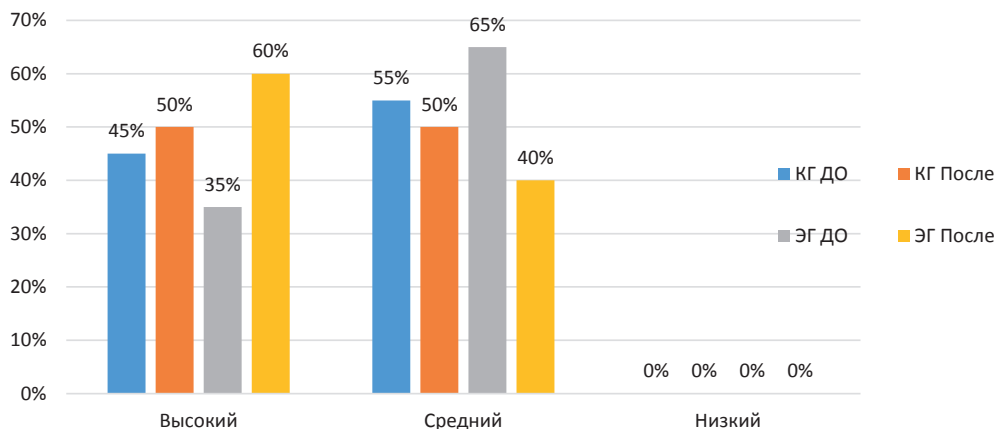

Рис. 1. Динамика уровня сформированности словесного творчества у младших школьников до и после формирующего эксперимента, % (методика Г.Н. Кудиной и З.Н. Новлянской «С точки зрения карандаша»)

Как и на констатирующем этапе эксперимента, на контрольном этапе низкий уровень словесного творчества не продемонстрировал ни один обучающийся. Однако в ЭГ по сравнению с констатирующим этапом эксперимента на контрольном этапе 5 обучающихся (25%) улучшили свои показатели словесного творчества, а именно перешли со среднего уровня на высокий уровень. В КГ только один обучающийся (5%) показал выше результат по сравнению с первичной диагностикой. В целом, в ЭГ высокий уровень развития сочинительства и словесного творчества показали 60% обучающихся, или 12 человек, тогда как в КГ – 50%, или 10 человек. Обучающиеся с высоким уровнем словесного творчества использовали весь спектр литературных приемов, вели повествование только от лица карандаша, подчеркивали интонационно эмоциональные реплики, делали фантазийные отступления и давали личные комментарии. Стоит отметить выразительность повествования данных обучающихся, наличие пауз и интонаций.

Полученные результаты диагностики творческого воображения в контрольной и экспериментальной групп по методике Э.П. Торренса «Закончи рисунок» представлены на рисунке 2.

Данные показывают, что низкого уровня развития творческого воображения и мышления в исследуемых группах выявлено не было. Следует заключить, что в ЭГ на контрольном этапе эксперимента свои показатели по развитию творческого воображения и мышления улучшили 30% обучающихся (6 человек), то есть перешли со среднего уровня на высокий уровень развития. В КГ свои показатели улучшил только один обучающийся (5%). Формированию высокого уровня творческого воображения и мышления в ЭГ способствовали занятия по развитию критического мышления, креативности, творчества. При выполнении тестового задания дети ЭГ с высоким уровнем невербального компонента творческой (литературной) одаренности проявили оригинальность в творческом создании рисунков. Также на контрольном этапе эксперимента было отмечено незначительное улучшение показателей творческого воображения и мышления по критериям беглости (скорости выполнения) и гибкости (количество идей рисунков) в обеих группах. Высокий уровень по данным показателям был выявлен и на констатирующем этапе эксперимента. Однако в ЭГ после реализации модели значительно улучшились показатели по критерию оригинальности и работанности, которые не только выше собственных по-

казателей констатирующего этапа, но и выше показателей в КГ. Обучающиеся ЭГ на контрольной диагностике показали большое количество оригинальных идей рисунков, использовали большое количество дополнительных неожиданных деталей, а также стремились каждый

свой рисунок пояснить. Такому результату развития невербального компонента в ЭГ способствовали занятия на выработку дивергентного мышления, ассоциативного восприятия и памяти, творческого воображения, а также использование элементов ТРИЗ-технологий.

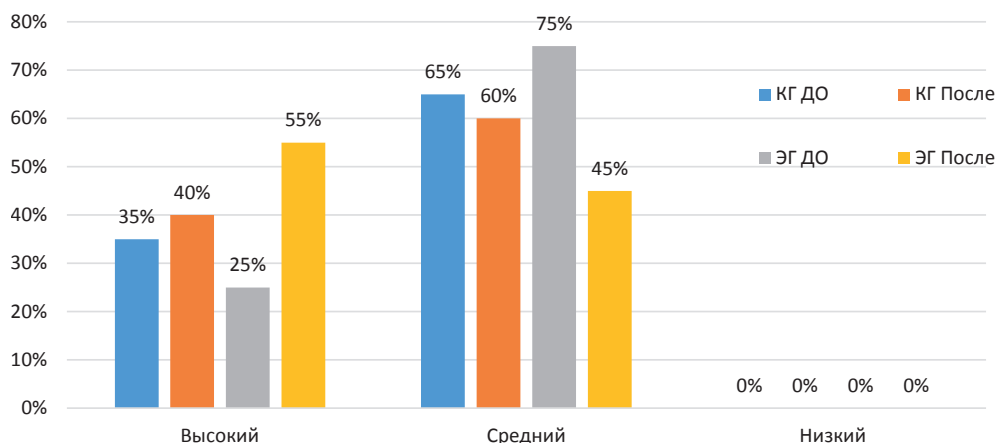

Рис. 2. Динамика уровня сформированности творческого воображения и мышления у младших школьников до и после формирующего эксперимента, % (Методика Э.П. Торренса «Закончи рисунок»)

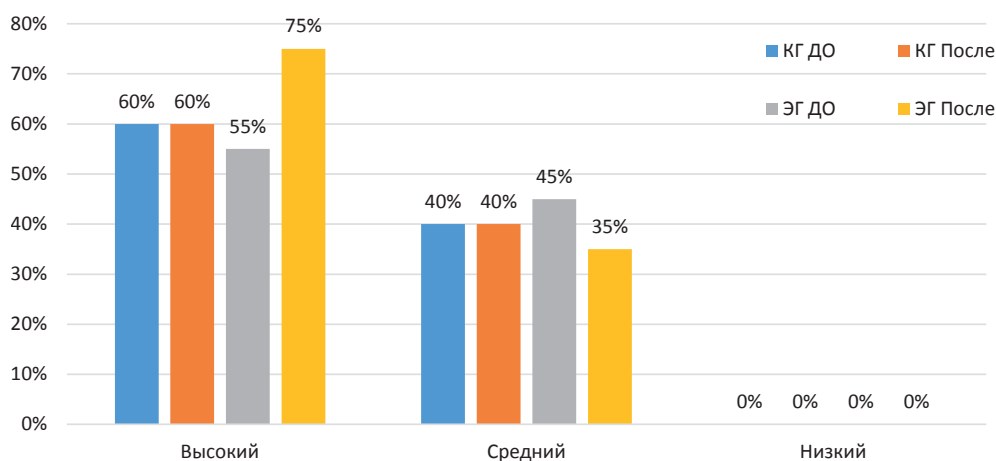

Рис. 3. Динамика уровня сформированности мотивации к чтению младших школьников до и после формирующего эксперимента, % (методика Т.Г. Галактионовой «Мотивация к чтению»)

Результаты проведенной методики Т.Г. Галактионовой изучения мотивации к чтению представлены ниже (рисунок 3).

Так, полученные результаты позволяют констатировать, что в обеих группах, как и на констатирующем этапе эксперимента, так и на контрольном этапе наблюдается достаточно высокий уровень мотивации к чтению. Тем не менее, в ЭГ свои показатели улучшили 15% обучающихся (3 человека) – перешли со среднего на высокий уровень развития мотивации к чтению. В КГ на контрольном этапе эксперимента показатель мотивации к чтению остался прежним.

Таким образом, анализ результатов диагностики состояния творческой (литературной) одаренности на контрольном этапе обучающегося эксперимента, развития литературного творчества у обучающихся младшего школьного возраста в рамках художественного направления показал выше среднего уровень развития словесного творчества, творческого воображения и мышления, оригинальность идей и замотивированности к творческим занятиям и чтению в экспериментальной группе обучающихся. Разработанная модель педагогической поддержки развития творческой (литературной) одаренности младших школьников показала свою эффективность в развитии всех компонентов творческой (ли-

тературной) одаренности – вербального, невербального и мотивационного.

Литература

1. Агеева Л.В. Развитие творческих способностей младших школьников / Л.В. Агеева, Н.А. Шелякина, Е.А. Астафьева // Педагогика сегодня: проблемы и решения. – 2017. – № 4. – С. 79–82.
2. Богоявленская Д. Б., Богоявленская М.Е. Одаренность: природа и диагностика. – М.: АНО «ЦНПРО», 2013. – 208 с.
3. Лосева А.А. Психологическая диагностика одаренности. – М.: Академия, 2004. – 176 с.
4. Рензулли Дж. Модель обогащенного школьного обучения // Основные концепции одаренности и творчества. – М.: Академия, 1997. – 298 с.
5. Парфенова Г.Л. Проблемы обучения и воспитания одаренных детей в современном образовательном пространстве / Г.Л. Парфенова // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3. – С. 49–56.
6. Панов В.И. Одаренность как проблема современного образования // Психология сознания: современное состояние и проблемы: материалы I Все-

рос. конф. – Самара: Изд-во НТЦ, 2007. – С. 472–484.

7. Пасечник Л. Одарённый ребёнок – особая ценность для общества // Дошкольное воспитание. – 2009. – № 2. – С. 13–20.
8. Петренко А.А. Концепция развития одарённых детей в муниципальном образовательном учреждении инновационного типа // Инновации в образовании. – 2007. – № 2. – С. 56–64.
9. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. Общая психология. – М.: Велес, 2015. – 411 с.
10. Алексеев Н.А. Психология и педагогика одаренного ребенка. – Тюмень, 2017. – 310 с.
11. Баранова Э.А. Диагностика познавательного интереса у младших школьников и дошкольников / Э.А. Баранова. – СПб.: Речь, 2007. – 211 с.
12. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта: Психология мышления. – М.: Прогресс, 1965. – 534 с.
13. Ларионова Л.И. Культурно-психологические факторы развития интеллектуальной одарённости. – М.: Институт психологии РАН, 2011. – 320 с.
14. Лейтес Н.С. Психология одаренности детей и подростков / Под ред. Н.С. Лейтеса. – М.: «Академия», 2000. – 416 с.

THE DEVELOPMENT OF PRIMARY SCHOOL PUPILS' CREATIVE ABILITIES

Ivanova G.P., Shirikova N.N., Marchenko A.A.

Moscow State Regional Pedagogical University, Higher School of Economics

The article presents the essence and specificity of creative giftedness of children on the basis of scientific understanding of literature and their own empirical research. The authors of this article consider various classifications of this phenomenon, characteristics of children with different levels of creative giftedness, and also present the author's program of support and development of giftedness in educational and extracurricular activities. The authors have identified three components of creative giftedness of children: verbal, nonverbal and motivational. The significance of the developed program is associated with the need and need to work effectively with creatively gifted pupils and the lack of methodological tools in the practice of developing creative giftedness of pupils. This provision justified the problem of this theoretical and methodological research: the search

and implementation of pedagogical conditions that contribute to the development of creative giftedness of children.

Keywords: development of giftedness, types and components of children's giftedness, pedagogical support, model of pedagogical support for the development of creative giftedness, children.

References

1. Ageeva, L.V. Development of creative abilities of younger schoolchildren / L.V. Ageeva, N.A. Shelyakina, E.A. Astafyeva // Pedagogy today: problems and solutions. – 2017. – No. 4. – pp. 79–82.
2. Bogoyavlenskaya, D. B., Bogoyavlenskaya, M.E. Giftedness: nature and diagnostics. – М.: ANO "TSNPRO", 2013. – 208 p.
3. Loseva, A.A. Psychological diagnostics of giftedness. – М.: Academy, 2004. – 176 p.
4. Renzulli, J. The model of enriched schooling // The basic concepts of giftedness and creativity. – М.: Academy, 1997. – 298 p.
5. Parfenova, G.L. Problems of teaching and educating gifted children in the modern educational space / G.L. Parfenova // Bulletin of the Altai State Pedagogical University. – 2016. – No. 3. – pp. 49–56.
6. Panov V.I. Giftedness as a problem of modern education // Psychology of consciousness: current state and problems: materials of the I All-Russian Conference – Samara: Publishing House of STC, 2007. – pp. 472–484.
7. Beekeeper, L. A gifted child is a special value for society // Pre-school education. – 2009. – No. 2. – pp. 13–20.
8. Petrenko, A.A. The concept of development of gifted children in a municipal educational institution of innovative type // Innovations in education. – 2007. – No. 2. – pp. 56–64.
9. Shadrikov, V.D., Mazilov, V.A. General psychology. – М.: Veles, 2015. – 411 p.
10. Alekseev, N.A. Psychology and pedagogy of a gifted child. – Tyumen, 2017. – 310 p.
11. Baranova, E.A. Diagnostics of cognitive interest in younger schoolchildren and preschoolers / E.A. Baranova. – St. Petersburg: Speech, 2007. – 211 p.
12. Guilford, J. Three sides of intelligence: Psychology of thinking. – М.: Progress, 1965. – 534 p.
13. Larionova, L.I. Cultural and psychological factors of intellectual giftedness development. – М.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2011. – 320 p.
14. Leites, N.S. Psychology of giftedness of children and adolescents / Edited by N.S. Leites. – М.: "Academy", 2000. – 416 p.

Роль конфессиональных факторов в социальной истории становления немецкого языка

Иванова Татьяна Валерьевна,

к.п.н., доцент, доцент кафедры контрастивной лингвистики
Института иностранных языков Московского педагогического
государственного университета
E-mail: jane130@yandex.ru

Афанасьев Максим Юрьевич,

магистрант Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
E-mail: maxim-a15@yandex.ru

Статья посвящена исследованию роли конфессиональных факторов в истории становления современного немецкого языка. Авторы анализируют языковую ситуацию, на фоне которой формировалась традиционная периодизация немецкого языка, впервые установленная Якобом Гримом, и наметившая основные вехи языкового развития. В соответствии с данной периодизацией история немецкого языка делится на три основных периода: древневерхненемецкий, средневерхненемецкий, нововверхненемецкий.

Ключевые слова: конфессиональные факторы, немецкий язык, периодизация немецкого языка, глоссарий, национальная языковая норма.

Значимость исследуемой темы определяется ситуацией, которая сложилась к настоящему в научном мире в области лингвистики. Как показывает история цивилизаций и письменностей, люди создавали как древние письменности, так и абсолютное большинство новых систем письма, преследуя в основном религиозные и культурные практические цели. Мы видим, что письменность мёртвых языков и языков, обладающих скудной традицией письменной речи, в большинстве своём представлена текстами для культовых целей.

На заре нашей эры, когда Римская Империя ещё поклонялась языческим богам, уже тогда наблюдается политика, направленная на завоевания. В результате происходит романизация существовавших тогда германских племен насильственным образом. И тогда во времена правления императоров Рима Лициния и Константина в 313 г. был принят Миланский Эдикт, согласно которому свобода вероисповедания вошла в жизнь людей [2, с. 142]. Данное событие явилось триггером развития христианства как на территории Римской империи, так и за её пределами. Конфессиональные книги начали переводить на различные языки. Данный факт способствовал динамичному развитию социальной истории этих языков. Литургия, проводимая на народном языке, значительно повышала его авторитет. Язык в результате неизбежно становился значимым средством общественной коммуникации. Первый готский проповедник христианства Вульфила в четвёртом веке нашей эры становится автором готского алфавита. Вульфила же и переводит Священное Писание на готский язык [3, с. 69]. Карл Великий вошёл в историю как один из величайших христианских императоров Средневековья. При его правлении мы наблюдаем дальнейшую христианизацию различных германских племен. Немецкий язык, рождённый немецкой народностью, к слову, как и сама немецкая народность, сформировались в эпоху раннего средневековья из близкородственных западногерманских племён алеманнов, франков, баваров. Их племенные языки легли в его основу, и он начал своё многовековое развитие. На протяжении существенного периода немецкий язык функционировал как бесписьменный язык. Во Франкском государстве в тот исторический период государственным письменным языком выступала латынь. Тогда как немецкий служил средством только устного общения. В 16 веке произошло знаменательное для немецкого языка событие: на смену латыни пришёл немецкий язык. В этот период он стал использоваться в религии наряду с администрированием на государственном уровне. Языковая ситуация, которая прослеживается в тот период, теснейшим образом переплетается и в значительной степени определяется политикой государства. Якоб Грим предложил впервые такую периодизацию немецкого языка, которая стала считаться традиционной. В соответствии с данной периодизацией, история немецкого языка насчитывает три основных периода: древневерхненемецкий, средневерхненемецкий, нововверхненемецкий.

Итак, древневерхненемецкий знаменует собой период формирования немецкой народности и её языка сначала в рамках Франкского государства и главным об-

разом после его распада и обособления его восточных территорий, что легли в основу будущей Германии. Германские племена имеют регулярные контакты с Римской Империей, благодаря чему и продолжает распространяться христианство [6, с. 233]. Письменность на немецком, «народном» языке звучит как *diutisk*. Этимология следующая: *diot* означает «народ». Франки так стали называть новый язык, который сформировался на основе средневековой латыни. Ряд факторов сыграл важную роль для становления данного нового языка. И не в последнюю очередь в этом процессе выступила религия. Для эффективной пропаганды новой религии – христианства, которое сменило древние языческие верования, требовались религиозные тексты, написанные на родном для народа языке. Это и является, пожалуй, самой важной причиной появления немецкой письменности. Именно данный факт и характеризует древневерхне-немецкие письменные памятники: имеют религиозное содержание, и преимущественно являются переводными. Авторство данных религиозных письменных текстов принадлежит монахам, монастырским клирикам. Как известно, монастырские школы были единственными в эпоху средневековья очагами культуры и образования. Древнейшим письменным памятником, созданным в древневерхне-немецкой период, считаются так называемые глоссы. Глоссы представляют собой отдельные немецкие слова или словосочетания, которые поясняют трудные для понимания латинские слова и словосочетания, встречающиеся в богословских текстах на латинском. Из отдельных глосс и составились первые словари, получившие название «глоссарии». Направленность письменности на популяризацию христианства в результате создало такую ситуацию, при которой самобытное народное творчество, разнообразные древние предания, песни, отражающие языческие верования, безжалостно и тщательно уничтожались. Поэтому памятников дохристианской культуры на древневерхне-немецком до наших дней дошли единицы. Примером может послужить «Песнь о Хильдебранте». А древнейший связный прозаический текст «Исидор» – перевод Богословского трактата о католической вере 636 г. анонимного автора.

Далее следует средневерхне-немецкой период. На территории Европы к 12-му веку процесс формирования феодальных государств завершён. В Германии – это эпоха развитого феодализма. Феодалы составляют господствующий класс. Рыцарство выделяется из конной свиты феодала. Этот процесс отражает этимология слова «*Ritter*» (рус. рыцарь), которое произошло от «*Ritter*» (рус. всадник). Этот исторический период стал свидетелем рождения куртуазной литературы, рыцарской любовной лирики и героического эпоса, Примером является «Песня о Нибелунгах». Немцы всё более осознали себя представителями единого немецкого народа.

И завершает данную периодизацию нововверхне-немецкой период (14–17 вв.). Эта эпоха знаменует собой формирование единого национального немецкого литературного языка. В Германии в условиях феодальной раздробленности и отсутствия единого политического и культурного центра особо важную роль в формировании национальной языковой нормы сыграла именно письменная речь. К факторам, определившим становление немецкого национального литературного языка в его письменной форме, следует отнести языковую политику печатников, Реформацию, результаты работы Мартина Лютера, периодическую печать, классическую немецкую литературу, а также деятельность грамматистов и языковых обществ. На немецком языке печатаются книги как религиозной, так и светской тематики.

Жития святых в этот период мы видим уже на немецком языке, а также Библию. Перечень текстов на немецком продолжают сборники текстов для богослужения, религиозные трактаты, псалтыри, проповеди, хроники, разнообразные лечебники и книги по естествознанию. Особенно большое значение в истории формирования немецкого национального языка имеет 16-й век. Это век реформации, крестьянской войны и политических движений в стране, которые стимулировали реновацию литературного языка. На немецком языке составляются воззвания, политические памфлеты, агитационные брошюры, листовки и различные сатирические сочинения. В 15–16 вв. впервые появляется также большинство знаков препинания. К середине 16-го века, к Мартину Лютеру и традиции печатников эпохи Реформации, восходит обычай выделять при помощи заглавной буквы наиболее важные для понимания текста слова, прежде всего существительные. Эпоха барокко написание существительных с заглавной буквы сделала правилом. Исторически подчёркивают начало Реформации в день издания Мартином Лютером своих знаменитых 95 тезисов с критикой католицизма 31 октября 1517 г. [4, с. 446]. Профессор теологии университета Виттенберга в Саксонии Мартин Лютер резко критикует индульгенцию, необходимость посредников между Богом и людьми. Мартин Лютер убеждён, что Библия должна быть понятна простому народу и переводит Библию в 1522–1534 гг., создав этим основы немецкого национального языка. Следует отметить, что Мартин Лютер был не единственным и не первым переводчиком Библии на немецкий язык. С 1461-го по 1520-й год насчитывается восемнадцать переводов Библии. Уникальность перевода Мартина Лютера в том, что ему удалось удалить канцелярские штампы и каноны латинской риторики из немецкого языка. Мартин Лютер нашёл в народной разговорной речи небывалые ранее выразительные средства, образность и живость языка. Разрыв между письменной и устной формами языка получило нивелировать. Его «Новый Завет» только до 1558 г. выдержал 72 издания. Лютеровскому образцу последовали переводы Библии на другие германские языки. В 1541 г. Библия переведена на шведский язык, в 1550 г. – на датский, а в 1558 г. – на нидерландский [5, с. 7–8]. Неспроста великий немецкий писатель И.В. Фон Гёте писал, что немцы стали народом только с помощью Мартина Лютера. Следствием Реформации и крестьянской войны, что охватило всю Германию, был повышенный интерес к родному немецкому языку. Неслучайно, очевидно, именно в сочинениях Мартина Лютера впервые было использовано и прочно вошло в литературный язык слово «*Muttersprache*» («родной язык»), до того бытовавшее только в области нижне-немецкого диалекта и вытеснившие «*Landsprache*» («язык своей феодальной земли»). Реформация победила «в значительной части северной и средней Германии и во многих крупных городских центрах южной Германии (Аугсбург, Нюрнберг, Страсбург и др.)» [4, с. 452]. Как следствие, в этих частях получил распространение язык Библии Мартина Лютера, созданный на основе саксонского канцелярского языка. Южно-немецкие диалекты и максималианский канцелярский язык стали связываться с католичеством. Поскольку контрреформация, т.е. попытка свести на нет позиции лютеранства в германских землях, закончилась неудачей, именно язык Библии Мартина Лютера заложил основы национального немецкого языка [2, с. 360–361]. Современная ситуация содержит отголоски Реформации в современной Германии, которые проявляются в том, что конфессиональное распределение по федеральным землям сегодня выглядит примерно так же, как и во времена Реформации: католический юг

и протестантский север. Однако сегодня у этих земель есть один общий литературный язык, который, при всём диалектальном и культурном разнообразии, объединяет всех немцев в одну немецкую нацию.

В заключение, следует отметить, что история цивилизаций и письменностей свидетельствует о том, что все древние письменности и подавляющее большинство новых систем письма создавались для культово-религиозных целей. Перевод Библии М. Лютера «оказал влияние не только на формирующиеся нормы литературного немецкого языка, но и на библейские переводы на других германских языках» [4, с. 446]. Данный перевод стал предпосылкой превращения языка народа в народный, национальный язык. Таким образом, распространение лютеранства и с ним перевода Библии послужило поводом для развития современного немецкого литературного языка, который используется не только в Германии, но и в Лихтенштейне, Австрии, Швейцарии, и других немецкоязычных странах, и является родным практически для ста миллионов жителей.

Литература

1. Арсеньев М.Г., Балашова С.П., Берков В.П., Соловьева Л.Н. Введение в германскую филологию. – М.: ГИС, 2000. – 314 с.
2. Байер Б. История человечества / Байер Б., Бирнштайн У., Гельхофф Б., Шютт Э.-К.; пер. с нем. Н.А. Врублевская и др. – М.: АСТ Астрель, 2002. – 640 с.
3. Руденко Е.Н. Введение в германскую филологию: курс лекций. – Минск: БГУ, 2008. – 167 с.
4. Яковенко Я.Б. Роль Реформации в истории германских языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (817). – С. 446–458.
5. Ewaldz A. Martin Luther: Vater einer allgemeinen Sprache? // Undergraduate German Research Conference. Paper 1. Illinois: Illinois Wesleyan University, 2014. – 14 p.
6. Melzer F. Christentum und deutsche Sprache // Zeitschrift für Pädagogik und Theologie. 1959. Ausg. 11. Nr. 9. – S. 233–241.
7. Siebenhaar B. Der Sächsische Dialekt // Sächsische Mythen / M. Donath, A. Thieme (Hgs.). Leipzig: Edition Leipzig, 2011. – S. 91–99.

CONFESSIONAL FACTORS IN SOCIAL HISTORY OF THE GERMAN LANGUAGE

Ivanova T.V., Afanasev M.Y.

Moscow Pedagogical State University, Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the study of confessional factors role in the history of the modern German language formation. The authors analyze the language situation, against which the traditional periodization of the German language was being formed, which was first established by Jacob Grim and outlined the main milestones of language development. In accordance with this periodization, the history of the German language is divided into three main periods: Old High German, Middle High German, New High German.

Keywords: Confessional factors, the German language, periodization of the German language, glossary, national language norm.

References

1. Arsenyev M.G., Balashova S.P., Berkov V.P., Solovyova L.N. Introduction to Germanic Philology. – M.: GIS, 2000. – 314 p.
2. Bayer B. Istoriya humanoda / Bayer B., Birnstein W., Gelhoff B., Schütt E.-K.; per. s nem. N.A. Vrublevskaya et al. – M.: AST Astrel', 2002. – 640 p.
3. Rudenko E.N. Introduction to German philology: a course of lectures. – Minsk: BGU, 2008. – 167 p.
4. Yakovenko Ya.B. The Role of the Reformation in the History of Germanic Languages // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Humanities. 2019. № 1 (817). – S. 446–458.
5. Ewaldz A. Martin Luther: Vater einer allgemeinen Sprache? Undergraduate German Research Conference. Paper 1. Illinois: Illinois Wesleyan University, 2014. – 14 p.
6. Melzer F. Christentum und deutsche Sprache // Zeitschrift für Pädagogik und Theologie. 1959. Ausg. 11. Nr. 9. – S. 233–241.
7. Siebenhaar B. Der Sächsische Dialekt // Sächsische Mythen / M. Donath, A. Thieme (Hgs.). Leipzig: Edition Leipzig, 2011. – S. 91–99.